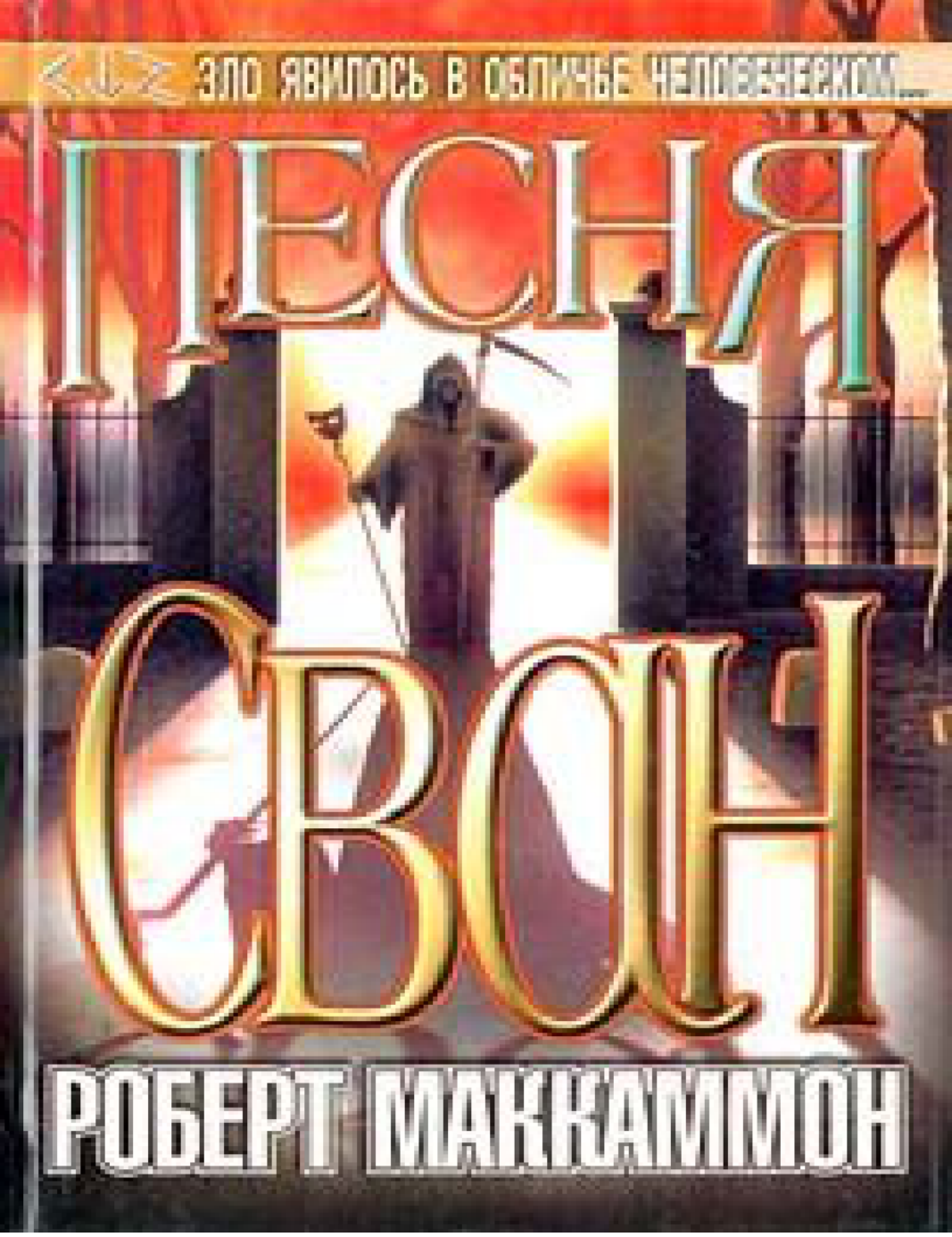
ЗЛО ЯВИЛОСЬ В ОБЛИЧЬЕ ЧЕЛОВЕКА...

ПЕСНЯ СВОЯ



РОБЕРТ МАККАММОН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Зло явилось в страну, которая некогда поклялась “жить по закону Божьему и людскому”, но стала жить – по закону жадности и ненависти.

Зло явилось во облике человеческом – во облике Человека Многоликого. Человека, точно знающего, КАК воздействовать на каждого из встреченных им на страшном его Пути.

Ибо темная бездна ненависти, зависти и вожделения – есть душа человеческая. Душа всякого – кроме Того, кого ищет Многоликий. Кроме – ребенка, имя которому – Сван.

Погибнет Сван – и не остановить уже грядущий Кошмар.

Кто встанет на смертном пути Тьмы?..

ОЗОН

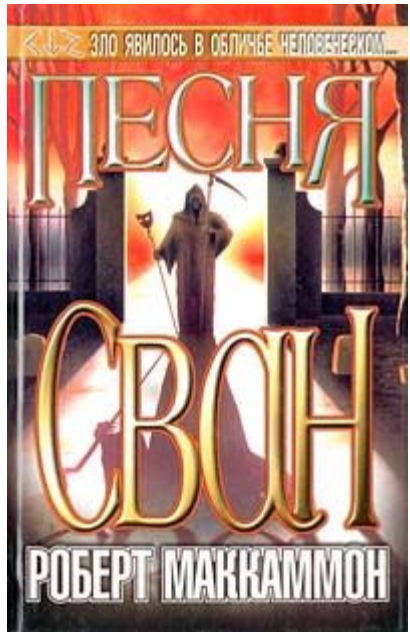
* * *

В результате глобальной ядерной войны в США в живых осталась лишь небольшая часть населения. Но многие выжившие могут позавидовать мертвым. Голод, холод, радиация. Разрозненные группы людей бредут в поисках безопасного укрытия, но находят лишь смерть и разрушение. Некоторые из них готовы на все, лишь бы выжить. И не просто выжить, а извлечь максимум пользы для себя в этой ситуации, получить власть над окружающими людьми, не останавливаясь ни перед каким, даже самым жесточайшим насилием над себе подобными. А для некоторых из них смерть других – это величайшее удовольствие и развлечение. Но книга не только об этом. Эта книга не только о смерти и жестокости. Это еще и книга о чуде Жизни. О Жизни и Красоте, которые, не смотря ни на что, противостоят Смерти и Злу. Это книга о людях, которые, даже сами того не ведая, несут надежду почти мертвому миру на возрождение.

- Роберт МакКаммон
  - КНИГА ВТОРАЯ
    - Часть восьмая
      - Глава 48. Последняя яблоня
      - Глава 49. Избегайте метки Каина
      - Глава 50. Сделано доброе дело
      - Глава 51. Маска Иова
      - Глава 52. Путешествующий в одиночку

- Глава 53. Новая правая рука
- Глава 54. Белые цветы
- Часть девятая
  - Глава 55. Знаки и символы
  - Глава 56. Задачка для хирурга
  - Глава 57. Тысячи мерцающих свечей
  - Глава 58. Швея
- Часть десятая
  - Глава 59. Раскрытие руки
  - Глава 60. Свон и здоровяк
  - Глава 61. Скромное желание
  - Глава 62. Дикий принц
  - Глава 63. Борись с огнем с помощью огня
- Часть одиннадцатая
  - Глава 64. Мы все здесь недолгие гости
  - Глава 65. Императрица
  - Глава 66. То, что могло быть
  - Глава 67. Это мужской мир
  - Глава 68. Маска Иова раскололась
  - Глава 69. Поцелуй
- Часть двенадцатая
  - Глава 70. Сын мистера Кейдина
  - Глава 71. Визит к Спасителю
  - Глава 72. Леди
  - Глава 73. Штурм крепости
  - Глава 74. Берлога
- Часть тринадцатая
  - Глава 75. Бесплодная земля
  - Глава 76. Приз Роланда
  - Глава 77. Что видел Старьевщик
  - Глава 78. Друг
  - Глава 79. Решение Свон
  - Глава 80. Беспокойство Робина
  - Глава 81. Горький дым
  - Глава 82. Поток смерти и разрушения
  - Глава 83. Железные когти
  - Глава 84. Специалист по эффективности
- Часть четырнадцатая
  - Глава 85. Самый великий вор
  - Глава 86. Клад
  - Глава 87. Магическая сила
  - Глава 88. Способ освободиться
  - Глава 89. Самая великая сила
  - Глава 90. Замечательное новое лицо

Роланда
- Глава 91. Царство Божие
- Глава 92. Машина
- Глава 93. Погребальная песня Свон
- Глава 94. Место для успокоения
- Глава 95. Клятва.



Роберт МакКаммон
Песня Свон

КНИГА ВТОРАЯ

Часть восьмая
Жаба с золотыми крыльями

Глава 48. Последняя яблоня

Снег сыпался с угрюмого неба, заметая узкую сельскую дорогу там, где за семь лет до этого был штат Миссури.

Пегая лошадь – старая и с провисшей спиной, но еще с сильным сердцем и способная работать – тащила маленький, неумело построенный фургон, покрытый залатанным темно–зеленым брезентовым верхом. Он представлял собой странную смесь различных трейлеров. Каркас фургона был сделан из дерева, но у него имелись железные оси и резиновые шины. Брезентовый верх был двуместной палаткой, рассчитанной на любую погоду, натянутой на вырезанные из дерева ребра. На каждой стороне брезента была надпись “Путешествующее шоу”, сделанная белым, а под ней меньшие буквы объявляли: “Магия! Музыка!” и “Победите Мефистофеля в маске!”

Пара тонких досок служила сиденьем и подставкой для ног водителю фургона, который сидел, закутавшись в старое шерстяное пальто, начинающее расползаться по швам. Он носил ковбойскую шляпу, поля которой отяжелели от инея и снега, а на ногах были разбитые старые ковбойские сапоги. По перчаткам на руках ощутимо бил жгучий ветер, и шерстяной шотландский шарф был обмотан снизу вокруг лица; только его глаза – цвета между ореховым и топазовым – и участок шершавой морщинистой кожи были открыты стихиям.

Фургон медленно двигался через покрытую снегом местность, минуя черные, густые леса, оставшиеся голыми, без листвы. Изредка то с одной, то с другой стороны дороги попадались сарай или ферма, обвалившиеся под грузом снега семилетней зимы, и единственными признаками жизни были черные вороны, судорожно долбящие клювами мерзлую землю.

В нескольких ярдах позади фургона устало тащилась большая фигура в длинном, развевающемся сером пальто, хрустя сапогами по снегу. Человек держал руки, засунув их в карманы коричневых вельветовых брюк, а его голова вся целиком была закрыта черной лыжной маской, глаза и рот были в красных кругах. Его плечи согнулись под ударами ветра, а ноги болели от холода. Примерно в десяти футах за ним бежал терьер, шкура которого побелела от

снега.

Я чувствую запах дыма, подумал Расти и сузил глаза, чтобы всмотреться в белую завесу перед ним. Потом ветер переменил направление, терзая его с другой стороны, и запах горящего дерева, если это действительно был он, исчез. Но спустя еще несколько минут он подумал, что они, должно быть, находятся рядом с цивилизацией; справа на широком стволе дуба без листвы, наспех, красной краской было написано: “Хороните своих мертвецов”.

Такие надписи попадались им везде, обычно оповещая, что они прибыли в заселенную местность. Впереди могла бы быть или деревня, или призрак города, полный скелетов,– в зависимости от последствий радиации.

Ветер снова изменил направление, и Расти уловил тот аромат дыма. Они поднимались на некрутой подъем. Мул старался изо всех сил, но не спешил. Расти не подгонял его. Что толку? Если бы они нашли приют на ночь, это было бы прекрасно; если нет, то они что–нибудь предпримут еще. За семь долгих лет они научились тому, как можно быстро устроиться на ночлег и использовать все, что им удалось найти, с наилучшей выгодой для себя. Выбор был прост: выжить или умереть, и много раз Расти Витерсу казалось, что он бросит все и упадет, но Джош или Свон заставляли его продолжать идти, подбадривая шутками или колкостями – точно так же, как он заставлял их продолжать жить все эти годы. Они были командой, включающей в себя также Мула и Убийцу, и в самые холодные ночи, когда им приходилось спать почти не имея никакого крова над головой, тепло двух животных спасало Расти, Джоша и Свон от смерти, от мороза.

К тому же, думал Расти со слабой, мрачной улыбкой под шотландским шарфом, представление должно продолжаться при любых обстоятельствах!

Когда они одолели подъем и стали спускаться на извилистую дорогу, Расти заметил справа желтый огонек сквозь падающий снег. Свет на минуту загородили мертвые деревья, но потом он появился снова, и Расти был уверен, что это свет от фонаря или огня. Он знал, что звать Джоша бесполезно из–за ветра и еще из–за того, что Джош не слишком хорошо слышит. Он придержал Мула и нажал ногой на деревянный рычаг, стопорящий переднюю ось. Потом он спрыгнул с сиденья и пошел назад, чтобы показать Джошу свет и сказать ему, что он собирается следовать туда.

Джош кивнул. Только один глаз смотрел через черную лыжную маску. Другой был загорожен серым, струпообразным наростом мяса.

Расти взобрался обратно на сиденье фургона, высвободил

тормоз и мягко стегнул лошадь по крупу. Мул пошел без раздумий, и Расти понял, что он чувствует запах дыма и знает, что убежище должно быть близко. Другая дорога, теперь не мощеная, огибала справа покрытые снегом поля. Отблеск света стал сильнее, и вскоре Расти смог различить впереди ферму, свет пробивался через ее окно. Возле дома находились другие строения, включая маленький сарай. Расти заметил, что деревья вырублены вокруг дома во всех направлениях, и сотни пней торчат из–под снега. Только одно мертвое дерево, маленькое и тонкое, стояло в тридцати ярдах перед домом. Он почувствовал аромат горящего дерева и решил, что деревья были израсходованы в чьем–то камине. Но горящее дерево теперь пахло не так, как до 17 июля, радиация просочилась в леса; у дыма был химический запах, как у горящего пластика. Расти вспомнил сладкий аромат чистых бревен в камине и осознал, что тот особый запах потерян навсегда, так же как и вкус чистой воды. Теперь вся вода отдавала скунсом и оставляла пленку во рту; выпитая вода из талого снега, который являлся по существу единственным оставшимся источником воды для земли, приносила головные и желудочные боли и нарушения зрения, если ее употребляли в слишком больших дозах. Свежая вода, такая как родниковая или в бутылках из оставшихся запасов, была теперь так же ценна, как французское вино в том прежнем мире.

Расти остановил Мула перед домом и затормозил фургон. Сердце его забилось сильнее. Теперь – трюковая часть, подумал он. Много раз их обстреливали, когда они останавливались, чтобы попросить приюта, и на левой щеке Расти сохранился шрам от пули.

Но в доме не было видно никакого движения. Расти потянулся назад и частично расстегнул клапан палатки. Внутри, распределенные по фургону так, чтобы удерживать груз в равновесии, находились их скудные запасы: несколько пластиковых кувшинов с водой, немного банок с консервированными бобами, сумка с брикетами древесного угля, запасная одежда и одеяла, спальные мешки и старая акустическая гитара, на которой Расти учился играть. Музыка всегда привлекала людей, давала им что–то, что разбивает монотонность их жизни. В одном городе благодарная женщина дала им цыпленка, когда Расти, старательно перебирая струны, сыграл для нее “Лунную реку”. Он нашел гитару и кипу песенников в мертвом городе Стерлинге, штат Колорадо.

– Где мы,– спросила девушка из глубины палатки. Она лежала съежившись в своем спальном мешке, слушая неустанное

завывание ветра. Ее речь была искажена, но когда она говорила медленно и тщательно, Расти ее понимал.

– Мы находимся у дома. Может быть, мы сможем воспользоваться их сараем для ночлега. – Он взглянул на красное одеяло, в которое были завернуты три винтовки. Пистолет калибра 9 мм и коробки с пулями лежали в ящике из–под обуви и до них было легко дотянуться правой рукой. Как любила говорить мне моя старая мама, подумал он, борись с огнем с помощью огня. Он хотел быть готовым к любым осложнениям, и поэтому начал вытаскивать пистолет, спрятанный под пальто, когда стал подходить к двери.

Свон прервала его мысли, сказав:

– Вероятное всего, что в тебя выстрелят, если увидят у тебя ружье.

Он задумался, вспомнив, что держал винтовку, когда та пуля рассекла его щеку.

– Да, я тоже так считаю,– согласился он. – Пожелай мне удачи.

Он снова застегнул полог и спрыгнул с фургона, глубоко вдохнул зимний воздух и направился к дому. Джош, наблюдая, стоял возле фургона, а Убийца помечал ближайший пень.

Расти хотел постучать в дверь, но как только он поднял кулак, в центре двери открылось окошко и оттуда плавно выскользнуло дуло винтовки и уставилось ему в лицо. О, черт, подумал он, его ноги онемели и он беспомощно застыл.

– Кто ты и чего ты хочешь? – спросил мужской голос.

Расти поднял руки.

– Меня зовут Расти Витерс. Мне и двум моим друзьям нужно место для ночлега, прежде чем совсем станет темно. Я заметил ваш свет с дороги, и, вижу, что у вас есть сарай, поэтому я поинтересовался…

– Откуда вы приехали?

– С запада. Мы проехали через Ховс Милл и Биксби.

– От этих городов ничего не осталось.

– Я знаю. Пожалуйста, мистер, все, чего мы хотим – это место для ночлега. У нас есть лошадь, для которой тоже надо бы использовать сарай в качестве крыши над головой.

– Сними–ка этот платок и дай мне посмотреть на твое лицо. На кого ты пытаешься походить? На Джесси Джеймса?

Расти сделал то, что сказал ему мужчина. На минуту воцарилось молчание. Здесь ужасно холодно, мистер,– сказал Расти. В наступившей тишине Расти мог слышать, что человек говорит с кем–то еще, но не мог разобрать, что он сказал. Потом дуло винтовки внезапно убралось в дом, и Расти вздохнул

свободно. Дверь разблокировали, вынув несколько болтов, потом открыли.

Исхудалый, изможденный мужчина, лет шестидесяти или около того, с вьющимися белыми волосами и неопрятной белой бородой отшельника, стоял перед ним, держа винтовку в стороне, но все еще в боевой готовности. Лицо мужчины было таким грубым и морщинистым, что напоминало изрезанный камень. Взгляд его темно–коричневых глаз переместился с Расти на фургон.

– Что это там на нем написано? “Путешествующее шоу”? Что, во имя всех евреев, это такое?

– Только то, что сказано. Мы… мы артисты.

Пожилая, беловолосая женщина в синих штанах и поношенном белом свитере осторожно выглянула из–за плеча мужчины.

– Артисты,– повторил мужчина и сморщился, как будто почувствовал плохой запах. Его взгляд вернулся к Расти. – У вас, артистов, есть какая–нибудь еда?

– У нас немного консервов: бобы и овощи.

– У нас – котелок с кофе и немного соленой свинины. Загоните ваш фургон в сарай и приносите ваши бобы. – Потом он закрыл дверь перед лицом Расти.

Когда Расти завел фургон в сарай, он и Джош соединили постромки Мула так, чтобы лошадь могла съесть небольшую связку соломы и немного сухих кочерыжек кукурузных початков. Джош налил воды в ведро для Мула и нашел выброшенный кувшин, чтобы налить в него воды для Убийцы. Сарай был сооружен умело и защищал от ветра, так что животные не будут страдать от мороза, когда стемнеет и наступит настоящий холод.

– Как ты думаешь? – Джош тихо спросил Расти. – Может она войти внутрь?

– Я не знаю. Они кажутся нормальными, но немного нервными.

– Она могла бы погреться, если у них горит огонь. – Джош подышал на руки и согнулся, чтобы помассировать ноющие колени. – Мы могли бы убедить их, что это незаразно.

– Мы ведь не знаем, что это так.

– Ты же не заразился этим, не так ли? Если бы это было заразно, ты подхватил бы это давным–давно, ты так не думаешь?

Расти кивнул.

– Да. Но как мы можем заставить их поверить в это?

Задний полог брезентового верха фургона внезапно открыли изнутри. Искаженный голос Свон произнес оттуда:

– Я останусь здесь. Я не хочу никого пугать.

– Там огонь,– сказал ей Джош, подойдя сзади к фургону. Свон стояла согнувшись, вырисовываясь на фоне тусклого света лампы. – Я думаю, все будет нормально, если ты войдешь.

– Нет. Ты можешь принести мне еду сюда. Так будет лучше.

Джош взглянул на нее. Вокруг ее плеч было обернуто одеяло, в него также была завернута ее голова. За семь лет она сбросила около пяти футов, стала долговязой и с длинными конечностями. Все это разбивало ему сердце – ведь он знал, что она права. Если люди в том доме окажутся нервными, то будет лучше, если она останется здесь.

– Ладно,– сказал он сдавленным голосом. – Я принесу тебе что–нибудь поесть. – Потом отвернулся от фургона, чтобы не закричать.

– Кинь мне несколько банок тех бобов, ладно,– попросил ее Расти. Она подняла Плаксу и с ее помощью нашла консервы, потом взяла пару банок, положила их в руки Расти.

– Расти, если они могут дать какие–нибудь книги, то я была бы благодарна,– сказала она. – Все, что смогут.

Он кивнул, изумляясь, что она еще может читать.

– Мы недолго,– пообещал Расти, и вслед за Джошем вышел из сарая.

Когда они ушли, Свон откинула деревянный задний борт фургона и опустила маленькую стремянку на землю. Исследуя ивовым прутом ступеньки, она спустилась по лестнице и пошла к дверям сарая, ее голова и лицо все еще были завернуты в одеяло. Убийца бежал рядом с ее обутыми в сапоги ногами, яростно виляя хвостом и лая, чтобы привлечь ее внимание. Его лай уже не был таким оживленным, как семь лет назад, и он уже не прыгал и не резвился как раньше.

Свон остановилась, положила Плаксу и подняла Убийцу. Потом она с шумом открыла дверь сарая и повернула голову влево, вглядываясь сквозь падающий снег. Ферма выглядела такой теплой, такой гостеприимной, но она знала, что будет лучше, если она останется там, где была. В тишине ее дыхание звучало как астматический хрип.

Сквозь снег она могла различить одиноко стоящее дерево в пятне света из переднего окна. – Почему только одно дерево? – удивилась она. – Почему он спилил все деревья и оставил это одно одиноко стоять?

Убийца напрягся и лизнул темноту там, где было ее лицо. Она стояла, глядя на то одинокое дерево чуть более минуты, потом закрыла дверь сарая, подняла Плаксу и прощупала свой путь к Мулу, чтобы погладить его плечи.

В доме в каменном очаге пылал огонь. Над огнем кипел

чугунный котелок с соленой свининой в овощном бульоне. Оба – пожилой мужчина с суровым лицом и его более робкая жена – заметно вздрогнули, когда Джош Хатчинс, следуя за Расти, вошел в парадную дверь. Его размеры, больше чем его маска, испугали их; хотя он и сильно потерял в весе за последние пять лет, он нарастил мускулы и все еще имел грозный вид. Руки Джоша были испещрены белыми пигментами, и пожилой мужчина бесцеремонно смотрел на них, пока Джош не спрятал их в карманы.

– Вот бобы,– нервно сказал Расти, предлагая их мужчине. Он заметил, что винтовка прислонена к очагу, как раз в пределах досягаемости, если старик решит прибегнуть к ней.

Банки бобов были приняты, и старик отдал их женщине. Она нервно глянула на Джоша и потом ушла в заднюю часть дома.

Расти стянул свои перчатки и пальто, положил их на стул и снял шляпу. Его волосы стали почти седыми, особенно белыми они были на висках, хотя ему было только сорок лет. Его борода клином стала с проседью, шрам от пули бледнел на щеке. Он стоял перед камином, наслаждаясь его замечательным теплом.

– У вас здесь хороший огонь,– сказал он. – Наверняка прогонит дрожь.

Старик все смотрел на Джоша.

– Вы можете снять это пальто и маску, если хотите.

Джош выбрался из пальто. Под ним он носил два толстых свитера, один под другим, но не сделал ни движения, чтобы снять черную лыжную маску.

Старик подошел ближе к Джошу, потом резко остановился, когда увидел серую опухоль, загораживающую правый глаз гиганта.

– Джош – борец,– быстро сказал Расти. – Мефистофель в маске – это он! Я фокусник. Понимаете, мы – странствующее шоу. Мы ездим из города в город и выступаем за то, что нам дают люди. Джош борется с любым, кто захочет победить его, и если этот другой парень бросит Джоша к своим ногам, у всего города – бесплатное представление.

Старик отсутствующе кивнул, его взгляд был прикован к Джошу. Вошла женщина с жестянками, которые она открыла и вывалила их содержимое в котелок, потом помешала варево деревянной ложкой. Наконец старик сказал:

– Похоже, что кто–то все–таки разбил вам морду, мистер. Полагаю, что у города было бесплатное представление, а? – Он ухмыльнулся и засмеялся высоким, кудахчущим смехом. Нервы Расти как–то успокоились; он перестал думать, что сегодня будет какая–то перестрелка. – Я принесу нам котелок с кофе,– сказал

старик и вышел из комнаты.

Джош подошел, чтобы погреться у огня, и женщина стремительно отшатнулась от него, как будто он разносил чуму. Не желая пугать ее, он пересек комнату и встал у окна, глядя на море пней и на одиноко стоящее дерево.

– Меня зовут Сильвестр Мууди,– сказал старик, возвратившись с подносом и неся на нем коричневые глиняные кружки. – Люди называют меня Слай, в честь того парня, который умел делать все в той многосерийной потасовке.

Он поставил поднос на маленький сосновый столик, потом подошел к каминной полке и взял толстую асбестовую перчатку. Надев ее, он протянул руку в камин и снял с гвоздя, вбитого в заднюю стену, обожженный металлический кофейник.

– Хороший и горячий,– сказал он, и начал разливать черную жидкость в чашки. – Молока или сахара у нас нет, так что и не просите. – Он кивнул на женщину. – Это моя жена, Карла. Она всегда нервничает по поводу незнакомцев.

Расти взял одну из горячих чашек и выпил кофе с огромным удовольствием, хотя жидкость была настолько крепкой, что могла бы свалить Джоша в борцовском матче.

– Почему одно дерево, мистер Мууди? – спросил Джош.

– А?

Джош все еще стоял у окна.

– Почему вы оставили это дерево? Почему не срубили его, как и остальные?

Слай Мууди взял чашку кофе и подал ее замаскированному гиганту. Он очень старался не смотреть на исполосованную белым руку, которая приняла чашку.

– Я живу в этом доме около тридцати пяти лет,– ответил он. – Это долгое время для житья в одном доме, на одном куске земли, а? О, у меня было отличное кукурузное поле вон там, сзади. – Он махнул в сторону задней части дома. – Мы выращивали немного табака и несколько грядок бобов, и каждый год я и Джинетта выходили в сад и… – Он остановился, заморгал и глянул на Карлу, которая смотрела на него широко раскрытыми глазами, явно шокированная. – Извини, дорогая,– сказал он. – Я имею в виду, я и Карла выходили в сад и приносили оттуда корзины прекрасных овощей.

Женщина, кажется, удовлетворенная, перестала помешивать в котелке и вышла из комнаты.

– Джинетта была моя первая жена,– объяснил Слай в полголоса. – Карла появилась примерно через два месяца после того, как все это случилось. Когда я однажды шел по дороге к ферме Рея Фитерстоуна – это около пяти миль отсюда, полагаю,–

я наткнулся на машину, которая съехала с дороги и стояла, наполовину обгоревшая, в сугробе. Ну, там был мертвый мужчина с синим лицом, а рядом с ним женщина, почти мертвая. На ее коленях лежал труп французского пуделя с выпущенными кишками, а в руке она сжимала пилку для ногтей. Я не хочу рассказывать вам, что она сделала, чтобы не замерзнуть. Так или иначе, она была настолько сумасшедшей, что не знала ничего, даже собственного имени или откуда она. Я назвал ее Карла – как первую девушку, которую я поцеловал. Она просто осталась, и теперь она думает, что живет на этой ферме со мной тридцать пять лет. – Он покачал головой, его глаза потемнели, и к нему вернулись часто посещавшие его мысли. – Тоже забавно – та машина была "Линкольн Континенталь", и когда я нашел ее, она была увешана бриллиантами и жемчугом. Я сложил все эти побрякушки в коробку из–под обуви и продал их за мешки муки и бекон. Думаю, что она никогда не увидит их снова. Приходили люди и растащили части машины, одну за одной, так что ничего не осталось. Так лучше.

Карла вернулась с несколькими мисками и начала ложкой разливать в них варево.

– Плохие дни,– мягко сказал Слай Мууди, глядя на дерево. Потом его глаза начали проясняться, и он слабо улыбнулся. – Это моя яблоня! Да, сэр! У меня был яблоневый сад прямо за этим полем. Собирал яблоки бушелями, но после того, как это случилось и деревья умерли, я начал рубить их на дрова. Ведь не хочется идти слишком далеко за дровами в лес, ах–ха! Рей Фитерстоун замерз до смерти в сотне ярдов от своей собственной парадной двери. – Он на мгновение остановился, потом тяжело вздохнул. – Я посадил эти яблони своими собственными руками. Смотрел, как они росли, смотрел как плодоносили. Вы знаете, что у нас сегодня?

– Нет,– сказал Джош.

– Я веду календарь. По одной метке каждый день. Извел множество карандашей. Сегодня – двадцать шестое апреля. Весна. – Он горько улыбнулся. – Я вырубил их все, кроме одного, и бросал в огонь полено за поленом. Но будь я проклят, если смогу ударить топором последнее. Черт меня побери, если я смогу.

– Еда почти готова,– объявила Карла. У нее был северный акцент, совершенно отличный от тягучего миссурийского говора Слая. – Идите есть.

– Постойте. – Слай посмотрел на Расти. – Помниться, ты сказал, что ты с двумя друзьями?

– Да. С нами еще путешествует девушка. Она… – Он быстро взглянул на Джоша, потом обратно на Слая. – Она в сарае.

– Девушка? Ладно, парень! Веди ее сюда, пусть она поест горячей пищи!

– Гм… Я не думаю…

– Иди и приведи ее! – настаивал он. – Сарай – не место для девушки.

– Расти? – Джош вглядывался в окно. Быстро опускалась ночь, но он еще мог видеть последнюю яблоню и фигуру, стоящую под ней.

– Пойди сюда на минутку.

Снаружи Свон, держа одеяло вокруг головы и плеч как капюшон, смотрела на ветки тоненькой яблони. Убийца, сделав пару кругов вокруг яблони, вполголоса залаял, желая вернуться в сарай. Над головой Свон ветки двигались как тощие, ищущие руки.

Она прошла вперед, ее сапоги погрузились в снег на пять дюймов, и она положила голую руку на ствол дерева.

Под ее пальцами был холод. Холод и то, что давно умерло.

Совсем также, как все остальное, подумала она. Все деревья, трава, цветы – все без листьев, выжжены радиацией много лет назад.

Но это – симпатичное дерево, решила она. Оно полно достоинства, как памятник, и не заслужило того, чтобы быть окруженным этими уродливыми пнями. Она знала, что тот ранящий звук в этом месте должен был быть долгим, как вопль агонии.

Ее рука легко двигалась по стволу. Даже в смерти, в этом дереве было что–то горделивое, что–то вызывающее и бунтарское – дикий дух, как сердце огня, которое никогда нельзя окончательно уничтожить.

Убийца тявкал на ее ноги, убеждая ее поспешить, чтобы она ни делала. Свон сказала:

– Хорошо, я…

Она замолчала. Ветер завывал вокруг нее, дергая за ее одежду.

Могло ли это быть? – удивилась она. Я и не мечтала об этом, не так ли?

Ее пальцы чувствовали покалывание. Хотя и едва достаточное, чтобы сопротивляться холоду.

Она положила ладонь на дерево. Чувство покалывания, как булавочные уколы, пронизывало ее руку – пока еще слабое, но растущее, становящееся сильнее.

Сердце ее застучало! Жизнь, осознала она. Здесь еще была жизнь, глубоко в дереве. Это было так давно – слишком давно, когда она ощущала биение жизни под своими пальцами. Ощущать

это снова было почти новым для нее, и она поняла, сколько она пропустила. То, что она ощущала теперь, было как мягкий электрический заряд, поднимающейся, казалось, из земли через подошвы ее сапог, двигающейся вверх по ее позвоночнику, по рукам и из руки – в дерево. Когда она отняла руку, пощипывание прекратилось. Она снова прижала пальцы к дереву, ее сердце застучало. Это был для нее подобно сильному шоку – она чувствовала, будто огонь поднимается по ее спинному мозгу.

Ее затрясло. Ощущения становились сильнее, теперь почти болезненными, кости ныли от пульсаций энергии, проходящей через нее в дерево. Когда она уже больше не могла выносить это, она оторвала руку от дерева. Ее пальцы продолжало покалывать.

Но она еще не закончила. Импульсивно, она вытянула указательный палец и стала выводить на стволе дерева буквы: С… В… О… Н.

– Свон! – из дома донесся голос, окликающий ее. Она повернулась на звук, и когда она делала это, ветер дернул за ее самодельный капюшон и сорвал его с головы и плеч.

Слай Мууди стоял между Джошем и Расти, держа фонарь. В его желтом свете он увидел, что у фигуры под яблоней нет лица.

Ее голова была покрыта серыми наростами, которые когда–то были маленькими черными бородавками, а теперь стали толще и распространились за эти годы по всей голове, связанные серыми ушками как ищущими, переплетенными венами. Опухоли покрывали ее череп словно узловатый шлем, скрывали ее человеческие черты и замазывали их, кроме маленького участка на ее левом глазу и рваной дыры перед ртом, через которую она дышала и ела.

Позади Слая пронзительно закричала Карла. Слай прошептал:

– О, боже мой…

Фигура без лица схватила одеяло и замотала свою голову, и Джош услышал ее душераздирающий плач, когда она кинулась в сарай.

Глава 49. Избегайте метки Каина

Темнота опустилась на покрытые снегом здания и дома того, что раньше было городом Брокен Боу, штат Небраска. Город окружала колючая проволока, и здесь и там куски бревен и ветошь горели в пустых жестянках из–под масла, ветер уносил оранжевые спиральные отблески в небо. На изгибающейся северо–западной дуге шоссе номер два лежали, замерзая, десятки трупов, прямо там, где они упали, и обломки обугленных машин все еще

трещали в огне.

В крепости, в которую превратился Брокен Боу за последние два дня, триста семнадцать больных и раненых мужчин, женщин и детей отчаянно пытались сохранить тепло вокруг огромного центрального костра. Дома Брокен Боу были разрушены на части и поддерживали пламя. Еще двести шестьдесят четыре мужчины и женщины, вооруженные винтовками, пистолетами, топорами, молотками и ножами, припали к земле в траншеях, наскоро вырытых в земле вдоль колючей проволоки на западной окраине города. Их лица были обращены на запад, к пронзительно завывающему ветру, убившему так многих. Они дрожали в своей изорванной одежде, но сегодня вечером они боялись смерти другого вида.

– Вон они! – крикнул мужчина с затвердевшей от льда повязкой на голове. Вон! Они идут!

Канонада выстрелов и взрывов эхом отозвалась вдоль траншей. Быстро были проверены винтовки и пистолеты. Траншеи вибрировали от нервного напряжения, и дыхание человеческих существ кружилось в воздухе, как алмазная пыль.

Они увидели головные огни, медленно покачивающиеся через бойню на шоссе. Потом жалящий ветер донес звуки их музыки. Это была карнавальная музыка, и по мере того как они приближались, худой, с ввалившимися глазами мужчина в поношенном овчинном пальто поднялся в центре траншеи и навел бинокль на приближающийся транспорт. Его лицо было испещрено темно–коричневыми келоидами. Он опустил бинокль, прежде чем холод мог затянуть окуляры.

– Прекратить огонь! – крикнул он влево. – Передайте дальше! – указание начали передавать по очереди. Он посмотрел направо и прокричал тот же самый приказ. Потом он застыл в ожидании, одной рукой в перчатке сжимая под пальто автоматический пистолет “Ингрем”.

Машина миновала горящий автомобиль. В красноватых отблесках можно было заметить, что на бортах этого грузовика остатки краски рекламировали различные сорта мороженого. Два громкоговорителя возвышались на кабине грузовика, а ветровое стекло было заменено металлической пластиной, в которой были прорезаны две узкие щели, через них смотрели водитель и пассажиры. Переднее крыло и решетка радиатора были заслонены металлом, из брони торчали зазубренные металлические шипы около двух футов длиной. Стекла обеих фар были укреплены лентой и покрыты проволочной сеткой. С обеих сторон грузовика располагались бойницы, а на верху грузовика находилась грубая, сделанная из листов металла орудийная башня и высовывалось

рыло тяжелого пулемета.

Бронированный грузовик, чей видоизмененный двигатель хрипел, переехал шинами, обтянутыми цепями, через труп лошади и остановился в пятидесяти ярдах от колючей проволоки. Веселая, записанная на магнитофон музыка продолжалась еще, может быть, минуты две и потом установилась тишина.

Молчание затянулось. Наконец послышался мужской голос через громкоговоритель:

– Франклин Хейз! Ты слушаешь, Франклин Хейз?

Тощий мужчина в овчинном пальто прищурил глаза, но ничего не сказал.

– Франклин Хейз! – продолжил голос насмешливо и оживленно. – Ты оказал нам честь, сражаясь с нами, Франклин Хейз! Армия Совершенных Воинов приветствует тебя!

– Пошел ты! – тихо проговорила дрожащая женщина средних лет в траншее рядом с Хейзом. На поясе у нее висел нож, в руке был пистолет, и зеленый келоид в форме листа лилии покрывал большую часть ее лица.

– Ты прекрасный командующий, Франклин Хейз! Мы не думали, что у тебя хватит силы уйти от нас в Даннинге. Мы думали, ты умрешь на шоссе. Сколько вас осталось, Франклин Хейз? Четыреста? Пятьсот? И сколько человек в состоянии продолжать борьбу? Может быть, половина из этого числа? Армия Совершенных Воинов насчитывает более четырех тысяч здоровых солдат, Франклин Хейз! Среди них и те, кто были под твоим руководством, но решили спасти свои жизни и перешли на нашу сторону!

Кто–то в траншее слева выстрелил из винтовки, и за этим последовало еще несколько выстрелов.

Хейз закричал:

– Не тратьте пули, черт бы их побрал! – Огонь уменьшился, потом прекратился.

– Твои солдаты нервничают, Франклин Хейз! – насмехался голос. – Они знают, что они на волосок от смерти!

– Мы не солдаты,– прошептал себе Хейз. – Ты, ненормальный ублюдок, мы не солдаты.

Каким образом его сообщество выживших – сначала насчитывавшее свыше тысячи людей, пытающихся восстановить город Скотсблаф – оказалось впутанным в эту безумную “войну”, он не знал.

В Скотсблаф приехал фургон, который вел длинный рыжебородый мужчина. Из него вышел хилый человек с бинтами, закрывающими все лицо, кроме глаз, прикрытых солнцезащитными очками. Забинтованный мужчина говорил

высоким, молодым голосом. Он сказал, что давно сильно обгорел; попросил воды и место, где можно провести ночь, но не позволил доктору Гарднеру даже дотронуться до своих бинтов. Сам Хейз, как мэр Скотсблафа, показал молодому человеку сооружения, которые они восстанавливали. Спустя какое–то время среди ночи двое мужчин уехали, а спустя три дня Скотсблаф был атакован и сожжен до основания. В его сознании до сих пор отдавались крики его жены и сына. Потом Хейз повел выживших на восток, чтобы спастись от маньяков, преследовавших их. Но Армия Совершенных Воинов имела больше грузовиков, машин, лошадей, трейлеров и бензина, больше оружия, пуль и “солдат”, и группа, которую вел Хейз, оставляя за собой сотни трупов.

Это был безумный кошмар без конца, осознал Хейз. Когда–то он был выдающимся профессором экономики в университете Вайоминга, а сейчас он чувствовал себя как затравленная крыса.

Фары бронированного грузовика горели как два злобных глаза.

– Армия Совершенных Воинов приглашает всех здоровых мужчин, женщин и детей, которые больше не хотят страдать, присоединиться к нам,– сказал голос из усилителя. – Только пересеките проволоку и идите на запад, и о вас прекрасно позаботятся – горячая еда, теплая постель, кров и защита. Принесите с собой ваше оружие и боезапасы, но держите стволы ваших ружей направленными в землю. Если вы здоровы и в здравом уме, и если вы не запятнаны меткой Каина, мы приглашаем вас с любовью и распростертыми объятиями. У вас есть пять минут, чтобы решить.

Метка Каина, хмуро подумал Хейз. Он слышал эту фразу от тех чертовых ораторов раньше, и он знал, что они имеют в виду или келоиды, или наросты, покрывающие лица многих людей. Они хотели только “незапятнанных” и “в здравом уме”. Но ему было интересно насчет того молодого человека с солнцезащитными очками и забинтованным лицом. Почему он носил те бинты, если сам не был “запятнан” “меткой Каина”?

Кто бы ни вел это сборище грабителей и насильников, он был вне всего человеческого. Каким–то образом он или она вдолбили в мозги более чем четырех тысяч своих последователей жажду крови, и теперь они убивали, грабили и сжигали сопротивляющиеся группировки ради того удовольствия, которое при этом получали.

Справа раздался крик. Двое мужчин пробивались к колючей проволоке. Они перелезли через нее, зацепившись пальто и брюками, но освободились и побежали к западу с винтовками, направленными в землю.

– Трусы! – крикнул кто–то. – Вы грязные трусы! – Но двое мужчин бежали не оглядываясь.

Пробежала женщина, за ней – еще мужчина. Потом мужчина, женщина и юноша выбрались из траншеи и помчались на запад. Все несли с собой оружие и боезапасы. Злые крики и проклятия летели им в спины, но Хейз не обвинял их. Ни на ком из них не было келоидов; почему они должны были оставаться здесь и быть уничтожены?

– Идите домой,– нараспев произносил голос из громкоговорителей, как вкрадчивое гудение проповедника. – Идите домой к любви и распростертым объятиям. Избегайте метки Каина и идите домой… идите домой… идите домой.

Множество людей подходили к проволоке. Они исчезали в темноте на западе.

– Не страдайте с нечистыми! Идите домой, избегайте метки Каина!

Раздался выстрел, и одна из фар грузовика разбилась бы вдребезги, если бы сетка не отклонила пулю от прямого направления. Свет продолжал гореть. Люди еще перебирались через изгородь и стремительно бежали на запад.

– Я никуда не собираюсь,– сказала Хейзу женщина с келоидом в форме листа лилии. – Я остаюсь.

Последним уходил десятилетний мальчик с дробовиком, карманы его пальто были набиты патронами.

– Пора, Франклин Хейз! – позвал голос.

Он вынул “Ингрем” и снял его с предохранителя.

– Пора! – взревел голос, и этот рев подхватили другие голоса, поднявшиеся вместе, смешавшись как единый нечеловеческий боевой вопль. Но это был шум двигателей, сжигающих топливо, хлопающих и шипящих, в полный голос взрывающих жизнь. И потом пошли фары – десятки фар, сотни фар, которые изогнулись в дугу по обеим сторонам шоссе номер два, перед траншеей. Хейз с ошеломляющим ужасом осознал, что другие бронированные грузовики, вооруженные тракторы–трейлеры и механические чудовища молча подобрались почти к барьеру из колючей проволоки, пока бронированный грузовик удерживал их внимание. Фары били в лица тех, кто был в траншеях, в то время как двигатели ревели и шины в цепях скрипели, двигаясь вперед, по снегу и замерзшим телам.

Хейз поднялся, чтобы крикнуть “Огонь!”, но стрельба уже началась. Вспышки выстрелов пульсировали вверху и внизу траншеи; пули отскакивали от металлической защиты шин, от щитов радиатора и стальных башен. Военные фургоны все продвигались, почти не спеша, и Армия Совершенных Воинов

держала ответный огонь.

Тогда Хейз закричал:

– Используйте бомбы! – Но его не слышали из–за шума. Траншейным бойцам не было необходимости напоминать, что надо припасть к земле, взять одну из трех имевшихся у каждого наполненных бензином бутылок, зажечь фитиль из ветоши, пропитанной нефтью, и бросить эту самодельную бомбу.

Бутылки взрывались, разметая стреляющий горящий бензин по снегу, но во вспыхивающем красном свете чудовища продолжали идти, невредимые, и сейчас некоторые из них переезжали колючую проволоку меньше чем в двадцати ярдах от траншеи. Одна бутылка нанесла прямой удар в смотровое отверстие бронированного ветрового стекла “Пинто”. Она взорвалась и выбросила горящий бензин. Водитель, крича, отшатнулся, его лицо было в огне. Он покачнулся в сторону проволоки, и Франклин Хейз убил его выстрелом из “Ингрема”. “Пинто” продолжал двигаться, разорвав баррикаду и раздавив четырех человек, прежде чем они смогли выкарабкаться из траншеи.

Машины разорвали баррикаду из колючей проволоки в клочья, и тут их башни и бойницы стали извергать винтовочный, пистолетный и пулеметный огонь, который прошелся по траншее, когда приверженцы Хейза попытались бежать. Десятки сползали обратно и оставались неподвижно лежать на грязном, запятнанном кровью снегу. Одна из жестянок с горящим маслом перевернулась, коснувшись неиспользованных бомб, которые начали взрываться в траншее. Везде был огонь и летящие пули, корчащиеся тела, вопли и смятение.

– Назад! – вопил Франклин Хейз. Защитники кинулись ко второму барьеру, в пятидесяти футах позади – пятифутовой стене кирпичей, деревяшек и окоченевших тел их друзей и знакомых, сложенных один на другой, как штабель дров.

Франклин Хейз видел солдат, быстро приближающихся за первой волной техники. Траншея была достаточно широка, чтобы “поймать” любую машину или грузовик, которые попытаются пройти, но инфантерия Армии Совершенных Воинов быстро переберется через нее – и сквозь дым и падающий снег казалось, что их тысячи. Он слышал их боевой клич – низкий, животный вопль, который почти потряс землю.

Потом бронированный радиатор грузовика уставился ему в лицо, и он выбросился из траншеи, когда машина остановилась в двух футах от него и выстрелила. Пуля пронеслась мимо его головы, и он споткнулся о тело женщины с келоидом в виде листка лилии. Потом он поднялся и побежал, а пули ударялись в

снег вокруг него. Он вскарабкался на стену из кирпичей и тел и снова оказался лицом к атакующим.

Взрывы начали разносить стену на куски, летала металлическая шрапнель. Хейз понял, что они используют ручные гранаты – что–то, что они сберегли до сегодняшнего дня – и он продолжал стрелять в бегущие фигуры до тех пор, пока его руки не покрылись пузырями от “Ингрема”.

– Они прорвались справа! – кричал кто–то. – Они наступают!

Толпы людей бежали по всем направлениям. Хейз полез в карман, нашел еще обойму и перезарядил автомат. Один из вражеских солдат влез на стену, и у Хейза было время разглядеть, что его лицо было разрисовано чем–то, что было похоже на индейскую боевую раскраску, прежде чем мужчина понесся, вынув нож, в сторону дерущихся женщин в нескольких футах. Хейз выстрелил ему в голову и перестал стрелять, когда солдат подпрыгнул и упал.

– Бегите! Отходите назад! – визжал кто–то.

Другие голоса, другие вопли превосходили завывания шума:

– Мы не можем сдерживать их! Они прорвались!

Мужчина, по лицу которого струилась кровь, схватил Хейза за руку.

– Мистер Хейз! – закричал он. – Они прорвались! Мы не можем больше их сдерживать…

Его крик был прерван лезвием топора, опустившегося ему на череп.

Хейз отшатнулся. “Ингрем” выпал у него рук, и он упал на колени.

Топор свободно опустился, и труп упал на снег.

– Франклин Хейз? – спросил мягкий, почти нежный голос.

Он увидел фигуру с длинными волосами, стоящую над ним, но не смог различить ее лица. Он устал, весь выдохся.

– Да,– ответил он.

– Пора на покой,– сказал мужчина и поднял свой топор.

Когда тот опустился, карлик, который взобрался наверх разрушенной стены, запрыгал и захлопал в ладоши.

Глава 50. Сделано доброе дело

Потрепанный “Джип” с одной целой фарой появился из снега на шоссе номер 63 штата Миссури и въехал в то, что раньше было городом. Фонари горели на нескольких клинообразных деревянных домах, но в остальном на улицах царила темнота.

– Останови здесь. – Сестра указала на кирпичное строение на правой стороне. Окна здания были заколочены досками, но

вокруг на земляной автостоянке теснились несколько старых машин и грузовики–пикапы. Когда Пол Торсон завел “Джип” на стоянку, единственная фара осветила надпись, написанную красным на одном из заколоченных окон: “Таверна “Ведро Крови”.

– Вы уверены, что хотите остановиться именно в этом месте? – поинтересовался Пол.

Она кивнула, ее голова была покрыта капюшоном темно–синей парки.

– Там, где есть машины, кто–нибудь должен знать, где найти бензин. – Она взглянула на показатель горючего. Стрелка колебалась возле “Пусто”. – Может быть, здесь мы сможем выяснить, где, черт возьми, мы находимся.

Пол выключил обогреватель, потом единственную фару и двигатель. Он был одет в поношенную кожаную куртку поверх красного шерстяного свитера, с шарфом вокруг шеи и с коричневой шерстяной кепкой на голове. Его борода была пепельно–серой, также как и волосы, но глаза оставались все еще властными, незамутненными, ярко–синими на сильно морщинистой, выжженной ветром коже лица.

Он придирчиво взглянул на показатели на приборной панели и вылез из “Джипа”. Сестра забралась в задний отсек, где разнообразие брезентовых сумок, картонных коробок и ящиков было укреплено для сохранности цепью и заперто на висячий замок. Прямо за ее сиденьем лежала потрепанная коричневая кожаная сумка, которую она достала рукой в перчатке и взяла с собой.

Из–за двери доносились звуки неумелой игры на пианино и взрывы хриплого мужского смеха. Пол собрался с духом и открыл ее, входя внутрь с Сестрой, следующей за ним по пятам. Дверь, соединенная со стеной тугими пружинами, с лязгом захлопнулась за ними.

Музыка и смех немедленно стихли. Подозрительные глаза уставились на новых пришельцев.

В центре комнаты, рядом с отдельно стоящей чугунной плитой, шестеро мужчин за столом играли в карты. Мгла желтого дыма от самокруток висела в воздухе, рассеивая свет нескольких фонарей, свисавших с крюков на стенах. За другими столами сидели по два–три мужчины и несколько грубо выглядевших женщин. Бармен в обтрепанной кожаной куртке стоял за длинным баром, который, заметил Пол, был весь в дырах от пуль. Горящие поленья отбрасывали красные отблески из камина на заднюю стену. За пианино сидела коренастая молодая женщина с длинными черными волосами с фиолетовым келоидом,

покрывавшим всю нижнюю часть ее лица и не закрытое горло.

Оба – Сестра и Пол – увидели, что большинство мужчин на поясах носят пистолеты в кобурах, и у них есть винтовки, подпирающие стулья.

Пол был на дюйм покрыт опилками, и в таверне пахло немытым телом. Раздавалось острое “пин!”, когда один из мужчин за центральным столом сплевывал табачный сок в ведро.

– Мы заблудились,– сказал Пол. – Что это за город?

Мужчина засмеялся. У него были черные сальные волосы и он был одет в то, что было похоже на пальто из собачьей шкуры. Он выдохнул в воздух дым коричневой сигареты.

– В какой город ты пытаешься попасть, парень?

– Мы просто путешествуем. Это место есть на карте?

Мужчины обменялись изумленными взглядами, и теперь смех распространился шире.

– Какую карту вы имеете в виду? – спросил еще один с сальными волосами.

– Выпущенную до семнадцатого июля или после?

– До.

– От этих карт никакого проку,– сказал другой мужчина.

У него было костлявое лицо, он был чисто выбрит и почти лыс. Четыре рыболовных крючка свисали из левой мочки его уха, и он носил кожаный жилет поверх красной клетчатой рубашке. На его тощей талии находились кобура и пистолет.

– Все изменилось. Города стали кладбищами. Реки вышли из берегов, поменяли направление и замерзли. Озера высохли. Там где были леса, теперь пустыня. Поэтому от прежних карт никакого проку.

Пол был согласен со всем этим. После семи лет путешествий зигзагами через десяток штатов осталось очень мало того, что могло бы удивить его или Сестру.

– Этот город когда–нибудь имел имя?

– Моберли,– сообщил бармен. – Моберли, штат Миссури. Здесь было пятнадцать тысяч человек. Теперь, я полагаю, мы опустились до трех или четырех сотен.

– Но это не радиация убила их! – иссохшая женщина с рыжими волосами и красными губами подала голос из–за другого стола. – А то дерьмо из гнилья, которое подаешь здесь ты, Дервин! – она хихикнула и подняла кружку маслянистой жидкости к своим губам, пока остальные смеялись и гикали.

– А, черт тебя подери, Лиззи! – Дервин не остался в долгу. – Твои кишки прогнили уже тогда, когда тебе было десять лет!

Сестра подошла к пустому столу и поставила на него сумку. Под капюшоном ее парки большая часть лица была закрыта

темно–серым шарфом. Не открывая сумку, она переместила изодранный в клочья, многократно сложенный дорожный атлас Рэнда Макнелли, разгладила его и открыла то место на карте, где был штат Миссури. В туманном свете она нашла тонкую красную линию шоссе номер 63 и, следуя по нему, точку, которая называлась Моберли, примерно в семидесяти пяти милях к северу от того, что было Джефферсон Сити.

– Мы здесь,– сказала она Полу, который подошел взглянуть.

– Великолепно,– сказал он ворчливо. – И что это нам говорит? В каком направлении мы идем от…

Сумка внезапно исчезла со стола, и Сестра, ошеломленная, посмотрела вверх.

Мужчина с костлявым лицом и в кожаном жилете держал ее сумку и отходил с усмешкой на тонкогубом рте.

– Гляньте, что я раздобыл себе, ребята! – кричал он. – Раздобыл себе неплохую новую сумку, не так ли?

Сестра стояла очень спокойно.

– Отдайте ее мне,– сказала она тихо, но твердо.

– Достань мне оттуда какую–нибудь дрянь, чтобы носить, когда в лесах слишком холодно! – отозвался мужчина, и остальные вокруг стола рассмеялись. Его маленькие черные глазки были обращены к Полу, следя за каждым его движением.

– Черт бы тебя побрал, Ирл! – сказал Дервин. – Зачем тебе понадобилась сумка?

– Затем, что я забрал ее, вот зачем! Давайте–ка посмотрим, что у нас там!

Ирл засунул в сумку руку и вытащил из нее одну пару носок, шарфы и перчатки. А потом его рука добралась до дна и появилась со стеклянным кольцом.

В его кулаке оно вспыхнуло кровавым цветом, и он уставился на него с открытым от удивления ртом.

В таверне была тишина, только потрескивали поленья в камине. Рыжеволосая ведьма медленно поднялась со своего стула.

– Пресвятая Божья Матерь,– прошептала она.

Мужчины вокруг карточного стола вытаращили глаза, а черноволосая девушка, отставив стул от пианино, прихрамывая подошла поближе.

Ирл держал стеклянное кольцо перед лицом, глядя, как убывают цвета и наблюдая, как кровь бежит по артериям. Но зажатое в его руке кольцо принимало отвратительные оттенки: тускло–коричневый, масляно–желтый и черный, как смоль.

– Это принадлежит мне. – Голос Сестры был заглушен шарфом. – Пожалуйста, верните его.

Пол сделал шаг вперед. Рука Ирла легла на рукоятку пистолета с реакцией стрелка, и Пол остановился.

– Ну что, понял, что не переиграешь меня, да? – спросил Ирл. Кольцо запульсировало быстрее, в течение секунды становясь все темнее и уродливее. Все, за исключением двух шипов, со временем отломились. – Драгоценности! – Ирл, наконец, осознал, откуда происходят цвета. – Это, должно быть, стоит целого состояния!

– Я просила вас вернуть это,– сказала Сестра.

– Раздобыл себе богатство, мать твою! – кричал Ирл, его глаза сверкали от жадности. – Разбив это чертово стекло и выковырнув камушки, я получу богатство! – Он сумасшедше ухмыльнулся, поднял кольцо над головой и стал хвастаться перед своими друзьями за столом. – Послушайте! У меня нимб, ребята!

Пол сделал еще один шаг, и немедленно Ирл повернулся к нему лицом. Пистолет уже покинул кобуру.

Но Сестра была готова. Короткоствольный дробовик, который она вытащила из–под парки, грянул, как гром Божий.

Ирла подкинуло над полом и он пролетел по воздуху, его тело сокрушило столы, и его собственный пистолет отколол кусок от деревянной балки над головой Сестры. Он превратился в съежившуюся груду, одной рукой все еще сжимая кольцо. Мрачные цвета дико пульсировали.

Человек в собачьем пальто стал подниматься. Сестра еще раз пальнула в дымную комнату, быстро повернулась и прижала дуло к его горлу.

– Что? Этого хочешь? – Он покачал головой и снова упал на свой стул. Пушки на стол,– приказала она и восемь пистолетов были выложены поверх измятых карт и монет в центре стола.

Пол держал свой девятимиллиметровый “Магнум” наготове и ждал. Он уловил движение бармена и прицелился ему в голову. Дервин поднял руки. – Нет проблем, друг,– сказал Дервин нервно. – Я хочу жить, хорошо!

Пульсации стеклянного кольца начали запинаться и замедляться. Пол приблизился к умирающему, пока Сестра держала свой обрез, направляя его на остальных. Она нашла это оружие три года назад на пустынной патрульной станции возле шоссе на окраине развалин Уичито. Оно было достаточно мощным, чтобы свалить слона. Она использовала его только несколько раз, с таким же результатом, что и сейчас.

Пол обошел лужу крови. Мимо его лица, жужжа, пролетела муха и нависла над кольцом. Она была большой, зеленой и уродливой, и Пол несколько секунд стоял в изумлении, потому что прошли годы с тех пор, когда он видел муху; он думал, что

все они мертвы. Вторая муха присоединилась к первой, и они буравили воздух вокруг подергивающегося тела и стеклянного кольца.

Пол наклонился. На мгновение кольцо вспыхнуло ярко–красным, а потом опять стало черным. Он вынул его из сжатых в кулак пальцев трупа, и в его руке в кольцо вернулись радужные цвета. Потом он снова опустил его в сумку и прикрыл носками, шарфами и перчатками. Муха села на его щеку, и он отдернул голову, потому что маленький ублюдок как будто впился ледяным ногтем в его кожу.

Он убрал дорожный атлас обратно в сумку. Глаза всех были направлены на женщину с дробовиком. Она взяла сумку и медленно направилась к дверям, держа прицел на середину карточного стола. Она говорила себе, что у нее не было другого выбора, кроме как убить мужчину; в конце концов, она слишком далеко зашла со стеклянным кольцом, чтобы позволить какому–то дураку разбить его вдребезги.

– Эй! – сказал мужчина в собачьем пальто. – Вы ведь не собираетесь уйти от нас, не купив выпивки, не так ли?

– Что?

– Ирл ни черта не стоил,– признал еще один мужчина и наклонился, чтобы сплюнуть табак в свое ведро. – Этот идиот с удачливым спусковым крючком всегда убивал людей.

– Он застрелил насмерть Джимми Риджевея прямо здесь, пару месяцев назад,– сказал Дервин. – Ублюдок слишком хорошо умел обращаться с тем пистолетом.

– До сегодняшнего дня,– сказал другой мужчина. Игроки в карты уже поделили монеты мертвеца.

– Вот. – Дервин достал два стакана и налил масляно–янтарную жидкость из бочонка. – Домашнего приготовления. На вкус довольно устрашающе, но наверняка освободит ваши мозги от проблем. – Он предложил стаканы Полу и Сестре. – За счет заведения.

Прошли месяцы с тех пор, как Пол сделал последний глоток алкоголя. Крепкий, отдающий деревом напиток показался ему сиреневым ароматом. Внутренности у него все дрожало; прежде он никогда не поднимал “Магнум” на человека и молился, чтобы никогда не пришлось этого делать. Пол принял стакан и подумал, что пары могут опалить ему брови, но все равно сделал глоток.

Это было похоже на полоскание горла расплавленным металлом. На его глазах выступили слезы. Он закашлялся, сплюнул и задохнулся, когда самогон – только Богу было известно, из чего же его гнали – опалил его горло. Рыжеволосая карга закаркала, как ворона, и некоторые из мужчин сзади тоже

загоготали.

Пока Пол пытался восстановит дыхание, Сестра отставила сумку в сторону, но не слишком далеко, и взяла второй стакан.

Бармен сказал:

– Да, вы оказали Ирлу Хокатту хорошую услугу. Он хотел, чтобы кто–нибудь убил его, с тех пор, как его жена и маленькая дочь умерли от лихорадки в прошлом году.

– От такой? – спросила она, откидывая шарф с лица. Затем подняла стакан к своим деформированным губам и выпила его весь, не дрогнув.

Глаза Дервина расширились, и он так быстро отшатнулся, что задел полку со стаканами и кружками.

Глава 51. Маска Иова

Сестра была готова к такой реакции. Она видела ее много раз до этого. Она снова глотнула самогона, найдя его не хуже и не лучше, чем те многочисленные пойла, которые она пила на улицах Манхеттена, и почувствовала, что все в баре смотрят на нее.

Хотите увидеть хорошее зрелище? – подумала она. Хотите увидеть действительно хорошее зрелище? Она поставила стакан и повернулась, чтобы позволить им все увидеть.

Рыжеволосая ведьма прекратила хихикать так внезапно, будто ей заткнули глотку.

– Господи боже мой,– только и смог проговорить мужчина, жующий табак, после того как проглотил свою жвачку.

Нижняя часть лица Сестры была массой сырых наростов, нитяные усики вились и переплетались на ее подбородке, нижней челюсти и щеках. Разросшиеся опухоли слегка приподнимали ее рот влево, заставляя ее сардонически улыбаться. Под капюшоном парки ее череп был покрытой коркой из струпьев. Опухоли полностью закрыли ее скальп и теперь начали распространять упругие серые усики через ее лоб и над обоими глазами.

– Проказа! – один из карточных игроков вскочил на ноги. – У нее проказа!

Упоминание об этой ужасающей болезни заставило остальных вскочить, забыв о ружьях, картах и монетах, и кинуться через таверну.

– Убирайся отсюда! – визжал другой. – Не заражай нас этим дерьмом!

– Проказа! Проказа! – взвизгивала рыжеволосая карга, поднимая кружку, чтобы бросить ей в Сестру.

Раздавались и другие крики и проклятия, но Сестра не была

возмущена. В том, что она решилась показать свое лицо, был здравый смысл.

Сквозь какофонию голосов прорвался острый, настойчивый “тук!.. тук!… тук!”

У дальней стены стояла тонкая фигура, освещенная светом из камина, и методично колотила деревянной палкой по одному из столов. Шум постепенно стихал, пока не установилась напряженная тишина.

– Господа… и дамы,– сказал мужчина с деревянной палкой опустошенным голосом. – Я могу заверить вас, что заболевание нашей подруги не проказа. Основываясь на этом факте, я не думаю, что это хотя бы в малейшей степени заразно – итак, вам нет нужды раздирать ваши подштанники.

– Какого черта, откуда ты это знаешь, подонок? – усомнился мужчина в собачьем пальто.

Та фигура помолчала, потом переложила палку под левую подмышку и начала продвигаться, шаркая ногами, вперед, левая брючина была заколота булавкой над коленом. На человеке было разодранное темно–коричневое пальто поверх грязного бежевого кардигана, а на руках перчатки, настолько изношенные, что из них высовывались пальцы.

Свет ламп коснулся его лица. Серебряные волосы каскадом опускались на плечи, хотя макушка черепа была лысой и покрыта коричневыми келоидами. У него была короткая серая борода и прекрасно высеченные черты лица, тонкий и элегантный нос. Сестра подумала, что он мог бы быть красивым, если бы не ярко–малиновый келоид, покрывавший одну сторону его лица, как пятно портвейна. Он остановился, встав между Полом, Сестрой и остальными.

– Мое имя не подонок,– сказал он с отзвуком королевского величия в голосе. Его глубоко посаженные серые глаза сверлили человека в собачьем пальто. – Я – Хьюг Райен. Доктор Хьюг Райен, хирург медицинского центра Амарильо, штат Техас.

– Ты врач? – сопротивлялся другой. – Чушь собачья!

– Мое нынешнее состояние заставляет этих джентльменов думать, что я родился окончательно иссохшим,– сказал он Сестре и поднял парализованную руку. – Конечно, я больше не гожусь для скальпеля. Но тогда кто годится?

Он подошел к Сестре и дотронулся до ее лица. Запах немытого тела почти сшиб ее с ног, но ей приходилось чувствовать запахи и похуже.

– Это не проказа,– повторил он. – Это масса фиброидной ткани, произошедшая из подкожного источника. Насколько глубоко проникает наслоение, я не знаю, но я видел такое

состояние много раз до этого, и, по–моему, оно не заразно.

– Мы тоже видели других людей с этим,– сказал Пол. Он привык к виду Сестры, потому что это происходило так постепенно, начинаясь с черных бородавок на ее лице. Он проверял свое собственное лицо, но он не заразился ими. – Что же это значит?

Хьюг Райен пожал плечами, продолжая ощупывать опухоли. – Возможно, реакция кожи на радиацию, загрязнители, такое долгое отсутствие солнца – кто знает? О, я видел наверное сотню или больше людей, на разных стадиях. К счастью, кажется, они сохраняют пространство для дыхания и еды, независимо от того, насколько серьезно их состояние.

– Я говорю, что это проказа! – настаивала рыжеволосая ведьма, но мужчины снова уселись, вернувшись к своему столу. Некоторые из них вышли из таверны, а остальные продолжали смотреть на Сестру с нездоровым любопытством.

– Это чертовски чешется, и иногда моя голова так болит, как будто раскалывается,– сообщила Сестра. – Как я могу избавиться от этого?

– Этого, к сожалению, я не могу сказать. Я никогда не видел, чтобы маска Иова уменьшалась – я видел только множество случаев ее дальнейшего разрастания.

– Маска Иова? Вы это так называете?

– Да, я так называю это. Кажется подходит, не так ли?

Сестра проворчала. Она и Пол видели десятки людей с “Маской Иова” в тех девяти штатах, через которые они проезжали. В Канзасе они столкнулись с колонной из сорока таких людей, которых выгнали из близлежащего селения их собственные семьи; в Айове Сестра видела мужчину, чья голова была настолько покрыта коркой, что он не мог держать ее прямо. Маска Иова поражала мужчин и женщин с одинаковой жестокостью, и Сестра даже видела несколько подростков с этим, но дети младше семи или восьми лет, казалось, имели иммунитет. По крайней мере, Сестра не видела ни одного младенца или маленького ребенка с этим, хотя оба родителя могли быть ужасно изуродованы.

– Я буду с этим до конца моей жизни?

Хьюг снова пожал плечами, не в состоянии более ничем помочь. Его глаза голодно сверкнули на стакан Сестры, еще стоящий на стойке бара.

Она сказала: – Угощайтесь,– и он осушил его так, будто это был ледяной чай в жаркий августовский полдень.

– Спасибо большое. – Он вытер рот рукавом и взглянул на мертвеца, лежащего на окровавленных опилках. Коренастая

черноволосая девушка была не прочь пошарить в его карманах. – В этом мире больше нет правых и виноватых,– сказал он. – Есть только ружье, которое стреляет быстрее, и более высокий уровень насилия. – Он кивнул на стол у камина, который он занимал.

– Если желаете? – спросил он Сестру с нотой просьбы. – Прошло столько времени с тех пор, как я мог поговорить с кем–то действительно воспитанным и имеющим интеллект.

Сестра и Пол не спешили. Она подняла сумку, вложив дробовик в кожаный футляр, который висел у нее на бедре под паркой. Пол вернул “Магнум” в кобуру, и они последовали за Хьюгом Райеном.

Дервин наконец заставил себя выбраться из–за стойки бара, и человек в собачьем пальто помог ему оттащить тело Ирла к задней двери.

Пока Хьюг устраивал на стуле свою оставшуюся ногу, поддерживая ее, Сестра не могла не заметить коллекцию трофеев, украшающую стену вокруг камина “Ведра Крови”: красноглазая белка, голова оленя с тремя глазами, кабан с единственным глазом посреди лба и двуглавый птенец.

– Дервин – охотник,– объяснил Хьюг. – Здесь вы можете увидеть всех животных из окрестных лесов. Забавно, что с ними сделала радиация, не так ли? – Он с минуту разглядывал трофеи. – Вы не захотите спать слишком далеко от света,– сказал он, снова перенося внимание на Пола и Сестру. – Правда не захотите.

Он потянулся, взял полстакана самогона, который пил перед тем, как они вошли. Две зеленых мухи жужжали вокруг его головы, и Пол смотрел, как они описывают круги.

Хьюг указал на сумку.

– Я не мог не заметить ту стеклянную безделушку. Могу я спросить, что это такое?

– Просто кое–что, что я взяла.

– Где? В музее?

– Нет. Я нашла ее в груде булыжников.

– Красивая вещь,– сказал он. – Я бы на вашем месте был с ней поосторожнее. Мне приходилось встречать людей, которые обезглавили бы вас за кусок хлеба.

Сестра кивнула.

– Вот почему я ношу с собой ружье – и вот почему я также использую его.

– Действительно. – Он допил остаток самогона и причмокнул губами. – Ах! Нектар богов!

– Я бы не заходил так далеко. – Горло Пола еще чувствовало, будто его поскребли бритвой.

– Ну, вкус ведь относителен, не так ли? – Хьюг моментальным

движением лизнул внутренность стакана, чтобы добыть последние капли, прежде чем отставить его в сторону. – Я был знатоком французских бренди. У меня была жена, трое детей и испанская вилла с горячей водой и бассейном. – Он коснулся своей культи. – И у меня, к тому же, была вторая нога. Но это в прошлом, не так ли? И остерегайтесь пребывания в прошлом, если хотите сохранить рассудок. – Он уставился на огонь, потом посмотрел на Сестру через стол. – Итак, где вы побывали и куда собираетесь?

– Везде,– ответила она. – И практически нигде.

За последние семь лет Сестра и Пол Торсон следовали по дороге сна – слепой поиск тех мест, которые Сестра видела в глубине стеклянного кольца. Они путешествовали из Пенсильвании в Канзас в поисках города Матисон. Но Матисон сгорел до основания, и его развалины покрыл снег. Они искали Матисон, но нашли только скелеты и разруху, а потом они отправились на автостоянку сгоревшего здания, которое могло быть универмагом или супермаркетом.

И на той заметенной снегом автостоянке, посреди заброшенности, Сестра услышала шепот Бога.

Сначала это была всего лишь мелочь: носок сапога Пола поддел карту.

– Эй! – окликнул Пол. – Посмотри на это!

Он стер с карты грязь и снег и протянул ей. Цвета поблекли, но на обложке была изображена красивая женщина в фиолетовом наряде, над ее головой светило солнце, а у ног находились лев и ягненок; она держала серебряный щит с чем–то, что могло быть пылающим фениксом в центре, и на ней была сияющая корона. Волосы женщины пылали, и она смело смотрела вперед. Наверху карты были выведены буквы “Императрица”.

– Это карта Таро,– сказал Пол, и колени Сестры почти подогнулись.

Множество карт, куски стекла, одежды и другой хлам были погребены под снегом. Сестра увидела цветное пятно, подобрала его и обнаружила, что держит картинку, которую она узнала: карта с фигурой, завернутой в черное, с белым, похожим на маску лицом. Ее глаза были серебряными и полными ненависти, а посреди лба располагался третий алый глаз. Она лучше бы разорвала эту карту на кусочки, чем положила в свою сумку вместе с Императрицей.

А потом Сестра наступила на что–то мягкое, и когда она наклонилась, чтобы смахнуть снег и посмотреть что это такое, слезы навернулись ей на глаза.

Это была опаленная синяя меховая кукла. Когда она взяла ее

в руки, то увидела свисающее маленькое колечко и потянула за него.

В холодной и снежной тишине напряженный голосок простонал: “Даааай пирожооок”, и этот звук разнесся по стоянке, где лежали спящие скелеты.

Кукла перекочевала в сумку Сестры – и теперь можно было покидать Матисон, потому что детского скелета на стоянке не было, а Сестра теперь знала, больше, чем когда бы то ни было, что они ищут ребенка.

Они скитались по Канзасу больше двух лет, живя в разных перебивающихся с голоду поселениях; они повернули на север в Небраску, потом на восток в Айову, и теперь на юг в Миссури. Земля страдания и жестокости раскрывала себя перед ними как непрекращающаяся галлюцинация, которую невозможно избежать. Часто Сестра, вглядываясь в стеклянное кольцо, ловила образ смутного человеческого лица, смотрящего назад, словно через плохое зеркало. Именно этот облик оставался неизмененным в течение семи лет, и хотя Сестра не могла точно сказать ничего определенного насчет этого лица, она думала, что оно сначала было молодым лицом – лицом ребенка. Мужского или женского пола, она не могла сказать, но с годами лицо менялось. В последний раз она видела его семь лет назад, и у Сестры сложилось впечатление, что все черты лица были начисто стерты. С тех пор неясный облик не появлялся.

Иногда Сестра чувствовала уверенность, что следующий день принесет ответ, но дни проходили, становясь неделями, месяцами и годами, а она все продолжала поиск. Дороги продолжали вести ее и Пола через опустошенные пригороды, через пустынные города и по периметру искромсанных развалин там, где стояли города. Много раз она была обескуражена и думала о том, чтобы оставить это и остаться в одном из поселений, через которые они проезжали, но то, что у нее была маска Иова, было слишком плохо. Теперь она начинала думать, что единственное место, где она может быть принята, это колония страдающих от маски Иова.

Но правда заключалась в том, что она боялась слишком долго оставаться в одном месте. Она постоянно оглядывалась через плечо, боясь, что черная фигура с переменчивым обликом наконец найдет ее и подкрадется сзади. В ее кошмарах о Дойле Хэлланде или Дэле Холлмарке, или как там он еще себя называет, у него был единственный алый глаз на лбу, как у мрачной фигуры на карте Таро, и он неумолимо преследовал ее.

Часто в прошедшие годы Сестра чувствовала мурашки на коже, как будто он был где–то совсем рядом, почти вплотную к ней. В таких случаях она и Пол снова ударялись в странствия, и

Сестру ужасали перекрестки, потому что она знала, что неверное направление может привести их в его поджидающие руки.

Она отогнала от себя воспоминания.

– А как вы? Вы здесь давно?

– Восемь месяцев. После семнадцатого июля я уехал из Амарильо на север вместе со своей семьей. Мы жили в поселении на реке Лургатойре, к югу от Лас–Анимас, штат Колорадо, три года. Там жило полно индейцев; некоторые из них были ветеранами Вьетнама, и они научили нас, тупых городских жителей, как строить хижины из грязи и остаться в живых. – Он с болью улыбнулся. – Это было для меня шоком: живя в особняке, который стоил миллионы, оказался потом вдруг в грязи и коровьем навозе. Так или иначе, двое из наших ребят умерли в первый год – отравление радиацией – но мы оказались в тепле, когда начал падать снег, и чувствовали себя чертовски счастливыми.

– Почему вы там остались? – спросил Пол.

Хьюг пристально смотрел на огонь. Прошло немало времени, прежде чем он ответил.

– У нас была община, что–то около двухсот человек. Были запасы зерна, немного муки и солонины и много консервов. Речная вода хоть и не была абсолютно чистой, но она давала нам возможность поддерживать жизнь. – Он потерся культей о свою ногу. – Потом пришли они.

– Они? Кто?

– Сначала это были двое мужчин и трое женщин. Они приехали на “Атике” и “Бьюике” с бронированным лобовым стеклом. Они остановились в “Преддверье Чистилища” – это так мы называли наш город – и захотели купить половину нашей еды. Конечно, мы ее не продали ни за какую цену. Мы бы умерли от голода, если бы продали. Потом они стали угрожать нам, сказав, что мы пожалеем, что не сделали того, о чем они просили. Я помню, что Кьюртис Красное Перо – он был нашим главным, большой закладчик, который служил во Вьетнаме – пошел в свою хижину и вернулся с автоматической винтовкой. Он приказал им уйти, и они так и сделали. – Хьюг остановился. Он медленно сжал кулаки над столом.

– Они вернулись,– он сказал мягко. – В ту же ночь. О, да, они вернулись с тремястами вооруженными солдатами и с грузовиками, которыми они начали сравнивать “Преддверье Чистилища” с землей… и убивать всех подряд. Всех. – Его голос надломился, и он не мог продолжать какое–то время. – Люди убегали, пытались скрыться,– сказал он. – Но у солдат были машины с дальнобойным оружием. Я бежал с моей женой и

дочерью. Я видел, как Кьюртис Красное Перо был расстрелян и раздавлен “Джипом”. Он… он после этого был совсем не похож на человека. – Хьюг закрыл глаза, но на его лице было изображено такое мучение, что Сестра не могла на него смотреть. Она смотрела на огонь. Он продолжал: – Пуля попала моей жене в спину. Я остановился, чтобы помочь ей, и сказал дочери, чтобы она бежала к реке. Больше я никогда ее не видел. Но… я подобрал свою жену, когда при этом сам был ранен пулями. Двумя или тремя, я думаю. В ногу. Кто–то ударил меня по голове, и я упал. Я очнулся… я очнулся и ствол винтовки был направлен мне в лицо. И кто–то мужским голосом сказал: “Скажешь всем, что здесь прошла Армия”. Армия Совершенных Воинов,– повторил он горько и открыл глаза. Они были безвыразительны и полны кровью. – Кроме меня, еще четверо или пятеро людей тоже были оставлены, и они сделали для меня носилки. Они несли меня больше тридцати миль на север к другому поселению – но и оно было превращено в пепел к тому времени, когда мы дошли туда. Моя нога была раздроблена. Ее пришлось отрезать. Я рассказал им, как это сделать. И я стойко держался, мы продолжали идти, и все это случилось четыре года назад. – Он посмотрел на Сестру, слегка наклонясь вперед на своем стуле. – Слава Богу,– сказал он настоятельно,– что мы не пошли на запад. Там были поля настоящих битв.

– Поля битв? – спросил Пол. – Что вы имеете в виду?

– Я говорю, что они вели войну за пределами территории – в Канзасе, в Оклахоме, в Небраске, в обоих Дакотах также. О, я встречал множество убежищ, спланированных для защиты от нападения с запада. Они называют это полями битв, потому что там сражается большое количество армий: Американская Верность, Ноландские налетчики, Армия Совершенных Воинов, “Команда “Гидра” и еще быть может пять или шесть других.

– Война закончилась. – Сестра нахмурила брови. – Какого черта они сражались?

– Земля, поселения, пища, пушки, бензин – все, что еще оставалось. Им все равно, с кем воевать; они хотят убивать кого–нибудь, и если бы это не были русские, они бы придумали врагов. Я слышал, что Армия Совершенных Воинов уничтожает оставшихся в живых людей с келоидами. – Он дотронулся до алого, вздернутого шрама, который покрывал половину его лица.Предполагается, что это отметина Сатаны.

Пол беспокойно заерзал на стуле. Во время своих путешествий они с Сестрой слышали о поселениях, атакованных и сожженных бандами мародеров, но это было впервые, когда они услышали об организованной силе.

– Насколько велики эти армии? Кто ими руководит?

– Маньяки, так называемые патриоты, военные, как их называют,– сказал Хьюг. – На прошлой неделе здесь проходили мужчина и женщина, которые видели Американскую Верность. Они сказали, что их численность около четырех или пяти тысяч, и возглавляет их сумасшедший проповедник из Калифорнии. Он называет себя Спасителем и грозится убивать любого, кто не пойдет за ним. Я слышал, что “Команда “Гидра” убивает негров, испанцев, азиатов, евреев и всех прочих, кого они считают иностранцами. Армия Совершенных Воинов предположительно управляется бывшим военным – героем вьетнамской войны. Это были ублюдки с танками. Да поможет нам Бог, когда эти маньяки двинутся на восток.

– Все, что хотим мы, это достаточное количество бензина, чтобы добраться до следующего города,– сказал Пол. – Мы держали курс на юг к мексиканскому морскому заливу. – Он согнал муху, которая села на его руку; к тому же было чувство, будто его укололи ледяным гвоздем.

Хьюг улыбнулся.

– Мексиканский залив. Боже мой, я не видел залив уже в течении очень долгого времени.

– Какой будет ближайший отсюда город? – спросила Сестра.

– По–моему, это должен быть Мериз Рест, юг которого когда–то был городом Джефферсон. Дорога не слишком хорошая, однако. В Мериз Рест когда–то был большой пруд. Во всяком случае, это не так далеко – около пятидесяти миль.

– Как же добраться туда с пустым баком? – Хьюг мельком взглянул на окровавленные опилки. – Ага, грузовик Эрла Хокурта припаркован прямо перед входом. Сомневаюсь, что ему еще понадобится бензин, не правда ли?

Пол кивнул головой. У них был кусок садового шланга в “Апшпе”, и Пол превратился в профессионала по части воровства бензина.

Муха села на стол напротив Хьюга. Он вдруг перевернул над мухой свой стакан из–под самогона вверх дном и поймал насекомое. Муха зло зажужжала и стала носиться по кругу, а Хьюг наблюдал за ее кружением. – Теперь не часто увидишь мух,– сказал он. – Некоторые из них, немногие, остались здесь из–за тепла, я полагаю. И из–за крови. А эта бешенная как Дьявол, не так ли?

Сестра слышала низкое жужжание другой мухи, пролетевшей мимо ее головы. Муха медленно сделала круг над столом и пронеслась по направлению к щели на стене.

– Есть ли здесь место, где мы могли бы провести ночь? –

спросила Сестра Хьюга.

– Я могу найти его для вас. Оно будет не намного больше норы в земле с крышкой сверху, но вы не замерзнете до смерти и не останетесь с перерезанными глотками. Он постучал по стакану, и большая зеленая муха попыталась напасть на его палец. – Но если я найду вам безопасное место для ночлега,– сказал он,– я бы хотел получить кое–что взамен.

– Что же это?

Хьюг улыбнулся.

– Я бы хотел увидеть Мексиканский залив.

– Забудь об этом! – сказал ему Пол. – У нас нет места в машине.

– О, вы будете удивлены, если узнаете, в какое пространство может втиснуться одноногий человек.

– Больший вес означает употребление большего количества бензина, не говоря уже о еде и воде. Нет. Извини.

– Я вешу примерно столько же, сколько мокрое перо,– просил Хьюг. – И я могу принести мою собственную еду и воду. Если вы хотите плату за то, что возьмете меня с собой, возможно, я заинтересую вас двумя кувшинами самогона, которые припрятаны у меня на всякий случай.

Пол уже собрался было еще раз сказать нет, но его губы сомкнулись. Самогон был самой отвратительной вещью, которую он когда–либо пробовал, но все таки самогон ускорял его пульс и ударял в голову.

– Или вот еще? – сказал Хьюг Сестре. – Некоторые из мостов между нами и Мериз Рест разрушены. Я вам пригожусь гораздо больше, чем вот эта древняя карта, которую вы носите.

Ее первым желанием было согласиться с Полом, но она увидала страдание в серых глазах Хьюга Райена; у него было выражение лица как у преданной собаки, избитой и заброшенной хозяином, которому она верила.

– Ну так как? – сказал он. – Здесь у меня ничего нет. Я бы хотел увидеть волны, которые продолжают грохотать и накатываться, как бывало прежде.

Сестра думала о его предложении. Без сомнения, мужчина мог бы уместиться в задней части “Джипа”, а также они нуждаются в гиде, чтобы добраться до следующего города. Он ожидал ответа.

– Найдите нам безопасное место для ночлега,– сказала она,– и мы поговорим об этом утром. Это лучшее, что я могу вам сейчас предложить. Уговор?

Хьюг колебался, пронизывая взглядом лицо Сестры. У нее было серьезное, строгое лицо, как он решил, а глаза не были

такими же безжизненными, как у многих, кого он видел. Было жалко, что, одни из лучших, они будут в конечном итоге скрыты под маской. – Уговор,– сказал он, и они кивнули на это.

Они покинули таверну “Ведро Крови”, чтобы забрать бензин из грузовика мертвого мужчины. Сзади них рыжеволосая карга подскочила к столу, который они покинули, и смотрела на муху, носящуюся с жужжанием по кругу в перевернутом стакане. Вдруг она подняла стакан, схватила муху, и прежде чем та успела ускользнуть из ее руки, карга запихнула ее в рот и раздавила зубами.

Ее лицо перекосилось. Она открыла рот и выплюнула маленький комок сероватой зелени в костер, где он зашипел как кислота.

– Отвратительно! – сказала она и вытерла язык опилками.

Глава 52. Путешествующий в одиночку

Он ждал их возвращения в темноте. Был сильный ветер. Он сладко пел для душ миллионов умерших и еще живых, но когда ветер был такой сильный, он не мог видеть отчетливо очень далеко. Он сидел в темноте, в своем новом обличии и в новой коже, ветер завывал вокруг как гнусавый хор, и он думал, что может быть – только *может быть* – уже была полночь. Но он понимал изгибы и повороты времени, и если даже это было еще не утро, то уже наверняка *завтра*. Он мог быть очень терпеливым, если ему приходилось.

Семь лет пролетели для него быстро; он путешествовал по дорогам, одинокий странник, через Огайо, Индиану, Теннеси, Арканзас. Случалось, он ненадолго селился в сражающихся деревнях, иногда жил один в пещерах или заброшенных машинах, в зависимости от настроения. Где бы он ни проходил, это место было омрачено его присутствием. Поселения, в которых остались только надежда и сострадание, вымирали, потому что обитатели убивали друг друга или сами себя. Он умел доказать им, как пуста жизнь и к какой трагедии может привести ложная надежда. Если твой ребенок голоден, убей его, убеждал он умирающих от голода матерей; самоубийство – благородный поступок, говорил он юношам, вопрошавшим совета. Он был кладезем мудрости, которой жаждал поделиться. Все собаки разносят рак, и поэтому должны быть убиты; люди с келоидами приучились к сырому детскому мясу; новые города строятся на месте дикой Канады, и именно туда надо идти. Вы можете получить больше белков, если будете обгладывать свои собственные пальцы – в конце концов, много ли вам надо?

Он не уставал удивляться тому, как легко можно заставить людей верить.

Это была блестящая вечеринка. Но была одна неприятная вещь, и эта вещь терзала его с утра до ночи.

Где находилось стеклянное кольцо?

Женщина – Сестра – к этому времени была, конечно же, мертва. Ее судьба не волновала его в любом случае. Где была стеклянная вещь и у кого она? Много раз он чувствовал, что находится далеко от нее, но следующий перекресток верно приведет его к ней, однако инстинкты часто подводили его, и он выбирал не то направление. Он заострял внимание на каждом, кого встречал, но той женщины среди них не было, как не было и стеклянного кольца. Время от времени его продвижение замедлялось в каком–то месте, потому что возникало много возможностей в поселениях, и потому что даже если стеклянного кольца там не было, ему начинало казаться, что это не имеет такого большого значения. Это ведь ничего не меняло. Эта вечеринка оставалась его вечеринкой, и ничего не менялось. Угроза, которую он чувствовал от кольца, вернувшись в свой дом в Нью–Джерси, все еще оставалась с ним, но что бы это стеклянное кольцо из себя ни представляло, оно без сомнения не создавало разницы в его существовании или в вещах, окружавших его.

– Нет проблем,– думал он. – Но где же оно? У кого она было? И когда оно появится?

Он часто вспоминал день, когда свернул с М–80 на своем французском велосипеде и покатил на юг. Иногда он удивлялся, что бы могло произойти, если бы он вернулся по М–80 на восток? Нашел бы он женщину и стеклянное кольцо? Почему часовые той станции Красного Креста не видели ее тогда, если, конечно, она была все еще жива? Но он не мог видеть всего или знать всего; он мог, видел и знал только то, что говорили ему его переменчивые глаза или то, что он выбирал из человеческой памяти или то, что его исследователи приносили из темноты. Как раз сейчас они возвращались к нему. Он чувствовал, что много их собралось вместе со всех пределов, и сейчас они приближались с неподветренной стороны. Он постарался переместиться по направлению к двери, и велосипедные колеса под ним скрипнули.

Первый тронул его щеку и присосался к сырому мясу. Появился второй с мушиным жужжанием через щель в стене, затем сел ему на лоб и тотчас же присосался к мясистой поверхности. Затем присоединились еще двое, и тоже присосались к мясу.

Он видел темные леса, заледеневшие лужи, какое–то

маленькое животное лежало мертвым в кустах. Ворон пронесся, что–то сломав, и потом закружился прочь.

Еще больше мух присосалось к его лицу. Образы всплывали перед ним: женщина чистила щеткой одежду в залитой светом комнате, двое мужчин сражались в аллее на ножах, двухголовый кабан нюхал кухонную помойку, а его четыре глаза влажно блестели.

Мухи ползали по его лицу, насасываясь крови из сырого мяса одна за другой.

Он видел темные дома, слышал, как кто–то очень плохо играл на гармони и кто–то еще хлопал в такт; лица вокруг костра, разговор о том, какие бейсбольные игры были любимы летними ночами; голые мужчины и женщина сплетались на матрасе; руки в работе, чистили винтовку; вспышки света и голос, говорящий: “Найди меня, игрушечка–прелесть, не…”

Стоп.

Образ света и голоса застыл у него перед глазами, как сооружение.

Он вздрогнул.

Мухи все еще сидели на его лице, но он сосредоточил свое внимание на образе света. Это было только красной вспышкой, и он не мог сказать многого об этом.

Его руки сжались в кулаки, длинные и грязные ногти оставили следы полумесяца на коже, но не продавили до крови.

Вперед, подумал он, и фильм памяти начал размываться.

– …Я? – сказал голос – мужской голос. А потом проникновенный шепот: Драгоценности!

Стоп.

Он посмотрел сверху вниз, и туда, где была рука мужчины.

Вперед.

Круг из стекла, раскаленный добела, с темно–красным и коричневым. Комната с опилками на полу. Стаканы. Карты на столе.

Он знал это место. Он был там раньше и он послал своих наблюдателей туда, потому что это было место, где останавливались путники. “Ведро Крови” находилась примерно в миле отсюда, как раз за следующей горой.

Его внутренний глаз увидел это глазами мухи. Вспышка от выстрела, горячая волна, тело, блюющее кровью и спотыкавшееся о столы.

Взрыв от ружья, горячая шоковая волна, блюющее кровью и спотыкающееся о стол тело.

Женский голос сказал:

– Что? Этого хочешь? – А потом приказ: – Пушки на стол.

Я нашел тебя, подумал он.

Он поймал смутный вид ее лица. Стала красавицей, не так ли? Это была она? Да, да! Это должна была быть она! Стеклянное кольцо опустилось в кожаный футляр. Это должна быть она! Действие продолжалось. Другое лицо: мужчина с ясными голубыми глазами и седой бородой. – Прокаженный! Прокаженный! – кричал кто–то. Седоволосый мужчина там был, и он знал, что лицо, принадлежащее тому самому человеку, которого все звали Скамбэг. Еще голоса.

– Будьте моими гостями… Дервин – охотник… когда–то имел и другую ногу, да… Ради Бога, не ходите на запад, говорят, там проклятое сатанинское место.

Он улыбался.

– …Мы направляемся на юг… в той стороне находится Мериз Рест… но для этого нужен бензин, не так ли?

Голоса смолкли, свет изменился и появились темные леса и дома за ними. Он продолжал играть движением памяти. Это было оно, конечно.

– …Мы направляемся на юг… – …В той стороне находится Мериз Рест…

Мериз Рест, думал он. Пятьдесят миль на юг. Я нашел его! Вперед, на юг к Мериз Рест!

Но стоило ли ждать? Сестра и стеклянное кольцо могли до сих пор находиться в “Ведре Крови”, всего лишь в миле отсюда. Было еще время съездить туда и…

– Лестер! Я принесла тебе чашу…

Раздался грохот бьющейся глиняной посуды, ее дыхание перехватило от ужаса. Он настроился так, чтобы видеть своими глазами. Возле двери сарая стояла женщина, к которой три недели назад он пристроился как мастер на все руки; она была все еще хорошенькая, и это было слишком плохо, что дикое животное разорвало ее маленькую девочку в один из вечеров в лесу две недели назад, потому что ребенок был очень похож на нее. Женщина поставила перед ним миску супа. Она была неуклюжей шлюхой, думал он. Хотя любой был бы неуклюжим, имея только по два пальца на каждой руке.

Держа фонарь когтем левой руки, она видела освещенное, разорванное и облепленное мухами лицо мастера на все руки Лестера.

– Привет, мисс Спери,– прошептал он, и рой мух закружился вокруг его лица.

Женщина отступила на шаг по направлению к двери. Ее лицо застыло от ужаса. И почему он решил, что она хорошенькая?

– Вы ведь не боитесь, мисс Спери, да? – спросил он. Он

протянул руку, ткнул пальцем в пол и сам потянулся вперед. Колеса жалко скрипнули, лишенные масла.

– Я… Я… – Она пыталась сказать, но не могла. Ее ноги были захвачены, и он понимал, что она знает, что отсюда бежать некуда, кроме как в лес.

– Конечно, вы не боитесь меня,– сказал он мягко.

– Я, конечно, не самый мужественный, да? Ты наверняка жалеешь бедняг, вроде меня.

Колеса скрипнули, еще скрипнули.

– Отстань… Отстань от меня…

– Мисс Спери, тот с кем вы говорите, это старый Лестер. Всего лишь старый Лестер, всего–навсего. Вы хотите мне что–нибудь сказать?

Она почти вырвалась, почти убежала, но он сказал:

– Оставлять старого Лестера одного очень нехорошо. – И она вернулась обратно в его объятия как теплая замазка.

– Почему вы не тушите свет, мисс Спери? Давайте приятно поговорим. Я могу быть очень благодарным.

Фонарь был опущен на пол.

Как просто, думал он. Наверное потому, что она уже ходила как неживая.

– Кажется, мне нужно удостовериться, что мое ружье там,– сказал он и качнул головой в сторону ружья в углу. – Не принесете ли вы его мне?

Она взяла ружье.

– Мисс Спери? – сказал он. – Я хочу, чтобы вы приставили дуло ко рту и положили палец на курок. Да, прямо вперед. Примерно так. О, вы все делаете прекрасно!

Ее глаза оставались ясными и блестящими, и слезы катились по щекам.

– Теперь… я хочу, чтобы вы ради меня испытали это ружье. Спустите курок чтобы проверить, исправно ли. Хорошо?

Она сопротивлялась ему, в эту секунду испытала такое желание жить, какое, наверное, не испытывала никогда раньше.

– Угодите Лестеру! – говорил он. – Ну, надавите слегка, ну?

Ружье выстрелило.

Он подался вперед, и колеса скрипнули под ее телом. “Ведро Крови!” – думал он. Скорее туда! Но затем: нет, нет. Ждать, только ждать. Он знал, Сестра находилась в дороге и направлялась в Мериз Рест. У него не много времени займет пройти к этому поселению. Он мог опередить ее, а потом ждать. В Мериз Рест очень много людей, а значит много возможностей. Она, должно быть, уже покинула таверну и сейчас в пути.

Теперь я не потеряю ее, поклялся он. Я прибуду в Мериз Рест

раньше тебя.

Старый Лестер расквитается с тобой, сучка!

Это будет замечательная маскировка, решил он. Необходимо всего лишь внести несколько изменений, если он собирается пройти это расстояние. И за то время, пока она будет добираться до Мериз Рест, он уже будет ждать и будет готов сплясать “Ватуси” на ее костях, когда она будет валяться в грязи.

Туча мух присосалась к его лицу, но они принесли информацию, совершенно бесполезную для него. Он потянулся всем телом, и через минуту был готов встать.

Потом натянул брюки, взял свой маленький красный саквояж и пошел босоногим по снегу по направлению к лесу, запев очень тихо.

– Мы пляшем перед кактусом, кактусом, кактусом…

И скрылся в темноте.

Глава 53. Новая правая рука

Высокая фигура в длинном черном плаще с полированными серебряными пуговицами шествовала через горящие руины Брокен Боу, штат Небраски. Трупы валялись разбросанными по всей главной улице Брокен Боу, а танкоподобные грузовики Армии Совершенных Воинов переезжали те, которые лежали на их пути. Другие солдаты складывали в грузовики мешки с краденым зерном, мукой, бобами и упаковки с маслом и бензином. Груда винтовок и пистолетов ожидала полугрузовика для Бригады Вооружений. Тела были раздеты Бригадой Обмундирования, а члены Жилищной Бригады занимались сбором палаток, которые мертвым больше не понадобятся. Механическая Бригада подбирала и переворачивала машины, трейлеры и грузовики, которые лежали в изобилии и были оставлены победителям; те, которые были в рабочем состоянии, были пущены в ход как средства для перевозки, а другие разбирались на запчасти: шины, моторы и все остальное, что могло быть использовано.

Но мужчина в черном плаще, чьи начищенные ботинки хрустели по выжженной земле, шел с единственным намерением. Он остановился перед грудой трупов, которые были раздеты, а их одежда и обувь были брошены в картонные коробки. Мужчина посмотрел оценивающим взглядом на их лица, освященные светом костра. Солдаты вокруг него приостановили работу, чтобы отдать честь. Он быстро ответил на их приветствие и продолжил свой осмотр, а потом пошел к другим разбросанным телам.

– Полковник Маклин! – позвал голос сквозь грохот проезжающих грузовиков, и мужчина в черном плаще обернулся. Свет от костра упал на черную кожу маски, которая закрывала лицо Джеймса Б. Маклина. Правое глазное отверстие было небрежно зашито, но другим холодным голубым глазом Маклин вглядывался в приближающуюся фигуру. Под пальто Маклин носил серо–зеленую униформу и перламутровый самодельный 11.43 мм в кобуре на поясе. Над его нагрудным карманом находилась черная круглая заплатка с буквами “АСВ”, вышитыми серебряными нитками. Темно–зеленая шерстяная кепка была натянута на голову полковника.

Джад Лаури, одетый в такую же униформу под овчинным пальто, появился из тумана. М–16 была перекинута через его плечо, а патронташ перекрещен на груди. Рыжая с проседью борода Джада Лаури была небрежно подстрижена, а волосы выстрижены почти до кожи. Лоб пересекал глубокий шрам,

который тянулся по диагонали от его левого виска вверх через волосы. За семь лет следования за Маклином, Лаури потерял двадцать фунтов жира и дряблость, и теперь его тело стало плотным и мускулистым; лицо приняло жестокое выражение, глаза были посажены очень глубоко.

– Вам есть что доложить, лейтенант Лаури? – голос Маклина был искажен, и слова сливались, как будто что–то было не в порядке с его ртом.

– Нет, сэр. Никто не нашел его. Я проверил с сержантом Маккоуэном по северной границе, но там нет даже следов его. Сержант Ульрих детально изучил южный сегмент, где были их оборонительные окопы, но безуспешно.

– Как насчет сведений от его парней?

– Группа капрала Винслоу нашла шестерых из них в миле к востоку. Они пытались отстреливаться. Группа сержанта Олдфилда нашла четверых на севере, но они к тому времени уже поубивали друг друга. Я пока не получил доклад от южного патруля.

– Он не мог вернуться, Лаури,– сказал Маклин жестко. – Мы должны найти этого сукина сына или его труп. Он мне нужен – живой или мертвый – в моей палатке в течение двух часов. Ты это понимаешь?

– Да, сэр. Все будет сделано в лучшем виде.

– Сделайте все, что возможно. Найди капитана Поджи и передай ему поручение принести мне труп Франклина Хейза. Он сделает эту работу, а я хочу видеть данные о потерях и список захваченных трофеев и оружия до рассвета. Я не хочу видеть проявления такого же идиотизма, как раньше. Учтите это! Ясно?

– Да, сэр.

– Хорошо, я буду в своей палатке,– сказал Маклин уходя, но потом повернулся обратно. – Где Роланд?

– Я не знаю. Я видел его примерно час назад в южной части города.

– Если ты его увидишь, скажи чтобы зашел. Выполняй. – Маклин прошествовал прочь по направлению к своей палатке, где располагался штаб. Джад Лаури посмотрел, как полковник уходит, и не смог сдержать дрожь. Это было почти два года назад, когда он последний раз видел лицо Маклина; полковник стал носить маску из кожи, чтобы защитить свое лицо от радиации и загрязнений, но Лаури казалось, что лицо Маклина на самом деле изменило форму, что маска выгнулась и деформировалась напротив костей. Лаури знал, что это такое: та самая чертова зараза, которую точно так же имели большинство из Армии Совершенных Воинов,– наросты, которые покрывали кожу лица и

срастались, закрывая все лицо, кроме отверстия для рта. Все знали, что у Маклина была эта болезнь, и капитан Кронингер тоже имел ее и страдал так же, и поэтому парень носил повязки на лице. Даже в менее запущенных случаях людей прогоняли и убивали, и для Лаури это был настоящий ад, гораздо хуже, чем самый серьезно больной человек с келоидами, которого он когда–либо видел. Слава Богу, думал он, что у него никогда не было этой болезни, потому что он любил свое лицо таким, каким оно было. Но если состояние полковника Маклина ухудшится, тогда он не сможет руководить АСВ в течение долгого времени. Такая перспектива, изобилие интересных возможностей…

Лаури выругался, выкинул из головы эти мысли, вспомнив о своих обязанностях, и пошел между руин.

На другой стороне Брокен Боу, полковник Маклин салютовал двум караулам, которые стояли напротив его большой штабной палатки, и прошел через загородку. Внутри было темно, и хоть Маклин думал, что не забыл оставить фонарь зажженным на своем столе. Но в его памяти было столько всего такого, что надо было помнить, что он не мог быть уверен. Он прошел к столу, протянул свою единственную руку и нашел фонарь. Стекло было все еще теплым; фонарь, должно быть, почему–то погас, подумал он, сняв ламповое стекло. Он достал зажигалку из кармана плаща и высек огонь. Затем он зажег лампу, дал пламени разгореться и поставил стекло обратно. Свет распространился по палатке, и только тогда полковник Маклин понял, что был не один.

За письменным столом Маклина сидел худой мужчина с вьющимися нечесаными светлыми волосами до плеч и светлой бородой. Его грязные ботинки лежали на всевозможных картах, отчетах и рапортах, покрывавших поверхность стола. Он в темноте чистил ножиком свои длинные ногти. Маклин мгновенно вытащил 11.43 мм из кобуры и направил дуло в голову незваного гостя.

– Привет,– сказал светловолосый мужчина и улыбнулся. У него было бледное, синюшного цвета лицо, а в центре лица, там, где должен был быть нос, была дыра, заросшая тканью шрамов. – Я ждал вас.

– Положите нож. Так.

Лезвие ножа вошло в карту штата Небраски.

– Не волнуйтесь,– сказал мужчина. Он поднял руки, чтобы показать, что они пустые. Маклин отметил, что незнакомец одет в униформу АСВ, забрызганную кровью, но не показал своего неудовольствия. Та ужасная рана на его лице, в самом центре,– через которую Маклин мог видеть серый хрящ зажила настолько, насколько могла зажить.

– Кто вы такой и как вы прошли через караулы?

– Я прошел сюда через вход для прислуги. – Он показал в направлении задней стороны палатки, и Маклин увидел, что сооружение было разломано достаточно сильно, чтобы мужчина смог проползти через него. – Меня зовут Альвин. – Взгляд его мутных зеленых глаз сосредоточился на полковнике Маклине, а когда он ухмыльнулся, показались его зубы. – Альвин Мангрим. Вам следует оберегаться надежнее, полковник. Какой–нибудь сумасшедший мог войти сюда и убить вас, если бы хотел этого.

– Как вы, может быть?

– Нет, не я. – Он засмеялся, и воздух прошел с пронзительным свистящим звуком через дыру, где был его нос. – Я принес вам парочку подарков.

– Я мог бы простить вас за вторжение в мой штаб.

Альвин Мангрим оскалился. – Я не врывался, уважаемый. Я врезался. Смотрите, я действительно хорошо могу управляться с ножами. О, да – ножи знают мое имя. Они говорят со мной, и я делаю то, что они говорят мне делать.

Маклин был уже готов нажать на курок и разнести голову этому человеку, но он не хотел, чтобы его бумаги оказались в крови и мозгах.

– Ну? Хотите ли вы увидеть мои подарки?

– Нет. Я хочу, чтобы вы встали очень осторожно и начали уходить. – Но вдруг Альвин Мангрим наклонился на стуле, чтобы поднять что–то с пола. Спокойно! – предупредил его Маклин, и он уже собирался окликнуть караулы, когда Альвин Мангрим выпрямился и выложил на поверхность стола голову Франклина Хейза.

Лицо посинело, глаза закатились так, что были видны яблоки.

– Ну как, нравится? – сказал Мангрим. – Разве не прелесть? – Он наклонился вперед и постучал костяшками пальцев по столу. – Стук, стук! – Он засмеялся, воздух свистнул через отверстие в центре его лица.

– Где вы взяли это? – спросил его Маклин.

– С шеи этого козла, полковник! А откуда бы, вы думали, я взял ее? Я прошел через стену, и старый Франклин находился там собственной персоной, стоял как раз напротив меня – меня и моего топора, конечно. Это то, что я называю Судьбой. Итак, я всего лишь отрубил ему голову и принес ее вам сюда. Я мог бы быть здесь раньше, но я хотел, чтобы он закончил кровоточить, чтобы не испачкал вашу палатку. А у вас здесь действительно приятное местечко.

Полковник Маклин наклонился к голове и дотронулся до нее

дулом 11.43.

– Вы убили его?

– Нет. Я осчастливил его до смерти. Полковник Маклин, такой обаятельный мужчины, как вы, конечно понимает подобные вещи.

Маклин поднял верхнюю губу дулом орудия. Зубы были белые и ровные.

– Вы хотите выбить их? – спросил Мангрим. – Из них выйдет прелестное ожерелье для той темноволосой женщины, которую я видел с вами.

Он опустил губу на свое место. – Кто, черт побери, вы такой? Как вышло, что я вас раньше не видел?

– Я был рядом. Я следовал за АСВ в течение двух месяцев, я полагаю. Я и несколько моих друзей организовали наш собственный лагерь. Я взял эту униформу у убитого солдата. Сидит на мне замечательно, как вы полагаете?

Маклин, почувствовав движение слева, обернулся и увидел Роланда Кронингера, входящего в палатку. Молодой человек был одет в длинное пальто с капюшоном, который был натянут на его голову. Капитану Роланду Кронингеру было едва двадцать лет, он имел рост около шести футов и был лишь на дюйм ниже Маклина. Но он был тощ как пугало, и его униформа АСВ и пальто висели на нем, как на вешалке. Запястья торчали из рукавов, а руки были как белые пауки. Он думал об атаке, которая должна сокрушить оборону Брокен Боу, и это было его предложение – преследовать Франклина Хейза до самой смерти. Он внезапно остановился и искоса из–под капюшона взглянул на голову, которая украшала стол полковника Маклина, через защитные очки с толстыми стеклами.

– Вы капитан Кронингер, не так ли? – спросил Маклин. – Я видел вас поблизости.

– Что здесь происходит? – голос Роланда был высокий, но надтреснутый. Он взглянул на Маклина, свет лампы отразился от его очков.

– Этот человек принес мне подарок. Он убил Франклина Хейза, по крайней мере он так говорит.

– Конечно, это сделал я. Убил! Убил! – Мангрим ударил рукой по краю стола. – Отрубил его голову!

– Эта палатка – не общественное заведение,– сказал Роланд холодно. – Вам следует воздержаться от хождения сюда.

– Я хотел удивить полковника.

Маклин угрюмо посмотрел на свой пистолет.

Альвин Мангрим пришел сюда не затем, чтобы вредить ему, решил он. Этот мужчина нарушил один из строжайших запретов

АСВ, но принесенная голова действительно была хорошим подарком. Теперь, когда миссия была завершена – Хейз был мертв, АСВ добыла продукты, перевязочные средства, оружие и бензин и набрала около ста солдат в свои ряды – Маклин почувствовал расслабление, которое он обычно испытывал после сражения. Это все равно, что хотеть женщину до безобразия плохо, и сразу взять ее и делать с ней что только душе угодно, пока она не надоест. Это не то, что считается “иметь женщину”, это значит “взять” – женщину, землю или жизнь – эти мысли заставляли кровь Маклина кипеть.

– Я задыхаюсь,– сказал он вдруг. – Я задыхаюсь. – Он втянул воздух, казалось, он не мог вздохнуть воздуха столько, сколько ему было необходимо. Ему мерещилось, что он видит тени солдат, стоящие за Альвином Мангримом, но когда он щурился, то образ, похожий на привидение исчезал. – Я не могу дышать,– повторил он и снял свою кепку.

У него отсутствовали волосы на голове. Кожа была гладкая, а голова в наростах. Он нащупал на затылке завязки маски и снял ее. Затем Маклин вздохнул через то, что было вместо его носа.

Его лицо было бесформенной массой толстых, подобных парше, наростов, которые плотно окружали его черты за исключением одного сияющего голубого глаза, одной ноздри и щели от рта. Под наростами лицо Маклина жгло и чесалось очень болезненно, и кости болели так, как будто они были изогнуты в новую форму. Он больше не мог выносить смотреть на себя в зеркало, и когда он хотел Шейлу Фонтана, она – как и все другие женщины, которые следовали за АСВ – плотно зажмуривала глаза и отворачивала голову. Но Шейла Фонтана была безумна, Маклин знал это; единственное, для чего она годилась – это спать с ней. Ей всегда по ночам казалось, что она занималась любовью с кем–то по имени Руди, вползавшим в ее кровать с мертвым ребенком в руках.

Альвин Мангрим молчал в течение минуты. Потом он сказал:

– Однако, как бы то ни было, вам выпала плохая доля.

– Вы принесли подарок,– сказал ему Маклин. – Теперь убирайтесь ко всем чертям отсюда.

– Я сказал, что принес вам два подарка. Не хотите ли еще один?

– Полковник Маклин сказал, что хочет, чтобы вы покинули палатку. – Роланду не нравился этот светловолосый сукин сын, но он не помышлял убить его. Сейчас он был сыт убийствами, запах крови щекотал его ноздри словно изысканная парфюмерия. За прошедшие семь лет Роланд Кронингер стал знатоком в области убийства, пыток и увечий. Когда Король хотел получить

информацию от заключенного, он знал, что надо вызвать сэра Роланда, у которого есть черный трейлер, где многие начинали “петь” под аккомпанемент цепей, жерновов, молотков и пил.

Альвин Мангрим еще раз наклонился к полу. Маклин нацелил свой 11.43 мм но блондин вытащил маленькую коробку, связанную яркой голубой лентой.

– Вот,– сказал Мангрим, протягивая коробку. – Возьмите ее. Это специально для Вас.

Полковник замедлил, быстро взглянул на Роланда, потом положил пистолет, подошел и взял коробку. Он сорвал ленточку своей проворной левой рукой и снял крышку.

– Я сделал это для вас. Как вам нравится?

Маклин запустил руку в коробку – и вытащил правую руку, одетую в черную кожаную перчатку. Протыкая руку и перчатку, пятнадцать или двадцать гвоздей торчали с тыльной стороны руки и на ладони.

– Я вырезал ее,– сказал Мангрим. – Я хороший плотник. А вы знали, что Иисус был плотником?

Полковник Маклин уставился на деревянную руку, которая была очень похожа на настоящую.

– Вы полагаете, это смешно?

Мангрим удивленно посмотрел.

– Уважаемый, у меня ушло три дня, чтобы сделать это как надо! Взгляните, она весит столько же, сколько весит настоящая рука, и она держит равновесие так хорошо, что никто в жизни не догадается, что она деревянная. Я не знаю, что случилось с вашей настоящей рукой, но, я думаю, эту вы оцените по достоинству.

Полковник раздумывал, он никогда не видел ничего подобного. Деревянная рука, обтянутая узкой перчаткой и истыканная гвоздями как шкура дикобраза. – Что это, по–вашему, такое? Дырокол?

– Нет. Это, предполагается, вы должны носить,– объяснил Мангрим. – На вашем запястье. Совсем как настоящая рука. Смотрите, любой, кто взглянет на эту руку с гвоздями, воткнутыми в нее, скажет: “Ах! Что же это должна быть за адская боль!” Вы носите ее и кто–то охаивает вас за вашей спиной, а вы наносите ему удар через все лицо, и у него больше никогда не будет губ. Мангрим весело ухмыльнулся: – Я сделал ее специально для вас.

– Вы с ума сошли,– сказал Маклин. – Вы сумасшедший, черт побери! Какого черта я буду это носить?

– Полковник? – прервал Роланд. – Может быть он и сумасшедший, но это хорошая идея.

– Что?

Роланд стянул свой капюшон. Его лицо и голова были покрыты грязными марлевыми повязками, закрепленными липкими лентами. Повязки были толстым слоем наложены на его лоб, подбородок и щеки и шли вверх до краев его защитных очков. Он ослабил одну из полосок липкой ленты, развернув около двенадцати дюймов марли и оборвал ее. Это он предложил Маклину.

– Возьмите,– сказал он. – Прикрепите ее на запястье с помощью этого.

Маклин уставился на него так, будто Роланд тоже потерял разум, потом он взял марлю и липкую полоску и стал надевать протез на культю правого запястья. В конце концов он прикрепил ее на место так, что усеянная гвоздями ладонь была повернута внутрь.

– Очень смешно,– сказал он. – Кажется, что она весит десять фунтов. – Но более чем странным ему показалось чувство внезапного обретения новой правой руки, и он понял, что она выглядела очень натурально. Для тех, кто не знает правды. Его руку в перчатке с ладонью, утыканной гвоздями, следовало закрепить на запястье. Он держал руку в стороне и медленно водил ею по воздуху. Конечно, крепление протеза к руке было хрупким; если он собирался носить этот протез, ему следовало бы привязать руку к культе крепче, обмотав толстым слоем липких полосок. Ему нравилось смотреть на протез, и он внезапно понял почему: это был совершенный символ дисциплины и контроля. Если человек смог вынести такую боль даже символически, тогда он имеет верховную дисциплину над своим телом; он был человеком, которого надо бояться, и человеком, за которым надо идти.

– Вам следует носить руку все время,– предложил Роланд. – Особенно когда мы ведем переговоры о продовольствии. Я не думаю, что лидер какого–либо поселения продержится долго, увидев это.

Маклин был очарован видом своей новой руки. Это было сокрушительное психологическое оружие, адски замаскированное вооружение. Только ему приходилось быть очень осторожным, когда он чесал то, что осталось от его носа.

– Я знал, что вам понравится,– сказал Мангрим, удовлетворенный реакцией полковника. – Выглядит так, будто вы родились с ней.

– Это все еще не дает вам права находиться в этой палатке, мистер,– сказал ему Роланд. – Вас просят удалиться.

– Нет, еще рано выгонять меня, капитан. Я прошу сделать меня сержантом Механической Бригады. – Его зеленые глаза

скользнули с Роланда на полковника Маклина. – Я хорошо разбираюсь в машинах. Я могу собрать что угодно. Вы даете мне части, а я собираю их вместе. Да, сэр, вы делаете меня сержантом Механической Бригады и я покажу вам, что я могу сделать для Армии Совершенных Воинов.

Маклин молчал, его глаза изучали безносое лицо Альвина Мангрима. Это был тип человека, необходимого АСВ, думал Маклин. У этого человека есть отвага и он не боится делать то, что он хочет.

– Я сделаю вас капралом,– ответил он. – Если вы будете выполнять свою работу хорошо и у вас проявиться стремление к лидерству, я сделаю вас сержантом Механической Бригады через месяц, начиная с сегодняшнего дня. Вы согласны на это?

Другой мужчина пожал плечами и встал.

– Я полагаю, да. Капрал – это лучше, чем совсем без звания, не так ли? Я смогу указывать другим, что им делать.

– Но капитан может поставить твою задницу перед взводом автоматчиков.

Роланд прошелся перед ним. Они пристально посмотрели друг на друга как два враждующих животных. Слабая улыбка пробежала по губам Альвина Мангрима. Обвязанное, гротесковое лицо Роланда оставалось бесстрастным. В конце концов он сказал:

– Если ты ступишь в эту палатку еще раз без разрешения, я сам расстреляю тебя, или может быть тебе понравится тур с допросом в трейлере?

– Как–нибудь в другой раз.

– Доложите сержанту Дрэгеру в палатке МБ. Дай его!

Мангрим вытащил из стола нож. Подошел к щели, которую проделал в палатке, наклонился вниз, и перед тем, как ползти через дыру, оглянулся на Роланда.

– Капитан? – сказал он мягким голосом. – На вашем месте, я бы в темноте ходил более осторожно. Вокруг полно битого стекла. Вы можете упасть и порезать себе голову. Понимаете, что я имею в виду? Прежде чем Роланд смог ответить, он заполз в щель и ушел.

– Ублюдок,– буркнул Роланд. – Он закончит перед взводом автоматчиков.

Маклин рассмеялся. Ему нравилось видеть как Роланд, который обычно бывал таким же сдержанным и без всяких эмоций, как машина, потерял уравновешенность. Это заставило Маклина чувствовать большую сдержанность.

– Он получит лейтенанта через шесть месяцев,– сказал Маклин. – У него такой тип сообразительности, что АСВ будет

процветать. – Он подошел к столу и встал, глядя на голову Франклина Хейза; пальцем левой руки он провел по коричневым рубцам келоидов, проходившим по холодному синему телу. Проклятие с меткой Каина,– сказал он. – Скоро мы избавимся от этой нечисти, скоро мы перестроим вещи так, как это было раньше. Нет. Лучше, чем было. – Он подошел со своей новой рукой и положил ее на карту штата Небраски, потыкав ее гвоздями, он протащил руку через весь стол к себе.

– Пошли патрули на восток и юг с рассветом,– сказал Роланд. – Скажи им, чтобы следили до темноты, до возвращения.

– Как долго мы будем здесь оставаться?

– До тех пор, пока АСВ не соберет здесь полный состав. Я хочу, чтобы все перевозочные средства были готовы к движению.

Основная часть машин, грузовиков, трейлеров, включая собственный командирский трейлер Маклина, была в шести милях к западу от Брокен Боу, и она должна быть продвинута вперед, чтобы соединить ее с наступающими военными батальонами в дневное время. Начиная с лагеря Фредди Кемпки, Маклин создал кочующую армию, где каждая обязанность была представлена, включая пеших солдат, офицеров, механиков, поваров, кузнецов, портных, двоих врачей и лагерь проституток как Шейла Фонтана. Все они объединены управлением Маклина, нуждой в пище, воде, крови – и верой в то, что те из оставшихся в живых, кто имеет метку Каина, должны быть истреблены. Это было простое учение: те, с меткой Каина, заражают человеческую расу радиационно–ядовитыми генами,– и если Америка была бы когда–нибудь настолько сильна, чтобы разбить русских, то метка Каина была бы уничтожена.

Маклин изучал карту штата Небраски. Его взгляд двигался к востоку, вдоль красной линии – шоссе номер 2, через Великий Остров, и Аврору, и Линкольн, к синей линии реки Миссури. Из Небраски АСВ могла идти в Айову и Миссури – нетронутые земли, с новыми поселениями и продовольственными центрами. А далее там было бы широкое пространство реки Миссури, и вся восточная часть страны лежала бы перед АСВ, чтобы быть захваченной и очищенной так, как они очистили большие сектора штатов Юты, Колорадо и Небраски. Но всегда появлялись новые поселения, и Маклин был неугомонным. Он слышал отчеты о “Команде “Гидра”, Ноланских налетчиках и так называемой Американской Верности. Он смотрел вперед навстречу этим “армиям”. АСВ раздавила бы их точно так же, как они разгромили Народную Освободительную Партию за несколько месяцев войны в Роки Маунтинс.

– Мы направляемся на восток,– сказал он Роланду. – Через

Миссури.

Его глаз на пораженном наростами лице светился возбуждением перед охотой. Он поднял свою правую руку и махнул ею в воздухе. Затем быстрее. И еще быстрее.

Гвозди издавали высокий, жуткий, свистящий звук, похожий на человеческий вопль.

Глава 54. Белые цветы

– Эй! Эй, пойди и посмотри на это!

Дверь сарая была открыта и раскачивалась, и Слай Мууди пошатнулся под утренним ветром на пятках. Убийца немедленно выпрыгнул из фургона и залился лаем.

– Иди и посмотри на это! – орал Мууди, и его лицо разрумянилось от возбуждения, хлопья снега осели на его волосах и бороде. Он оделся наспех, набросив коричневое пальто поверх длинных штанов, и он все еще был в тапочках.

– Ты должен прийти и посмотреть.

– Какого черта вы разорались, мистер? – Расти уселся на копне сена, в которой спал, а теперь потер бескровные глаза. Он мог разобрать только то, что узенькая полоска света проходила через дверной проем. Боже всемогущий! Еще даже не рассвело!

Джош был уже на ногах, прилаживая маску, которую он натянул на голову, так он мог видеть через глазную дыру.

Он спал недалеко от фургона и с течением лет усвоил, что вставать по сигналу – это хорошая привычка, способствующая оставаться в живых.

– И что здесь такого? – спросил он Мууди.

– Не здесь! – Пожилой человек указывал через дверной проем на что–то дрожащим пальцем. – Сходи и посмотри там! Где девушка? Она уже встала? Он посмотрел на крытый фургон в сарае.

– К чему все это? – спросил Джош. Прошлой ночью Слай Мууди сказал Джошу и Расти, чтобы они оставили Свон в сарае. Они взяли свои миски с тушенкой и бобами и ели в сарае вместе с ней, а она была нервна и молчалива, как сфинкс. Поэтому теперь то, что Слай Мууди хотел видеть Свон, не вызвало у Джоша никаких эмоций.

– Только притащи ее! – сказал Мууди. – Приводи ее и приходи посмотреть сам! – Потом он побежал во весь дух через дверь на холодный ветер с Убийцей.

– Какой черт его дернул? – бормотал Расти себе под нос, как будто он повел плечами и надвинул свои ботинки на ноги.

– Свон? – позвал Джош. – Свон, ты…

Вдруг палатка раскрылась, и Свон была уже на ногах, высокая, худая и бесформенная, ее лицо и голова были похожи на защитный грубый шлем. Она носила синие джинсы, тяжелый желтый свитер и вельветовое пальто, а ноги были обуты в кожаные ботинки. Она держала Плаксу в одной руке, но сегодня она не прилагала никаких усилий, чтобы спрятать свое лицо. Нащупывая дорогу с помощью магического прута, Свон спустилась вниз по стремянке и повернула голову так, что она могла видеть Джоша через узкую щель остатками своего зрения. Ее голова становилась тяжелее, все труднее было ее контролировать. Иногда она боялась, что шея сломается, а все, что было под наростами, горело, жгло так беспощадно, что часто она не могла сдерживать крик. Однажды она взяла нож для страшного дела, чтобы деформировать ту вещь, в которую превратилась ее голова, и начала рубить ее в безумии. Но наросты были жесткими, как непробиваемая металлическая броня, и поэтому прорезать их было невозможно.

Несколько месяцев назад она перестала смотреться в магическое зеркало. Она не могла выдерживать этого еще хоть сколько–то, потому что та фигура, которая носила раскаленный добела круг, казалось, становилась меньше – отвратительное луноподобное лицо с размытыми чертами монстра – хотя время от времени казалось, что она становилась ближе.

– Поторопитесь!

– Что он хочет показать нам? – спросила Свон у Джоша своим искаженным голосом.

– Я не знаю. Почему бы не сходить и не посмотреть?

Расти надел свою ковбойскую шляпу и последовал за Джошем и Свон из сарая. Свон шла медленно, ее плечи сутулились под тяжестью головы. Но потом внезапно Джош остановился.

– Боже мой,– сказал он мягко, удивившись.

– Ты видишь это? – ликовал Слай Мууди. – Посмотри на это! Только взгляни!

Свон повернула свою голову в другом направлении так, чтобы иметь возможность видеть то, что было напротив нее. Сначала она не поняла, что увидела из–за летящего снега, но ее сердце стало биться быстрее, когда она подошла к Слаю Мууди. Позади нее Расти тоже остановился. Он не мог поверить тому, что видел, думая, что все еще наверняка спит и мечтает. Он открыл рот и издал тихий, неразборчивый шепот.

– Я говорил тебе, так ведь? – кричал Мууди, и он начал смеяться. Карла стояла рядом с ним, закутавшись в пальто и белую шерстяную кепку; она была ошеломлена. – Я говорил тебе!

А потом Мууди начал танцевать джигу, пинал ногами

снежные сугробы, радостно скакал среди пней, где раньше росли яблоневые деревья. Единственная оставшаяся яблоня недолго стояла голой. Сотни белых цветков единым порывом раскрылись на тощих сучках, и когда ветер поднялся, он понес их кружа, как крошечные зонтики из слоновой кости; яркие и маленькие зеленые листья показались на месте цветков.

– Она живая! – воскликнул Слай Мууди радостно, спотыкаясь, падая и поднимаясь снова с лицом, облепленным снегом. – Мои деревья возвращаются к жизни!

– О,– прошептала Свон. Яблоневый цвет кружился позади нее. Она почувствовала его аромат на ветру – сладкий аромат жизни. Она нагнула голову вперед и взглянула на ствол яблони. И там, как будто выжженные по дереву, были отметины ее ладони и нарисованные пальцем буквы С… В… О… Н.

Рука дотронулась до ее плеча. Это была Карла, женщина отступила назад, когда Свон в конце концов повернула свое деформированное лицо и голову. Через узкое поле своего зрения Свон увидела в глазах Карлы – но в ее глазах были и слезы; Карла попробовала заговорить, но она не могла вымолвить ни слова. Пальцы Карлы сжались на плече Свон, и наконец женщина сказала:

– Это ты сделала? Ты вернула, обратила в жизнь это дерево, правда?

– Я не знаю,– сказала Свон. – Я думаю… я только разбудила его.

– Оно цвело целую ночь! – Слай Мууди танцевал вокруг дерева, как будто это было майское дерево, украшенное гирляндами и цветными вымпелами. Он остановился, подошел к дереву и схватил нижний сук, притянув его вниз, чтобы все видели. – Но на нем уже почки! Святый Боже, у нас же будет полная корзина яблок к первому мая! Я никогда не видел такого дерева! – Он качнул ветку и засмеялся как ребенок, а белые лепестки посыпались на него. Но когда его взгляд упал на Свон, усмешка исчезла. Он выпустил сук и пристально посмотрел на нее в полном молчании, в то время как снежные хлопья и лепестки яблони летали между ними, а воздух был наполнен ароматом, предрекавшим фрукты и яблочный сок.

– Если бы я не видел этого своими собственными глазами,– сказал Слай Мууди, его голос дрожал от эмоций. – Я бы никогда не поверил этому. Так не бывает в жизни, чтобы дерево, стоявшее голым на один день, на другой покрылось цветами. Черт, на нем появились новые листочки! Оно растет, как бывало, когда апрель был теплым месяцем и уже слышался стук лета в дверь! – Его голос прервался, и ему пришлось подождать, когда он снова

сможет заговорить. – Я знаю, это твое имя на дереве. Я не знаю, как оно оказалось там, или почему это дерево расцвело по случайности – но если это сон, то я не хочу просыпаться. Понюхай воздух! Только понюхай его! И вдруг он побежал вперед и взял Свон за руку, дотрагиваясь ею до своей щеки. Он издал нескладный вопль и упал на колени на снег. – Спасибо тебе,– сказал он. – Спасибо, спасибо тебе огромное.

Джош как бы снова увидел зеленые ростки, выросшие среди грязи по контуру тела Свон в подвале лавки Поу–Поу.

Он вспомнил о том, что она говорила ему о вредных звуках, о живой земле и остальном живом, что все живое имеет свои языки и свою манеру понимать. Свон часто разговаривала с цветами и растениями, однажды она вырастила большое их количество в трейлере, и оба, Джош и Расти, знали, что она не может смотреть на мертвые деревья, стоявшие когда–то в лесу. Но к такому они не были готовы. Джош ходил около дерева и тыкал пальцем в буквы имени Свон, которые были выжжены в дереве как будто паяльной лампой. Какая–то сила или энергия Свон заставила дерево зацвести прошлой ночью, и здесь было физическое доказательство этого.

– Как ты это сделала? – спросил он Свон, не знал каким способом это еще можно сделать.

– Я только коснулась его,– ответила она. – Я чувствовала, что оно не было мертвым, и я коснулась его, потому что хотела оживить его. – Она была смущена, потому что пожилой мужчина стоял перед ней на коленях, а она от всей души желала, чтобы он встал и перестал плакать. Его жена смотрела на нее одновременно восторженно и отчужденно, как можно было бы смотреть на какую–нибудь жабу с золотыми крылышками. Все это заставляло Свон нервничать больше, чем тогда, когда она боялась старика и его жену прошлой ночью.

– Пожалуйста,– говорила она. – Пожалуйста, встаньте.

– Это чудо,– пробормотала Карла, глядя на цветочный вихрь. Неподалеку Уби бегал вокруг по снегу, пытаясь поймать лепестки зубами. – Она сотворила чудо! – Две слезы скатились по ее щекам, замерзнув, как алмазы, не достигнув подбородка.

Свон была испуганная и ледяная, боясь, что ее уродливая голова может наклониться слишком сильно и сломать шею. Она не могла выносить больше терзающий ветер и выскользнула из объятий Слая Мууди, повернувшись пошла по направлению к сараю, прощупывая снег перед собой, в то время как старик и все остальные смотрели, как она уходила. Убийца бегал вокруг нее с яблоневым цветом во рту.

Расти был первым, кто сумел что–то произнести.

– Какой ближайший отсюда город? – спросил он у Слая Мууди, который все еще стоял на коленях. – На севере мы уже были.

Старик прищурил и потер глаза тыльной стороной руки.

– Ричленд,– сказал он. Потом мотнул головой. – Нет, нет, Ричленд умер. Все покинули Ричленд или умерли от тифа в прошлом году. – Он с трудом встал на ноги. – Мериз Рест,– сказал он наконец. – Это в любом случае было бы вашим следующим пунктом. Это примерно шестьдесят миль южнее отсюда по М–44. Я никогда не был там, но слышал, что Мериз Рест настоящий город.

– Я полагаю, что тогда это будет Мериз Рест,– сказал Джош Расти.

Мууди вдруг очнулся от изумления и отрезал:

– Вам не надо покидать это место. Вы можете остаться здесь с нами! У нас достаточно еды, и мы можем найти в доме комнату и для вас! Господи, эта девушка ни за что не будет больше спать в сарае!

– Спасибо,– сказал Джош,– но нам нужно ехать дальше. Ваша еда понадобится вам самим. И, как Расти сказал, мы развлекаем людей. Вот так мы живем.

Слай Мууди сжал руку Джоша.

– Послушайте, вы даже не знаете, что у вас есть, мистер! Эта девушка чудотворец! Посмотрите на то дерево! Оно было мертво вчера, а сегодня можно чувствовать запах цветения! Мистер, та девушка особенная. Вы даже не знаете, чего она могла бы сделать, если бы посвятила себя этому!

– Что она могла бы сделать? – Расти был в затруднении от тех вещей, которые были определенно за пределами его понимания, это точно так же, как он когда–то взял зеркало Фабрицио и не увидел в нем ничего, кроме темноты.

– Взгляните на то дерево и подумайте о фруктовом саде! – раздраженно сказал Слай Мууди. – Подумайте о полях зерновых, о полях бобов или тыквы, или чего–нибудь еще! Я не знаю, что будет здесь без этой девушки, потому что у нее есть живительная сила! Неужели вы не видите этого? Она коснулась дерева и вернула его к жизни! Мистер, эта Свон могла бы разбудить всю землю!

– Это только одно дерево,– возразил ему Джош. – Откуда вы знаете, что она смогла бы сделать такие же вещи с целым садом?

– Вы глухонемой дурак, что такое сад, если не совокупность деревьев? закричал он. – Я не знаю, как она делает это или вообще что–нибудь о ней, но если она может заставить расти яблоки, она может заставить расти и сад и засеянные поля! Вы

сумасшедший – брать кого–то с Божьим даром, тем более таким, в дорогу! За пределами этих мест вся страна полна убийц, бандитов с большой дороги, психов и еще черт знает кого еще! Если вы останетесь здесь, то она сможет начать работу на полях, делать что–то, что она умеет, чтобы разбудить их опять!

Джош скользнул взглядом по Расти, который кивнул головой, а потом любезно сказал Слаю Мууди:

– Нам нужно ехать дальше.

– Почему? Куда? Что вы ищете такого, что заслуживает поисков?

– Я не знаю,– допустил Джош. За семь лет хождения по свету от поселения к поселению смыслом жизни стало само скитание вместо оседлой жизни. Джош все еще надеялся, что в один прекрасный день они найдут место, которое окажется подходящим для проживания дольше, чем несколько месяцев – и, возможно, однажды он отправится на юг к Мобилю на поиски Рози и его сына.

– Мы узнаем это только когда найдем, я полагаю.

Мууди начал было снова протестовать, но его жена сказала:

– Сильвестр, здесь очень холодно. Я думаю, они решили, и по–моему, им следует поступать так, как они считают лучше. – Пожилой человек колебался, потом, взглянув на свое дерево еще раз, наконец кивнул. – Хорошо, проговорил он. – Вам приходится идти своим собственным путем, я полагаю. Но своим покровительством вы затеняете эту девушку, вы меня слышите? – Он обратил свой взгляд на Джоша, который стоял и был по меньшей мере на четыре дюйма выше его. – Быть может, однажды она ясно представит, чем ей заниматься, и это будет то, что я говорил. Вы затеняете ее, слышите?

– Да,– сказал Джош. – Я слышу.

– Теперь езжайте,– сказал Слай Мууди. Джош и Расти двинулись по направлению к сараю, и Мууди сказал: – Да поможет вам Бог! – Он поднял руку, полную лепестков, со снега, поднес их к своему носу и вздохнул.

Через час или чуть больше после того как фургон бродячих артистов прогромыхал по дороге в северном направлении, Слай Мууди одел свое самое тяжелое пальто и ботинки и сказал Карле, что не может больше здесь оставаться и сидеть на месте. Он собирается идти через леса к заведению Билла Мак–Генри и рассказать ему историю о девушке, которая своим прикосновением может вернуть дерево к жизни. У Билла Мак–Генри есть крытый грузовик и бензин, и еще Слай Мууди сказал, что он собирается рассказать всем в пределах слышимости его крика о девушке, которая сотворила чудо, что еще не все надежды

умерли в мире. Он собирался найти вершину горы и кричать с нее имя девушки, а когда созреют яблоки, он собирается приготовить джем и пригласить всех, кто живет на заброшенных фермах в пределах мили, чтобы поведать им о чуде.

Потом он обнял женщину, которая была ему как жена, и поцеловал ее. Ее глаза сверкали как звезды.

Часть девятая
Фонтан и огонь

Глава 55. Знаки и символы

Джип" грохотал по разбитой заснеженной дороге, минуя развалины и брошенные владельцами машины, которые были разбросаны по обеим сторонам дороги. Здесь же лежал в сером сугробе замерзший труп, и Сестра видела его поднятые руки – последнее обращение к милосердию и состраданию.

Они приехали на безымянный перекресток, и Пол резко сбавил скорость. Он посмотрел через плечо на Хьюга Райена, который вжался в заднее отделение машины вместе с багажом. Хьюг, сжав костыль обеими руками, храпел.

– Эй! – сказал Пол и слегка потолкал спящего мужчину. – Просыпайся!

Хьюг храпнул еще раз, потом наконец открыл плотно закрытые глаза. – Что это? Мы уже приехали?

– Конечно, нет! Мы, должно быть, выбрали неверную дорогу примерно пять миль назад! Здесь нет никаких признаков жизни! – Он кинул взгляд на окружающую их местность через лобовое стекло и почувствовал угрозу новых снегопадов. Свет как раз начал убывать, и Пол не хотел смотреть на приборы, чтобы узнать, сколько осталось бензина, потому что знал, что едет уже на копоти. – Я думал, что ты знаешь путь!

– Я знаю,– уверял его Хьюг. – Но прошло уже столько времени с тех пор, как я отваживался уезжать далеко от Моберли. – Он вглядывался в окружающий ландшафт. – Мы на перекрестке,– произнес он.

– Мы это знаем. Какую нам теперь выбрать дорогу?

– Здесь должен быть знак. Может быть его свалило ветром.

Он поменял положение, пытаясь найти привычный ориентир. Правда, которую он никогда не говорил ни Сестре, ни Полу, заключалась в том, что он никогда не бывал здесь раньше, но он хотел уехать из Моберли, потому что боялся быть убитым среди ночи из–за своих запасов шерстяных одеял.

– Ну, давайте подумаем: по–моему, я припоминаю большую рощу старых дубов, которая была у нас справа.

Пол моргнул. С обеих сторон узкой дороги стоял густой лес.

– Слушай,– сказал Пол. – Слушай внимательно: мы находимся посреди неизвестно чего, у нас заканчивается бензин, а в данный момент здесь нет канистр с бензином, откуда можно было бы перелить его в бак. Уже темнеет, и я думаю, что мы на неверной дороге. А теперь скажи мне, почему я еще не свернул твою тощую шею?

Хьюг смотрел удивленно.

– Потому,– сказал он, исполненный достоинства,– что вы приличный человек. – Он метнул взгляд в сторону Сестры, которая смотрела на него уничтожающим взглядом. – Я действительно знаю дорогу. Я правда знаю. Я ведь провел вас вокруг сломанного моста, не так ли?

– Какой путь? – прямо спросила Сестра. – Левый или правый?

– Левый,– сказал Хьюг – и тотчас же пожалел, что не сказал “правый”, но теперь было слишком поздно, а ему не хотелось выглядеть дураком.

– Или Мериз Рест окажется за следующим поворотом,– сказал им Пол,– или нам вскоре придется прогуляться. – Он завел “Джип” и повернул налево. Дорога вилась между аллеи мертвых деревьев, чьи ветви переплелись и закрывали небо.

Хьюг устроился поудобнее, ожидая осуждения, а Сестра спустилась на настил, где лежал кожаный футляр. Она взяла футляр в руки, нащупала внутри стеклянное кольцо и вытащила его. Она держала на коленях кольцо, манящее сверканием драгоценностей, и вглядывалась в его мерцающие глубины.

– Что ты высматриваешь? – спросил Пол. – Что–нибудь?

Сестра кивнула в ответ. Цвета играли, но картин еще не составляли. Как и почему работало стеклянное кольцо – это было и оставалось загадкой. Пол сказал, что он думает, что возможно радиация превратила стекло, драгоценности и драгоценные металлы в своеобразную сверхчувствительную антенну, но во что это превратилось, никто сказать не мог. Но они пришли к согласию, что стеклянное кольцо руководит ими, и что следовать ему означает отринуть ту часть себя, которая отказывалась от веры в чудеса. Использование стеклянного кольца было равносильно прыжку в никуда, отказу от сомнения, страха и других вещей, засорявших ум; использование его было окончательным актом веры.

– Ближе ли мы к ответу на наши вопросы? – спросила Сестра, вглядываясь в кольцо. – Кого мы ищем и зачем? – Ответы на ее вопросы будут выражены символами и картинками, знаками и

тенями, и звуками, которые могли быть далеки от человеческого голоса, скрипом колес или лаем собаки.

Бриллиант вспыхнул ярко, как метеор, и свет зашипел вдоль ниток из серебра и платины. Все больше алмазов зажигались этим светом, как по цепочке. Сестра чувствовала, что сила от стеклянного кольца передавалась и ей, проходила у нее внутри, глубже, еще глубже, и все ее существо сосредоточилось на вспышках света, которые появлялись в гипнотическом ритме. Она была уже не в “Джипе” с Полом Торсоном и одноногим доктором Амарильо. Она находилась где–то, что походило на покрытое снегом поле, все в пеньках от деревьев. Но одно дерево все–таки осталось, оно было покрыто алмазно–белыми цветами, которые летели по ветру. На стволе дерева была ладонь, след от ладони, как будто выжженный по дереву – длинные тонкие пальцы, рука молодой персоны. А по стволу шли буквы: С..В..О..Н. Сестра попробовала повернуть голову, чтобы увидеть побольше с того места, где стояла, но сцена видения начала блекнуть, где–то на ее краю появились теневые фигурах, отдаленные голоса. Потом, внезапно, видение исчезло, и она вернулась в “Джип” с кольцом в руках.

Она выпустила воздух, который надолго задержала.

– Это снова было,– сказала она Полу. – Я видела это снова – одинокое дерево на поле с пнями, отпечаток ладони и слово “СВОН”, выжженное на стволе. Сегодня было отчетливее, чем прошлой ночью, я даже почувствовала запах яблок. Они путешествовали вчера целый день в поисках Мериз Рест, проведя прошлую ночь в руинах фермерского домика. Это именно там Сестра смотрела в стеклянное кольцо и впервые увидела развевающиеся цветки.

Видение было отчетливее, чем раньше; у нее была возможность видеть все детали дерева, каждую тоненькую веточку и даже крошечные зеленые почки, которые выглядывали из–за цветков.

– Я думаю, мы стали ближе,– сказала она и ее сердце заколотилось. – Образ был яснее, четче. Мы, должно быть, приближаемся…

– Но деревья были мертвыми,– напомнил Пол. – Только посмотри вокруг. Ничто не цветет – и даже не собирается. Почему эта штука показала тебе образ цветущего дерева?

– Я не знаю. Если бы я знала, я бы сказала тебе. – Она опять сосредоточилась на стеклянном кольце; оно пульсировало в такт ее сердцебиению, но больше не приглашало путешествовать. По крайней мере, послание было доставлено, но не было повторено.

– Свон. – Пол кивнул головой. – Это не вызывает

воодушевляющего прилива чувств.

– Нет, вызывает. Как–то, но вызывает. Нам теперь надо сложить кусочки вместе.

Руки Пола сжали рулевое колесо.

– Сестра,– сказал он с некоторой ноткой сожаления,– ты сказала то же самое, что несколько лет назад. Ты смотрела на стеклянное кольцо и пыталась гадать, как цыганка на кофейной гуще. Сейчас мы едем черт знает где, а все эти знаки и символы могут не обозначать никаких вещей. – Он пристально взглянул на нее. – Ты когда–нибудь думала о такой возможности?

– Мы нашли Матисон, не так ли? Мы нашли карты и куклу. – Она говорила твердым голосом, но было много дней и ночей, когда она позволяла себе бояться той же самой вещи – но только на мгновения или два, а потом ее решительность возвращалась. – Я уверена, это приведет нас к чему–нибудь, к чему–нибудь очень важному.

– Ты хочешь сказать, что хочешь верить в это?

– Я хочу сказать, что и тебе хочется верить в это! – возразила она. – Как могла я продолжать, если бы я не верила?

Пол глубоко вздохнул, он устал, борода его чесалась, и он знал, что от него пахнет как в зоопарке от клетки с обезьянами. Сколько времени прошло с тех пор, как он принимал ванну? Самое лучшее, что он мог сделать в последние несколько месяцев, это потереть себя от души снегом с золой. За прошедшие два года они, как пара осторожных боксеров, танцевали по кругу этого таинственного кольца. Сам Пол не видел в этом кольце ничего, кроме цветов, но он много раз спрашивал себя, а что если женщина, с которой он путешествовал, обретена им на самом деле для любви и уважения, не выдумывала ли она эти знаки и символы, интерпретируя их так, чтобы они продолжали эти безумные поиски.

– Я верю,– сказала она ему,– что это дар. – Я верю, что нашла это с каким–то смыслом. Я верю, что это ведет нас к чему–то разумному. И все, что нам является, это ключ к тому, куда нам нужно идти. Разве ты не пони…

– Дерьмо,– сказал Пол, и почти ударил по тормозу, но испугался, что “Джип” занесет с дороги. Сестра посмотрела на него с отвратительным выражением преувеличенного гнева, потрясения и разочарования. – Ты видела эту дурацкую клоунскую морду в этой проклятой штуке, помнишь? Ты видела изуродованную телегу? Помесь каких–то трейлеров или что–то вроде того? И ты видела еще тысячу других вещей, которые просто не имеют никакого смысла. Ты сказала, что нужно идти на восток, потому что тебе показалось, что видения или сны или

черт знает что при этом становится сильнее, а потом ты сказала идти обратно на запад, потому что видения стали затихать и ты старалась сфокусироваться на направлении. После этого ты сказала идти на север, а потом на юг, а потом на север и снова на юг. Сестра, ты видишь, что ты хочешь увидеть в этой проклятой штуке! Ну, мы нашли Матисон, штат Канзас! Ну и что? Может, ты что–то слышала о том городе, когда ты была ребенком! Ты об этом когда–нибудь думала?

Она сидела молча, теснее прижимая к себе стеклянное кольцо, и наконец сказала то, что хотела сказать очень, очень давно. – Я верю,– сказала она,– что это дар Божий.

– Хорошо. – Он горько улыбнулся. – Ну, посмотри вокруг. Просто посмотри. Ты никогда не допускала возможности, что, быть может, Бог просто безумен?

Слезы жгли ей глаза, она отвернулась от него, пусть она будет проклята, если он увидит, что она плачет.

– Это все ты, разве ты этого не видишь? – продолжал он. – Это то, что ты видишь. Это то, что ты чувствуешь, то, что ты решила. Если это проклятая штука ведет тебя куда–то или к кому–то, то почему она тебя не показывает правильно, куда тебе идти? Почему она разыгрывает такие штучки с твоим разумом? Почему она дает тебе эти ключи порциями и кусочками?

– Потому,– ответила она с легкой дрожью в голосе,– что обладание даром еще не означает умение им пользоваться, виновато не стеклянное кольцо – это я виновата, потому что есть предел тому, что я понимаю. Я стараюсь изо всех сил, и может быть… может быть, тот, кого я ищу еще не готов к тому, чтобы его нашли.

– Что? Продолжай!

– Может быть, обстоятельства еще не совсем те. Может быть, картина еще не полная, и вот почему…

– О Боже! – устало сказал Пол. – Ты бредишь, ты понимаешь это? Ты делаешь неправильно вещи, потому что так сильно хочешь, чтобы они были правильными. Ты не хочешь допустить, что ты зря потратили семь лет жизни в поисках призраков.

Сестра посмотрела на дорогу, расстилающуюся перед ними, ведущую в темный, глухой лес. – Если ты так это понимаешь,– сказала она наконец,– то зачем ты странствовал со мной все это время?

– Я не знаю. Может быть потому, что я хотел верить так же, как и ты. Я хотел верить, что есть какая–то система во всем этом безумии – но этого нет, и не было никогда.

– Я помню коротковолновый радиоприемник,– сказала Сестра.

– Что?

– Коротковолновый радиоприемник,– повторила она. – Тот, которым ты пользовался, чтобы удержать тех людей в своей хижине от того, чтобы они не убили себя. Ты их держал и давал им надежду. Понимаешь?

– Ладно. Ну и что?

– Разве ты сам хотя бы не надеялся, что в этом радио появится человеческий голос? Разве ты не говорил себе, что может быть в следующий раз, или еще в следующий, там появится сигнал от каких–то других оставшихся в живых людях? Ты шел на это не только ради того, чтобы поддержать сколько–то уцелевших незнакомцев. Ты делал это также и чтобы выжить сам.

И ты надеялся, что, может быть, однажды появится еще что–нибудь кроме молчания в этом радио. Ну, так вот это – это мой коротковолновый радиоприемник. – Она пробежалась руками по гладкому стеклу. – И я верю, что он настроен на какую–то силу, которую я еще даже не умею понимать, но я и не усомнюсь в этом. Нет. Я буду продолжать шаг за шагом, постепенно, с тобой или без тебя.

– Какого черта?.. – Пол прервал ее, когда они делали поворот. По середине дороги под нависшими над ними деревьями стояли три больших снеговика, все в шапочках и шарфах, с камушками вместо глаз и носов. Один из них, казалось курил трубку, сделанную из кукурузной кочерыжки. Пол сразу же понял, что не сможет вовремя остановиться, и хотя он нажал на тормоз, колеса забуксовали в снегу, и переднее крыло “Джипа” стукнуло одного из снеговиков.

От толчка Пол и Сестра почти ударились о ветровое стекло, а Хьюг издал каркающий звук, когда от столкновения у него затрещали зубы. Мотор “Джипа” запнулся и затих. Сестра и Пол увидели, что там, где был снеговик, теперь груда снега, окружающая отвратительный дорожный блок из металлолома, кусков дерева и камня.

– Дерьмо! – сказал Пол, когда снова обрел голос. – Какой болван поставил этих чертовых…

Пара ног и стоптанных коричневых ботинок шлепнулась сверху на капот “Джипа”.

Сестра взглянула вверх и увидела покрытую капюшоном фигуру в длинном драном коричневом пальто с одной рукой, обвязанной веревкой, которая была привязана к трем ветвям над дорогой. В другой руке у фигуры был пистолет калибра 9 мм, нацеленный сквозь ветровое стекло на Пола Торсона.

Еще несколько фигур, со всех сторон бежавшие от леса, стекались к “Джипу”. – Бандиты! – заныл Хьюг с глазами,

расширенными от ужаса. – Они схватят нас и перережут нам глотки!

– Черта с два,– спокойно сказала Сестра, и положила руку на приклад ружья, которое лежало около нее на сиденье. Она подтащила его, нацеливаясь на фигуру на капоте и собралась уже стрелять, когда двери “Джипа” рывком открылись.

Дюжина пистолетов, три винтовки и семь заточенных деревянных копий ткнулись в “Джип”, направленные на Сестру, и такое же количество оружия угрожало Полу. – Не убивайте нас! – закричал Хьюг. – Пожалуйста, не убивайте нас! Мы дадим вам все, что вы хотите!

Хорошо тебе так говорить, у тебя–то нет ни черта! – подумала Сестра, уставившись на ощетинившуюся стену огнестрельного оружия и копий. Она подсчитала, сколько времени займет у нее повернуть ружье и подстрелить бандитов и поняла, что уйдет в небытие как только сделает неожиданное движение. Она застыла с одной рукой на ружье, стараясь другой защитить стеклянное кольцо.

– Выйти из “Джипа”,– скомандовала фигура на капоте. Голос был молодой голос мальчика. Пистолет сдвинулся в направлении Сестры. – Убери палец с крючка, если хочешь, чтобы он остался живым.

Она сомневалась, разглядывая лицо мальчишки, хотя и не могла различить его черты из–за капюшона пальто. Пистолет был нацелен так уверенно, хотя это была рука мальчика, и тон его голоса был убийственно деловым.

Она мигнула и убрала палец с крючка.

Пол знал, что у них нет выбора. Он пробормотал ругательство, стремясь схватить руками шею Хьюга Райена, и вышел.

– Да, ты проводник тот еще,– сказала Сестра Хьюгу. Она глубоко вздохнула, потом выдохнула и вышла.

Она возвышалась над своими захватчиками.

Это были дети.

Все они были худые и грязные, младшему было около девяти или десяти, а старшему, наверное, шестнадцать – и они все как один уставились на пульсирующее стеклянное кольцо.

Глава 56. Задачка для хирурга

Сгрудившись перед визжащей буйной шайкой из двадцати семи бандитов–мальчишек, Пол, Сестра и Хьюг продвигались по заснеженному лесу, подталкиваемые дулами винтовок и острыми наконечниками копий. Примерно в сотне ярдов от леса им

скомандовали остановиться, и они ждали, пока несколько мальчишек расчистят ветки и мусор у входа в небольшую пещеру. Ствол винтовки втолкнул Сестру внутрь, а за ней последовали и все остальные.

За входом пещера расширялась в большое помещение с высоким потолком. Внутри было сыро, но были расставлены и зажжены дюжины свечей, а в центре пещеры высвечивался небольшой костер, дым клубился через отверстие в потолке. Восемь других мальчишек, все тощие и больного вида, ждали возвращения своих сотоварищей, и когда брошенные мешки были открыты, мальчишки закричали и засмеялись, разбрасывая запасную одежду и свитера, обрядились в шерстяные шары и шапки и заплясали вокруг костра как разбойники. Один из них вскрыл посудину с самогоном, которую захватил с собой Хьюг, и крики стали громче, а танец более диким, к хриплым крикам добавлялся шум ударяемых друг о друга деревяшек, тыквенных трещоток и палок, отбивающих ритм о картонную коробку.

Хьюг неустойчиво балансировал на своем костыле и единственной ноге, пока мальчишки крутились вокруг него, нападая на него копьями. Он раньше уже слышал рассказы о лесных бандитах, и ему не нравились мысли, что его могут оскальпировать или содрать с него кожу. – Не убивайте нас,– старался он перекричать это буйство. – Пожалуйста не… – и он сел на крестец, когда упрямый десятилетний мальчишка с лохматыми черными волосами выбил из–под него костыль. Последовал взрыв смеха, и еще больше стволов и копий стало пихать Пола и Сестру. Она оглядела пещеру и увидела сквозь дым, витавший в пещере, маленького худого мальчишку с рыжими волосами и хрупкого сложения. Он держал в руках стеклянное кольцо, напряженно вглядываясь в него, а второй мальчишка отнял кольцо и убежал. Третий мальчишка напал на второго, стараясь ухватиться за это сокровище. Сестра увидела толпу оборванных мальчишек, толкающихся и дерущихся в оживлении охоты, и она потеряла из виду стеклянное кольцо. Еще один мальчишка толкнул ее в лицо ее собственным ружьем и ухмыльнулся, как будто заставляя ее подвинуться. Затем он унесся, прихватив банку с самогоном, и присоединился к победному празднеству.

Пол помог Хьюгу подняться. Копье вонзилось Полу в ребра, и он сердито повернулся к своему мучителю, но Сестра схватила его за руку, чтобы повернуть обратно. Мальчишка, в спутанных волосах которого были привязаны кости какого–то мелкого животного, ткнул ее копьем в лицо, чуть не проткнув ей глаз. Она безразлично уставилась на него, а он захихикал как гиена и

запрыгал прочь.

Мальчишка, который забрал у Пола “Магнум”, пританцовывая пробежал мимо, едва удерживая двумя руками тяжелое оружие. Посудина с самогоном передавалась из рук в руки, возбуждая в них еще большее неистовство. Сестра боялась, что они начнут палить напропалую из своих ружей, а в подробном ограниченном пространстве попадание рикошетом окажется смертельным. Она увидела отблеск от стеклянного кольца, когда один из мальчишек отнимал его у другого, затем за него стали драться двое других, и ей стало плохо при мысли, что стеклянное кольцо сейчас разобьется. Она шагнула вперед, но острия полдюжины копий вонзились в спину.

А потом произошло нечто ужасное, один из мальчишек, уже одуревший от самогона, поднял стеклянное кольцо над головой, и в это время его схватил сзади другой, стараясь отнять. Кольцо выскользнуло из его рук и полетело по воздуху, а Сестра почувствовала, что у нее вырвался крик. Она увидела, как оно падает, как будто ужасно замедленным движением, на каменный пол, услышала, как сама кричит: “Нет!”, но ничего не могла сделать. Круг из стекла падал… падал… падал…

Чья–то рука схватила его прежде, чем оно ударилось о пол, и кольцо засверкало пламенными цветами, как будто внутри него взрывались метеоры.

Его поймала та фигура, в пальто с капюшоном, которая приземлилась на капот “Джипа”. Он был выше, чем другие, по меньшей мере на фут, и когда он приближался к Сестре, мальчишки вокруг него расступались, давая ему дорогу. Лицо его все еще было скрыто капюшоном. Крики и шум хлопающих деревяшек, барабанные удары стали запинаться и слабеть по мере того как этот парень неторопливо проходил сквозь толпу других. Стеклянное кольцо засветилось сильным, ярким блеском. И тогда мальчишка встал перед Сестрой.

– Что это? – спросил он, держа кольцо перед собой. Другие перестали плясать и кричать и стали собираться вокруг, чтобы понаблюдать.

– Это принадлежит мне,– ответила Сестра.

– Нет. Это раньше принадлежало тебе. Я спросил, что это.

– Это,– она сделала паузу, стараясь решить, что сказать,– это волшебное,– сказала она. – Это чудо, если ты знаешь, как им пользоваться. Пожалуйста – она услышала у себя в голосе необычный призвук мольбы. – Пожалуйста, не разбейте его.

– А что, если бы я разбил? Что, если бы я дал ему упасть и разбиться? Чудо бы разбилось?

Она молчала, зная, что мальчишка насмехается над ней.

Он стянул капюшон назад, открыв лицо.

– Я не верю в чудеса,– сказал он. Это для дураков и детей.

Он был старше других – лет, может быть, семнадцати или восемнадцати. Он был почти таким же высоким, как она, а ширина плеч говорила о том, что когда он вырастет и поправится, то будет крупным мужчиной. Лицо у него было худое и мертвенно–бледное, с острыми скулами, а глаза пепельного цвета.

В темно–шатеновые волосы длиной до плеч были вплетены небольшие косточки и перья, и выглядел он сурово и серьезно, как индейский вождь.

Нижнюю часть лица прикрывали тонкие светло–коричневые волосы бороды, но Сестра могла видеть, что линия подбородка была сильная, квадратная. Широкие темные брови добавляли выражению лица суровость, а переносица была уплощена и искривлена как у боксера. Он был симпатичный юноша, но, конечно, опасный. И, как поняла Сестра, он не был ни ребенком, ни дураком.

В молчании он рассматривал стекло. Затем:

– Куда вы собирались?

– Мериз Рест,– нервно проговорил Хьюг. – Мы просто бедные путешественники. Мы ничего не…

– Заткнись,– приказал парень, и Хьюг запнулся. Он несколько секунд неподвижно и пристально смотрел на Пола, затем хмыкнул и перевел взгляд. Мериз Рест,– повторил парень. – Вы примерно в пятнадцати милях к востоку от Мериз Рест. Почему вы туда направляетесь?

– Мы собирались пройти туда по дороге к югу,– сказала Сестра. – Мы рассчитывали получить еду и воду.

– Вот как? Ну, тогда вам не повезло. Еды в Мериз Рест почти не осталось. Они там голодают, а пруд у них высох примерно пять месяцев назад. Для питья они растаивают снег, как и все другие.

– Снег содержит радиацию,– сказал Хьюг. – Если будешь пить талый снег, то это тебя убьет.

– А ты кто? Эксперт?

– Нет, но я… я был врачом, и я знаю, о чем говорю.

– Врачом? Каким врачом?

– Я был хирургом,– сказал Хьюг, и гордость снова прокралась в его голос. – Я был лучшим хирургом в Амарильо.

– Хирургом? Ты хочешь сказать, что ты оперировал больных?

– Правильно, и у меня не умирали пациенты, ни один.

Сестра решила шагнуть вперед. Мгновенно рука парня схватилась за пистолет у пояса под пальто. – Послушай,– сказала Сестра,– давай покончим с этим кочевряженьем вокруг. Вы уже

получили все, что у нас есть. Остаток пути мы пройдем пешком – но я хочу взять обратно это стеклянное кольцо. Я хочу забрать его сейчас. И если вы собираетесь убить меня, лучше так и сделайте, потому что или вы отдаете мне кольцо, или я забираю его у вас.

Парень оставался неподвижным, его ястребиный взгляд изучал ее.

– Вот оно! – подумала она. И сердце у нее забилось. Она сделала движение, чтобы подойти к нему, но он неожиданно засмеялся и отступил назад. Кольцо он держал наверху, и как будто бы хотел уронить его на пол пещеры.

Сестра остановилась. – Не надо,– сказала она. – Пожалуйста, не надо!

Рука его задержалась в воздухе. Сестра напряглась, готовая броситься за ним, если он разожмет пальцы.

– Робин? – позвал слабый голос из глубины пещеры. – Робин?

Парень еще несколько секунд всматривался в лицо Сестры, взгляд был тяжелый и жесткий, затем моргнул, опустил руку и предложил кольцо ей. – На. Это в любом случае и дерьма не стоит.

Она взяла его, облегчение пробежало по ее костям.

– Никто из вас никуда не уедет,– сказал парень. – Особенно вы, доктор.

– Эге? – Ужас пронзил его.

– Шагайте вглубь пещеры,– скомандовал парень. – Вы все. – Они заколебались. – Давай,– сказал он голосом, в котором чувствовалось, что он привык, чтобы ему повиновались.

Они это сделали, и через мгновение Сестра увидела еще несколько фигур в дальнем углу помещения. Трое из них были мальчишки с маской Иова различной степени тяжести, один из них вообще едва держал прямо свою изуродованную голову. В углу на полу лежал на ложе из соломы и листьев худой мальчик с шатеновыми волосами лет десяти или одиннадцати, лицо у него блестело от горячечного пота. На его белевшей груди, как раз ниже сердца, было наложено что–то вроде пластыря из просаленных листьев, а вокруг него сочилась кровь. Раненый, когда увидел их, постарался поднять голову, но у него не было силы. – Робин? – прошептал он, это ты?

– Я здесь, Баки. – Робин склонился над ним и отвел влажные волосы со лба мальчика.

– Мне больно… Так сильно. – Баки закашлял, и у него на губах запенилась кровь. Робин быстро листочком стер ее. – Ты ведь не выпустишь меня, когда будет темно?

– Нет,– тихо сказал Робин. – Я не выпущу тебя, когда будет темно. – Он посмотрел на Сестру глазами, которым было сто лет.

– Баки подстрелили три дня назад. – Осторожными движениями он мягко снял пластырь из листьев. На месте раны была безобразная алая дыра с гноящимися отекшими серыми краями. – Я не верю в волшебство или чудеса,– сказал он. – Но может быть чудо то, что мы сегодня нашли Вас, док. Вы сейчас удалите пулю.

– Я? – Хьюг почти задохнулся. – О, нет. Я не могу. Нет.

– Вы сказали, что оперировали больных. Вы сказали, что у вас не погиб ни один пациент.

– Это было целую вечность назад! – завопил Хьюг. – Посмотрите на эту рану! Она слишком близко к сердцу! – Он протянул беспомощную руку. – Такой рукой я не могу даже салата нарезать.

Робин встал и приблизился к Хьюгу, так что они почти оказались нос к носу. – Вы врач,– сказал он. – Вы сейчас удалите пулю и приведете его в порядок, или же можете начинать копать могилу для себя и своих друзей.

– Но я не могу! Здесь нет ни инструментов, ни света, ни дезинфекции, ни обезболивающих! Я семь лет не оперировал, да я и не был сердечным хирургом вообще! Мне очень жаль. У этого мальчика нет шансов.

Пистолет Робина вновь поднялся и уперся в глотку Хьюга. Врач, который не может помочь любому, не должен жить. Вы же только небо коптите, а?

– Пожалуйста… пожалуйста. – Хьюг задыхался, глаза у него выпучились.

– Подожди минутку,– сказала Сестра. – Рана уже открыта. Все, что тебе нужно сделать, это удалить пулю.

– О, конечно! Конечно! Просто удалить пулю. – Хьюг хихикнул, почти на грани истерики. – Сестра, пуля может быть в любом месте! А чем я должен останавливать кровь? А как я должен выковыривать эту проклятую штуку оттуда – пальцами?

– У нас есть ножи – сказал ему Робин. – Мы можем прокалить их на огне. Это их очистит, верно?

– В подобных условиях не может быть такого понятия, как “чистота”! Боже мой, вы не знаете, о чем вы меня просите!

– Мы не просим, мы приказываем. Делайте, доктор.

Хьюг взглянул на Пола и Сестру в надежде на помощь, но они ничего не могли сделать. – Я не могу,– хрипло прошептал он. – Пожалуйста… Я убью его, если попытаюсь удалить пулю.

– А если не попытаетесь, то он умрет наверняка. Я здесь вождь. Когда я даю слово, я его держу. Баки подстрелили, потому что я его послал с другими остановить проходивший грузовик. Но он еще не был готов убивать кого–нибудь и не умел достаточно быстро увертываться от пуль. – Он ткнул пистолет в горло Хьюга.

– А я уже готов убивать. Я делал это раньше. И сейчас я обещал Баки, что я сделаю для него все, что смогу. Так что или вы удаляете пулю, или мне придется вас убить.

Хьюг сглотнул, глаза от страха наполнились слезами. – Но столько всего… я столько всего забыл.

– Вспоминай. И побыстрее.

Хьюг дрожал. Он закрыл глаза, снова их открыл. Парень был еще здесь. Сердце билось так, что чувствовалось во всем теле. Что я помню? – спросил он себя. – Подумай, о черт! Ничто не сложится само, все в таком смутном беспорядке. Парень ждал, держа палец на спусковом крючке. Хьюг осознал, что ему придется действовать инстинктивно, и Бог поможет ему, если он сможет собраться. – Кому–то придется поддерживать меня,– удалось ему сказать. – У меня не очень хорошо с равновесием. И свет. Мне нужно столько света, сколько возможно. Мне нужно… – Думай! – Три или четыре острых ножа с узкими лезвием. Потрите их золой и прокалите на огне. Мне нужны тряпки и… мне нужны зажимы и пинцеты и зонд, не могу же я просто убивать этого мальчика, черт побери! – Он сверкнул глазами на Робина.

– Я достану, что вам нужно. Хотя и не это медицинское дерьмо. Но я достану вам что–то другое.

– И самогон,– сказал Хьюг. – Банку. Для мальчика и для меня. Мне нужна зола, чтобы помыть руки, и мне может понадобиться ведро, если вырвет. Он подтянул дрожащую руку и оттолкнул пистолет от горла. – Как вас зовут, молодой человек?

– Робин Оукс.

– Тогда порядок, мистер Оукс. Когда я начну, вы не должны касаться меня и пальцем. Не важно, что я буду делать, не важно, что, как вы думаете, я должен делать. Иначе я буду так напуган, что мы можем умереть оба. – Хьюг посмотрел вниз на рану и поморщился: она была очень, очень скверной. – Из какого оружия в него стреляли?

– Я не знаю. Думаю, из пистолета.

– Это мне ничего не говорит о размерах пули. О Боже, это безумие! Я не могу убрать пулю из раны, которая так близко к… – Пистолет скользнул обратно. Хьюг увидел, что палец у парня в готовности на спусковом крючке, и что–то похожее на близость к смерти промелькнуло на фасаде высокомерия, который он снова надел на себя в Амарильо. – Убери эту пушку от моего лица, свиненыш,– сказал он и увидел, как сощурился Робин. – Я сделаю, что смогу, но не обещаю чуда, ты это понимаешь? Хорошо? Для чего ты здесь стоишь? Доставай, что мне нужно!

Робин опустил пистолет. Он вышел принести самогон, ножи и золу.

Напоить Баки настолько, насколько нужно было для Хьюга, заняло примерно минут двадцать, под руководством Робина другие мальчишки принесли свечи и поставили их вокруг Баки. Хьюг поскреб руки золой и стал ждать, пока обработают лезвия.

– Он называет вас Сестрой,– сказал Робин. – Вы сиделка?

– Нет. Это просто мое имя.

– О!

Это прозвучало разочарованно, и Сестра решила спросить, почему?

Робин пожал плечами. – У нас обычно были сиделки там, где мы были, в большом здании. Я обычно звал их черными дроздами, потому что они всегда налетали на меня, когда думали, что что–то сделано неправильно. Но некоторые из них были ничего. Сестра Маргарет говорила, что дела у меня поправятся. Вроде семьи, дома и все прочее. – Он оглядел пещеру. – Что–то вроде дома, а?

До Сестры дошло, о чем говорит Робин. – Вы жили в приюте?

– Да. Все. Многие из нас заболели и умерли, когда похолодало. Особенно те, кто был действительно маленьким,– его глаза потемнели. – Отец Томас умер, и мы похоронили его за большим домом. Сестра Линн умерла, а затем также сестра Меи и сестра Маргарет. Отец Каммингс ушел ночью. Я не виню его – кто же хочет заботиться о стаде ничтожных доходяг? Некоторые другие тоже ушли. Последним, кто умер, был отец Клинтон, и тогда остались только мы.

– А там были с вами более старшие ребята?

– О, да. Осталось несколько из них, но большинство просто ушли от нас. И вот, как я понимаю, я остался старшим. Я посчитал так, если я уйду, то кто позаботится об этом отребье?

– И вы нашли эту пещеру и стали грабить?

– Конечно. Почему же нет? Я имею в виду, что мир же сошел с ума, ведь так? Почему же нам не грабить людей, если это единственный способ остаться живым?

– Потому что это неправильно,– ответила Сестра. Парень засмеялся. Она дала его смеху затихнуть, а потом сказала. – Сколько народу вы убили?

Все следы улыбки исчезли с его лица. Он пристально посмотрел на свои руки, это были руки мужчины, грубые и мозолистые. – Четверых. Иначе они убили бы меня. – Он неловко пожал плечами. – Это не важно.

– Ножи готовы,– сказал Пол, возвращаясь от костра. Стоя на костыле над раненым мальчиком, Хьюг глубоко вздохнул и наклонил голову. Так он постоял с минуту.

– Хорошо. – Голос у него был тихий и смирившийся. –

Принесите ножи. Сестра, вы не сможете встать рядом на колени и помочь мне держаться? Еще мне нужно, чтобы несколько мальчишек держали для безопасности Баки. Не нужно, чтобы он метался.

– Может мы просто дадим ему как следует или еще что–нибудь в этом роде?

– Нет. В этом есть риск, что мы повредим мозг, а первым побуждением человека, которого ударили до потери сознания, является желание вскочить. Нам ведь это не нужно? Пол, не подержишь ли ты ноги Баки? Надеюсь, от того что ты увидишь немного крови тебе не станет плохо?

– Не станет,– сказал Пол, а Сестра припомнила тот день на М–80, когда он доставал внутренности из брюха волку.

Принесли горячие ножи в металлическом горшке. Сестра встала на колени возле Хьюга и дала ему возможность опереть на нее его слабый вес. На землю рядом с собой она положила стеклянное кольцо. Баки был пьян и бредил, он говорил о том, что слышит, как поют птицы.

Сестра слушала, но ей было слышно только, как у входа в пещеру воет резкий ветер.

– Милостивый Боже, направь, пожалуйста, мой нож,– прошептал Хьюг. Он взялся за нож. Лезвие было слишком широким, и он выбрал другой. Даже самый узкий из имеющихся ножей будет таким же неуклюжим, как сломанный палец. Он знал, что единственный промах может прорезать левый желудочек сердца, а тогда ничто не сможет остановить фонтан крови.

– Начинайте же,– подгонял Робин.

– Я начну, когда буду готов! И ни одной проклятой секундой раньше! А теперь отодвинься от меня, парень!

Робин отступил, но остался достаточно близко, чтобы наблюдать.

Некоторые другие держали Баки за руки, его голову и туловище, прижимая их к земле, а большинство из них, даже жертвы маски Иова, сгрудились вокруг. Хьюг взглянул на нож у себя в руке, он дрожал, и дрожь не прекращалась. Прежде чем нервы у него окончательно сдали, он склонился вперед и прижал горячее лезвие к краю раны.

Брызнула зараженная жидкость. Тело Баки дернулось, и мальчик завыл от боли. – Прижимайте его сильнее! – закричал Хьюг. – Держите его, черт подери! – Мальчишки в борьбе старались сдержать его, и даже Полу было трудно удержать дергающиеся ноги. Нож Хьюга пошел глубже, и крик Баки отражался от стен.

Робин закричал: – Ты убиваешь его! – Но Хьюг не обратил внимания.

Он схватил банку с самогоном и стал его брызгать вокруг и внутрь гноящейся раны. Теперь мальчишкам было проще удерживать Баки. Хьюг стал снова вводить зонд, его собственное сердце колотилось, как будто вот–вот вырвется из груди.

– Я не вижу пулю! – сказал Хьюг. – Она ушла слишком глубоко! – Кровь выбивалась струйкой, густая и темно–красная. Он выбрал осколки кости из разбитого ребра. Ниже лезвия билась и пульсировала красная губчатая масса легкого. – Держите, прижимайте его крепче, ради Бога! – кричал он. Лезвие было слишком широким, это был не хирургический инструмент, это был инструмент мясника. – Я не могу сделать это! Я не могу! – взвыл он и отбросил нож.

Робин прижал дуло пистолета к его черепу. – Убирай ее оттуда, и все!

– У меня нет нужных инструментов! Я не могу работать без…

– К черту инструменты! – закричал Робин. – Работай пальцами, если нужно! Только удали пулю!

Баки стонал, веки его лихорадочно дрожали, тело так и стремилось принять позицию утробного плода. Чтобы удержать его, остальные прикладывали все свои силы. Хьюг как будто потерял рассудок, в металлическом горшке не было более узких лезвий, подходящих для работы. Пистолет Робина подталкивал его по голове. Он взглянул в сторону и увидел стеклянное кольцо на земле.

Он увидел два тонких острых выступа и заметил следы того, что когда–то было еще три.

– Сестра, мне нужен один из этих шипов как зонд,– сказал он. – Ты не могла бы отбить один для меня?

Она поколебалась только одну – две секунды, а затем шип был у него на ладони и отсвечивал всеми цветами.

Расплавляя края раны другой рукой, он скользнул зондом внутрь алого отверстия.

Хьюгу пришлось войти глубоко, мурашки ползли по спине при мысли, что мог там задеть зонд. – Держите его! – предупреждал он, проводя кусок стекла на сантиметр левее. Сердце работало, тело проходило еще через один болевой порог. – Спеши! Спеши! – думал Хьюг. – Найди эту сволочь и вытащи! Зонд проскользнул еще глубже, и все еще не было никакой пули.

Он вдруг вообразил, что стекло нагревается у него в руке. Оно стало очень теплое, почти горячее.

Еще две секунды и он уже был уверен, зонд нагревается. Баки содрогнулся, глаза его закатились и он милосердно затих. Клубок

пара поднялся из раны, как при выдохе. Хьюг подумал, что у него запах подпаленной ткани. Сестра? Я не знаю… что происходит, но я думаю…

Зонд коснулся твердого предмета глубоко в губчатых складках тканей, менее чем в полудюйме ниже левой коронарной артерии. – Нашел! – прохрипел Хьюг, пока сосредоточивался на определении ее размера концом зонда. Кровь была везде, но это не была та светлая артериальная кровь, движение ее было вялым. Зажатое в руке стекло стало горячим, а запах горелой плоти сильнее. Хьюг ощутил, что его оставшаяся нога и нижняя часть тела замерзают, но из раны поднимается пар. Ему пришло в голову, что кусок стекла каким–то образом проводит тепло его тела, поднимая его и усиливая в глубине раны. В руке он почувствовал силу – спокойную уверенную силу. Казалось, она потрескивала у него в руке, как разряды молнии, очищая мозг от страха и выжигая паутину паров самогона. Он вдруг ощутил, как тридцать лет медицинского опыта снова заполнили, влились в него, и он почувствовал, что он молод, силен, и не боится.

Он не знал, что это за сила – волна самой жизни или что–то такое, что люди в церкви называют спасением – но он снова мог видеть. Он мог достать эту пулю. Да. Он мог.

Руки у него больше не дрожали.

Он осознал, что ему нужно забраться ниже пули с помощью зонда, и поднимать ее до тех пор, пока он не сможет взяться за нее двумя пальцами. Левая коронарная артерия и левый желудочек были близко, очень близко. Он начал работать точными движениями, как в геометрии.

– Осторожно,– предупредила Сестра, но она знала, что ей не следует предупреждать его. Лицо его склонилось над раной, и вдруг он крикнул больше света! И Робин поднес свечу ближе.

Пуля освободилась из окружающих тканей. Хьюг услышал шипение, почувствовал запах горящего мяса и крови. Какого черта? – подумал он, но времени отвлечься на эти рассуждения у него не было. Осколок стекла сейчас уже был слишком горяч, его почти нельзя было держать, хотя он и не осмеливался осознать это. Он чувствовал себя так, словно до самой середины груди сидел во льдах.

– Я ее вижу,– сказал Хьюг. – Небольшая пуля, слава тебе, Господи! – он забрался двумя пальцами в рану и зажал ими кусочек свинца. И вытащил их снова, зажав то, что напоминало сломанную пломбу, и бросил ее Робину.

Потом он стал извлекать зонд, и они все могли слышать шипение плоти и крови. Хьюг не мог поверить тому, чему он был свидетелем: внизу, в ране, поврежденная ткань прижигалась и

затягивалась, по мере того как осколок стекла вытаскивался.

Он вышел как раскаленный добела прут. Когда он вышел из раны, послышалось недолгое шипение, кровь свернулась, по инфицированным краям пробежал голубой огонь и пропал. За это время Сестра едва успела сделать четыре коротких вздоха. Там, где несколько минут назад была дыра, теперь был коричневый, обожженный круг.

Хьюг держал перед лицом кусок стекла, черты лица его были смыты чистым белым светом. Он чувствовал тепло, хотя самое горячее было сосредоточено прямо у кончиков пальцев. Он осознал, что вот это и способствовало прижиганию мелких сосудов и разрезанию тканей подобно хирургическому лазеру.

Внутреннее пламя зонда стало слабеть и исчезать. Пока свет постепенно слабел, Сестра увидела, что то, что играло как драгоценный камень внутри, превратилось в небольшие эбонитовые камушки, а соединяющиеся ниточки из драгоценных металлов стали полосками из пепла. Свет продолжал слабеть, пока наконец не остались лишь проблески белого огня у кончиков, он пульсировал с биением сердца Хьюга – раз, два, три – моргнув, как мертвая звезда.

Баки еще дышал. Хьюг, весь в следах пота и крови, взглянув на Робина, начал говорить, но не мог обрести свой голос. Нижняя часть тела снова согревалась.

– Я надеюсь, это означает,– сказал он наконец,– что сегодня вы нас не убьете?

Глава 57. Тысячи мерцающих свечей

Джош подтолкнул Свон. – Ты в порядке?

– Да. – Она подняла свою изуродованную голову от складок пальто. – Я еще не умерла.

– Просто проверяю. Ты весь день такая тихая.

– Я думала.

– О! – Он смотрел, как Убийца бежит по дороге, затем останавливается и лает, чтобы они его догоняли. Мул шел с хорошей скоростью, и Джош держал поводья свободно. Расти с трудом тащился рядом с повозкой, почти весь скрывшийся под своей ковбойской шляпой и тяжелым пальто.

Фургон с надписью “Странствующее шоу” поскрипывал, дорога граничила с плотным лесом. Облака, казалось, висели прямо над вершинами деревьев, и ветер почти затих – милосердный и редкий случай. Джош знал, что погода непредсказуема, может измениться в момент – то снежный буран, то гроза, а на следующий день спокойные облака могут завиться в

торнадо.

В течение следующих двух дней они не видели никого живого. Они натолкнулись на сломанный мост и вынуждены были поехать в объезд, сделав крюк в несколько миль, чтобы вернуться к главной дороге. Немного дальше эта дорога была перекрыта упавшим деревом, и снова нужно было искать объезд. Но сегодня они примерно три мили назад проехали мимо дерева, на стволе которого было написано “НА МЕРИЗ РЕСТ”, и Джош вздохнул свободнее. По крайней мере, они двигались в правильном направлении и Мериз Рест не должен быть далеко.

– Интересно, а если я тебя спрошу, о чем ты думаешь? – поддел Джош. Она пожала худенькими плечами под пальто и не ответила. – Дерево,– сказал он. – Ведь об этом, да?

– Да. – Яблоневый цвет, распустившийся среди снегов и пней, продолжал преследовать ее в мыслях – жизнь среди смерти. – Я об этом много думала.

– Я не знаю, как ты это… но… – Он покачал головой. В мире изменились правила, подумал он. Теперь всем правят тайны. Он слушал, как поскрипывают оси и хрустит снег под копытами Мула, а потом заставил себя спросить: – На что похоже было это чувство?

– Я не знаю. – И опять пожала плечами.

– Знаешь, тебе не нужно этого стесняться. Ты так хорошо все это сделала, и я хотел знать, как это чувствовалось, на что похоже?

Она молчала. Впереди в пятнадцати ярдах несколько раз пролаял Убийца. Свон поняла этот лай, как знак, что путь свободен. – Это было чувство… как будто я была как фонтан,– ответила она. А дерево пило, впитывало. Было чувство, как будто я еще и огонь, и на какое–то мгновение,– она подняла свое деформированное лицо к тяжелому небу,– я подумала, что могу взглянуть и вспомнить, как это, на что похоже видеть звезды, путь в темноте… как обещание. Вот на что было это чувство похоже.

Джош знал, что то, что испытывала Свон, было гораздо глубже его ощущений, но он мог проникнуть в то, что она хотела сказать о звездах. Он не видал их семь лет. Ночами была просто безбрежная темнота, как будто даже на небесах лампочки перегорели.

– Был ли прав мистер Мууди? – спросила Свон.

– Прав насчет чего?

– Он сказал, что если я смогу разбудить одно дерево, я смогу сделать так, что поля и сады снова пойдут в рост. Он сказал… У меня внутри сила ЖИЗНИ. Он был прав?

Джош не ответил. Он припомнил кое–что еще, что сказал

Слай Мууди: “Мистер, эта Свон может снова пробудить все на земле!”

– У меня всегда хорошо росли деревья и цветы,– продолжала Свон. – Когда я хотела помочь больному растению, я руками расчищала грязь, и сухие листья опадали, а зеленые росли гораздо лучше, чем до этого. Но я никогда раньше не пыталась исцелять деревья. Я имею в виду… одно дело вырастить садик, но деревья сами о себе заботятся. – Она повернула голову так, чтобы увидеть Джоша. – А что, если бы я снова смогла вырастить сады и хлеб? Что, если мистер Мууди был прав, и во мне есть что–то, что могло бы пробудить это и заставить расти?

– Я не знаю,– сказал Джош. – Я полагаю, что это сделает тебя очень популярной. Но, как я и говорил, одно дерево, это не сад. – Он продвигался неудобно на жесткой доске. Разговоры об этом заставляли его нервничать. Сохраните дитя, вспомнил он. Если Свон действительно может высекать жизнь из мертвой земли, то не могла ли эта сила, вызывающая трепет и благоговение, быть причиной приказа Поу–Поу?

Убийца снова залаял на некотором расстоянии. Свон напряглась, звук был другим, более высоким и быстрым. В этом лае было предупреждение. – *Останови* повозку,– сказала она.

– Эй?

– Останови повозку.

Сила, прозвучавшая в ее голосе, заставила Джоша натянуть поводья Мула. Расти остановился тоже, нижняя часть его лица была закрыта шерстяным шарфом, надетым под ковбойской шляпой. – Эй, зачем мы остановились?

Свон слушала лай Убийцы, звук доносился из–за поворота дороги впереди. Мул, шевелясь в постромках, поднял голову, втянул носом воздух и издал глубокий рокочущий звук. Еще одно предупреждение, подумала Свон. Мул чуял опасность, которую уже заметил Убийца.

Она наклонила голову, чтобы видеть дорогу. Все выглядело нормально, но в оставшемся глазу наплывом появилось и исчезло какое–то видение, и она знала, что представление о нем скоро исчезнет.

– Что это? – спросил Джош.

– Я не знаю. Во всяком случае, Убийце это не нравится.

– Может быть, город как раз за поворотом! – сказал Расти. – Я рвану вперед и узнаю! – Засунув руки в карманы пальто, он пошел вперед к повороту дороги. Убийца все еще неистово лаял.

– Расти! Подожди! – позвала Свон, но ее голос был так искажен, что он ее не понял и продолжал идти быстрым шагом.

Джош понял, что у Расти нет ружья и при этом неизвестно,

что там за поворотом. – Расти! – крикнул он, но тот уже свернул за поворот. – О, дерьмо! – он отстегнул клапан повозки, потом открыл обувную коробку с пистолетом калибра 9 мм и торопливо зарядил его. Он слышал лай Убийцы, разносящийся по лесу, и знал, что Расти через секунду узнает, что там видел Убийца.

За поворотом Расти не увидел ничего, кроме продолжения дороги и леса. Убийца стоял посреди дороги примерно в тридцати футах и отчаянно лаял на что–то справа. Шкура терьера ощетинилась.

– На какую чертовщину ты напоролся? – спросил Расти, и Убийца подбежал к его ногам, почти сбив его. – Собачий дурень! – Он наклонился, чтобы поднять терьера, и в этот момент почувствовал запах. Резкий грубый запах.

Он узнал его. Горячий след дикого животного.

Последовал рвущий нервы визг, почти у него в ушах, и что–то серое метнулось от края леса. Он не видел, что это было, но стремительно поднес руку к лицу, чтобы защитить глаза.

Животное бросилось ему на плечо, и через мгновение Расти почувствовал себя запутавшимся в живых проводах и колючках, он отшатнулся назад, пытаясь закричать, но легким не хватало воздуха. Шляпа его, забрызганная кровью отлетела, а он опустился на колени.

Он с изумлением увидел то, что его ударило.

В шести футах в стороне, с выгнутой спиной, припала к земле рысь размером почти с теленка. Она вытянула когти, как изогнутые кинжалы, но что почти лишило его рассудка, так это то, что у чудовища было две головы.

Пока одна зеленоглазая морда, визжа, издавала звук, подобный водимой по стеклу бритвы, вторая обнажила клыки и свистела, как работающий радиатор.

Расти попытался медленно отползти. Но тело ему не повиновалось, с его правой рукой что–то случилось, и кровь потоком текла по правой стороне лица. – Кровотечение! – подумал он. – У меня сильное кровотечение! О, Боже, я…

Рысь двинулась на него, как раскручивающаяся пружина, ее когти и двойной набор клыков были готовы разорвать его на куски.

Но в воздухе она была атакована, и Убийца почти оторвал чудовищу одно ухо. Они приземлились, в ярости схватившись когтями и визжа, от них во все стороны летели шерсть и кровь. Но через мгновение битва закончилась, когда громадная рысь опрокинула Убийцу на спину и одна из ее пастей, полная клыков, разорвала терьеру горло.

Расти попытался встать на ноги, зашатался и упал снова.

Рысь повернулась к нему. Один набор клыков защелкал над ним, в то время как другая голова принюхивалась к воздуху. Расти поднял в воздух обутую ногу, чтобы поддать чудовищу, когда оно нападет. Рысь присела на задние ноги. Вперед! подумал Расти. – Попробуй–ка, ты, двухголовая тварь.

Он услышал "*крак!*" Щелчок пистолета и примерно в шести футах за рысью посыпался снег. Чудовище закрутилось, и Расти увидел, что к нему бежит Джош. Джош остановился, прицелился и снова выстрелил. Пуля опять прошла мимо, и теперь рысь крутилась то в одну, то в другую сторону, как будто две ее головы не могли договориться, в какую сторону двигаться. Головы огрызались друг на друга, отталкиваясь около шеи.

Джош встал поустойчивее, прицелился одним глазом и спустил крючок.

Пуля попала в рысь, и одна голова взвизгнула и завыла, в то время как вторая зарычала на Джоша, защищаясь. Он снова выстрелил и промахнулся, но следующими двумя выстрелами попал. Чудовище задрожало, дернулось в сторону леса, повернулось и снова метнулось к Расти. Глаза одной головы закатились, так что были видны белки, но другая все еще была живой, а ее клыки обнажены, чтобы вцепиться в горло Расти.

Пока чудовище приближалось, он услышал собственный крик, но менее чем в трех футах от него рысь зашаталась, и ее ноги подломились. Она упала на дорогу, а ее живая голова хватала воздух.

Расти заковылял от нее прочь, но затем по его телу прокатилась волна ужасной слабости. Пока Джош бежал к нему, он лег прямо там, где находился.

Встав на колени возле Расти, Джош увидел, что вся правая сторона лица у него разорвана от волос и до челюсти, а весь правый рукав до плеча был искромсан.

– Я сыграл в ящик, Джош. – Расти со слабой улыбкой объявил. – Наверняка, ведь правда?

– Держись,– Джош засунул пистолет и стал поднимать Расти с земли, подхватывая его и перекидывая через плечо. Свон тоже приближалась, стараясь бежать, но теряла равновесие от тяжести собственной головы. В стороне, в нескольких футах, со звуком стального капкана захлопнулись челюсти мутантной рыси, тело ее содрогнулось, глаза закатились как страшный зеленоватый мрамор. Джош прошел мимо рыси и подошел к Убийце, розовый язык терьера высунулся из окровавленного рта, чтобы лизнуть Джошу ботинок.

– Что случилось,– обеспокоено спросила Свон. – Что это?

Убийца, когда услышал голос Свон, попытался подняться на

лапы, но тело его не слушалось. Голова его безвольно висела, и когда Убийца свалился около него, Джош увидел, что глаза у него почти остекленели.

– Джош? – позвала Свон. Она держала руки перед собой, потому что едва различала куда идет. – Скажи мне что–нибудь, черт побери!

Убийца вздохнул еще раз, и сдох.

Джош шагнул и встал между Свон и собакой. – Расти ранили,– сказал он. Это была рысь. Нам нужно доставить его в город, и поскорее! – Он схватил ее за руку и потащил за собой, прежде чем она смогла увидеть мертвого терьера.

Джош мягко уложил Расти в задней части повозки и прикрыл его красным одеялом. Расти дрожал и был в полубессознательном состоянии. Джош велел Свон оставаться с ним, а потом пошел вперед и взял Мула за поводья. – Ну, пошел! – крикнул он. Старая лошадь, удивленная то ли командой, то ли непривычной горячностью подгоняющего, с фырканьем выпустила пар через ноздри и быстро побежала вперед, таща повозку с новой силой. Свон открыла клапан повозки. – А что с Убийцей? Мы не можем бросить его просто так!

Он все еще не мог набраться сил сказать ей, что терьер мертв. – Не беспокойся,– сказал он. – Он найдет дорогу,– он похлопал вожжами по крупу Мула. – Живей давай. Шагай, мой мальчик!

Повозка проехала через поворот, колеса прокатились мимо Убийцы, и копыта Мула стали отбрасывать снег, когда лошадь побежала к Мериз Рест.

Глава 58. Швея

Дорога тянулась еще с милю, прежде чем перешла в однообразный холмистый пейзаж, который когда–то был, возможно, вспаханными полями. Теперь это была покрытая снегом пустыня, изредка с черными деревьями, закрученными с сюрреалистические и измученные формы. Но здесь был город, вот какой: теснясь по обеим сторонам дороги стояло быть может, сотни три склепанных из разноцветных деревяшек и побитых ветром лачуг. Джош подумал, что семь лет назад подобное зрелище означало бы, что он приближается к гетто, но сейчас он обрадовался до слез. Грязные аллейки проходили между лачугами, из печных труб завивался дымок. В окошках горели фонари, обернутые пожелтевшими газетами и страницами из журналов. Костлявые собаки выли и лаяли у ног Мула, пока Джош вел повозку между хижинами. Через дорогу впереди находилась куча обгорелых обломков, где сгорел до основания один из домов

Мериз Рест, пожар стих какое–то время назад, и в руинах уже собрался недавно выпавший снег.

– Эй! – закричал Джош. – Кто–нибудь, помогите!

Несколько худых ребятишек в оборванных пальто выбежали из проулков, посмотреть что происходит.

– Есть здесь где–нибудь врач? – спросил их Джош, но они разбежались обратно между домами. Открылась дверь ближайшей лачуги и осторожно выглянуло лицо с черной бородой.

– Нам нужен врач! – попросил Джош. Бородатый покачал головой и закрыл дверь.

Джош погнал Мула дальше вглубь города из хибар. Он продолжал кричать, что им нужен врач, и несколько человек открыли дверь своего дома и смотрели, пока он проезжал, но никто не предложил свою помощь. Дальше свора собак, которые разрывали в грязи останки какого–то животного, зарычали и заворчали на Мула, но старый конь сдержал нервы и держался уверенно. Из дверного проема шатаясь вышел истощенный человек в лохмотьях, лицо его было исчерчено красными рубцами.

– Здесь нет места! Нет еды! Нам здесь не нужны чужаки! – взревел он, ударив по боковой стороне повозки гнутой палкой. Он все еще продолжал бормотать, когда они уже проехали. Джош видел раньше множество скверных местечек, но это было хуже всех. До него дошло, что это город случайных людей, где ни черта не добьешься о том, кто живет или умер в соседней лачуге. Здесь витал дух крушения и фатальной депрессии, и даже в воздухе чувствовался запах полного разложения. Если бы Расти не был так тяжело ранен, Джош продолжал бы гнать сквозь эту открытую язву – Мериз Рест за его пределы, туда, где в воздухе запахло бы хотя бы в половину приличнее.

Вдоль края дороги двигалась, спотыкаясь, фигура с изуродованным лицом, и Джош понял, что у него то же заболевание, что было у него и у Свон. Он позвал этого человека, но тот – мужчина или женщина – повернулся и убежал из его поля зрения в проулок. В нескольких ярдах в стороне на земле лежал мертвый, раздетый до гола, с торчащими ребрами и зубами, оскаленными в гримасе смерти. Вокруг него крутилось несколько собак, но они еще не начинали своего пиршества.

А потом Мул остановился, как будто уперся в каменную стену, громко заржал и почти взвился на дыбы.

– Успокойся же! – закричал Джош, вынужденный силой взять коня под контроль.

Он увидел, что на дороге перед ними кто–то находился. Фигура была одета в изношенную джинсовую куртку и зеленую

кепку и сидела в красной детской коляске. Ног у фигуры не было, брюки были пустыми ниже пояса и закатаны.

– Эй! – крикнул Джош. – В этом городе есть врач?

Человек медленно повернулся к ним лицом. Это был мужчина со светлой жидкой бородкой и громадными глазами.

– Нам нужен врач! – сказал Джош. – Вы можете нам помочь?

Джош подумал, что человек, похоже улыбнулся, но не был уверен. Человек сказал:

– Очень рад!

– Доктора! Вы, что, меня не понимаете?

– Очень рад!!! – повторил человек и засмеялся, и Джош понял, что он не в своем уме.

Человек потянулся, сунул руки в грязь и стал толчками передвигать себя и коляску через дорогу.

– Очень рад! – кричал он и укатился в переулок.

Джош задрожал от холода. Глаза этого человека… это были самые ужасные глаза, в которые Джош когда–либо глядел. Он успокоил Мула и двинулся вперед.

Он продолжал взывать о помощи. Из какого–то дверного проема высунулось случайное лицо и быстро скрылось обратно. Джош боялся, что Расти сейчас умрет. Он совсем истечет кровью, и ни одна сволочь в этой чертовой дыре не шевельнет пальцами, чтобы спасти его!

Желтый дымок плыл по дороге, колеса повозки двигались сквозь грязь этой человеческой свалки.

– Кто–нибудь, помогите нам! – голос у Джоша стал сдавать. – Пожалуйста… ради Бога… кто–нибудь, помогите нам!

Джош испуганно оглянулся на голос. В дверном проеме ветхой хижины стояла черная женщина с длинными волосами пепельного цвета. На ней было пальто, сшитое из сотни старых одежных лоскутков.

– Мне нужно найти врача! Вы мне можете помочь?

– Что с вами? – ее глаза цвета медных монет сузились. – Тиф? Дизентерия?

– Нет. Моего друга ранили. Он здесь сзади.

– В Мериз Рест нет врача. Врач умер от тифа. Нет никого, кто бы мог вам помочь.

– Но он истекает кровью. Неужели нет никакого места, куда бы можно было положить его?

– Можете положить его в Яму,– предложила она. У нее было величественное лицо с заостренными чертами. – Примерно в миле или около того по дороге. Туда складывают всех. – В дверном проеме появилось темное лицо мальчика лет семи–восьми, и она положила руку ему на плечо. – Некуда его

положить, кроме как туда.

– Но Расти еще жив, сударыня! – простонал Джош. – Но, конечно, не выживет, если я не смогу найти для него помощь! – Он дернул поводья Мула.

Черная женщина дала ему проехать несколько ярдов по дороге, а потом сказала:

– Держитесь.

Джош держал Мула в узде.

Женщина спустилась по шлаковым ступеням перед хижиной и подошла к повозке сзади, в то время как мальчик нервно следил за ней.

– Откройте–ка эту штуку! – сказала она – и вдруг раскрылась задняя стенка повозки и она оказалась лицом к лицу со Свон. Женщина отступила на шаг назад, глубоко вздохнув, собрала все свое мужество снова и заглянула в повозку на окровавленного человека, лежавшего под красным одеялом. Человек не двигался. – Он еще жив? – спросила она у кого–то без лица.

– Да, мэм,– ответила Свон. – Но он не очень хорошо дышит.

На это она сказала только “да”, больше ничего. Что случилось?

– На него напала рысь,– сказал Джош, обходя повозку. Он так сильно дрожал, что едва мог стоять. Женщина посмотрела на него долгим тяжелым взглядом своими проницательными глазами цвета меди. – Проклятая тварь с двумя головами.

– Да. Их таких много в лесах. Убивают насмерть. Она взглянула на дом, потом снова на Расти. Он тихо простонал, и она увидела ужасную рану на его лице. Женщина тяжело выдохнула сквозь стиснутые зубы. – Ладно, несите его тогда внутрь.

– Вы можете ему помочь?

– Посмотрим. – Она пошла к своей лачуге, а затем повернулась, чтобы сказать. – Я швея. Умею шить иглой и кетгутом. Несите его. – Внутри лачуга была такая же страшная, как и снаружи. Когда женщина зажгла два фонаря, они увидели, что на стенах висит яркая одежда. Впереди в середине стояла печка–времянка, построенная из деталей стиральной машины, холодильника, и различных деталей не то машины, не то грузовика.

Несколько деревянных обломков горело за решеткой, которая была когда–то решеткой радиатора автомобиля, а печка давала тепло в радиусе всего двух–трех футов. Дым выходил через дымоход, который поднимался к крыше, создавая внутри хижины желтоватый туман. Мебель у женщины – стол и два стула – была грубо выпилена из источенной червями сосны. Окна были

закрыты старыми газетами, а ветер задувал сквозь щели в стенах. На сосновом столе лежали обрезки одежды, ножницы, иголки и прочее, а в корзинке находилось еще больше кусков одежды разных цветов и фасонов.

– Это немного,– сказала она, пожав плечами,– но все же лучше, чем у других. Вносите его сюда. – Она показала Джошу на вторую, меньшую комнату, где была койка с железным каркасом и матрас, набитый газетами и тряпьем. На полу рядом с койкой было некое сооружение из тряпья, небольшая лоскутная подушка и тонкое одеяло, под которым, как предположил Джош, обычно спал мальчик. В комнате не было окон, но горел фонарь и свет отражался от блестящей жестянки вокруг него. Изображение черного Иисуса масляными красками на горе в окружении овец висело на стене.

– Положите его,– сказала женщина. – Да не на мою постель, дурак. На пол. Джош положил Расти, подложив ему под голову подушку из лоскутков.

– Снимите с него эту куртку и свитер, чтобы я могла видеть, осталось ли у него еще на этой руке мясо.

Джош сделал все, как она велела, в то время как Свон стояла в дверях, наклонив голову вбок, чтобы все видеть. В другом углу комнаты стоял малыш, уставившись на Свон.

Женщина сняла фонарь и поставила его на пол рядом с Расти. Она тихо присвистнула.

– Эта штука процарапала его до кости. Аарон, сбегай, принеси сюда еще лампы. Да, и еще принеси мне длинную иголку, моток кетгута и пару острых ножниц. Ну, быстрей!

– Да, мама! – сказал Аарон и промчался мимо Свон.

– Как зовут твоего друга?

– Расти.

– Плохое у него положение. Не знаю, смогу ли я зашить его, но буду стараться. У меня нет ничего, чтобы очистить его раны, кроме снеговой воды, но вы наверняка не хотите, чтобы эта дерьмовая грязь в открытой… – Она остановилась, глядя на руки Джоша, оказавшиеся пятнистыми, когда он снял перчатки. – А ты белый или черный? – спросила она.

– Это имеет значение?

– Нет. Не думаю, чтобы имело. – Аарон принес два фонаря, и она пристроила их около головы Расти, а он снова вышел, чтобы принести остальное, что ей было нужно. – А имя у тебя есть?

– Джош Хатчинс. А девушка – Свон.

Она кивнула. Ее длинные пальцы прощупывали рваные края раны у плеча Расти.

– Я Глория Бауэн. Живу тем, что перешиваю одежду для

людей, но я не врач. Самое близкое к медицине из того, что я делала в жизни, это помогала некоторым женщинам при родах – но я знаю, как шить одежду, кожаные вещи, шкуры, и, может, человеческая кожа не очень–то отличается…

Тело Расти неожиданно напряглось, он открыл глаза и постарался сесть, но Джош и Глория Бауэн удержали его. Минуту он пытался бороться, затем, казалось, понял, где он и снова обмяк.

– Джош? – спросил он.

– Да. Я здесь.

– Ведь эта сволочь схватила–таки меня? Старая двухголовая сволочная рысь. Саданула мне прямо по заднице. – Он мигнул и посмотрел на Глорию. – А ты кто?

– Я женщина, которая сейчас на три минуты станет твоим худшим врагом, спокойно ответила она. Аарон вошел с тонкой, заостренной костяной лучинкой, которая была длиной дюйма в три, и положил ее на ладонь матери вместе с маленьким, похожим на восковой, шариком кетгутовой нити и парой ножниц. Затем он отошел к другой стене комнаты, бегая глазами туда–сюда то на Свон, то на всех остальных.

– Что ты собираешься со мной сделать? – Расти разглядел костяную иголку, пока Глория вдевала кончик нитки в ушко иголки и завязывала крошечный узелок. – Для чего это?

– Скоро узнаешь. – Она взяла тряпицу и отерла с лица Расти пот и кровь. – Собираюсь немного тебя заштопать. Собираюсь зашить тебя, как новую рубашку. Устраивает?

– О, Боже… – это все, что удалось сказать Расти.

– Нам лучше связать тебя, или ты это перенесешь как мужчина? У меня нет ничего, чтобы заглушить боль.

– Просто… говорите со мной,– ответил ей Расти. – Ладно?

– Конечно. О чем хочешь разговаривать? – Она пристроила иглу у порванной плоти у плеча Расти. – Как насчет еды? Жареные цыплята. Большая корзина цыплят по–кентуккийски и горячих специй. Тебе как, нравится? – Она взялась поудобнее за иглу, как ей хотелось, и приступила к работе. – Ты только вспомни запах жареных цыплят по–кентуккийски?

Расти закрыл глаза.

– Да,– хрипло прошептал он. – О, да… Конечно. – Свон не могла смотреть на то, как больно Расти. Она ушла в переднюю комнату, где стала греться у печки. Аарон поглядывал на нее из–за угла, отдергивая голову, чтобы его не было видно. Она услышала, как Расти затаил дыхание и пошла к двери, открыла ее и шагнула наружу.

Она забралась сзади в повозку, чтобы взять Плаксу, а потом

стояла, почесывая шею Мула. Она беспокоилась об Убийце. Как он их разыщет? И если рысь так сильно ранила Расти, что она могла сделать с Убийцей? “Да не беспокойся”, сказал Джош. “Он найдет дорогу”.

– У тебя голова там, внутри? – спросил тоненький любопытный голосок рядом с ней.

Свон разглядела Аарона, стоящего в нескольких футах в стороне.

– Ты ведь умеешь разговаривать? Я слышал, что ты что–то говорила маме.

– Я умею разговаривать,– ответила она. – Но я должна говорить медленно, иначе ты не сможешь меня понять.

– О, твоя голова похожа на большую старую тыкву.

Свон улыбнулась, мышцы на лице натянулись так, будто сейчас порвутся.

Она знала, что мальчик говорит так, потому что он честный, а не потому, что жестокий.

– Похоже, что так. Да и голова у меня внутри. Она просто прикрыта.

– Я видел людей, которые выглядят похоже на тебя. Мама говорит, что это действительно тяжелая болезнь. Говорит, что заболеваешь и болеешь всю жизнь. Так, да?

– Я не знаю.

– Она говорит, что это не заразно. Говорит, что если бы было заразно, то уже весь город болел бы. А что это за палочка?

– Это магическая лоза.

– А что это такое?

Она объяснила, что с помощью магической лозы ищут воду, если правильно держать ее концы с рогульками, но она с помощью магической лозы ни разу не находила воду. Она припомнила мягкий голос Леоны Скелтон, как будто проскользнувший сквозь время, чтобы прошептать:

– Плакса еще не сделал своей работы – ни капельки!

– А может, ты ее неправильно держишь? – сказал Аарон.

– Я просто пользуюсь ею при ходьбе как тростью. Я не очень хорошо вижу.

– Похоже, на правду. У тебя совсем нет глаз.

Свон рассмеялась и почувствовала, что мускулы на лице расслабились. Новое дуновение ветра принесло тошнотворный запах разложения, который Свон почувствовала, как только они въехали в Мериз Рест.

– Аарон! – спросила она. – Что это за запах?

– Какой запах?

Она поняла, что он к нему привык. Везде валялся гниющий

мусор и отбросы человеческого пребывания, но это был более отвратительный запах.

– Он то есть, то нет,– сказала она. – Его приносит ветер.

– О, я думаю, что это пруд. Я имею в виду то, что от него осталось. Это не очень далеко. Хотите посмотреть?

Нет, подумала Свон. Она не хотела подходить ни к чему такому ужасному. Но в голосе Аарона горело желание сделать приятное, а она была любопытна.

– Ладно, но нам действительно придется идти медленно. И не убегай, не оставляй меня одну, хорошо?

– Хорошо,– ответил он и сразу пробежал по грязному проулку футов тридцать, прежде чем остановился и подождал, пока она его догонит.

Свон шла за ним по мерзким узким переулкам. Многие лачуги сгорели, а люди копали себе убежища в развалинах. Она прощупывала себе дорогу с помощью Плаксы и испугалась тощей желтой собачонки, которая вынырнула из поперечного проулка. Аарон поддал ее ногой, и она убежала. За закрытой дверью выл от голода ребенок.

Дальше Свон почти споткнулась о человека, лежавшего свернувшись в грязи. Она хотела наклониться и дотронуться до его плеча, но Аарон сказал:

– Да он мертвый! Пойдем, это не очень далеко!

Они прошли между двумя жалкими хижинами, сбитыми из обломков, и вышли на широкое поле, покрытое серым снегом. Там и сям на земле лежали замерзшие скрюченные тела людей и животных.

– Пойдем! – позвал Аарон, нетерпеливо подпрыгивая.

Он родился среди смертей и столько всего этого видел, что это было для него привычным зрелищем. Он перешагнул через труп женщины и пошел вниз по отлого спускающемуся холму к большому пруду, который за эти годы затянул сотни странников, пришедших в колонию Мериз Рест.

– Вот он,– сказал Аарон, когда подошла Свон.

Примерно в сотне футов было то, что раньше действительно было очень большим прудом, окруженное мертвыми деревьями. Свон увидела, что в середине его осталось, может быть, на дюйм желто–зеленой воды, а все вокруг – это была тошнотворная потрескавшаяся желтая грязь.

И в этой грязи находились десятки наполовину скрытых скелетов людей и животных, как будто их засосало вглубь, когда они пытались добыть остатки этой испорченной воды. На костях в ожидании расселись вороны. Здесь же лежали кучи замерзших человеческих экскрементов и отходов, и запах, который

доносился от этой свалки на месте того, что раньше было прудом, вызвал у Свон спазмы. Это было отвратительно как открытая рана или немытый сток нечистот.

– Примерно на этом месте можно стоять, чтобы не стошнило,– сказал Аарон,– но я хотел, чтобы ты на него посмотрела. Правда, он необычного цвета?

– Боже мой! – Свон боролась с тошнотой. – Почему никто не вычистит это?

– Вычистить это? – спросил Аарон.

– Пруд! Ведь он же не всегда был такой, правда?

– О, нет! Я помню, когда в пруду была вода. Настоящая питьевая вода. Но мама говорит, что она просто кончилась. Говорит, что не может же это длиться вечно.

Свон пришлось отвернуться от этого зрелища.

Она оглянулась в ту сторону, откуда они пришли, и различила на холме одинокую фигуру, набирающую в ведро грязный снег. Получать воду из оттаивающего серого снега было равносильно медленной смерти, но все же это было гораздо лучше, чем ядовитый пруд.

– Я уже готова идти обратно,– сказала она ему, и медленно пошла вверх по холму, проверяя дорогу перед собой с помощью Плаксы.

Уже на холме Свон почти споткнулась о тело, лежащее у нее на пути. Она остановилась, посмотрела вниз на небольшое детское тело. Она не могла бы сказать, мальчик это или девочка, но ребенок умер, лежа на животе, одной рукой вцепившись в землю, другая, замерзшая, была сжата в кулак. Она пристально смотрела на эти маленькие ручки, бледные и восковые на фоне снега.

– Почему здесь эти тела? – спросила она.

– Потому что они здесь умерли,– сказал он ей, как будто она была совсем тупая старуха с тыквой вместо головы.

– Этот пытался что–то откопать.

– Должно быть какие–то корешки. Иногда в земле можно откопать корешки, а иногда и нет. Когда мы их находим, мама делает суп из них.

– Корешки? А какие корешки?

– Ты задаешь слишком много вопросов,– раздраженно сказал он и пошел вперед.

– Какие корешки? – медленно, но твердо повторила Свон.

– Я думаю, корешки от злаков,– Аарон пожал плечами. – Мама говорит, что здесь раньше было большое старое кукурузное поле, но все умерло.

– Ничего не осталось кроме нескольких корешков, если,

конечно, кому–то повезет их разыскать. Ну, пойдем! Я замерз.

Свон оглядела бесплодное поле, которое лежало между лачугами и прудом.

Трупы лежали как странные знаки препинания, наклоненные на серой дощечке. У нее перед глазами то слабело, то четче вырисовывалось видение, и то, что находилось под толстой коркой нароста, что бы это ни было, оно горело и бурлило. Бледные замерзшие руки ребенка снова привлекли ее внимание. Что–то такое в этих ручках, подумала она. Что–то… но она не знала – что.

Ее тошнило от запаха пруда, и она снова пошла за Аароном в сторону хижин.

Здесь раньше было большое кукурузное поле,– сказал ей перед тем Аарон. Но все умерло.

Она отгребла с помощью Плаксы снег.

Земля была темная и тяжелая. Если здесь и остались какие–то корешки, то они находятся глубоко под коркой.

Они еще шли обратно теми же проулками, когда Свон услышала ржание Мула, это был крик тревоги. Она ускорила шаг, постукивая по дороге перед собой с помощью магической лозы.

Когда они вышли из переулка рядом с хижиной Глории Бауэн, Свон услышала как Мул пронзительно заржал, что означало гнев и страх. Она повернула голову посмотреть, что происходит и наконец выяснила – около повозки толпились люди в лохмотьях и разрывали ее на части. Они кромсали полотняный тент на куски и дрались за обрывки, хватаясь за одеяла, консервы, одежду и винтовки, находящиеся в повозке сзади, и убегали с ними.

– Прекратите! – крикнула она им, но они, конечно, не обратили внимания. Один из них попытался отвязать Мула из упряжки, но лошадь брыкаясь и лягалась так сильно, что грабитель убрался. Они попытались даже колеса с повозки снять.

– Прекратите! – закричала Свон и спотыкаясь бросилась вперед. Кто–то, натолкнувшись на нее, сбил ее в холодную грязь и почти что наступил на нее. Рядом, в грязи двое мужчин дрались из–за одеяла, и борьба кончилась тем, что третий схватил это одеяло и удрал.

Открылась дверь хижины,– Джош услышал крик Свон, и теперь увидел, как рвут на части повозку фургона “Странствующего шоу”. Его охватила паника. Это было все, что у них оставалось в этом мире! Вот побежал человек с охапкой свитеров и носков в руках, и Джош побежал за ним, но поскользнулся в грязи. Грабители рассыпались во всех направлениях, таща с собой остатки парусины, всю еду, оружие,

одеяла, все. Женщина с оранжевым шрамом, проходившим через большую часть лица и шею, попыталась стащить куртку со Свон, но Свон согнулась, и женщина ударила ее, закричав от разочарования. Когда Джош встал на ноги, женщина уже убежала в один из переулков.

К этому времени они все уже скрылись, и с ними содержимое повозки, включая и большую часть самого фургона.

– Черт побери! – неистовствовал Джош. Ничего не осталось, кроме каркаса фургона и Мула, который еще продолжал храпеть и брыкаться. Мы прямо как выброшенные на берег, подумал он. Нечего есть, не осталось даже паршивого носка!

– Ты как? – спросил он у Свон, подходя, чтобы помочь ей встать. Около нее стоял Аарон и тянулся рукой, чтобы потрогать ее голову, похожую на тыкву, но в последнюю минуту отдернул руку.

– Нормально. – Плечо у нее было слегка поранено в том месте, где ее ударили. – Думаю, что у меня все в порядке.

Джош заботливо помог Свон подняться и встать устойчиво.

– Они взяли почти все, что у нас было! – это его беспокоило. В грязи лежало несколько оставшихся предметов – помятая жестяная чашка, разодранная шаль, изношенный ботинок, который Расти все собирался починить, да так и не собрался.

– Если вы оставляете здесь вещи лежать просто так, то они их обязательно украдут! – сказал Аарон умудренным тоном. – Это знает любой дурак!

– Ну,– сказала Свон,– может быть, им эти вещи нужнее, чем нам.

Джош сначала хотел скептически засмеяться, но сдержался. Она была права. У них–то были, по крайней мере, теплые куртки и перчатки, они носили теплые носки и прочные ботинки, А у этих расхитителей костюм у некоторых отличался от того, в котором они родились, только несколькими лоскутками – и это было единственное сходство с садом Эдема.

Свон обошла повозку, подошла к Мулу и успокоила старую лошадь, тихонько почесав ей нос. Однако и стоя спокойно, он продолжал обеспокоено и угрожающе ворчать.

– Лучше залезай внутрь,– сказал ей Джош. – Снова поднимается ветер.

Она подошла к нему, а потом остановилась, когда Плакса наткнулась в грязи на что–то твердое. Осторожно наклонилась, пощупала в грязи и подобрала темное овальное зеркало, которое кто–то уронил. Магическое зеркало, подумала она, снова внутренне собираясь. Прошло так много времени с тех пор, как она в него вглядывалась. Но теперь она отерла его о джинсы,

чтобы стереть грязь, и держала перед собой за ручку, на которой были вырезаны две маски, смотрящие в разные стороны.

– Что это такое? – спросил Аарон. – Ты в нем можешь видеть себя? Она едва видела смутные очертания головы, и подумала, что она и на самом деле похожа на раздутую старую тыкву. Она уронила руку вдоль тела – и как будто что–то сверкнуло в зеркале. Она подняла его снова и повернула так, чтобы зеркало смотрело в другом направление, она охотилась за вспышкой света и не могла его найти. Тогда она подвинулась направо, на фут или около того, повернулась и затаила дыхание.

Не более чем в десяти футах от нее, находилась фигура, держащая светящейся круг света – теперь уже близко, совсем близко. Свон все еще не могла разглядеть подробно черты. Однако она как–то чувствовала, в этом лице что–то было не так. Оно было искажено и деформировано, но не так, как ее собственное. Она подумала, что это, должно быть, женщина, просто по тому, как она держалась. Так близко, так близко – и все равно, Свон знала, что если она повернется, то там ничего не окажется, кроме лачуг и переулков.

– В каком направлении смотрит зеркало? – спросила она Джоша.

– На север,– ответил он. – Мы приехали с юга. Оттуда. – Он показал на обратное направление. – Почему? – Он никогда не мог понять, что она видела, когда смотрела в эту штуку. Когда бы ее он ни спросил, она пожимала плечами и откладывала зеркало в сторону. Но зеркало всегда напоминало ей о стихах из Библии, которые любила читать ее мать. – Ибо сейчас мы в зеркале видим лишь темноту, а тогда лицо к лицу?

Раньше фигура со светящимся кругом света никогда не бывала так близко. Иногда она бывала так далеко, что свет только мерцал в зеркале. Она не знала, чья это была фигура, или что это было за кольцо света, но она знала что это кто–то и что–то очень важное. А теперь женщина была близко, и Свон подумала, что она, должно быть, где–то к северу от Мериз Рест.

Она уже почти собралась рассказать Джошу, когда у нее за левым плечом возникло лицо прокаженного, похожее на пергамент. Это ужасное лицо заполнило все зеркало, рот с серыми губами приоткрылся как в трещине, в усмешке во лбу возник алый глаз с черно–эбонитовым зрачком. На щеке открылся второй рот, полный острых зубов, как прорезь, и зубы потянулись вперед, словно хотели укусить Свон сзади за шею.

Она так быстро повернулась, что вес ее головы почти перевернул ее.

Дорога позади была пустынна.

Она опустила зеркало, для одного дня она и так видела достаточно. Если то, что ей показывает магическое зеркало, правда, то фигура, держащая кольцо света, где–то очень близко.

Но еще ближе было то, что напоминало ей Дьявола, изображенного на картах Леоны Скелтон.

Джош следил за Свон, пока она поднималась по ступенькам из шлаковых блоков в хижину Глории Бауэн, затем посмотрел вдоль дороги на север. Там не было никакого движения, но ветер гнал дымок из трубы. Он опять взглянул на повозку и покачал головой. Он считал, что Мул выбьет дерзость из любого, кто попытается украсть его, но больше ничего не осталось делать. Это ваша еда,– сказал он, в основном, себе. – Каждая крошка, черт побери!

– О, я знаю место, где можно поймать много больших цып,– предложил Аарон. – Как только вы узнаете, где они, вы их быстро наловите.

– Быстро наловим? Кого?

– Крыс,– сказал мальчик, как будто каждый дурак знал, благодаря чему в Мериз Рест выжило в эти годы большинство людей. – Это мы сегодня и будем есть, если вы останетесь.

Джош с трудом сглотнул, но он уже был знаком с запахом и вкусом крысиного мяса. – Надеюсь, у вас есть соль,– сказал он, поднимаясь вслед за Аароном по ступенькам. – Я люблю, чтобы было совсем соленое.

Прямо перед тем, как войти в дверь, он почувствовал, что мышцы у него сзади на шее напряглись. Он услышал, что Мул храпит и ржет, и снова оглянулся на дорогу. У него появилось неприятное ощущение, что за ним следят – нет, даже более того. Что его ВСКРЫВАЮТ.

Но не было никого. Совсем никого.

Вокруг него вихрился ветер, и в нем ему послышался какой–то скрипящий звук – как будто звук от несмазанных колес. Звук сразу же пропал.

Свет быстро слабел, и Джош знал, что в этом местечке он ночью не выйдет на улицу даже за приличный бифштекс. Он вошел в хижину и закрыл дверь.

Часть десятая
Семена

Глава 59. Раскрытие руки

Свон пробудилась от грез. Она бежала через поле человеческих тел, которые двигались как стебли пшеницы от ветра, а за ней продвигались эта тварь с алым глазом, которая все же нашла ее, косой скашивая у них головы, руки, ноги. Голова у нее была слишком тяжелая, ноги увязали в желтой грязи, и она не могла бежать достаточно быстро. Чудовище приближалось все ближе, коса его пронзительно свистела в воздухе, и вдруг она споткнулась о детский труп и упала, глядя на его бледные руки, одна из которых вцепилась в землю как когтями, а другая сжалась в кулак.

Она лежала на полу в хижине Глории Бауэн. Последние угольки за решеткой печи отбрасывали слабый свет и давали ощущение тепла. Она медленно села и прислонилась к стенке, образ детских рук запечатлелся у нее в голове. Рядом на полу свернулся Джош в глубоком сне и тяжело дышал. Ближе к печке лежал и спал под тонким одеялом Расти, голова его лежала на лоскутной подушке. Глория проделала чудесную работу, вычистив и зашив раны, но она сказала, что следующие два дня будут для него тяжелыми. С ее стороны было очень великодушно позволить им провести ночь и разделить с ней воду и немного тушеного мяса.

Аарон задавал Свон десятки вопросов о ее состоянии, и на что похожа земля за пределами Мериз Рест, и что она видела. Глория велела Аарону не докучать ей, но Свон это не мешало, у мальчика был любознательный ум, а это был редкий случай, заслуживающий внимания.

Глория рассказала им, что ее муж был баптистским священником в Винне, штат Арканзас, когда упали бомбы. Радиация убила в городе множество людей. И Глория, ее муж и их маленький сын присоединились к каравану странников, ищущих безопасное место, чтобы обустроиться. Но безопасных мест не было. Четыре года спустя они осели в Мериз Рест, который в то время был процветающим поселением, построенным вокруг пруда. В Мериз Рест не было ни священника, ни церкви, и муж Глории начал строить своими руками дом для церкви.

Но потом, сказала Глория, началась эпидемия тифа. Люди умирали десятками, и дикие животные выходили из леса

пожирать трупы. Когда в общине вышли последние запасы консервированной пищи, люди начали есть крыс, варили кору, корешки, кожу, даже делали просто суп из грязи. Однажды ночью церковь сгорела, и муж Глории погиб, стараясь ее спасти. Почерневшие руины еще стояли, потому что ни у кого не было ни энергии, ни желания, отстраивать ее заново. Она и ее сын остались в живых, потому что она была хорошей швеей, и люди платили ей за то, что она чинила им одежду, продуктами, кофе и тому подобным. Такова была история моей жизни, сказала Глория, вот как я стала старухой, когда мне всего тридцать пять.

Свон вслушивалась в звук доносившегося ветра. Принесет ли он ответ на загадку магического зеркала? – задавала вопрос она себе, или он унесет его дальше?

И совершенно неожиданно, когда ветер стал задувать по–другому, Свон услышала резкий звук собачьего лая.

Сердце у нее в груди замерло. Лай стал тише и пропал, потом снова стал доноситься громче, откуда–то очень близко.

Свон узнала бы этот лай где угодно.

Она хотела дотянуться и разбудить Джоша, чтобы сказать ему, что Убийца нашел дорогу, но он храпел и бормотал во сне. Она оставила его в покое, встала с помощью помогающей найти воду лозы и пошла к двери. Когда ветер повернул в другую сторону, лай ослабел. Но ей было понятно, что он означал:

– Скорее! Иди посмотри, что я тебе покажу!

Она надела пальто, застегнула его доверху и выскользнула из хижины в беспокойную темноту.

Она не видела терьера. Джош распряг Мула, чтобы дать лошади возможность позаботиться о себе, и он отошел, чтобы найти себе убежище.

Ветер снова вернулся, и лай вместе с ним. Откуда он шел? Слева, подумала она. Нет, справа! Она сошла по ступенькам. Не было никаких признаков Убийцы, и лай теперь тоже пропал. Но она была уверена, что он доносился справа, может быть, из того переулка, из того самого, которым ее водил Аарон показывать ей пруд.

Она колебалась. Здесь было холодно и темно, за исключением света от костра, который горел через несколько проулков. Она спросила себя, слышала ли она лай Убийцы или нет? Здесь его не было, только ветер завывал по проулкам и вокруг хижин.

Ей снова явился образ мальчика с замерзшими руками. Что такое было в этих руках, что преследовало ее, задавалась она вопросом. Дело не в том, что это были руки мертвого ребенка – здесь что–то большее, гораздо большее.

Она не знала точно, когда она приняла решение, или когда она сделала первый шаг. Но вдруг оказалось, что она идет по проулку, проверяя дорогу перед собой с помощью Плаксы, и идет в поле.

Видение перед ней затуманилось, глаза резало от боли. Она шла вслепую, но не ощущала паники, она просто выжидала, надеясь, что сейчас не то время, когда видение уйдет и не вернется. Оно вернулось, и она пошла дальше.

Однажды она упала, споткнувшись в проулке о какой–то труп, и услышала, что где–то поблизости рычит какое–то животное, но пропустила это мимо себя. А потом перед ней раскинулось поле, только слегка освещенное отблеском отдаленного костра. Она пошла через него, запах ядовитого пруда раздражал ее ноздри, но она надеялась, что помнит дорогу.

Лай снова возник, с левой стороны. Она изменила направление, чтобы последовать за ним, и закричала: – Убийца! Ты где? – но ветер унес ее голос.

Шаг за шагом Свон пересекала поле. В некоторых местах снег был глубиной четыре или пять дюймов, но в других ветер уносил его, оставляя голую землю. Лай то усиливался, то слабел, иногда возвращаясь немного с другой стороны. Свон изменила курс на несколько градусов, но нигде на поле не видела терьера.

Лай прекратился.

Остановилась и Свон.

– Где ты? – позвала она. Ветер нападал на нее, почти сбивая ее с ног. Она оглянулась на Мериз Рест, увидела костер и несколько освещенных окон. Это казалось так далеко. Но она сделала еще шаг в направлении пруда.

Плаксой она дотронулась до чего–то твердого на земле, почти прямо перед собой, и различила очертания детского тела.

Ветер менял направление. Снова донесся лай, но теперь лишь как шепот, но непонятно с какой стороны. Он продолжал слабеть, и как раз перед тем, как он совсем затих, у Свон было странное ощущение, что звук этот больше не принадлежит старой усталой собаке. В нем слышалась нотка молодости и силы и всех дорог, которые еще предстоит пройти.

Звук пропал, и Свон оказалась наедине с детским трупом.

Она наклонилась и посмотрела на руки. Одна вцепилась в землю, другая сжалась в кулак. Что в этом было так знакомо?

А потом она поняла: именно так она сама сажала семена, когда была маленькой. Одной рукой выкапывая лунку, а другой…

Она схватила костлявый кулачок и постаралась разжать его. Он не поддавался, но она терпеливо продолжала и думала о том, что открывает лепестки цветка. Рука медленно освободила то, что

было в ладони.

Там было шесть морщинистых зернышек кукурузы.

Одна рука копала лунку, а другая укладывала семена.

Семена.

Ребенок умер не тогда, когда откапывал корни. Ребенок умер, стараясь посадить иссохшие семена.

Она держала у себя в ладони зернышки. Была ли в них скрыта жизнь или они были только холодными пустыми крошками?

Здесь раньше было большое кукурузное поле, сказал ей Аарон. Но все умерло.

Она подумала о яблоне, раскрывающейся к новой жизни. Подумала о зеленых саженцах, повторяющих форму тела. Подумала о цветах, которые она сажала давным–давно в сухую, пыльную землю.

Здесь раньше было большое кукурузное поле.

Свон снова посмотрела на тело. Ребенок умер в странной позе. Почему ребенок лежал на животе на холодной земле, вместо того, чтобы свернуться и сохранить остатки тепла? Она мягко взяла его за плечо и постаралась перевернуть, послышался слабый треск отдираемой от земли примерзшей одежды, но само тело было легким, как шелуха початка.

Под телом был небольшой кожаный мешочек.

Она подняла его дрожащей рукой, открыла и залезла туда двумя пальцами, но она уже знала, что она там найдет.

В мешочке были еще сухие зерна кукурузы. Ребенок защищал их теплом своего тела. Она поняла, что она сделала бы то же самое, и что у нее с этим ребенком было, должно быть, много общего.

Вот они, семена. Ей нужно было теперь закончить работу, которую начал умерший ребенок.

Она отгребла снег и засунула пальцы в грязь. Она была глинистой и твердой со льдинками и острыми камнями. Она взяла полную горсть этой земли и стала отогревать ее, потом положила в нее одно зернышко и сделала то, что делала раньше, когда сажала семена в канзасскую пыль – набрала полный рот слюны и выплюнула ее прямо в грязь в ладони. Скатала ее в шарик и продолжала катать до тех пор, пока не почувствовала, что поднимается тепло по косточкам, проходит по рукам и пальцам. Тогда она снова вернула кусочек грязи на место на землю, вжала его в лунку, откуда его зачерпнула.

Это было первое семечко, посаженное Свон, но она не знала, выживет оно в этой измученной земле или нет.

Она взяла Плаксу, с трудом передвинула ноги и отошла на

несколько футов от тела, затем зачерпнула еще пригоршню грязи. То ли острый камень, то ли льдинка резала ей пальцы, но она едва чувствовала боль, вся сосредоточившись на работе. Чувство покалывания усилилось, волнами проходя по телу, как энергия по гудящим проводам.

Свон перешла дальше и посадила третье зернышко. Холод пробирался сквозь одежду, стыли кости, но она продолжала, через каждые два – три фута набирая в ладони землю и сажая по одному зернышку, В некоторых местах земля совсем промерзла и не поддавалась, как гранит, ей приходилось переходить на другое место, ища где бы земля под снегом была помягче, там где грязь промерзла и не была покрыта снегом. Она очень скоро ободрала себе руки и из порезов стала сочиться кровь. Капли крови попадали на семена и на почву, пока Свон медленно и методично, без пауз продолжала работать.

Она не стала сажать семена около пруда, а вместо этого повернула обратно к Мериз Рест и стала сажать другой ряд. Далеко в лесу завыло какое–то животное высоким, пронзительным одиноким звуком. Она не отвлеклась от работы, окровавленные руки шарили в снегу по земле в поисках оттаявшей грязи. Холод наконец пронзил ее, ей пришлось остановиться и поежиться. Лед на носу мешал дышать, глаза с хрупкими остатками зрения почти закрылись от мороза. Она лежала и дрожала, и ей пришло в голову, что она наберется сил, если сможет немного поспать. Просто небольшой отдых. Всего на несколько минут, а потом она снова вернется к работе.

Что–то толкнуло ее в бок. Она была слаба и разбита, и не стала поднимать голову, чтобы посмотреть, что это. Ее опять что–то толкнуло, на этот раз гораздо сильнее. Свон обернулась, повернула голову и вздрогнула.

Теплое дыхание коснулось ее лица. Над ней стоял Мул, неподвижный, как будто высеченный из темного с крапинкой камня. Она снова захотела лечь, но Мул толкнул ее носом в плечо. Он глубоко заворчал, и из его ноздрей, как пар из чайника, вырвалось теплое дыхание.

Он не позволит ей уснуть. А теплый воздух, шедший из его легких, напоминал ей о том, как холодно, как близка она к тому, чтобы сдаться. Если она еще полежит здесь, то замерзнет. Ей пришлось снова начать двигаться и продолжить свою работу.

Мул толкнул ее более настойчиво, и Свон села и сказала:

– Ладно, ладно.

Она подняла к его морде перемазанную и окровавленную руку, и его язык облизал ее раны.

Она снова стала сажать семена из мешочка, а Мул шел в

нескольких шагах позади нее, с настороженно поднятыми ушами и вздрагивая при каждом зверином крике в лесу.

Свон принуждала себя продолжать работу, но по мере того как холод усиливался, все становилось зыбким и смутным, как будто она работала под водой. Дыхание Мула каждый раз чуть согревало ее, и тогда она начинала чувствовать в темноте вокруг них какое–то скрытое движение, которое все подбиралось ближе. Она услышала рядом крик животного, и Мул ответил хриплым предупреждающим рокотом. Свон продолжала заставлять себя продвигаться вперед, очищая землю от снега и набирая в ладони грязь, а потом обратно опуская ее в лунки вместе с семенами. Каждое движение ее пальцев было мучительным актом, и она знала, что запах ее крови в конце концов привлечет из леса животных.

Но ей необходимо было закончить работу. В кожаном мешочке оставалось всего, быть может, тридцать–сорок семян, и Свон решила посадить их все. Покалывающие токи проходили по ее костям, становились все сильнее, теперь уже почти до боли, и пока она работала в темноте, она вообразила, что видит случайные крошечные вспышки огоньков, вылетающих от ее окровавленных пальцев. Она ощутила слабый запах горелого, как бывает при перегревании электрической розетки и коротком замыкании. Ее лицо под маскообразной коркой горело от боли, когда зрение ослабло, она несколько минут работала в полной слепоте, пока зрение снова не вернулось. Она толкала себя вперед на три–четыре фута и высаживала по одному семечку.

Какое–то животное,– она подумала, что это рысь,– завыло где–то слева, в опасной близости. Она напряглась, ожидая нападения, услышала ржание Мула и почувствовала, как простучали по земле его копыта, когда он пробежал мимо нее. Снова послышался вой рыси, затем звук какого–то беспокойства, борьбы в снегу – и примерно через минуту ее лицо снова согрело дыхание Мула. В ответ завыло другое животное, на этот раз справа, и Мул пронесся туда. Свон услышала крик боли, услышала, как заворчал Мул, когда лягнул кого–то, затем послышались удары копыт Мула о землю – раз, два, снова. Он вернулся к ней, и она посадило еще одно зернышко.

Она не знала, сколько еще было таких нападений. Она вся отдалась работе, и скоро осталось только пять зернышек.

При первых признаках света на востоке Джош сел в передней комнате в хижине Глории Бауэн и понял, что Свон нет. Он позвал женщину и ее сына, и они вместе стали прочесывать переулки Мериз Рест. Именно Аарон выбежал посмотреть в поле, и вернулся, крича, чтобы Джош и мама шли быстрее.

Они увидели лежавшую на земле фигуру, согнувшуюся на боку. Близко к ней прижался Мул, который поднял голову и тихо заржал, когда к ним подбежал Джош. Он почти налетел на тушу убитой рыси, из бока которой росла лишняя лапа, увидел еще одну такую же лежавшую рядом, которая тоже, наверное, принадлежала рыси, но наверняка сказать было нельзя, очень уж она была искромсана.

Бока и ноги Мула были в рваных ранах. А рядом со Свон лежали еще три туши животных, все со смертельными переломами.

– Свон,– закричал Джош, когда подбежал к ней и упал на колени рядом. Она не шелохнулась, и он взял ее хрупкое тело в объятия. – Проснись, милая! сказал он, встряхивая ее. – Пойдем, проснись! – Воздух был обжигающе холодным, но Джош чувствовал тепло, исходившее от Мула. Он сильнее затряс ее. – Свон! Проснись!

– О, Боже мой,– прошептала Глория, вставая рядом с Джошем. – Руки! – Джош тоже увидел их и вздрогнул. Они распухли, покрылись грязью и запекшейся черной кровью, ободранные пальцы выглядели как когти. На ладони правой руки лежал кожаный мешочек, а в левой руке было единственное засохшее зернышко, замазанное грязью и кровью. – О, Боже… Свон…

– Мама, она умерла? – спросил Аарон, но Глория не ответила. Аарон сделал шаг вперед. – Она не умерла, мистер! Ущипните ее, и она проснется!

Джош дотронулся до ее запястья. Чувствовался слабый пульс, но этого было мало. Слеза выкатилась из его глаз и упала ей на лицо.

Свон глубоко вдохнула и медленно со стоном выдохнула. Тело ее задрожало, когда она хотела встать с места, где было очень темно и холодно.

– Свон! Ты меня слышишь?

Голос, приглушенный и очень далекий, что–то говорил ей. Она подумала, что узнает его. Руки у нее болели… О, они так сильно болели. – Джош?

Голос звучал как шепот, но сердце у Джоша подпрыгнуло. – Да, дорогая. Это Джош. Не беспокойся, мы отнесем тебя сейчас туда, где тепло.

Он поднялся с девушкой на руках и повернулся к израненной, измученной лошади.

– Тебе я тоже найду теплое место. Пойдем, Мул. – Лошадь с трудом встала на ноги и пошла следом.

Аарон увидел магическую лозу Свон, лежавшую на снегу, и поднял. Он с любопытством потыкал ее в мертвую рысь, со второй

шеей и головой, растущей прямо из живота, а потом побежал вслед за Джошем и мамой.

Подняв голову, Свон старалась открыть глаз. Веко было закрыто полностью. Вязкая жидкость вытекала из уголка, и глаз так горел, что ей пришлось закусить губу, чтобы не кричать. Другой глаз, давно закрывшийся, пульсировал и бился в глазнице. Она подняла руку, чтобы дотронуться до лица, но пальцы ее не слушались.

Джош услышал, что она что–то шепчет. – Мы уже почти дошли, солнышко. Еще несколько минут. Продержись немного. – Он знал, насколько она была близка к смерти там, незащищенная, и, может быть, еще даже сейчас. Она снова заговорила, и на этот раз он ее понял, но сказал:

– Что?

– Мой глаз,– сказала Свон. Она старалась говорить спокойно, но голос у нее дрожал. – Джош… Я ослепла.

Глава 60. Свон и здоровяк

Лежа на постели из листьев, Сестра ощутила около себя движение. Она очнулась от сна и как наручниками схватила кого–то рукой за запястье.

На коленях стоял Робин Оукс, в его длинных волосах было много перьев и косточек, в глазах горел огонь. На его лице с обострившимися чертами пульсировали цвета от стеклянного кольца. Он открыл кожаный футляр и пытался вытащить из него кольцо. Несколько секунд они пристально смотрели друг на друга, и Сестра сказала:

– Нет.

Она положила на кольцо другую руку, и он его отпустил.

– Не кипятись,– выразительно сказал он. – Я его не повредил.

– Слава Богу! А кто позволил тебе лезть в мой футляр?

– А я не лазил. Я смотрел. Немного.

Кости Сестры захрустели, когда она села. Через вход в пещеру заглядывал мрачный день. Большинство разбойников еще спали, но двое мальчишек снимали шкуру с пары некрупных туш кроликов или белок, а еще один укладывал палки для костра, чтобы приготовить завтрак. У дальней стены пещеры около своего пациента спал Хьюг, а Пол спал на тюфяке из листьев.

– Это важно для меня,– сказала она Робину. – Ты даже не знаешь, как важно. Просто оставь его в покое, ладно?

– Заверни его,– сказал он и встал. – Я как раз клал эту таинственную штуку обратно и собирался рассказать тебе о Свон и этом здоровяке. Но забудь об этом, рохля. – Он пошел прочь,

посмотреть, как дела у Баки.

Всего несколько секунд ушло на то, чтобы до нее дошло: “Свон. Свон и здоровяк”.

Она никому из них не говорила о своих прогулках во сне. Ничего не говорила о слове “свон” и руке, отпечатанной, словно выжженной, на стволе цветущего дерева. Откуда тогда мог знать Робин Оукс, если только он тоже не прогуливался во сне?

– Подожди! – крикнула она. Ее голос в пещере отражался как звук колокольчика. И Пол, и Хьюг уже стряхнули с себя сон. Большинство мальчишек сразу же проснулись и потянулись за своими копьями и ружьями. Робин стоял в проходе.

Она заговорила с трудом подыскивая слова. Она встала и приблизилась к нему, держа стеклянное кольцо поднятым. – Что ты в этом видел?

Робин взглянул на других мальчишек, затем снова на Сестру и пожал плечами.

– Ты ведь что–то видел, правда? – Сердце у нее колотилось. Цвета на кольце пульсировали все быстрее. – Видел же! Ты ходил во сне, да?

– Что во сне?

– Свон,– сказала Сестра. – Ты ведь видел слово, написанное на дереве? На дереве, покрытом цветами. И ты видел след руки, огнем запечатленный на дереве? – Она держала стекло у него перед лицом. – Ну ведь видел же, правда?

– Ох–ох,– он покачал головой. – Ничего такого.

Она замерла, потому что видела, что он говорит правду. – Пожалуйста, сказала она. – Расскажи мне, что ты видел.

– Я… вытащил его из твоего футляра примерно час назад, когда проснулся,– сказал он тихим почтительным голосом. – Я просто хотел подержать его, просто хотел посмотреть на него. Я раньше не видел ничего похожего, а после того, что случилось с Баки… Я знал, что это особенное. – Он остановился, помолчал несколько минут, как будто снова загипнотизированный.

– Я не знаю, что это такое, но… это заставляет вас хотеть держать его и смотреть в него, где переливаются все эти цвета и краски. Я взял его из твоего футляра, отошел и сел. – Он направился к своей постели из листьев в дальнем углу пещеры. – Я не собирался держать его очень долго, но… цвета стали меняться. Стала получаться картинка – я не знаю, может, это похоже на то, что я ненормальный?

– Продолжай. – И Пол, и Хьюг слушали его, другие мальчики тоже прислушивались.

– Я просто держал его и следил за изображением, вроде тех мозаик, которые были на стенах церкви в приюте, если ты

смотришь на них достаточно долго, то можно поклясться, что они оживают и начинают двигаться, вот на что это было похоже – но только вдруг это уже стало не изображением. Это стало реальным, и я стоял на поле, покрытом снегом. Дул ветер, и все было таким смутным,– но черт побери, что там был за холод! Я увидел что–то лежавшее на земле, сначала я подумал, что это куча тряпок, но потом понял, что это человек. Прямо рядом с ним была лошадь, тоже лежавшая в снегу. – Он рассеянно посмотрел на Сестру.

– Странно, да?

– Что еще ты видел?

– По полю бежал огромный парень. На нем была черная маска, он прошел в шести–семи футах прямо передо мной. Я чертовски испугался и хотел отпрыгнуть, но он прошел дальше. Клянусь, я даже видел его следы на снегу. И я слышал, как он кричит: – Свон. Я это слышал так же хорошо, как сейчас свой собственный голос. В голосе его слышался испуг. Потом он встал на колени около этой фигуры, и было похоже, что он старается ее разбудить.

– Ее? Что ты имеешь в виду – *ее*?

– Девушку. Я думаю, это ее имя – Свон.

Девушка, подумала Сестра. Девушка по имени Свон – вот к кому вело их стеклянное кольцо! Голова у нее закружилась. Она почувствовала слабость, вынуждена была на минуту закрыть глаза, чтобы удержать равновесие, когда она снова их открыла, цвета на стеклянном кольце неистово пульсировали.

Пол встал. Хотя он и перестал верить в силу кольца еще до того, как Хьюг спас мальчика, он почти дрожал от волнения. Больше не имело значения то, что он ничего не видит в стекле, может быть, это потому, что он был слеп и не мог вглядеться достаточно глубоко. Может потому, что он отказался верить во что–либо вне себя, или мозг его был закрыт для чего–то сложного. Но если этот парень что–то видел в стекле, если он тоже испытывал “хождение во сне”, о котором говорила Сестра, тогда может они ищут кого–то, кто действительно где–то существует? – Что еще? – спросил он Робина. – Ты еще что–нибудь видел?

– Когда я собирался отпрыгнуть от этого большого парня в черной маске, я заметил на земле что–то, прямо перед собой. Какое–то животное, все искореженное и в крови. Я не знаю кто это, но отделали его здорово.

– Мужчина в маске,– сказала она озабоченно. – Ты не видел, откуда он пришел?

– Нет, я уже сказал, что все было смутно. В тумане, я думаю.

В воздухе стоял очень крепкий запах, и запах этот был каким–то скверным. Мне, кажется, там было еще двое других людей, но я не уверен. Изображение стало слабеть и уплывать. Мне не понравился этот неприятный запах, и я захотел снова вернуться сюда. А потом я уже сидел здесь с этой штукой в руках. И это все.

– Свон,– прошептала Сестра. Она посмотрела на Пола. Глаза у него были широко открытые и удивленные. – Мы ищем девушку по имени Свон.

– Но где нам искать? Боже мой, поле может быть везде – в миле отсюда или в сотне миль!

– Ты что–нибудь еще видел? – спросила Сестра парня. – Что–нибудь приметное – сарай? Дом? Что–нибудь?

– Просто поле. В некоторых местах покрытое снегом, а в других снег уже сдуло. Я уже говорил, что это так реально, видение… и я думаю, что поэтому–то я и дал тебе поймать меня, когда я засовывал эту штуку обратно тебе в футляр. Я думаю, что мне хотелось кому–то рассказать об этом.

– Как же мы можем найти поле без всяких примет? – спросил Пол. – Нет никакой возможности.

– О… Простите меня.

Они посмотрели на Хьюга, который вставал с помощью костыля. – Я на самом деле относительно всего этого в полной темноте,– сказал он, когда встал устойчиво. – Но я не знал, что то, про что вы думаете, что видите его в стекле, вы считаете местом, которое на самом деле существует. Думаю, я самый последний человек на земле, который примет такие вещи – но мне кажется, что если вы ищите какое–то конкретное место, то вы могли бы начать с Мериз Рест.

– Но почему оттуда? – спросил его Пол.

– Потому что там в Моберли у меня была возможность встретить путешественников,– ответил он. – Как раз тогда, когда я встретил тебя и Сестру. Я считал, что путешественники должны бы проявить какую–то жалость к одноногому нищему – к сожалению, я как всегда ошибся. Но я помню человека, который проходил через Мериз Рест, это он сказал мне, что там высох пруд, И я помню, он говорил, что в Мериз Рест пахнет нечистотами. – Он обратил внимание на Робина. – Ты говорил, что чувствовал скверный запах и еще дым. Правильно?

– Да, в воздухе чувствовался дым.

Хьюг кивнул. – Дым. Трубы. Костры людей, которые пытаются сохранять тепло. Я думаю, что поле, которое вы ищите, если оно существует, должно находиться около Мериз Рест.

– Далеко отсюда до Мериз Рест? – спросила Сестра у Робина.

– Я думаю, миль семь–восемь. Может быть, и больше. Я там

никогда не был, но мы, конечно, грабили людей, едущих туда и оттуда. Хотя это было раньше. Сейчас не так уж много народа туда едет.

– В “Джипе” не хватит топлива, чтобы преодолеть это расстояние,– напомнил Пол Сестре. – Сомневаюсь, что мы и милю проедем.

– Я не имел в виду, что по дороге семь–восемь миль,– поправил Робин. – Я имею в виду напрямую. Отсюда к юго–востоку, через лес, но это тяжелое путешествие. Шестеро моих ребят ходили туда примерно год назад разведать дорогу… Двое из них вернулись и сказали, что там нет ничего стоящего в этом Мериз Рест. Что жители, если бы могли, сами стали грабить. Они сами бы нас ограбили, если могли бы.

– Если мы не можем проехать, то нам придется пойти пешком. – Сестра взяла свою сумку и сунула туда стеклянное кольцо. Руки у нее дрожали.

Робин хмыкнул. – Сестра,– сказал он,– я не хочу сказать ничего обидного, но ты сумасшедшая. Семь миль пешком – это не то, что я бы назвал забавным. Знаешь, мы, возможно, спасли ваши жизни, остановив ваш “Джип” таким образом. Если бы мы этого не сделали, вы сейчас уже наверняка замерзли бы до смерти.

– Нам нужно добраться до Мериз Рест – или хотя бы мне добраться. Пол и Хьюг могут решать за себя сами. Чтобы попасть туда, я бы прошла черт знает во сколько раз больше, чем семь миль, и небольшой холод меня теперь не остановит.

– Дело не просто в расстоянии или в холоде. Дело в том, что находится там, в глубине леса.

– О, действительно интересные создания. Эти существа выглядят так, как будто их вывели в питомнике безумного врача. Голодные. Вы же не хотите, чтобы один из них поймал вас в лесу ночью?

– Я бы сказал нет,– согласился Хьюг.

– Мне нужно попасть в Мериз Рест,– твердо сказала Сестра, и упрямое выражение ее лица сказало Робину, что она решилась. – Все, что мне нужно, это немного еды, теплая одежда и мой дробовик. Я вполне справлюсь.

– Сестра, ты не пройдешь и мили, как заблудишься или тебя съедят. – Она посмотрела на Пола Торсона. – Пол! – спросила она. – Ты все еще со мной?

Он колебался, глядя вперед на тусклый свет у входа в пещеру, а потом на костер, который разводили мальчишки трением палки о палку. Черт побери! – подумал он. – Я никогда так не умел, когда был Юным Скаутом. Хотя, может, еще не поздно научиться. Все–таки они зашли так далеко, и возможно

уже близки к тому, чтобы найти ответ, который ищут. Он следил за тем, как вспыхивает и разгорается костер, но про себя уже решил. – Я с тобой.

– Хьюг? – намекнула она.

– Я хочу идти с тобой,– сказал он. – Правда, хочу. Но у меня пациент. – Он взглянул на спящего мальчика. – Я хочу знать, что и кого вы найдете, когда доберетесь до Мериз Рест, но… я думаю, что я нужен здесь. Сестра, прошло много времени с тех пор, когда я чувствовал себя полезным. Ты понимаешь?

– Да. – Она уже решила в любом случае отговорить Хьюга от того, чтобы идти, он бы никак не смог пройти это расстояние на одной ноге, и он бы только задерживал их. – Я понимаю. – Она посмотрела на Робина. – Мы хотим уйти как только соберем вещи. Мне будет нужен мой дробовик и патроны, если с ними все в порядке.

– Вам для этого понадобится больше.

– Тогда, я уверена, что вы захотите отдать ружье Пола и патроны к нему тоже. А мы можем взять любую еду и одежду, которую вам не жалко.

Робин засмеялся, но глаза у него оставались суровыми. – Нас ведь считают разбойниками, Сестра!

– Просто верните нам то, что отняли у нас тогда. Мы даже можем назвать, что.

– Кто–нибудь когда–нибудь говорил тебе, что ты сумасшедшая? – спросил он.

– Да. И гораздо грубее, чем ты.

Слабая улыбка медленно появилась у него на лице, и глаза стали мягче.

– Ладно,– сказал он. – Вы получите свое барахло обратно. Думаю, что вам оно понадобится больше, чем нам. – Он задумался и наступила пауза, потом сказал:

– Держи,– и подошел к своей постели из листьев. Он наклонился и стал что–то перебирать в коробке, полной жестяных банок, ножей, часов, обувных шнурков и прочего. Он нашел то, что искал и вернулся к Сестре.

– Вот,– сказал он, кладя что–то ей в руку. – Это вам тоже понадобится. – Это был маленький металлический компас, который выглядел так, как будто только что появился из сундучка мастера. – И он работает,– сказал он ей. – По крайней мере работал, когда я пару недель назад снял его с мертвеца.

– Спасибо. Я надеюсь, что мне он принесет больше счастья, чем ему.

– Да… Ну… Это вы тоже можете взять, если хотите. – Робин расстегнул коричневую куртку около горла. Поверх бледной кожи

он носил маленькое тусклое распятие на серебряной цепочке. Он стал его снимать, но Сестра протянула руку, чтобы остановить его.

– Это и у меня есть,– и она оттянула у шеи своей шерстяной шарф, чтобы показать ему шрам в форме распятия, который выжгли ей давным–давно в кинотеатре на Сорок второй улице. – У меня есть свое.

– Да,– кивнул Робин. – Надо полагать, что есть.

Полу и Сестре вернули их куртки, свитера и перчатки, вместе с оружием, пулями для “Магнума” Пола и дробовика Сестры. Банку печеных бобов и немного сушеного беличьего мяса тоже положили в походную сумку, которую вернули Сестре вместе с универсальным ножом и ярко–оранжевой шерстяной шапкой. Робин дал им обоим наручные часы, а пошарив еще в одной коробке с добычей, нашел три кухонные спички.

Пол слил остаток бензина из “Джипа” в небольшой пластиковый молочный кувшин, и при этом едва прикрылось дно. Но кувшин был надежно запечатан лентой и упакован в походную сумку, чтобы с его помощью было можно развести огонь.

Было уже светло, как в середине дня. Небо было тусклое, и нельзя было сказать даже, в какой стороне солнце. Часы Сестры показывали десять двадцать две, а часы Пола – три тринадцать.

Пора было идти.

– Готов? – спросила Сестра Пола.

Он какое–то время смотрел на костер горящим взглядом, а потом сказал:

– Да.

– Желаю успеха! – крикнул Хьюг, ковыляя ко входу пещеры. Когда они вышли, Сестра подняла руку в перчатке, потом подтянула у горла воротник и шарф. Она проверила компас, и Пол пошел следом за ней в лес.

Глава 61. Скромное желание

– Вот он,– Глория указала на остов какого–то сарая из серых досок, наполовину скрытого группой деревьев. Две другие постройки разрушились, и из одной из них торчала осыпавшаяся красная кирпичная труба. – Аарон нашел недавно это место,– сказала она, когда Джош подошел с ней к сараю, а Мул шел следом. – Но никто здесь не живет. – Она двинулась к хорошо протоптанной тропе, которая шла мимо разрушенных строений глубже в лес. – Яма находится не слишком далеко.

Яма, как понял Джош, была в общине местом для захоронений – траншея, в которую за прошедшие годы опустили

сотни тел. – Джексон обычно говорил над мертвым несколько слов,– сказала Глория. – Теперь, когда он ушел, они просто бросают их и забывают о них. – Она взглянула на него. – Вчера ночью Свон была недалека от того, чтобы присоединиться к ним. Как по–твоему, что она там делала?

– Не знаю. – Когда они принесли ее в хижину, Свон впала в бессознательное состояние. Глория и Джош очистили ей руки и перевязали их полосками из ткани, и они чувствовали, как от нее исходит жар. Они оставили Аарона и Расти следить за ней, пока Джош выполнял свое обещание найти убежище для Мула, но от волнения он был почти не в себе, без лекарств, без подходящей пищи, даже просто без приличной питьевой воды, какая у нее могла быть надежда? Ее здоровье было настолько подорвано истощением, что лихорадка могла ее убить. Он вспомнил ее последние слова, которые она ему сказала прежде, чем совсем ослабела: “Джош, я ослепла”.

Руки его сжались в кулаки. Сохраните дитя, подумал он. Конечно. Ты действительно хорошо это сделал, да?

Он не знал, почему она выскользнула прошлой ночью из хижины, но очевидно, что она что–то копала в твердой земле. Спасибо тебе, Господи, что у Мула было чувство понимания того, что она в опасности, иначе сегодня им пришлось бы нести тело Свон в…

Нет, он отказывался думать об этом. Ей будет лучше. Он знал, что будет. Они прошли мимо ржавых останков какого–то автомобиля – без дверей, колес, мотора, и капота – и Глория, толкнув, открыла дверь сарая. Внутри было темно и зябко, но хотя бы ветер не гулял. Вскоре глаза Джоша привыкла к сумраку. Там было два стойла с небольшим количеством соломы на полу и кормушка, в которой Джош мог натаять снега, чтобы Мул мог пить. На стенах висели веревки и упряжь, но не было окон, через которые могли бы заползти какие–то животные. Место казалось достаточно безопасным, чтобы можно было его оставить, и он был хотя бы укрыт.

Джош увидел у другой стены сарая что–то, похожее на кучу хлама, и пошел осмотреть ее. Он нашел несколько сломанных стульев, лампу без колбы и проводов, небольшую газонокосилку и моток колючей проволоки. Поверх другой кучи лежало голубое одеяло, изъеденное мышами, и он поднял его, чтобы посмотреть что под ним.

– Глория,– сказал он тихо,– подойти, взгляни.

Она подошла к нему, и он провел пальцами по треснувшими стеклянному экрану телевизора. – Я давно таких не видел,– сказал он задумчиво. – Думаю, что налоги сейчас довольно

низкие, а? – Он нажал на кнопку включения и стал переключать каналы, но тумблер сломался у него в руках.

– Ни черта от него проку,– сказала Глория,– как и от всего остального.

Телевизор стоял на чем–то вроде крутящегося столика. Джош поднял его, перевернул, снял крышку, чтобы добраться до лампы и перепутанных проводов. Он почувствовал себя тупым как пещерный человек, забравшийся в магический ящик, который был когда–то обычной роскошью – нет, необходимостью – для миллиона американских домов. Без электричества он был так же бесполезен как камень – может даже и меньше, потому что камнем можно воспользоваться, чтобы бить грызунов для кастрюли.

Он отставил телевизор вместе с другим добром и подумал, что здесь нужен более развитый человек, чем он, чтобы пустить по проводам электричество и оживить его, чтобы тот снова говорил и показывал. Он наклонился к полу и нашел коробку, полную чего–то, похожего на старые деревянные подсвечники. В другом ящике были пыльные бутылки. Он заметил несколько клочков бумаги, разбросанных по полу, и поднял один. Это было объявление, выцветшее красные буквы гласили: АУКЦИОН ДРЕВНОСТЕЙ! БЛОШИНЫЙ РЫНОК ДЖЕФФЕРСОН СИТИ, 5 ИЮНЯ! ПРИХОДИТЕ ПОРАНЬШЕ, ОСТАВАЙТЕСЬ ПОДОЛЬШЕ! Он разжал руку и дал объявление упасть обратно на пол среди других кусков древних новостей со звуком, похожим на вздох.

– Джош! Что это?

Глория коснулась крутящегося столика. Ее рука нашла небольшую ручку, и когда она повернула ее, раздался дребезжащий звук цепи, которая двигалась в ржавом механизме. Валики вращались с трудом и болезненно, как поворачивается во сне старый человек. От ручки пришли в движение рычаги на резиновых прокладках и опустились, быстро нажав на валики, а затем встали в первоначальное положение. Джош увидел небольшой металлический поднос, прикрепленный к другой стороне столика, он поднял несколько объявлений блошиного рынка и положил их на поднос. – Крутани ручку еще раз, сказал он, и они смотрели, как валики и рычаги захватывают по одному листу бумаги, затаскивают их в щель вглубь машины и выносят на другой поднос в противоположной стороне. Джош нашел выдвижную панель, отодвинул ее и заглянул внутрь устройства, где были еще валики, металлические подносы и высохшие пористые поверхности, которые, как догадался Джош, были когда–то, должно быть, чернильными подушечками.

– Это у нас печатный пресс,– сказал он. – Ну, и что теперь с

ним делать? Должно быть, старая погремушка, но в хорошей форме. – Он коснулся поверхности из дуба, из которого был сделан корпус. – Кто–то делал его с любовью. Стыдно давать ему ржаветь здесь.

– Ржаветь можно и здесь, так же как и в любом другом месте,– проворчала она. – Самая проклятая вещь.

– Что?

– Джексон, прежде чем умер… он хотел сделать газету – просто небольшой листок. Он сказал, что иметь что–то вроде городской газеты, то это заставляет людей лучше чувствовать свою общность. Знаете, люди проявляют большой интерес к кому–то другому, вместо того, чтобы замыкаться. Он даже не знал, что здесь есть эта штуковина. Конечно, это была просто мечта. – Она провела рукой по дубовой поверхности. – У него была не одна мечта, и все они погибли. – Ее рука коснулась его руки и быстро отдернулась.

Минута неловкой тишины. Джош еще чувствовал тепло ее руки на своей руке. – Он, должно быть, был чудесным человеком,– предположил он.

– Да, был. У него доброе сердце и крепкая спина, и он не боялся испачкать руки. До того, как я встретила Джексона, у меня была довольно скверная жизнь. Я водилась с плохой компанией и здорово пила. Жила самостоятельно с тринадцати лет. – Она слабо улыбнулась. – Девочки быстро растут. Однако он не побоялся замарать руки мною, потому что я, конечно, погибла бы, если бы он не вытащил меня. А вы? У вас есть жена?

– Да. Была жена, во всяком случае. И два сына.

Глория повернула ручку и смотрела, как работают валики. – Что с ними случилось?

– Они были в Южной Алабаме. Я имею в виду, когда упали бомбы. – Он глубоко вдохнул и медленно выдохнул. – В Мобиле. В Мобиле находилась военно–морская база. Подводные лодки и все виды кораблей. По крайней мере, тогда была база. – Он смотрел, как Мул устраивается на полу на соломе. Может быть, они еще живы. Может, нет. Я… Я думаю, что с моей стороны плохо так думать, но… Я отчасти надеюсь, что они умерли семнадцатого июля. Я надеюсь, что они умерли, когда смотрели телевизор или ели мороженое, или загорали на пляже. – Его взгляд нашел взгляд Глории. – Я просто надеюсь, что они умерли. Разве это плохо – желать этого?

– Нет, это вполне приличное желание,– сказала ему Глория. И на это раз ее рука коснулась его руки и не отдернулась. Ее другая рука поднялась и сдвинула черную лыжную маску. – Как ты выглядишь под этой штукой?

– Я был безобразен. А теперь я убийственно отвратителен.

Она коснулась грубой серой кожи, которая затянула правую глазницу.Здесь у тебя болит?

– Иногда жжет. Иногда так зудит, что я едва терплю. А иногда… – Он замолк.

– Иногда что?

Он поколебался, говорить ли ей то, что он никогда не говорил ни Свон, ни Расти. – Иногда,– тихо сказал он,– у меня такое чувство, будто лицо у меня меняется. Такое чувство, как будто кости смещаются. И чертовски болит.

– Может быть, это заживет.

Ему удалось слабо улыбнуться. – Как раз то, что мне нужно – проблеск оптимизма. Спасибо, но я думаю, что это за пределами исцеления. То, что там сейчас растет, это нечто твердое.

– У Свон самый худший случай, что я видела. Звук такой, будто она едва дышит. Теперь с этой лихорадкой она… – Она остановилась, потому что Джош пошел к двери. – Ведь вы с ней давно вместе, не так ли? – спросила она.

Джош остановился. – Да. Если она умрет, я не знаю, что я… – Он прервал себя, опустил голову и потом снова поднял. – Свон не умрет,– решил он. Не умрет. Пойдем, нам лучше вернуться.

– Джош! Подожди, ладно?

– Что такое?

Она дотронулась до ручки печатного пресса, поглаживая пальцами гладкую дубовую поверхность. – Ты прав на счет этого. Стыдно, чтобы он здесь стоял и ржавел.

– Ты же сказала, что здесь так же хорошо, как и в любом другом месте.

– В моей хижине будет лучше.

– В твоей хижине? Для чего тебе нужна эта штуковина? Она бесполезна!

– Сейчас – да. Но, может, так будет не всегда. Джексон был прав, это было бы чудом для Мериз Рест – иметь что–то вроде газеты. О, не то вранье, которое людям раньше забрасывали во двор, а возможно просто листок бумаги, чтобы рассказывать народу, кто родился, кто умер, у кого есть ненужная одежда, и кому нужна одежда. Сейчас люди, которые живут через дорогу,– чужие друг другу, но подобный листок бумаги может всех объединить.

– Я думаю, что большинстве людей в Мериз Рест более заинтересованы в том, чтобы найти себе пропитание на завтра, а ты?

– Да – сейчас. Но Джексон был чудесный человек, Джош. Если бы он знал, что эта штука стоит здесь в куче хлама, он бы

перетащил ее домой на спине. Я не хочу сказать, что я знаю, как писать и все такое – черт подери, я едва умею говорить правильно – но это может быть первым шагом к тому, чтобы сделать Мериз Рест снова настоящим городом.

– Что вы будете использовать в качестве бумаги? – спросил Джош. – И как на счет чернил?

– Вот бумага. – Глория подняла пачку аукционных объявлений. – И я умею делать краску из грязи и сапожного крема. Я смогу разобраться, как сделать чернила.

Джош опять было собрался протестовать, но понял, что в Глории произошло изменение, глаза ее были возбуждены и их блеск заставил ее выглядеть лет на пять моложе. Она приняла вызов,– подумал он. Она постарается сделать мечту Джексона явью.

– Помогите, пожалуйста,– убеждала она. – Пожалуйста.

Ее душа приняла решение.

– Хорошо,– ответил Джош. – Беритесь за другой конец. Эта штука может оказаться тяжелой.

Две мухи поднялись с верхушки печатного пресса и закружились вокруг головы Джоша. Третья неподвижно сидела на телевизоре, а четвертая лениво жужжала прямо под крышей сарая.

Пресс оказался легче, чем казался, и вытащить его из сарая оказалось сравнительно легко. Они поставили его снаружи, и Джош вернулся обратно к Мулу. Лошадь нервно ржала, делала круги по стойлу. Джош почесал ей морду, чтобы успокоить, и укрыл Мула синим одеялом, чтобы он не замерз.

Муха села на руку Джоша, ее прикосновение обожгло его, как будто это была оса.

– Черт побери! – сказал Джош и хлопнул по ней другой рукой. Осталась копошащаяся серо–зеленая масса, но руку еще саднило от боли, и он вытер ее о брюки.

– Тебе здесь будет хорошо,– сказал Джош пугливому коню, почесывая ему шею. – Я навещу тебя попозже, а? – Когда он закрывал дверь сарая и запирал ее, он надеялся, что поступает правильно, оставляя его здесь одного. Такое место – как оно выглядит – защитит Мула по крайней мере от холода и рысей. От мух Мулу придется защищаться самому.

Глория и Джош вдвоем потащили пресс по дороге.

Глава 62. Дикий принц

Под вечереющим небом через лес из мертвых сосен, в котором ветер устраивал заносы высотой до пяти футов,

пробирались две фигуры.

Сестра не убирала часы и компас и постоянно держала направление на юго–запад. Позади в нескольких шагах шел Пол, неся походную сумку, переброшенную через плечо, и следя за тем, что делается у них за спиной и по сторонам, чтобы не попасться затаившимся животным. Он знал, что те идут по их следам и преследуют от самой пещеры. Он видел только какие–то быстрые мелькания, и не мог сказать, сколько их было и каких, но по запаху чувствовал присутствие зверя. Он держал наготове в руке, одетой в варежку с отдельным указательным пальцем, револьвер калибра 9 мм.

Сестра определила, что светлого времени осталось еще час. Они шли почти пять часов, если верить часам, которые им дал Робин, и она не знала, сколько миль они прошли, но прогулка была мучительной, и ноги ее были словно налиты свинцом.

От усилия при переходе через скалы и снежные заносы она вспотела, и теперь треск льда на одежде вызвал воспоминания о рисовых хлопьях – похрустывание и хлопки! Она вспомнила, как ее дочь любила рисовые хлопья:

– Мама, они словно бы разговаривают!

Она усилием воли прогнала гостей из прошлого. Не видно было признаков жизни, но вокруг рыскали эти твари, голодными глазами следя за ними в сгущающихся сумерках. Когда станет темно, звери осмелеют…

Один шаг, говорила она себе. Один шаг, потом следующий, и только так ты сможешь дойти, куда нужно. Она снова и снова повторяла это про себя в уме, в то время как ноги продолжали нести ее, словно работающая машина. Она крепко держала свою походную сумку, ее левая рука была судорожно сжата в этом положении, и сквозь кожу она ощущала очертания стеклянного кольца, она набиралась оттуда сил, как будто это было ее второе сердце.

Свон, подумала она. Кто ты? Откуда ты пришла? И почему меня привело к тебе? Если действительно ее прогулки во сне привели ее к девушке по имени Свон, то Сестра не имела представления о том, что она скажет этой девушке. Привет, пыталась она репетировать, ты меня не знаешь, но я прошла половину этой страны, чтобы найти тебя. И я надеюсь, что ты этого достойна, потому что, Боже мой, как я хочу лечь и отдохнуть!

Но что, если в Мериз Рест нет девушки по имени Свон? Что, если Робин ошибся? Что если эта девушка всего лишь прошла через Мериз Рест, и к тому времени, как они попадут туда, уже может быть уйдет?

Она хотела ускорить шаг, но ноги ее не слушались. Один шаг. Один шаг, потом следующий, и только так ты сможешь дойти, куда нужно.

От резкого визга в лесу от нее у нее душа ушла в пятки. Она обернулась на шум, услышала, как визг перешел в пронзительный звериный вой, а потом в хихикающее бормотанье, свойственное гиене. Она подумала, что видит в темноте пару жадных глаз, они зловеще блеснули, прежде чем скрыться в лесу.

– Скоро стемнеет,– сказал ей Пол. – Нам надо найти место для лагеря.

Она пристально посмотрела на юго–запад. Ничего, кроме искореженного пейзажа с мертвыми соснами, скалами и снежными наносами. Похоже, туда они не дойдут. Она кивнула, и они стали искать убежище.

Лучшее, что они могли найти, было углубление, окруженное валунами с острыми камнями. Они отгребли снежную стену высотой в три фута, а потом вместе стали собирать сухие ветки для костра. А вокруг них из леса эхом отдавались пронзительные крики по мере того как звери стали собираться как лорды за праздничный стол.

Они собрали небольшую кучку веток, обложили ее камнями, и Пол капнул сверху бензином. Первая спичка, которой он чиркнул по камню, вспыхнула, зашипела и потухла. Они остались только с двумя. Быстро наступала темнота.

– Вот,– сказал кратко Пол. Он чиркнул второй спичкой по камню, на котором стоял на коленях, готовый другой рукой сразу же прикрыть пламя.

Она вспыхнула, зашипела и сразу же стала гаснуть. Он быстро поднес слабеющее пламя к веточке в куче палок, встал над ними на колени, как первобытный человек, молящийся перед алтарем духу огня.

– Гори, ты, сволоченка! – прошептал он сквозь стиснутые зубы. – Давай, гори!

Почти весь огонь угас, только маленький язычок плясал в темноте.

А потом вдруг – *хлоп!* – загорелось несколько капель бензина, и пламя, как кошачий язычок, охватило ветку. Огонь затрещал, зашумел и стал расти. Пол добавил еще немного бензина.

Взвился язык пламени, огонь запрыгал от палки к палке. Через минуту у них был свет и тепло, и они грели свои застывшие руки.

– Мы попадем туда утром,– сказал Пол, когда они разделили сушеное беличье мясо. Вкус был как у вареной кожи. – Клянусь, нам осталось около мили.

– Может быть. – Она открыла крышку банки с печеными бобами универсальным ножом и вытаскивала их оттуда пальцами. Они были маслянистые и имели металлический вкус, но казались хорошими. Она передала банку Полу. – Надеюсь, этот детский компас работает. Если это не так, то мы шли по кругу.

Он уже думал об этой возможности, но теперь пожал плечами и стал набивать рот бобами. Если этот компас отклонялся хоть на волосок, осознавал он, то они уже могли пропустить Мериз Рест. – Мы уже прошли семь миль, сказал он ей, хотя совсем не был в этом уверен. – Завтра узнаем.

– Правильно, завтра.

Она первая осталась ночью сторожить, пока Пол спал у огня, и сидела спиной к валуну держа с одной стороны от себя “Магнум”, а с другой дробовик.

Под тяжелым щитком маски Иова лицо Сестры горело от боли. Скулы и челюсть пульсировали. Жестокая боль обычно проходила за несколько минут, но на этот раз она усилилась до того, что Сестра вынуждена была опустить голову и застонать. Снова в седьмой или восьмой раз за последние несколько недель она почувствовала резкие разламывающие толчки, которые, казалось, проходили глубоко под маской Иова, вниз, через кости лица. Все, что она могла сделать, это стиснуть зубы и терпеть боль, пока не пройдет, а когда та наконец ушла, она дрожала несмотря на огонь.

Это плохо, подумала она. Боль усилилась. Она подняла голову и пробежала пальцами по маске Иова. Узловатая поверхность была холодной как лед на склонах спящего вулкана, но под ней чувствовалась горячая и чувствительная плоть. Так как на голове безумно зудело, она сунула руку под капюшон своей куртки–парки, чтобы дотронуться до массы тех образований, которые полностью покрыли ее череп и стали расти ниже, по задней части шеи. Она старалась добраться пальцами под коросту и скреблась до тех пор, пока не пошла кровь.

Если натянуть парик на мою лысую голову, подумала она, то я еще буду выглядеть как выпускница в какой–нибудь старинной школе! Ее настроение неустойчиво балансировало в течение нескольких минут между слезами и смехом, но смех победил.

Пол сел. – Уже моя очередь?

– Нет. Еще часа через два.

Он кивнул, снова лег и почти сразу же уснул.

Она продолжала прощупывать маску Иова. Под ней она ощущала как будто ее кожа горит. Кожа, которая еще у меня осталась, подумала она.

Иногда, когда боль была особенно острой, и ее плоть под

маской Иова будто бы кипела, она могла почти поклясться, что кости приходят в движение, как фундамент у неустойчивого дома. Она могла почти поклясться, что чувствует, будто форма ее лица изменяется.

Заметив мелькнувшее движение справа, она снова сосредоточила свое внимание на мыслях о выживании. Кто–то на расстоянии издал глубокий гортанный лающий звук, и ему ответил другой зверь звуком, похожим на плач ребенка.

Она положила дробовик на колени и посмотрела на небо. Там не было ничего, кроме темноты, а только гнетущее чувство нависающих низких облаков, похожих на черный потолок в кошмарах клаустрофобии. Она не могла припомнить, когда она в последний раз видела звезды, может быть теплой летней ночью, когда она жила в карточном домике в Центральном Парке. Или, может, она перестала замечать звезды задолго до того, как их закрыли облака?

Она скучала по звездам. Небо без них было мертвым. Без звезд по чему можно было загадывать желание?

Сестра протянула руку к костру и поерзала около валуна, чтобы поудобнее устроиться. Этот отель не был удобным, но ноги уже не так болели. Она поняла, как она устала, и сомневалась, что сможет пройти еще пятьдесят ярдов. Но огонь горел хорошо, на коленях у нее был дробовик, и она к чертям разнесет любую тварь, которая посмеет приблизиться. Она положила руку на чехол и провела рукой по контуру стеклянного кольца. Завтра, подумала она, завтра мы узнаем.

Она прислонила голову к скале и стала следить за тем, как спит Пол. Удачи тебе, подумала она. Ты ее заслуживаешь.

Мягкое тепло от костра успокаивало ее. В лесу было тихо. И глаза у Сестры закрылись. Всего на минутку, сказала она себе. Не будет никакого вреда, если я отдохну на…

Она села прямо как стрела. Огонь перед ней превратился в несколько красных угольков, и холод пробирался сквозь одежду. Пол съежился и все еще спал. О, Боже, подумала она, и ее охватила паника. Надолго я отключилась? Она дрожала, суставы ее дергались от холода. Она встала, чтобы добавить в костер веток. Осталось только несколько маленьких, и когда она встала на колени и разложила их среди угольков, она почувствовала позади быстрое кошачье движение. Мышцы напряглись сзади у нее на шее.

И она теперь с болезненной уверенностью знала, что они с Полом теперь не одни. Сзади был кто–то, притаившийся на камне, а она оставила оба ружья там, где сидела. Она глубоко вздохнула, решилась передвинуться, повернулась и устремилась

за дробовиком. Она схватила его и обернулась к огню.

Фигура, сидящая со скрещенными ногами на верхушке валуна, как бы сдаваясь подняла руки в перчатках. На камнях лежала винтовка, и человек был одет в знакомое коричневое пальто с заплатками и капюшоном, защищающим лицо.

– Надеюсь, что сон доставил тебе удовольствие,– сказал Робин Оукс.

– Что–что? – мигая встал Пол. – А?

– Молодой человек,– хрипло сказала Сестра,– еще секунда, и я отправила бы вас в гораздо более теплое место, чем здесь. И давно ты тут сидишь?

– Достаточно давно, так что тебе следует радоваться, что у меня не четыре ноги. Если один спит, то другому нужно сторожить, иначе оба погибнут. – Он посмотрел на Пола. – А к тому времени, когда ты проснешься, то уже будешь мясом для рыси. Я думал, что вы оба знаете, что делаете.

– С нами все в порядке. – Сестра убрала палец со спускового крючка и отложила оружие. Все внутри нее колыхалось, как студень.

– Конечно. – Он взглянул через плечо и крикнул в лес. – Ну, идите сюда!

Из леса возникли три закутанные фигуры вскарабкались на валун рядом с Робином. Все мальчишки были с винтовками, а один из них тащил еще одну из тех полотняных сумок, которые разбойники Робина утащили у Сестры.

– Вы вдвоем не смогли покрыть такое большое расстояние, да? – спросил ее Робин.

– Я думаю, черт побери, что мы прошли немало! – Пол стряхнул последние остатки сна. – Я рассчитывал, что утром мы сделаем еще около мили.

Робин пренебрежительно хмыкнул. – Скорее уж, вероятнее всего. Я во всяком случае сел и подумал еще в пещере. Я знал, что вам придется где–то делать лагерь, может, даже громоздить нечто подобное. – Он оценивающе посмотрел на валуны и стену из снега. – Вы сделали для себя здесь ловушку. Когда костер погаснет, эти лесные звери прыгнут на вас со всех сторон. Мы их много видели, но остановились с подветренной стороны и низко у земли, так что они–то нас не видели.

– Спасибо за предупреждение,– сказала Сестра.

– О, мы пришли не для того, чтобы предупредить вас. Мы шли за вами, чтобы не дать им вас убить. – Робин спустился с валуна и другие мальчишки тоже. Они стояли вокруг костра, грея руки и лица. – Это было нетрудно. Вы оставили такой след, как будто плуг прошел. И кроме того, вы кое–что забыли. – Он открыл

другую походную сумку, залез в нее и вытащил второй кувшин самогона, который Хьюг дал Полу. – Вот,– и бросил ее Сестре. – Я думаю, что здесь осталось достаточно, чтобы глотнуть всем.

Там было достаточно, и тепло от самогона грело в животе у Сестры. Робин послал троих ребят стоять на страже вокруг лагеря. – Хитрость заключается в том, чтобы производить как можно больше шума,– сказал Робин после того как они ушли. – Они не станут стрелять в кого–то конкретного, потому что кровь сведет с ума всех остальных зверей в лесу. – Он сел около костра, стащил свой капюшон и снял перчатки. – Если ты хочешь спать, Сестра, то лучше тебе сделать это сейчас. Нам нужно сменить их на часах перед рассветом.

– Кто сделал тебя таким ответственным?

– Я сам. – Свет от костра отбрасывал тени на его лицо, вспыхивал отблесками на тонких волосах и косточках, он был похож на князя первобытного племени. – Я решил помочь вам добраться до Мериз Рест.

– Почему? – спросил Пол. Он был настороженно настроен к парню, не доверяя ему ни на грош. – Зачем тебе это?

– Может, мне захотелось прогуляться на свежем воздухе. Может, мне захотелось попутешествовать. – Его взгляд скользнул к сумке Сестры. – Может, я хочу посмотреть, найдете ли вы того, кого ищите. В любом случае, я оплачиваю свой долг. Вы, ребята, помогли мне с одним из наших, и я ваш должник. Так что я доставлю вас утром в Мериз Рест, и будем считать, что мы в расчете, хорошо?

– Ладно,– согласилась Сестра. – И спасибо тебе.

– Кроме того, если вас двоих завтра убьют, я хочу забрать стеклянное кольцо. Вам оно будет не нужно. – Он прислонился к валуну и закрыл глаза. – Вы бы лучше поспали, пока можно.

Из леса эхом долетел винтовочный выстрел, а следом за ним два других. Сестра и Пол озабоченно посмотрели друг на друга, но молодой разбойник лежал спокойно и неподвижно. Звуки винтовочных выстрелов с перерывами продолжались еще около минуты, затем несколько сердитых взвизгов как будто нескольких животных – но их крики затихли, как будто они уходили. Пол потянулся за самогоном, чтобы допить последние капли, а Сестра откинулась, чтобы отдохнуть и подумать о завтрашнем дне.

Глава 63. Борись с огнем с помощью огня

– Огонь! Огонь!

Снова падали бомбы, земля извергала пламя, люди горели как факелы под кроваво–красным небом.

– Огонь!.. Что–то горит!

Джош стряхнул с себя кошмар. Он слышал, как с улицы кто–то кричит: Огонь! Он сразу же вскочил и бросился к двери, толчком открыл ее, выглянул и увидел оранжевое зарево, отражавшееся от облаков, Улица была пуста, но Джош на расстоянии слышал мужской голос, поднимающий тревогу. Огонь! Что–то горит!

– Что это? Что горит? – У Глории было удивленное лицо, когда она выглянула из двери рядом с ним. Аарон, которого нельзя было оторвать от Плаксы, втиснулся между ними чтобы посмотреть.

– Я не знаю. Что там, в том направлении?

– Ничего,– сказала она. – Только Яма,– и она остановилась, потому что они оба это знали.

Горел сарай, в котором они оставили Мула.

Он натянул ботинки, надел перчатки и свое тяжелое пальто. Глория и Аарон тоже наперегонки собирались. На решетке печки тлели красные угольки, и Расти сел на своей постели из листьев, в его глазах все еще было удивление, повязки из тряпочек были приложены к лицу и ране на плече. – Джош! сказал он. – Что происходит?

– Сарай горит! Я запер дверь, Расти! Мулу не выбраться!

Расти встал, но ноги у него были слабые, и он пошатнулся к стене. Он чувствовал себя как только что кастрированный бык, и это выводило его из себя. Он снова попытался встать, но у него не было сил даже надеть эти проклятые ботинки.

– Нет, Расти! – сказал Джош. Он пошел к Свон, которая лежала на полу под тонким одеялом, которое уступил Аарон. – Ты оставайся с ней!

Расти знал, что он свалится прежде, чем сделает десять шагов из хижины. Он почти плакал от разочарования, но он знал, что за Свон необходимо приглядывать. Он кивнул и устало опустился на колени.

Аарон помчался вперед, а Глория и Джош следом за ним, как можно быстрее. Пробежав две сотни ярдов от хижины до сарая, Джош почти набрал скорость, которую когда–то проявлял на футбольном поле в Университете Оборна.

Другие люди, которые находились на улице, также бежали к пожару – не для того, чтобы тушить его, а для того, чтобы погреться. Сердце у Джоша почти разрывалось, сквозь рев пламени, которое покрывало все, кроме крыши строения, он слышал крики обезумевшего Мула.

Глория пронзительно закричала: – Нет! Джош! – когда он бросился в дверь сарая.

Свон что–то сказала тихим бессознательным голосом, но Расти не расслышал. Она пыталась сесть, и он положил руку ей на плечо, чтобы успокоить ее. Прикоснуться к ней было тоже самое, что положить руку на решетку печи. – Держись,– сказал он. – Спокойнее, принимай это спокойнее.

Она снова заговорила, но речь ее была неразборчива. Он подумал, что она говорит что–то о зерне, хотя он и половины не разобрал. Глазница оставшегося глаза в маске из наростов теперь почти совсем закрылась, и с тех пор как при свете дня Джош принес ее с поля, она то приходила в сознание, то снова теряла его, и она попеременно то дрожала, то сбрасывала одеяло.

Глория обмотала ее израненные руки повязками из тряпочек и старалась кормить ее каким–то водянистым супом, но никто их них не мог теперь ничего для нее сделать, кроме как устроить ее поудобнее. Она была так далеко отсюда, что даже не знала, где находится.

Она умирает, думал Расти. Умирает прямо напротив меня. Он снова опустил ее на спину, и услышал, что она говорит что–то, где слышится слово “Мул”.

– Все в порядке,– сказал ей Расти, его речь тоже была затрудненной из–за распухшей челюсти. – Ты сейчас просто отдохни, утром все будет в порядке. – Хотел бы он сам в это поверить. Ему было слишком тяжело видеть, как она слабеет и уходит, и он проклинал собственную слабость. Он чувствовал себя крепким, как мокрая губка, а его мама наверняка вырастила его не на супе из крысиного мяса. Единственное, что помогало ему проглотить эту дрянь, это убедить себя, что он сварен из костей совсем еще крохотных бычков.

Оторванная доска хлопнула на крыльце хижины, за закрытой дверью. Расти посмотрел в сторону двери. Он ожидал, что могли бы войти или Глория, или Аарон, или Джош, но как это может быть? Они только что ушли, всего несколько минут.

Дверь не открывалась.

Стукнула и скрипнула другая доска.

– Джош? – позвал Расти.

Ответа не было.

Но он знал, что кто–то там стоит. Он слишком хорошо знал звук, который производят оторванные доски, когда по ним идут, и он почти поклялся, что найдет молоток и гвозди, когда достаточно окрепнет, и прибьет эти сволочные доски, прежде чем они сведут его с ума.

– Кто там? – позвал он. Он понимал, что кто–нибудь мог прийти, чтобы украсть те немногие предметы, которыми обладала Глория, ее иголки, ее одежду, или даже мебель. Может, даже

печатный пресс с ручкой, который занимал целый угол комнаты. – У меня здесь ружье,– соврал он и поднялся на ноги.

За дверью больше не слышалось никаких признаков движения.

Он подошел к ней на нетвердых ногах. Дверь была не заперта.

Он дотянулся до защелки и почувствовал ужасный въедающийся холод с той стороны двери. Промозглый холод. Он постарался задвинуть защелку.

– Расти,– услышал он шепот Свон.

Вдруг вся дверь целиком упала внутрь, сорвав свои деревянные петли и ударив его прямо по больному плечу. Он закричал от боли, и отлетел назад на пол, пролетев почти полкомнаты. В дверном проеме стояла фигура, и первым импульсом у Расти было вскочить на ноги, чтобы защитить Свон. Он смог встать на колени, но сразу же сильнейшая боль в ранах, которые снова открылись, заставила его ткнуться вперед и упасть лицом вниз.

Вошел какой–то мужчина, по полу тяжело застучала пара грязных походных ботинок. Взгляд его обшарил комнату, заметил раненого мужчину, лежащего в крови, худенькую фигурку, свернувшуюся и дрожащую, очевидно при смерти. Ага, вот он где, там в углу.

Печатный пресс.

Это нехорошая вещь, решил он, когда мухи вновь дали ему возможность воспринимать образы и голоса всего Мериз Рест. Нет, совсем нехорошая! Сначала у вас печатный пресс, потом у вас газета, а после этого у вас появится собственное мнение и люди начнут думать, и захотят что–то делать, а потом…

А потом вы снова в той ситуации, в которой мир как раз сейчас оказался. Ох, нет, совсем ничего хорошего. Их нужно спасти от повторения той же ошибки. Нужно спасти их от себя. И вот поэтому он решил разломать печатный пресс прежде, чем на нем что–нибудь будет напечатано… Это такая же опасная вещь, как и бомба, а они этого даже не понимают! И эта лошадь тоже была опасна, рассудил он, лошадь заставляет людей думать о путешествиях, колесах, автомобилях – а это ведет прямо к загрязнению воздуха и авариям, ведь так? Они еще поблагодарят его за поджог сарая, потому что они смогут некоторое время есть вареную конину.

Он был рад, что пришел в Мериз Рест. И как раз вовремя.

Он видел, как они въехали в город на своем фургоне “Странствующее шоу”, слышал, что гигант кричал, искал врача.

У некоторых людей нет никакого уважения к тихому,

мирному городу. Ладно… уважению будем учить. Прямо сейчас.

Его ботинки затопали по направлению к Свон.

Джош ударил в дверь горящего сарая со всей силы своих двухсот пятидесяти фунтов, крик Глории еще звенел у него в ушах.

Какую–то долю секунды он думал, что он снова на футбольном поле и бежит на выкладку. Он подумал, что дверь не поддается, но потом дерево раскололось, и дверь упала внутрь, внося его прямо в ад.

Он откатился от горящих деревяшек и вскочил на ноги. Перед лицом у него клубился дым, и ужасный жар почти скрючил его. – Мул! – закричал он. Он услышал брыкание и крик, но не видел его. Пламя падало на него, как копья, и огонь стал попадать с крыши, как падают оранжевые конфетти. Он направился к стойлу Мула, пальто его начинало тлеть, дым окружил его.

– Мое, мое,– тихо сказал человек. Он остановился как раз около тоненькой фигурки на полу, его внимание привлек предмет на сосновом столике. Он потянулся тощей рукой и поднял зеркало с двумя вырезанными лицами на ручке, глядящими в разные стороны. Он собирался полюбоваться новым лицом, которое у него получилось, но зеркало было темным. Провел пальцем по вырезанным лицам. У какого зеркала может быть черное стекло, хотел бы он знать,– и его новый рот задергался.

Это зеркало вызвало у него те же ощущения, что и стеклянное кольцо. Это вещь, которой быть не должно. Какое у нее назначение и что она здесь делает?

Это ему не понравилось. Совсем. Он поднял руку и разбил об стол зеркало на кусочки, затем перекрутил ручку с двумя лицами и отбросил его. Теперь он себя чувствовал гораздо лучше.

Но на столе был еще один предмет. Небольшой кожаный чехол. Он поднял его и вытряс его содержимое себе на ладонь. Выпало маленькое зернышко кукурузы, испачканное запекшейся кровью.

– Что это? – прошептал он. – В нескольких футах от него тихо застонала фигура на полу. Он сжал рукой зернышко и повернулся на звук, глаза у него были красные, в них отражались отблески от огня.

Его взгляд задержался на забинтованной фигурке в скрюченных руках. Тепло воронками забилось в его правом кулаке и оттуда послышался приглушенный хлопок. Он открыл рот и засунул туда кукурузное зернышко, задумчиво его разжевывая.

Он видел вчера эту фигуру, после того, как наблюдал, как разворовывают их фургон. Вчера руки не были забинтованы.

Почему они забинтованы сейчас? Почему?

Наискосок через комнату поднял голову Расти, стараясь прийти в себя. Он увидел высокого стройного мужчину в коричневой парке, приближающегося к Свон. Увидел, как он стоит над ней. Боль сокрушала его, и он лежал в луже крови. Собирается снова уйти, понял он. Вставать… вставать…

Он пополз через лужу своей крови.

Его здоровый глаз почти ослеп от дыма, Джош увидел впереди какое–то движение. Это был Мул – на дыбах, в панике, бьющий копытами, не способный выбраться наружу. Одеяло у него на спине дымилось, вот–вот готовое загореться.

Он подбежал к лошади и почти был растоптан копытами, когда обезумевший Мул встал на дыбы и снова опустился, крутясь то в одном направлении, то в другом. Джош мог придумать только одно. Он поднял руки перед мордой лошади и захлопал в ладоши как можно громче, так, как он видел, когда–то делала Свон на ферме Джеспина.

Напомнил ли этот звук о Свон, или просто сломал на секунду панику, Мул перестал метаться и встал спокойно, глаза его были от ужаса влажны и расширены. Джош не стал терять ни минуты зря, он схватил Мула за гриву и выволок из стойла, стараясь подвести его к двери. Мул упирался ногами.

– Пойдем, дурак проклятый! – завопил он, жар опалял ему легкие. Он стоял ботинками на горящей соломе, суставы его трещали, когда он тащил Мула вперед. Сверху падали куски горящего дерева и били его по плечам, а Мула по бокам. Вокруг кружились, как осы, искры.

А потом Мул, должно быть, хватил глоток свежего воздуха, потому что рванулся так быстро, что Джош только успел ухватиться руками за его шею. Ботинки его протащились по полу, когда Мул прорывался сквозь пламя.

Они выскочили через отверстие, где раньше была дверь сарая, в холодной ночной воздух, с искрами, летящими от горящего пальто Джоша, с очажками огня в гриве и хвосте у Мула.

Человек в коричневой парке стоял, глядя на забинтованные руки. – Что же случилось, пока я не следил за ними? – спросил он с тягучим южным акцентом. На мгновение печатный пресс был забыт. Зеркало, которое не отражало, единственное зернышко кукурузы, забинтованные руки… все это беспокоило его, так же как и стеклянное кольцо, потому что он их не понимал. И было еще что–то, что–то связанное с этой фигуркой на полу. Что это было? Это ничто, подумал он, меньше чем нуль. Кусок дерьма, который проходит по канализационной трубе Мериз Рест.

Но почему он чувствовал что–то еще при виде этой фигурки? Что–то… угрожающее.

Он поднял правую руку. Тепло пульсировало в пальцах, на одном из них загорелся огонь, и этот огонь распространился по всей ладони. Через несколько секунд его рука была как в перчатке из огня.

Решение относительно всех тех вещей, которых он не понимал, было простым. Уничтожить.

Он потянулся к голове, на которой была корка из наростов.

– Нет.

Шепот был слабым. Но рука, которая схватила его запястье, еще сохраняла какую–то силу.

Человек в коричневой парке недобро посмотрел на него, и при свете от горящей руки Расти увидел его лицо, обветренное, с грубыми рубцами, плотной седой бородой, и глаза его были такие голубые, что даже почти белые.

От прикосновения к этому человеку по костям Расти пошли волны холода, и больше всего на земле он хотел сейчас отдернуть руку, но холод поразил его нервы и удержал от этого. Расти сказал: – Нет. Не трогай Свон, сволочь.

Он увидел, что мужчина слабо улыбнулся, это была улыбка сожаления, но потом сожаление прошло.

Мужчина протянул руку и схватил своей горящей рукой Расти за горло. И шея Расти оказалась в петле из огня. Когда Расти вскрикнул, мужчина приподнял его с пола и поддал ногой, его рука жгла огнем как напалмом, опаляя Расти волосы и брови. Его одежда занялась, и внутри, в холодной сердцевине боли и паники, он понял, что превращается в живой факел – и ему осталось жить несколько секунд.

А потом, после него, настанет очередь Свон.

Тело Расти дергалось и боролось, но он знал, что с ним все кончено. Запах своего же горящего тела заставлял его думать о жирном мясе по–французски на ярмарке в штате Оклахома, когда он был еще юнцом. Пламя уже дошло вглубь до костей, и нервы его уже местами отключали восприятие боли, как будто он уже прошел точку, откуда нет возврата.

Мама что–то говорила, подумал Расти. Говорила… Говорила…

Мама говорила, борись против огня огнем.

Горящими поленьями своих рук Расти обнял мужчину, сплетя пальцы у него за спиной. Пальцы держались как цепи, а свое горящее лицо Расти ткнул в бороду этому человеку.

Борода загорелась. Лицо покрылось пузырями, стало плавиться и потекло как пластиковая маска, обнажая более

глубокий слой цвета модельной глины.

Расти и мужчина закружились по комнате как участники какого–то причудливого балета.

– Господи Боже! – вскричал один из мужчин, заглянув внутрь, привлеченный открытой дверью, по дороге к горящему сараю. – Боже милостивый! – воскликнул другой, отскочил и упал задом в грязь. Подбегали другие люди посмотреть, что случилось, а человек в горящих лохмотьях коричневой парки не мог сбросить с себя полыхающего мертвеца, и его новая личина была разрушена, и они вот–вот могли увидеть его истинное лицо.

Он издал искаженный рев, от которого чуть не рассыпались стены хижины и через дверной проем выбежал прямо в толпу. Он взревел и бросился прочь по улице, сбросив с себя обгоревшего ковбоя.

Глория помогла Джошу выбраться из горящего пальто. Его лыжная маска тоже дымилась, и прежде чем он успел подумать об этом, она дотянулась до нее и сдернула ее.

Темно–серые наросты, некоторые величиной с кулак Аарона, почти полностью покрывали голову и лицо Джоша. Усики смыкались вокруг его рта, а единственной чистой поверхностью кроме губ был круг в этой коросте, через который его левый глаз, теперь налитый кровью от попавшего в него дыма, смотрел на Глорию. Его состояние не было таким плохим, как Свон, но все же при виде его Глория задохнулась и отступила назад.

У него не было времени извиняться за то, что он некрасив. Он бежал за Мулом, который дико брыкался, в то время как остальные зрители разбежались, и, схватив полную пригоршню снега, он ухватил Мула за шею и стал руками гасить огоньки в его гриве. Тогда Глория взяла полную пригоршню снега и стала растирать им хвост, и Аарон тоже, и многие другие мужчины и женщины зачерпывали снег и терли им бока Мула. Худой мужчина с темными волосами с голубым шрамом тер шею Мула напротив Джоша, и через минуту такой борьбы им удалось успокоить лошадь, и она перестала брыкаться.

– Спасибо,– сказал Джош мужчине. А затем послышался шум, донеслась волна пожара, и рухнула крыша.

– Эй,– выкрикнула женщина, стоящая ближе к дороге. – Там позади какая–то суматоха! – Она указала на лачуги, и оба – и Глория, и Джош – увидели на улице народ. До них донеслись крики и призывы о помощи.

Свон! – подумал Джош. О, Боже – я оставил Свон и Расти одних. Он было побежал, но ноги подвели его, и он упал. Его легкие хватали воздух, черные точки кружились перед глазами. Кто–то взял его за руку, помогая подняться. Другой поддержал

его за другое плечо, и вместе они поставили Джоша на ноги.

Джош понял, что рядом с ним стоит Глория, а с другой стороны старик, лицо у которого было как потрескавшаяся кожа. – Со мной все в порядке, сказал он им, но вынужден был опереться тяжело на Глорию. Она стояла твердо и повела его по дороге.

Примерно в тридцати футах от хижины Глории на земле валялось одеяло. Из–под него вился дымок. Вокруг стояло несколько человек, двигаясь и разговаривая. Другие столпились вокруг передней двери Глории. Джош почувствовал запах горелого мяса, в животе у него сжалось. – Оставайся здесь,– сказал он Аарону. Мальчик остановился, зажав в руке Плаксу.

Глория вместе с Джошем вошла в хижину. Рукой она зажала рот и нос. Между стенами еще бродили горячие токи, а потолок был выжжен дочерна.

Он встал над Свон, дрожа как ребенок. Она подтянула колени к груди и лежала без движения. Он наклонился рядом с ней, взял запястье, чтобы проверить пульс. Рука была холодной.

Но пульс был – слабый, но постоянный, как ритм метронома, который не затихает.

Свон попыталась поднять голову, но у нее не было сил. – Джош? – ее было едва слышно.

– Да,– ответил он и прижал ее к себе, положив ее голову к себе на плечо. Слеза обожгла ему глаз и покатилась по наростам на щеке. – Это старина Джош.

– У меня… был кошмар… Я не могла проснуться. Он был здесь, Джош. Он… он нашел меня.

– Кто тебя нашел?

– Он,– сказала она. – Человек с алым глазом… из колоды карт Леоны. – В нескольких футах в стороне на полу лежали осколки темного стекла. Магическое зеркало, понял Джош. Он увидел ковбойские ботинки Расти, и как бы он хотел сейчас, ради Бога, чтобы ему не нужно было выйти и посмотреть, что там дымится под одеялом в грязи.

– Свон! Мне нужно выйти на минутку,– сказал он. – Ты просто отдохни, ладно? – Он положил ее и быстро взглянул на Глорию, которая видела лужу крови на полу. Затем Джош встал и заставил себя выйти.

– Мы бросали на него снег! – сказал один из зрителей, когда Джош приблизился. – Но не могли погасить огонь. Он слишком разошелся.

Джош встал на колени и поднял одеяло. Смотрел долгим и тяжелым взглядом. Труп шипел, как будто шептал какой–то секрет. Обе руки были оторваны в плечах.

– Я видел его! – возбужденно сказал еще один. – Я заглянул в дверь и увидел, что там внутри кружится по комнате дьявол с двумя головами! Боже милостивый, я никогда не видел подобного зрелища! Тогда мы с Перри закричали, а он выбежал прямо на нас! Как будто он боролся сам с собой! Потом он разбился на двое, и один убежал вон туда! – Он указал по улице противоположное направление.

– Это горел еще один человек,– объяснил третий свидетель, более спокойным голосом. У него был крючковатый нос и темная борода, и говорил он с северным акцентом. – Я старался ему помочь, но он свернул в проулок. Он бежал слишком быстро для меня. Я не знаю, куда он побежал, но он не мог скрыться далеко.

– Да! – второй энергично кивнул. – Кожа на нем прямо плавилась!

Джош опустил одеяло и встал. – Покажите мне, куда он побежал,– сказал он мужчине с северным акцентом.

След от горящей одежды поворачивал в проулок, тянулся примерно на сорок футов, поворачивая налево в другой проулок и заканчивался у кучки обгорелых тряпок за хижиной. Трупа не было, а следы затерялись в опустошенной земле.

– Может, он заполз под одну из этих лачуг, чтобы умереть? – сказал какой–то мужчина. – Невозможно, чтобы человек мог это пережить! Он выглядел как факел.

Они еще минут десять осматривали местность, даже влезли под некоторые из лачуг, но нигде не было никаких признаков тела. – Я догадываюсь, где он, он умер голым,– сказал тот человек, когда они бросили поиски и вернулись на улицу.

Джош снова посмотрел на Расти. – Бравый ковбой,– прошептал Джош. – Ты, конечно, на этот раз провел какой–то магический трюк, да?

Он был здесь, сказала Свон. Он нашел меня.

Джош завернул Расти в одеяло, поднял останки и встал на ноги.

– Отнесите его в Яму! – сказал один из мужчин. – Туда отправляют все тела.

Джош подошел к тому, что осталось от фургона “Странствующее шоу”, и положил туда Расти.

– Эй–эй, мистер! – заворчала на него женщина с хриплым голосом и красным шрамом, проходящим через лицо и череп. – Это привлечет диких животных за многие мили!

– Ну и пусть приходят,– ответил Джош. Он повернулся к людям, окинул их взглядом и остановился на Глории. – Я собираюсь похоронить своего друга при первых лучах света.

– Похоронить его? – хрупкая девочка–подросток с коротко

подстриженными коричневыми волосами покачала головой. – Теперь никто никого не хоронит!

– Я похороню Расти,– сказал Джош Глории. – При первых лучах света, на том поле, где мы нашли Свон. Это будет трудная работа. Ты с Ааароном можешь мне помочь, если хочешь. А если не хочешь, то тоже нормально. Но черт меня побери, если я… – голос у него дрогнул. – Черт меня побери, если я брошу его в Яму! – Он сел на каркас повозки рядом с телом, чтобы дождаться дневного света.

Наступила долгая тишина. Затем человек с северным акцентом сказал Глории:

– Сударыня, вы можете как–нибудь укрепить дверь?

– Нет.

– Ну… У меня в хижине есть кое–какие инструменты. Их немного. Я ими некоторое время не пользовался, но… если хотите я попытаюсь прикрепить вашу дверь.

– Спасибо. – Глория была оглушена таким предложением. Прошло очень много времени с тех пор, как кто–то в Мериз Рест предлагал что–нибудь сделать. – Я буду признательна, что бы вы ни сделали.

– Если вы собираетесь остаться здесь на холоде,– сказала Джошу женщина с красным шрамом,– вам лучше разжечь костер. Лучше разложить его прямо здесь, на дороге. – Она фыркнула. – Похоронить! Самая идиотская штука, о которой я когда–нибудь слышала!

– У меня есть тачка,– предложил другой. – Я полагаю, что я мог бы съездить туда и привезти из пожара горящих углей… У меня есть, конечно, чем заняться, но стыдно было бы, если бы зря пропали эти угли с пожара.

– Я бы разжег костер! – вмешался мужчина – коротышка с одним глазом. – У меня в хижине чертовски холодно! – Послушайте… У меня есть кофейная гуща, которую я берег. Если у кого–то есть жестянка и горячая печка, мы могли бы сварить ее.

– Тоже можно. Все эти волнения заставляют меня прыгать как блоху на сковородке. – Женщина с красным шрамом достала из кармана пальто небольшие золотые часы, с любовным благоговением подержала их и искоса посмотрела на циферблат. – Четыре двадцать. Светло не будет еще пять часов. Если вы собираетесь бодрствовать у тела этого несчастного, вам нужен костер и горячий кофе. У меня в особняке есть кофейник. Им давно не пользовались. – Она посмотрела на Глорию. – Если вы хотите, мы могли бы им воспользоваться сейчас.

Глория кивнула. – Да. Мы можем сварить кофе у меня на печке.

– У меня есть кирка и лопата,– сказал Джошу седобородый человек в клетчатом пальто и рыжеватой шерстяной шапке. – Часть лезвия у лопаты сломана, но она сгодится, чтобы похоронить вашего друга.

– Я был резчиком по дереву,– сказал кто–то еще. – Если вы хотите похоронить его, вам будет нужна мемориальная доска. Как его звали?

– Расти. – Горло у Джоша перехватило. – Расти Витерс.

– Ну? – Бойкая женщина положила руки на бедра. – Похоже, что нам есть что делать. Давайте же перестанем отлынивать и возьмемся за работу!

Почти в трех милях от этого места около костра стоял Робин Оукс, рядом спали трое мальчиков. Он был вооружен и внимательно следил за перемещениями животных, слишком близко подходившим к костру. Теперь он всматривался в горизонт и позвал:

– Сестра! Сестра, подойди–ка сюда!

Прошло около минуты, прежде чем она подошла к нему с места своего дежурства с другой стороны костра. – Что это?

– Вон там. – Он показал, и она проследила за его пальцем – на небе был слабый оранжевый отблеск над бесконечным лесом. – Я думаю, что это Мериз Рест. С их стороны было весьма любезно зажечь пожар и показать нам дорогу, а?

– Конечно.

– Мы пойдем в этом направлении, когда будет светло. Если идти хорошим шагом, то мы сможем дойти за пару часов.

– Хорошо. Я хочу попасть туда как можно скорее.

– Я позабочусь об этом. – Его слабая улыбка обещала быстрый переход.

Сестра хотела было вернуться на свой пост, но неожиданная мысль остановила ее у края костра. Она взяла компас из кармана, повернулась лицом к зареву на горизонте и проверила направление стрелки.

Она находилась достаточно далеко от юго–востока, так что они не смогли бы пройти отделявшие их семь–восемь миль от Мериз Рест. Сестра поняла, что они были близки к тому, чтобы заблудиться, если бы Робин не увидел это зарево. Что бы такое это ни было, она была ему благодарна.

Она продолжала сторожить, глаза ее обшаривали темноту в поисках затаившихся зверей, но мысли ее были заняты девушкой по имени Свон.

Часть одиннадцатая
Дочь льда и пламени

Глава 64. Мы все здесь недолгие гости

Первый свет пришел закутанным в плотный туман, который лежал густо в переулках Мериз Рест, и похоронная процессия тихо двигалась в тумане.

Джош шел впереди, неся на руках Свон. От холода ее защищали теплый свитер и пальто, голова лежала на плече у Джоша. Он решил больше не оставлять ее вне поля зрения, боясь того, кто приходил за ней в предыдущую ночь, кто бы это ни был, кто превратил Расти в факел пламени. Человек с алым глазом, Дьявол или демон – кто бы это ни был, Джош собирался защищать Свон до последнего дыхания.

Но при этом она дрожала и горела в лихорадке, и Джош не знал, сможет ли он защитить ее от того, что убивало ее изнутри. Он молил Бога, чтобы ему не пришлось вскоре копать вторую могилу.

Глория и Аарон шли за Джошем, а прямо за ними умелец с северным акцентом, чье имя было Зэхиэл Эпштейн, и седобородый мужчина в клетчатом пальто – Джин Скалли – несли между собой грубо сколоченный сосновый деревянный ящик, напоминавший детский гроб. В нем было помещено все, что осталось от Расти Витерса, и прежде чем крышка была забита, Джош положил с ним его ковбойские ботинки.

Шли и другие, кто бодрствовал над телом Расти ночью, включая женщину со шрамом на лице – бывшую карнавальную работницу из Арканзаса по имени Анна Мак–Клей и мужчину, который принес кофейную гущу, чье имя было Джон Гэллахер и который был полицейским в Луизиане. Девочка–подросток с коротко остриженными волосами забыла свою фамилию и звалась теперь просто Кэти. Молодого человека, который был резчиком по дереву в Джефферсон Сити, звали Рой Крил, и он хромал на кривой левой ноге, которая была когда–то сильно сломана и как следует не вправлена, в руках он нес сосновую деревянную доску, на которой буквами с завитками было вырезано РАСТИ ВИТЕРС. Позади вели Мула, который каждые несколько шагов останавливался, чтобы понюхать воздух и ударить копытом в твердую землю.

Туман окутал поле и висел низко над землей, ветер стих. Вонь от пруда казалась сегодня не такой сильной, подумал Джош – или, может быть, это означало, что он начинает к ней привыкать. Прогулка в тумане была похожа на вхождение в призрачный мир, где время остановилось, а городок мог быть предместьем средневекового поселения шестьсот лет назад.

Единственными звуками были хруст снега от ботинок, напряженное дыхание, вылетающее из ноздрей и ртов, и карканье ворон вдалеке.

Джош едва видел на расстоянии десяти футов. Он продолжил идти вперед сквозь низкий туман в поле, чтобы пройти всего ярдов сорок–пятьдесят. Это место было так же хорошо, как и любое другое, решил он, и чертовски лучше, чем Яма. – Вот здесь как раз,– сказал он другим. Он осторожно положил Свон в стороне, на расстоянии нескольких футов. Анна Мак–Клей несла лопату и кирку, он взял у нее лопату и отгреб снег с прямоугольной площадки размером чуть больше, чем гроб. Затем он взял кирку и стал рыть могилу Расти.

Анна присоединилась к работе, лопатой перенося землю, которую он выкапывал. Первые шесть–восемь дюймов были промерзшие и глинистые, с перепутанными толстыми корнями, которые не поддавались кирке. Анна вытаскивала корни и отбрасывала их в сторону, чтобы потом сварить суп.

Под верхним слоем земля была темнее, рыхлой и легче поддавалась. Ее сочный запах напомнил Джошу, как ни странно, пирог, который пекла его мать и ставила остывать на подоконник в кухне.

Когда плечи Джоша устали, кирку взял Джон Гэллахер, а Глория принялась откладывать в сторону землю. Так они менялись в течение следующего часа, копая могилу достаточно глубже, чтобы ее на смогли разрыть дикие животные. Когда она была готова, Джош, Джон и Зэхиэл опустили гроб в землю.

Джош посмотрел на сосновый деревянный ящик. – Ладно,– тихо и решительно сказал он,– я понимаю все это. Я хочу, чтобы здесь было дерево, под которым похоронят тебя, но здесь недостаточно солнца, чтобы отбрасывать тень. Я помню, что ты говорил мне, что копал могилы для всех своих друзей. Я считаю, что это самое малое, что теперь может сделать твой друг для тебя. Я думаю, что прошлой ночью ты спас Свон, я не знаю, от кого или чего – но я узнаю это. Это я тебе обещаю. – Он поднял глаза на остальных. – Думаю, это все, что я хотел сказать.

– Джош! – Глория заходила в хижину, чтобы взять что–то из–под матраса, прежде чем они ушли, и теперь она вытащила это из складок пальто. – Это Библия Джексона,– сказала она и открыла потрепанную книгу с замятыми уголками. – Можно мне почитать отсюда что–нибудь?

– Да, пожалуйста.

Она нашла то место, которое искала, на странице, которая была измята, где едва ли можно было что–то прочитать. – Скажи мне, Господи,– начала она читать,– кончину мою и число дней

моих, какое оно, дабы я знал, каков век мой. Вот, Ты дал мне дни, как пяди, и век мой как ничто пред Тобою. Подлинно, совершенная суета – всякий человек живущий. Подлинно, человек ходит подобно призраку; напрасно он суетится, собирает и не знает, кому достанется то.

Она положила руку на плечо Аарону. – И ныне чего ожидать мне, Господи? читала она. – Надежда моя – на Тебя. От всех беззаконий моих избавь меня, не предавай меня на поругание безумному. Я стал нем, не открываю уст моих; потому что Ты соделал это. Отклони от меня удары Твои; я исчезаю от поражающей руки Твоей. Если Ты обличениями будешь наказывать человека за преступления, то рассыплется, как от моли, краса его. Так суетен всякий человек!

Джош слышал на расстоянии карканье ворон. Ветер не раздувал туман, и Джош мог видеть только окрестность вокруг самой могилы Расти.

– Услышь, Господи, молитву мою и внемли воплю моему; не будь безмолвен к слезам моим, ибо странник я у Тебя и пришелец, как и все отцы мои. Отступи от меня, чтобы я мог подкрепиться, прежде нежели отойду и не будет меня. – Глория поколебалась несколько секунд с наклоненной головой, а потом закрыла Библию. – Это был тридцать девятый псалом,– сказала она Джошу. – Джексон любил, чтобы я читала ему его.

Джош кивнул, и еще на мгновение задержал свой пристальный взгляд на могиле, где находился гроб – затем первым зачерпнул лопатой землю и бросил ее в могилу.

Когда могила была зарыта и землю плотнее утрамбовали, Джош вбил сосновую деревянную памятную плиту. Молодой резчик по дереву хорошо поработал над ней, и она некоторое время продержится.

– Немного холодно здесь,– сказала Анна Мак–Клей. – Нам нужно собираться обратно.

Джош отдал кирку и лопату Джону Гэллахеру и пошел туда, где лежала и спала, закутанная в свое пальто Свон. Он наклонился, чтобы ее поднять и почувствовать как мимо него пронеслось холодное дыхание. Стена тумана двигалась и кружилась.

Он услышал в ветре какой–то шелест.

Звук шелестящих листьев, где–то в тумане справа от него.

Ветер дрогнул и затих, и звук пропал. Джош стоял, всматриваясь в том направлении, откуда он пришел. Там ничего нет,– подумал он. Пустое поле.

– Что это? – спросила Глория, стоя рядом с ним.

– Послушай,– сказал он тихо.

– Я ничего не слышу.

– Пойдем! – позвала Анна. – Вы здесь задницу заморозите!

Воздух снова шевельнулся, дыхание ветра пришло под другим углом с поля.

И опять и Джош, и Глория услышали шелестящий звук, Джош посмотрел на нее и сказал: – Что это?

Она не смогла ответить.

Джош понял, что уже некоторое время не видел Мула, лошадь могла быть где–нибудь на поле, скрытая туманом. Он шагнул в направлении шелестящего звука. Когда ветер слабел, звук слабел тоже. Но он продолжал идти, и услышал, как кричит Зэхиэл: – Пойдем, Джош! – но продолжал идти, а за ним Глория с Аароном рядом с ней.

Ветер изменил направление. Шелестящий звук приближался. Джош припомнил жаркий летний день, когда он был еще мальчишкой, лежал на спине в поле среди высокой травы, жевал травинки и слушал, как подобно арфе поет ветер.

Туман расползался, как ветхая ткань. Сквозь него Джош четко разглядел силуэт Мула, примерно в пятнадцати – двадцати футах впереди. Он услышал ржание лошади – и тогда Джош резко остановился, потому что прямо перед собой увидел нечто удивительное.

Это был ряд растений, все примерно высотой два фута, и когда ветром сносило туман, длинные тонкие листья качались и шелестели.

Джош нагнулся, мягко провел пальцами по нежному стеблю. Растение было бледно–зеленым, но на листьях были рассыпаны темно–красные точки, очень напоминавшие пятнышки крови.

– Боже мой! – выдохнула Глория. – Джош, это растет молодая кукуруза!

И Джош вспомнил сухие зернышки, которые присохли к окровавленным ладони Свон. Он понял, что она там делала в темноте и холоде.

Ветер набирал силу, гудел вокруг головы Джоша и заставлял плясать молодые кукурузные стебельки. Он пробивал окна в серой стене тумана, потом туман стал подниматься, в следующий момент Джош и Глория увидели вокруг себя почти все поле.

Они стояли среди неровных волнистых рядов бледно–зеленых стебельков, все примерно в два фута высотой, и все с пятнышками, которые, как понял Джош, вполне могли быть каплями крови Свон, поглощенными почвой и спящими корешками как топливо жадным мотором.

Зрелище зеленеющей жизни в этом опустошенном покрытом снегом поле почти сбило Джоша на колени, это было равносильно

тому, как если бы после долгой слепоты увидеть цвета. Мул осторожно на пробу пощипывал одно из растений, и над его головой кружилась несколько ворон, негодующе каркая. Он огрызался на них, потом погнал их между рядами с резвостью жеребенка.

Я не знаю, что у этой девушки внутри, припомнил Джош слова Слая Мууди, но в ней сила жизни!

Он покачал головой, не в состоянии подобрать слова. Он наклонился к стебельку, стоящему перед ним, и дотронулся до зеленого узелка, который, как он знал, будет кукурузным початком, сформируясь в оболочке. На одном единственном стебельке их было еще четыре–пять.

Мистер, говорил Слай Мууди, эта Свон может снова пробудить целую страну.

Да, подумал Джош, сердце у него бухало. Она может.

И теперь он наконец понял смысл приказания, слетевшего с губ мертвого Поу–Поу в темном подвале в Канзасе.

Он услышал возгласы и крики, оглянулся и увидел, что к ним бежит Джон Гэллахер. А за ним следом Зэхиэл и Джин Скалли. Анна стояла, уставившись с открытым ртом, рядом с девочкой–подростком. Джон упал на колени перед одним из стебельков коснулся его дрожащими руками. – Он живой! – сказал он. – Земля еще жива! – О, Боже!.. О, Иисус, у нас будет еда!

– Джош, как это могло случиться? – спросила его Глория, пока Аарон гримасничал и толкал стебелек Плаксой.

Он вдохнул воздуха. Он казался свежее, чище, напоенным электричеством. Он посмотрел на Глорию, и его деформированный рот улыбнулся. – Я хочу рассказать тебе о Свон,– сказал он, и его голос задрожал. – Я хочу рассказать всем в Мериз Рест о ней. Глория, в ней заключена сила жизни. Она может снова пробудить целую страну! – А потом он побежал через поле к фигурке, которая лежала на земле, склонился, поднял ее на руки и прижал ее к себе.

– Она может! – крикнул он. Голос его раскатился как гром над хижинами Мериз Рест. – Она может!

Свон в полусне зашевелилась. Щель ее рта приоткрылась, и она спросила тихим трепетным голоском: – Может что?

Глава 65. Императрица

Ветер усиливался и дул по лесу с юго–запада. Он нес запах горящего дерева смешанного с запахом горьковатой серы, который напоминал Сестре запах тухлых яиц. А потом она, Пол, Робин Оукс и трое других разбойников вышли из леса на широкое

поле, покрытое пепельным снегом. Перед ними в дымке от сотен печных труб стояли тесно сгрудившиеся хижины и переулки населенного пункта.

– Это Мериз Рест,– сказал Робин. Он остановился, оглядывая поле. – И я думаю, это здесь я видел Свон и здоровяка. Да. Думаю, да.

Сестра знала, что это так. Они теперь были близко, очень близко. Нервы ее дрожали, ей хотелось побежать к этим хижинам, но усталые больные ноги не позволяли. По одному шагу, подумала она. Один шаг, а потом следующий приведут тебя туда, куда ты идешь.

Они приблизились к какой–то яме, полной скелетов. Сернистый запах исходил оттуда, и они обошли ее как можно дальше. Но Сестра даже не возражала против этого запаха, она чувствовала, что она и на самом деле сейчас как будто идет как во сне, бодрая и сильная, пристально глядя вперед на окутанные дымом лачуги. А потом, она знала, что должна грезить, потому что вообразила, что слышит искристую скрипичную музыку.

– Посмотри сюда,– сказал Пол, и показал.

Справа от них проходило собрание примерно из человек тридцати–сорока, а может больше. Они танцевали на снегу, делая старомодные шажки и повороты вокруг костра. Сестра увидела музыкантов: старика в выцветший старой шапке и шерстяном пальто, пиликающего на скрипке, седобородого черного человека, сидевшего на стуле и водившего камнем по ребрам стиральной доски, которую он держал между ногами, мальчика, перебирающего струны гитары, а также коренастую женщину, бившую по картонной коробке как по бас–барабану. Музыка была резкая, но она разносилась по полю как тощая симфония, приглашая танцоров топать и вертеться с большой непринужденностью. Снег отлетал от каблуков, и Сестра сквозь музыку слышала веселые крики и возгласы. Прошло много времени с тех пор, как она слышала музыку, и она раньше не видела никогда подобного зрелища: деревенские танцы посреди пустыни.

Но потом Сестра поняла, что это не совсем пустыня, потому что позади костра и танцоров, она увидела несколько рядов небольших бледно–зеленых растений. Сестра услышала, как Пол с благоговением сказал:

– Боже мой! Что–то снова растет!

Они шли через поле по направлению к празднующим и прошли мимо того, что показалось им свежей могилой. На ней была вырезана сосновая доска с именем Расти Витерса. Спи спокойно, подумала она. Потом они приблизились к костру, и

некоторые прекратили танцевать, наблюдая за их приближением.

Музыка стала стихать и прекратилась с последним звуком скрипки.

– Здрасьте,– сказал мужчина в темно–зеленом пальто, сделав шаг от женщины, с которой танцевал. На нем была бейсбольная шапочка, а под ней почти все его лицо было обезображено ужасным коричневым шрамом, но он улыбался, и глаза у него были ясные.

– Привет,– ответила Сестра. Здесь лица у людей отличались от тех, которые они видели раньше. Это были лица, полные радости и надежды. Несмотря на рубцы и шрамы, которые их портили, несмотря на выступающие скулы и ввалившиеся глаза, которые говорили о долгом голоде, несмотря на кожу мертвенного цвета, которая не видела солнца семь лет. Она пристально смотрела на бледно–зеленые растения, загипнотизированная их движением, когда они качались на ветру. Пол прошел мимо нее и наклонился, чтобы потрогать дрожащей рукой одно из них, как будто боялся, что это нежное чудо может испариться как дым.

– Она не велит трогать их,– сказал черный, который водил по стиральной доске. – Она говорит, их нужно оставить и они сами о себе позаботятся.

Пол отдернул руку. – Прошло… уже много времени с тех пор, как я видел, как что–то растет,– сказал он. – Я думал, что земля умерла. Что это?

– Кукуруза,– сказал ему другой. – Стебельки взошли только вчера ночью. Я раньше был фермером, и думал, что эта грязь не годится для того, чтобы в нее что–либо можно было посадить. Думал, что радиация и холод покончили с ней. – Он пожал плечами, восхищаясь зелеными стебельками. – Я рад, что ошибся. Конечно, они еще не очень сильны, но все, что растет в этой грязи – это просто чудо.

– Она говорит, их нужно оставить,– продолжал черный музыкант. – Она говорит, что может засадить все поле злаками, если мы позволим вызреть этим первым растениям, и мы сторожим и отгоняем ворон.

– Хотя она больна,– сказала крепкого вида женщина с ярко–красным шрамом на лице, и отложила в сторону картонную коробку, в которую она перед этим била. – Она горит в лихорадке, а лекарств нет.

– Она,– повторила Сестра. Она осознала, что говорит как во сне. – О ком вы говорите?

– Девушка,– сказала Анна Мак–Клей. – Ее зовут Свон. Она очень плоха. У нее на лице эти штуки еще хуже, чем у вас, да она

и ослепла в придачу.

– *Свон*,– колени у Сестры подогнулись.

– Это она сделала. – Черный музыкант подошел к молодым стебелькам. – Посадила их своими руками. Все это знают. Это здоровяк Джош рассказал всему городу. – Он посмотрел на Сестру, ухмыльнулся и показал свой единственный золотой зуб. – Разве это ничего не значит? – гордо сказал он.

– Откуда вы пришли, люди? – спросила Анна.

– Издалека,– ответила Сестра, почти плача. – Очень издалека.

– Где сейчас эта девушка? – Пол сделал несколько шагов по направлению к Анне Мак–Клей. Сердце его отчаянно билось, а слабый плодородный запах стеблей был слаще, чем запах любого виски, который он когда–либо наливал себе.

Анна указала на Мериз Рест. – Там. В хижине Глории Бауэн. Это не слишком далеко.

– Отведите нас туда,– потребовал Пол. – Пожалуйста.

Анна засомневалась, стараясь прочитать в их глазах, что у них на уме, как она это делала с простаками, подлизывавшимися к ней на карнавалах. Оба они были сильными и крепкими, решила она, и, следовательно, не сделают дурного. Тощий парень с длинными волосами, в которых было полно перышек и косточек, выглядел настоящим разбойником, да и другие ребята были тоже хороши; все они, вероятно, умели очень здорово пользоваться винтовками, которые носили с собой. Она уже заметила, что у мужчины за пояс брюк был засунут пистолет, а женщина, скорее всего, тоже имела оружие. Но у них в глазах была какая–то потребность, как отблеск огня, горевшего глубоко внутри. Джош сказал ей остерегаться посторонних, которые хотели бы видеть Свон, но она знала, что не сможет отказать им в этой потребности.

– Тогда пойдем,– сказала она, и повела к хижинам.

Позади них скрипач отогревал руки у костра, а потом снова заиграл, черный мужчина весело заводил по своей стиральной доске и жители стали танцевать.

Они шли вслед за Анной Мак–Клей по переулкам Мериз Рест. И, когда Сестра поворачивала за угол, из другого переулка что–то выстрелило ей навстречу. Ей пришлось резко остановиться, чтобы не споткнуться и не упасть, и вдруг у нее появилось ощущение цепенящего холода, который, казалось, сдавил дыхание у нее в легких. Она инстинктивно выдернула дробовик из кобуры под пальто и ткнула его в злобное лицо человека, сидящего в детской красной коляске.

Он всматривался в нее глубоко посаженными глазами, и поднял руку к кожаному футляру, висевшему у Сестры под

мышкой.

– Добро пожаловать,– сказал он.

Сестра услышала серию щелчков, и непроницаемые глаза мужчины переместились и стали смотреть позади нее. Она оглянулась, и увидела в руке Пола “Магнум”. Робин прицеливался из винтовки, и другие ребята тоже. Все они целились в мужчину в красной коляске.

Сестра всматривалась в его глаза; он поднял голову к плечу, показав в широкой ухмылке рот, полный сломанных зубов. Он медленно отнял руку и положил ее на культи ног.

– Это мистер Добро Пожаловать,– сказала Анна. – Он сумасшедший. Просто оттолкните его в сторону.

Взгляд мужчины бегал от лица Сестры к чехлу и обратно. Он кивнул.

– Добро пожаловать,– прошептал он.

Ее палец замер на спусковом крючке. Нити холода, казалось, кружились вокруг нее, теснили ее, проникали под одежду. Дуло дробовика было примерно в восьми дюймах от головы мужчины, и Сестру охватило горячее желание снести это отвратительное ухмыляющееся лицо. Но что окажется под ним? Кости и ткани – или ДРУГОЕ лицо?

Потому что она подумала, что она узнала хитрый блеск в этих глазах, как у зверя, выжидающего момент для нападения. Она подумала, что увидела в них что–то от того чудовища, который называл себя Дойл Хэлланд.

Палец ее подергивался, готовый стрелять. Готовый сдернуть маску с лица.

– Пойдем,– сказала Анна. – Он вас не укусит. Парень слоняется здесь уже два дня, он сумасшедший, но не опасен.

Человек в красной коляске вдруг набрал полную грудь воздуха и с тихим шипением выпустил его сквозь сжатые зубы. Он поднял кулак и на несколько секунд задержал его перед лицом Сестры; затем высунул один палец, изобразив пулю воображаемого оружия, нацеленного ему в голову.

– Ружье стреляет,– сказал он.

Анна засмеялась.

– Смотри! Он помешанный!

Сестра заколебалась. Пристрелить его, подумала она. Нажать на спуск не так уж трудно. Ты знаешь, *кто* это. Пристрелить!

Но… что если я ошибаюсь? Ее рука с дробовиком дрогнула. А потом шанс был упущен.

Человек хихикнул, забормотал что–то, похожее на песенку и, отталкиваясь руками, двинулся мимо нее. Он въехал в переулок слева, и Сестра стояла и следила за тем, как движется

сумасшедший инвалид. Он не оглянулся.

– Становится холоднее,– Анна дрожала, подтягивая ворот. Она пошла вперед. – Хижина Глории Бауэн – сюда.

Человек в красной коляске завернул в другой переулок и скрылся из вида. Она выдохнула, наконец перестав сдерживать дыхание, и белый пар проплыл у лица.

Затем она убрала дробовик в кожаный футляр и снова пошла следом за женщиной, чувствуя себя так, словно ее нервы обнажены.

На главной улице Мериз Рест горел еще один костер, отбрасывая свет и тепло на двенадцать–пятнадцать человек, стоящих вокруг него.

К столбу у переднего крыльца одной из хижин была привязана самая безобразная старая лошадь с провисшей спиной, которую когда–либо видела Сестра; лошадь покрыли кучей одеял, чтобы она не замерзла, а голова у нее покачивалась, как будто она сейчас уснет. Около нее чернокожий мальчик старался удержать в равновесии на кончиках пальцев изогнутую палку.

Двое мужчин, вооруженных винтовками, сидели на ступеньках из шлака, разговаривая и прихлебывая кофе из глиняных кружек. Внимание их переключилось с тихой беседы на Анну.

– Эти люди говорят, что они хотят увидеть девушку,– сказала Анна одному из них, мужчине в клетчатом пальто и рыжеватой шапке. – Я думаю, что с ними все нормально.

Он увидел их оружие и положил свою винтовку себе на колени. – Джош сказал, что нельзя пропускать никого чужого.

Сестра вышла вперед.

– Меня зовут Сестра. Это Пол Торсон, Робин Оукс, и я могу поручиться за других ребят. Теперь, если вы скажете, как вас зовут, мы больше не будем чужими, ведь так?

– Джин Скалли,– ответил он. – Ваши люди откуда–то отсюда?

– Нет,– сказал Пол. – Послушайте, мы не причиним Свон вреда. Мы просто хотим поговорить с ней. Мы хотим ее увидеть.

– Она не может разговаривать, она больна,– сказал Скалли. – И мне велено не пускать в эту дверь никого чужого.

– Мистер, вам нужно прочистить уши? – между Сестрой и Полом стоял Робин и улыбался с холодной угрозой. – Мы пришли издалека. Мы сказали, что хотим увидеть девушку.

Скалли поднялся на ноги, готовый всадить пулю из винтовки. Позади него Зэхиэл Эпштейн тоже нервно вскочил. Молчание затянулось. А потом Сестра, скрипнув зубами, стала подниматься по ступенькам, а если мужчины попытаются остановить ее, подумала она, она разнесет их обоих к чертовой матери.

– Эй, Анна! – вдруг позвал Аарон. – Посмотри на чудо!

Она взглянула на него. Он все еще играл с этой дурацкой палочкой.

– Потом,– сказала она ему.

Аарон пожал плечами и стал крутить ее как воображаемый меч. Анна вернулась к предыдущей проблеме.

– Послушай, какого черта нам здесь еще надо? Никому не нужно ни сердиться, ни драться. Джин, почему бы тебе просто не сходить и не попросить Джоша выйти поговорить с этими людьми?

– Мы хотим поговорить со Свон. – Лицо Пола от гнева покраснело. – Мы не собираемся уходить отсюда, сударыня!

– Кто такой Джош? – спросила Сестра.

– Это тот парень, который приехал вместе с ней. Заботится о ней. Я думаю, вы бы сказали, ее страж. Ну? Вы хотите изложить свое дело ему или нет?

– Пусть он выйдет.

– Сходи за ним, Джин.

Анна взяла у него винтовку и сразу же повернула ее на пришедших.

– А теперь вы все можете свалить эти железки аккуратненько в кучку у ступенек, если вам не трудно. Вы, ребятки, тоже,– я вам не мамочка. Бросайте!

Скалли пошел в хижину, но Сестра сказала:

– Подожди! Она открыла свою походную сумку, вызвав пристальное движение винтовки в руках другой женщины, но она двигалась очень медленно, без всякой угрозы. Она дорылась до дна, вытащила то, что хотела, и протянула Анне.

– Вот. Отдай это Джошу. Может, это для него что–то значит.

Анна посмотрела, нахмурилась и передала Скалли, который взял и вошел в хижину.

Они ждали.

– Какой прекрасный у вас здесь город,– сказал Робин. – Какой большой налог здесь платят крысы?

Анна улыбнулась.

– Ты будешь рад, что у нас много крыс, после того, как попробуешь, милый, жаркое из них.

– Мы бы лучше вернулись обратно в пещеру,– сказал он Сестре. – Были бы по крайней мере на свежем воздухе. Здесь запах, как будто накидали дерьма.

Дверь открылась и вышло чудовище. За ним следовал Джин Скалли. Робин просто стоял и глазел, разинув рот, потому что раньше никогда не видел такого уродства. Громадный парень ростом с троих обычных людей.

– Господи,– прошептал Пол, не в силах сдержать отвращения. Единственный глаз этого человека задержался на нем на несколько секунд, затем посмотрел на Сестру.

Она шевельнулась. Чудовище он или нет, решила она, но никто не сможет помешать ей увидеть Свон.

– Где вы это нашли? – спросил Джош, держа предмет, который передал ему Джин Скалли.

– На стоянке, там, где раньше был “Торговый Дом К”. Это было в городке в Канзасе, который назывался…

– Матисон,– прервал ее Джош. – Я знаю это место давным–давно. Это принадлежало одному моему другу. Но… Я вас знаю?

– Нет. Мы с Полом ездили несколько лет в поисках кое–кого. И я думаю, что человек, к которому нас привело, находится в этом доме. Вы нам позволите повидать ее?

Джош снова посмотрел на то, что держал у себя в руке. Это была одна из гадальных карт Леоны Скелтон, краски поблекли, края обтрепались и загнулись. Надпись на карте гласила “Императрица”.

– Да,– сказал Джош. – Но только вас и этого мужчину. – И он открыл дверь, чтобы впустить их внутрь.

Глава 66. То, что могло быть

– Ты уверен? – спросила Глория, когда Джош закрыл дверь. Она помешивала суп из корешков в горшке, стоящем на печке, и пристально следила глазами за двумя пришельцами. – Мне не нравится их вид.

– Простите,– сказал ей Пол. – Я сегодня оставил свой смокинг в чистке. – В комнате пахло сассафрасом, от печки исходило тепло. В комнате поставили два фонаря, и при их дымном свете и Пол, и Сестра увидели на полу то, что показалось им кровавыми пятнами.

– У нас сегодня ночью была беда,– объяснил Джош. – Поэтому мы вынуждены быть так осторожны с незнакомцами, которые хотят повидать Свон.

Сестре стало холодно, несмотря на уютное тепло в комнате. Она думала о том ухмыляющемся калеке в красной детской коляске. Если это был *он*, он мог иметь любое лицо. Вообще любое. Ей хотелось бы вернуть тот момент, хотелось бы сдернуть маску с его черепа и посмотреть, что за ней прячется.

Джош повернул фитиль лампы и снова посмотрел на гадальную карту. – Так вы нашли это в Матисоне? Ладно. Но как эта карта привела вас сюда?

– Нас привела сюда не карта. Скажите, здесь есть где–нибудь

цветущее дерево, чтобы на стволе его было вырезано имя Свон? Я припоминаю запах яблок. Есть яблоня в цвету?

– Да. Но это в пятидесяти–шестидесяти милях отсюда! Вас послал за нами Слай Мууди?

Она покачала головой, залезая в дорожную сумку.

– Сюда нас привело вот это,– сказала она и вытащила стеклянное кольцо.

Краски переливались и пульсировали. Глория задохнулась, уронив ложку, рука за дрожала у ее рта. По стенам замелькали огоньки. Джош уставился на него, пронзенный его красотой, а потом положил на стол карту с императрицей. – Кто вы? – спросил он тихо. – Почему вы ищете Свон и где вы нашли это?

Сестра сказала:

– Я думаю, нам много о чем есть поговорить. Я хочу все о вас знать, и все о Свон. Я хочу услышать обо всем, что случилось с вами, и хочу рассказать вам наши истории тоже. Но сейчас я хочу увидеть ее. Пожалуйста.

Джош с усилием отвел взгляд от стеклянного кольца и посмотрел в лицо Сестре. Он глядел долгим глубоким взглядом и разглядел и несчастья, и тяготы; но также увидел стойкость и железную волю. Он кивнул и повел Пола и Сестру в соседнюю комнату.

На стене висел единственный фонарь, прикрытый блестящим куском жестянки, отбрасывая матовый золотистый блеск. Свон лежала на железной койке Глории, на матрасе, набитом тряпками и бумагой. Она была накрыта несколькими одеялами, которые пожертвовали разные люди, лицо ее было отвернуто от света.

Джош подошел к кровати, поднял одеяла и мягко дотронулся до плеча Свон. Она все еще горела в лихорадке, дрожала и придерживала одеяла.

– Свон! Ты меня слышишь?

Дыхание у нее было тяжелым. Рука Сестры нашла руку Пола и сжала ее. В другой руке серебром и золотом переливалось стеклянное кольцо.

– Свон! – прошептал Джош. – Кое–кто пришел повидать тебя.

Она услышала его голос, вызывающий ее из кошмарного пейзажа, где по человеческому полю снимал урожай скелет на лошади–скелете. Боль прострелила все нервы и косточки ее лица.

– Джош? – ответила она. – Расти… Где Расти?

– Я же тебе рассказывал. Мы похоронили его сегодня утром, в поле.

– О, я теперь вспоминаю. – Голос у нее был слабый, снова падающим в бессознательное состояние. – Скажи им, чтобы следили за кукурузой. Отгоняли ворон. Но… скажи им пока не

трогать ее, Джош. Скажи им.

– Я уже сказал. Они сделают все, что ты просишь.

Он сделал знак, чтобы Пол и Сестра подошли поближе.

– Кое–кто здесь хочет тебя увидеть. Они говорят, что пришли издалека.

– Кто… они?

– Мужчина и женщина. Они сейчас здесь. Ты можешь с ними поговорить?

Свон постаралась сосредоточиться на том, что он говорит. Она чувствовала, что кто–то другой есть в комнате и ждет. И было еще что–то; Свон не знала, что это, но чувствовала, что кожу у нее покалывает, как будто в предчувствии прикосновения. Она почувствовала себя снова ребенком, зачарованно глядящим на огонек светлячка, который летает на фоне окна.

– Да,– решила она. – Ты поможешь мне сесть?

Он помог, подсунув пару подушек, для поддержки. Когда Джош отошел от койки, Пол и Сестра впервые увидели голову Свон, покрытую наростами. Теперь уже обе глазницы закрылись, и остались только маленькие щелочки над ноздрями и ртом. Это была самая ужасная из масок Иова, которую Сестра когда–либо видела, гораздо хуже, чем у Джоша, и ей пришлось бороться с дрожью ужаса. Пол вздрогнул, думая как она дышит или ест сквозь эту ужасную корку.

– Кто там? – прошептала Свон.

– Меня зовут… – у нее пропал голос.

Она была испугана до смерти. Затем она выпрямилась, глубоко вздохнула и шагнула к койке.

– Можешь называть меня Сестра,– начала она. – А со мной мужчина по имени Пол Торсон. Мы…

Сестра быстро взглянула на Джоша, затем снова на девушку. Свон повернула голову на бок, слушая через маленькое отверстие около уха.

– Мы давно тебя искали. Семь лет. Мы упустили тебя в Матисоне, в Канзасе; думаю, что мы упустили тебя еще во многих местах, сами не зная того. Я нашла куклу, которая принадлежала тебе. Ты ее помнишь?

Свон ее помнила.

– Мой Пирожковый Обжора. Я потеряла его в Матисоне. Я так любила его, когда была маленькой.

Сестре пришлось прислушиваться, чтобы понять все, что она говорит.

– Я бы привезла его тебе, но она не перенесла поездки.

– Ничего страшного,– сказала Свон. – Теперь я уже не ребенок.

Она вдруг подняла забинтованную правую руку, чтобы найти в воздухе лицо женщины. Сестра отпрянула, но потом поняла, что Свон хочется узнать, как она выглядит. Сестра мягко взяла ее за тонкое запястье и провела рукой по лицу. Прикосновение Свон было нежным, как дым.

Ее пальцы остановились, когда она нашла наросты.

– У тебя это тоже,– пальцы Свон передвинулись к левой щеке, потом вниз, к подбородку. – Похоже на дорогу, вымощенную булыжником.

– Думаю, да. Наш друг, доктор, называет это маской Иова. Он думает, что воздух вызывает то, что у некоторых кожа покрывается такой коркой. Но какого черта мне это знание, если мне скручивает голову и лицо? – Она протянула руку и коснулась лба девушки, затем быстро отдернула руку. Под маской Иова у Свон был такой жар, что Сестра чуть не обожгла пальцы.

– Больно? – спросила Сестра.

– Да. Раньше так не болело, а сейчас… все время.

– Ага у меня тоже. Тебе сколько лет?

– Шестнадцать. Джош следит за моим возрастом. А сколько тебе?

– Мне…

Она не могла вспомнить. Она не следила за возрастом.

– Давай посмотрим, думаю, что сейчас мне около пятидесяти. Немного за пятьдесят. Хотя чувствую себя так, будто скоро восемьдесят.

– Джош сказал, что вы пришли издалека, чтобы повидаться со мной. – Голова у Свон была очень тяжелая, и она снова очень устала. – Почему?

– Я не уверена,– согласилась Сестра. – Но мы искали тебя семь лет из–за этого.

И она протянула сверкающее кольцо с единственным оставшимся шипом прямо к лицу Свон.

Кожу у Свон стало покалывать. Она чувствовала яркий свет, пробивающийся в ее закрытые глазницы.

– Что это?

– Я думаю, что… это много всего разного, заключенного в прекрасное стеклянное кольцо, полный драгоценностями. Я нашла его семнадцатого июля в Нью–Йорке. Я думаю, что это чудесное кольцо, Свон. Я думаю, что это дар… как волшебный набор для выживания. Или кольцо жизни. Может, кто–нибудь еще мог найти его, а может, я единственная могла его найти. Не знаю. Но я знаю, что это привело меня к тебе. И Пола. Хотела бы я знать, почему. Все, что я могу сказать, это… Думаю, что ты какая–то необыкновенная, Свон. Я видела, что в поле растет кукуруза,

где уже все должно бы умереть. Я смотрела в стеклянное кольцо и видела дерево в цвету, на стволе которого выжжено твое имя. – Она наклонилась вперед, сердце у нее колотилось. – Я думаю, что у тебя впереди работа. Очень важная работа, которой хватит на всю жизнь. После того, что я видела, как растут злаки… думаю, что я знаю что это.

Свон внимательно слушала. Она не чувствовала ничего особенного, она просто чувствовала себя очень усталой, и лихорадка снова ее трепала, стараясь утащить ее обратно в то ужасное место, где кровавая коса косила человеческое поле. А потом прояснилось то, что сказала ей Сестра: “Чудесное кольцо… много всего разного, заключенного в прекрасное стеклянное кольцо, наполненное драгоценностями”.

Она подумала о магическом зеркале и фигуре, которая несла круг из света. Она знала, что эта фигура – женщина, которая теперь стоит у ее кровати, и то, что она несла, теперь здесь.

Свон протянула к свету обе руки.

– Можно мне… подержать его?

Сестра посмотрела на Джоша. Он стоял позади Пола, а Глория пришла из другой комнаты. Джош не знал, что происходит, и весь этот разговор о чудесном кольце он не понял – но он доверял женщине, и позволил себе кивнуть.

– Вот.

Сестра вложила его в руки Свон.

Пальцы ее захватили кольцо. В нем было тепло, тепло, которое стало входит в ее руки, дальше в запястья и предплечья. Под повязками стала гореть и зудеть израненная кожа рук.

– Ох,– сказала она скорее от удивления, чем от боли.

– Свон! – Джош шагнул к ней, обеспокоенный этим звуком. Стеклянное кольцо становилось ярче и пульсировало все быстрее. – Ты…

Кольцо засияло как золотое солнце. На несколько секунд все они были ослеплены, комната сияла, как будто освещенная миллионом свечей. В уме Джоша пронеслось воспоминание о белом взрыве возле лавки Поу–Поу.

Теперь по рукам Свон бежала жгучая боль, и пальцы ее казались припаянными к кольцу. Боль текла по костям, и она закричала, но в следующее мгновение мука прошла, и в мозгу остались сцены прекрасных снов: поля золотой кукурузы и пшеницы, сады, в которых деревья склонились под тяжестью фруктов, цветочные луга и свежие зеленые леса, качающиеся от ветра. Образы лились как из рога изобилия, такие яркие, что Свон чувствовала аромат ячменя, яблок, цветущей сливы и вишни. Она видела одуванчики, сдуваемые ветром, дубовые рощи, роняющие

желуди в мох, клены, истекающие соком, и подсолнухи, отталкивающиеся от земли.

Да, думала Свон, пока эти образы струились в ее голове, прекрасно освещенные и цветные. Моя работа. Теперь я знаю, в чем моя работа.

Джош был первый, кто опомнился от яркого блеска. Он увидел, что руки Свон были охвачены золотым огнем, пламя лизало ей локти. Она горит! понял он, и ужаснувшись, оттолкнул Сестру в сторону и схватил огненное кольцо, чтобы отнять его у Свон.

Но как только его пальцы коснулись стекла, он был отброшен назад с такой силой, что потерял ботинок и ударился о стену, чуть при этом не снеся своим телом Пола. Из груди у него вылетел звук как из взорвавшейся паровой трубы, и он отлетел к двери, ошеломленный самым сильным ударом, который он получал с тех пор, как Хейстек Малдун выбил его с ринга в Уинстон–Салеме одиннадцать лет назад. Эта проклятая штука отбросила меня, подумал он, когда снова смог думать. Он попытался встать и осознал, что пылающее кольцо его пальцам показалось холодным.

Все еще наполовину ослепленная, Сестра тоже увидела странный огонь, увидела как он расползается по рукам Свон. Щелкнув как хлыст, он стал закручиваться вокруг головы девушки.

Огонь – бесшумный и не приносящий тепла – окутал лицо и голову девушки прежде, чем Джош смог подняться с пола. Свон не издала ни звука и лежала без движения, но слышала шипение, раздающееся сквозь все те сцены, которые проносились у нее в голове.

Сестра хотела сама схватить кольцо, но когда она потянулась, чтобы сделать это, Джош снова подскочил к койке, почти отбросил ее к стенке, уперся ногами и приготовился противостоять удару, схватившись пальцами за кольцо.

На этот раз оно довольно свободно вышло из пальцев Свон. Когда он повернулся, чтобы разбить его об стенку, он услышал крик Сестры.

– Нет!

И она как рысь набросилась на него.

– Подожди,– закричал Пол. – Посмотри на нее!

Джош задержал Сестру на расстоянии вытянутой руки и повернул голову к Свон.

Золотые языки пламени, покрывавшие её руки исчезли. Повязки почернели. Когда они посмотрели, то увидели, что огонь – или то что казалось огнем – стянуло маску Иова как жидкость в

сухую губку. Пламя струилось, вспыхивало, а потом исчезло.

Сестра вырвала у него кольцо и унесла подальше, чтобы он не достал. Он подошел к Свон, положил руки ей под плечи и поднял ее, поддерживая одной рукой голову.

– Свон! – голос у него был безумный. – Свон! Ответь мне!

Она молчала.

– Вы убили ее,– закричала Глория на Сестру. – Милостивый Боже, вы убили ее этой проклятой штукой!

Она бросилась к кровати, пока Сестра отступала к дальней стене. Голова ее кружилась, а ослепление от яркого света еще не прошло.

Но Джош чувствовал, что сердце у Свон бьется как крылья у плененной в клетке птички. Он покачивал девушку в своих объятиях, молясь, чтобы это потрясение не оказалось последним ударом. Он свирепо посмотрел на Сестру и Пола.

– Выгони их отсюда! – сказал он Глории. – Позови Анну! Вели запереть их где–нибудь! Выгони их, прежде чем я убью их…

Рука Свон шевельнулась и легла ему на губы, чтобы он замолчал.

Сестра смотрела на стеклянное кольцо, краски его побледнели, некоторые драгоценности потемнели, стали как сгоревшие угольки. Но цвета опять стали становиться ярче, как будто вытягивали силу из ее тела. Глория схватила ее за руку, чтобы вытащить из комнаты, но Сестра стряхнула ее. Тогда Глория побежала позвать Анну Мак–Клей, которая пришла с винтовкой, готовая действовать.

– Уберите их! – кричал Джош. – И отнимите у нее эту штуку!

Анна старалась дотянуться до кольца. Но кулак Сестры был проворнее, она ударила женщину с таким звуком, как колотят молотком по дереву, и Анна Мак–Клей упала с разбитым носом. Анна попыталась встать на ноги и нацелилась винтовкой прямо в голову Сестры.

– Перестаньте! – вдруг сказала Свон хрупким голосом.

Она услышала их крики, шум драки, ударов. Волшебные сцены, которые горели в ее воображении стали меркнуть.

– Перестаньте,– повторила она. Сила возвращалась в ее голос. – Не деритесь больше.

– Они пытались убить тебя с помощью этой штуки! – сказал Джош.

– Нет! – запротестовал Пол. – Мы пришли сюда повидаться с ней, и все! Мы не пытались убить ее!

Джош не обращал на него внимания.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

– Да. Просто устала. Но Джош… когда я его держала… я

видела чудесные вещи, ЧУДЕСНЫЕ ВЕЩИ.

– Какие вещи?

– Вещи, которые могли бы быть,– ответила она. – Если бы я хотела, чтобы они были, если бы я достаточно хорошо над этим поработала.

– Джош! – Анне не терпелось всадить пулю в тощую старуху, которая свалила ее. Она вытерла нос тыльной стороной руки. – Ты хочешь, чтобы я где–нибудь их заперла?

– Нет! – сказала Свон. – Оставьте их в покое. Они не пытались меня убить.

Джош положил голову Свон на подушку. Он почувствовал на лице нечто странное, зуд и горение, там, где прикоснулись пальцы Свон.

– Ты действительно в порядке? – спросил он. – Я не хочу чтобы ты… и когда он поглядел на одну из ее рук, то голос у него пропал. – Не пытайся скрыть, если… ты…

Повязки черные и маслянистые ослабли. Джош видел кусочек розовой плоти.

Он мягко взял ее руку в свою и стал разматывать повязки. Ткань заскорузла и отходила с треском. Сестра оттолкнула дуло винтовки от лица и прошла мимо Анны к краю кровати. Анна не пыталась остановить ее, потому что тоже подошла посмотреть.

Нервными пальцами Джош осторожно разматывал почерневшие повязки. Они отрывались с прилипшими кусочками поврежденной кожи Свон, а под ними открывалась чистая розовая кожа.

– Что это? – спросила Свон, нарушая молчание. – Что–то не так?

Он оторвал кусок другой повязки. Она расползлась как тлен у него под пальцами, и он увидел розовую чистую неповрежденную кожу на ладони Свон. Он знал, что для того, чтобы затянуться, струпьям понадобилось бы по меньшей мере неделя, а потом еще месяц, чтобы все зажило. Больше всего он волновался, чтобы в раны не проникла инфекция, что возможно ее руки останутся в рубцах и искалеченными на всю жизнь. Но теперь…

Джош нажал пальцем на розовую ладонь.

– Ой! – сказала она, отдергивая руку. – Больно!

Руки у нее болели, внутри них покалывало, они были теплыми, как будто обгорели на солнце. Джош побоялся снять остальные повязки, не желая обнажать нежную кожу.

Он взглянул на Глорию, которая стояла рядом с ним, а потом на Сестру. Взгляд его упал на сверкающее стеклянное кольцо у нее в сумке.

Чудесное кольцо, говорила она. И Джош поверил этому. Он

встал.

– Я думаю, у нас есть много о чем нужно поговорить,– сказал он.

– Да,– согласилась Сестра. – Полагаю, что есть.

Глава 67. Это мужской мир

Крик потряс стены трейлера, и женщина, которая лежала на голом матрасе, завернувшись в грубое одеяло, застонала в мучительном сне. Руди снова заполз к ней в кровать, он держал ребенка с разбитой головой, она ударила его ногой, но его гнилой рот ухмылялся.

– Ну же, Шейла,– ворчал он, голос его шипел из глубокого разреза на горле. – Так–то ты встречаешь старого друга?

– Убирайся прочь! – закричала она. – Убирайся прочь… Убирайся ПРОЧЬ!

Но он, весь скользкий, снова подползал к ней. Глаза его ввалились глубоко внутрь головы, и на лице зияли гнилые дырки.

– Ах–х–х–х,– сказал он,– не будь такой, Шейла. Мы с тобой забавлялись и были счастливы слишком много раз, чтобы ты пинком выгоняла меня из кровати. Ты ведь сейчас, в эти дни пускаешь кого–нибудь еще, а? – Он протянул ей младенца с голубой кожей. – Видишь? – сказал он. – Я принес тебе подарок.

А потом на этой разбитой голове открылся маленький ротик, и из него вылетел вопль, который заставил Шейлу Фонтана окаменеть, руки ее прижались к ушам, а из широко открытых, застывших глаз потоком потекли слезы.

Призраки обломками появлялись и уносились, а Шейла осталась наедине со своим собственным криком, который эхом отдавался в грязном трейлере.

Но крик, взывавший к Богу, продолжался, на этот раз за дверью трейлера. Голос снаружи завопил:

– Заткнись, дура ненормальная! Ты что, хочешь разбудить мертвецов?

Слезы текли у нее по лицу, она почувствовала, что у нее разболелся живот, в трейлере уже пахло рвотой и застоявшимся дымом, а рядом с ее матрасом стояло ведро, куда она ночью облегчалась. Она никак не могла перестать дрожать, не могла вдохнуть достаточно воздуха. Она потянулась за бутылкой водки, которая как она знала, была на полу около ее кровати, но не могла ее найти, и снова закричала от разочарования.

– Ну же, открывай эту проклятую дверь! – Это был голос Джада Лаури, и он стучал в дверь прикладом ружья. – Он тебя хочет!

Она замерзла, пальцы ее наконец нашли горлышко бутылки, уже полупустой.

Он хочет меня! – подумала она. Сердце у нее подпрыгнуло. Он хочет меня!

– Ты слышишь, что я сказал? Он послал меня за тобой. Давай, двигай задницей!

Она сползла с кровати и стояла с бутылкой в одной руке и одеялом в другой. В трейлере было холодно, и снаружи от костра доходил красный свет.

– Отвечай, если еще не разучилась разговаривать! – сказал Лаури.

– Да,– сказала она ему. – Я тебя слышу. Он хочет меня.

Она задрожала, и уронила одеяло, чтобы взять бутылку водки за горлышко.

– Ну, тогда идем же! И он говорит, чтобы ты сегодня хорошо пахла!

– Да. Он меня хочет. Он меня хочет.

Она снова отпила из бутылки, закрыла ее и стала искать фонарь и спички. Она их нашла, зажгла фонарь и поставила его на туалетный стол, рядом с разбитым зеркалом, висевшим на стене. На столике был лес из высохших пузырьков с косметикой, помады, духов, которые давно провоняли, банок с кремом и кисточек для туши. К зеркалу были прикреплены пожелтевшие картинки с молоденькими красотками из старых экземпляров “Гламура” и “Мадмуазель”.

Она поставила бутылку водки рядом с фонарем и села на стул. В зеркале отразилось ее лицо.

Глаза напоминали тусклые куски стекла, вставленные в болезненного вида тяжело очерченную развалину. Большая часть волос превратилась из черных в желтовато–серые, а на макушке стал просвечивать череп. Рот был узкий и обрамлен глубокими морщинами, как будто она сдерживала крик, который никак не могла освободить.

Она всмотрелась в глаза, которые смотрели на нее. Грим, решила она. Конечно. Мне нужно немного грима. И она открыла одну из бутылочек, чтобы размазать ее содержимое на лице, как целительный бальзам, руки у нее были неуверенные, потому что она хотела выглядеть для полковника хорошенькой. В прошлый раз он хорошо к ней отнесся, звал ее несколько раз, даже дал ей несколько бутылок драгоценного спиртного из заброшенного склада. Он меня хочет, говорила она себе, криво размазывая по губам помаду. Полковник раньше использовал еще двух других женщин, которые жили в трейлере с Шейлой, но Кейти переехала с капитаном, а Джина однажды взяла с собой в постель пистолет

калибра 11.43 мм. Все это означало, что Шейла теперь самостоятельно вела свой пикап, тащивший трейлер, и сама добывала бензин, еду и воду для нее и грузовичка. Она знала большинство других ДР – дам для развлечения,– которые шли за Армией Совершенных Воинов, составляя собственный конвой из грузовиков, автомобилей и трейлеров; многие женщины были больны, некоторые были молодыми девушками с глазами старух, которым нравилась их работа, а большинство искали “сон золотой” – чтобы их забрал офицер, у которого было бы много провианта и приличная постель.

Это мужской мир, подумала Шейла. Никогда еще это не было так верно, как сейчас, но зато ей теперь не придется спать одной, и по крайней мере на несколько часов Руди не сможет заползти к ней в кровать со своим ужасным подарком.

В жизни Руди был настоящим удовольствием. Но после смерти стал настоящим занудой.

– Поторопись! – закричал Лаури. – Здесь холодно!

Она закончила макияж и прошлась щеткой по волосам. Она не любила это делать, потому что волосы сильно выпадали. Затем она поискала среди множества пузырьков флакончик с подходящим запахом.

Большинство этикеток не сохранилось, но она нашла особый пузырек, который искала, и побрызгала шею духами. Она вспомнила рекламу, которую она давным–давно видела в журнале “Космо”: “Каждый настоящий мужчина любит “Шанель номер пять”.

Она торопливо натянула на отвисшую грудь темно–красный свитер, втиснулась в джинсы и надела туфли. Было бесполезно делать что–нибудь с ногтями, все они были искусаны. Накинула на плечи меховое пальто, которое принадлежало Джине. Еще один взгляд в зеркало, чтобы проверить грим. Он хочет меня! – подумала она, потом задула фонарь, подошла к двери, открыла замок и распахнула ее.

Джад Лаури с бородой, обрезанной у самой челюсти и цветным платком вокруг лба, взглянул на нее и засмеялся.

– Го–о! – сказал он. – Слышала когда–нибудь про фильм “Невеста Франкенштейна”?

Она не могла ответить ему, потому что искала в кармане пальто ключ, чтобы запереть дверь. Он всегда подкалывал ее, и она его ненавидела. Когда бы она ни смотрела на него, ей слышался детский вопль и стук удара винтовочного приклада по голове невинного ребенка. Она шла прямо за ним, в направлении самого большого трейлера, командного центра полковника Маклина, на западном краю места, которое было раньше городом

Саттон, штат Небраска.

– Ты действительно хорошо пахнешь,– сказал Лаури, когда шел за ней между припаркованных трейлеров, грузовиков, легковушек и палаток Армии Совершенных Воинов. Огоньки от костра играли на стволе его М–16, подвешенной через плечо. – Пахнешь как загноившаяся рана. Когда ты в последний раз принимала ванну?

Она не могла вспомнить. Для купания нужна вода, а у нее не так ее много, чтобы тратить на это.

– Я не знаю, почему он хочет тебя,– продолжал Лаури, идя прямо за ней. Он мог бы взять молоденькую ДР, хорошенькую, которая принимает ванну. А ты – двуногий питомник вшей.

Она не обращала на него внимания. Она знала, что он ее ненавидит за то, что она никогда не позволяла ему дотронуться до себя, ни одного разочка. Она брала любого, кто мог заплатить ей бензином, едой, водой, красивыми безделушками, сигаретами, одеждой или спиртным – но она никогда не взяла бы Джада Лаури, даже если бы у него из члена шла фонтаном очищенная нефть. Даже в этом мужском мире у женщины была своя гордость.

Он еще издевался над ней, когда она прошла между двумя палатками и почти налетела на приземистый квадратный трейлер, покрашенный в черный как смоль цвет. Она резко остановилась, и Лаури почти наскочил на нее. Его ворчание прекратилось. Они оба знали, что происходит в черном трейлере Роланда Кронингера – “допросном центре”,– и такое близкое столкновение с ним пробудило у них в голове истории, которые они слышали о методах инквизиции капитана Кронингера. Лаури вспомнил, что сделал Кронингер несколько лет назад с Фредди Кемпкой, и он знал, что капитана лучше остерегаться.

К Шейле первой вернулось самообладание. Она прошла мимо трейлера, окна которого были запечатаны металлическим листом, и пошла дальше к командному центру полковника. Лаури молча шел за ней.

Большой трейлер был прицеплен к кабине дизельного грузовика, окруженного шестью вооруженными часовыми. С равными интервалами горело несколько костров в нефтяных банках. Когда Шейла приблизилась, один из часовых положил руку на пистолет под курткой.

– Все в порядке,– сказал Лаури. – Он ее ждет.

Часовой расслабился и пропустил их, и они стали подниматься по сложно вырезанным ступенькам, которые вели к закрытой двери большого трейлера. Трехступенчатая лестница имела даже перила, на которых были вырезаны гротескные лица демонов с высунутыми языками, искаженные обнаженные

человеческие фигуры и деформированные горгульи. Замысел был кошмарным, но художественное исполнение прекрасным, лица и фигуры вырезаны рукой, которая владела резцом, затем отшлифовано и отполировано до блеска. Красные бархатные подушечки были прибиты к поверхности каждой ступеньки, как будто на ступенях к императорскому трону. Шейла раньше никогда не видела этой лестницы, а Лаури знал, что ее недавно подарил человек, который вступил в АСВ в Брокен Боу. Лаури раздражало, что Альвина Мангрима уже сделали капралом, и ему хотелось знать, как ему сжевали нос. Он видел человека, работавшего в Механической Бригаде и слоняющегося с кривоватым карликом, которого он называл “Имп”, и Мангрим был еще одним таким сукиным сыном, которого он никогда бы не решился игнорировать.

Лаури постучал в дверь.

– Входите,– прозвучал дребезжащий голос полковника Маклина.

Они вошли. Передняя комната была темной, за исключением единственной масляной лампы, горевшей на столе у полковника. Он сидел за столом, изучая карты. Его правая рука лежала поперек стола почти как забытое приложение, но ладонь правой руки в черной перчатке, его новой руки, была повернута вверх, и свет от лампы блестел на острых точках множества гвоздей, пробивавших ее.

– Спасибо, лейтенант,– сказал Маклин, не поднимая покрытого кожаной маской лица. – Вы свободны.

– Да, сэр. – Лаури бросил на Шейлу ухмыляющийся взгляд, затем вышел из трейлера и закрыл дверь.

Маклин рассчитывал скорость марша между Саттоном и Небраска–Сити, куда планировалось вести АСВ через реку Миссури. Но запасы истощались с каждым днем. АСВ не совершала больше успешных рейдов после поражения армии Франклина Хейза в Брокен Боу. Однако ряды АСВ продолжали расти, так как бойцы из других мертвых поселений вливались в нее, ища убежища и защиты. АСВ была переполнена живой силой, оружием и боезапасами, но “смазка”, необходимая для продвижения, утекала.

Руины Саттона еще дымились, когда передовые бронированные автомобили АСВ въехали в город перед наступлением полной темноты. Все, что стоило взять, уже исчезло, даже одежда и обувь с лежащих кучей убитых. По отдельным признакам было ясно, что во время сражения использовались гранаты и коктейли Молотова, а по восточной стороне города среди горящих развалин прошли тяжелые машины

и остались следы солдат, ушедших по снегу.

И Маклин понял, что существует еще одна армия – возможно, такая же или еще больше, чем АСВ – идущая к востоку перед ними, грабящая поселения и забирающая все запасы, в которых нуждалась Армия Совершенных Воинов, чтобы выжить. Роланд увидел на снегу кровь и предположил, что должны быть раненые солдаты, торопящиеся вслед за основными частями. Небольшой разведотряд смог бы взять в плен некоторых из них, предположил Роланд. Они могли быть захвачены и допрошены. Полковник Маклин согласился, и Роланд взял капитана Брейдена, сержанта Ульриха и нескольких солдат в бронированном автомобиле.

– Присядьте,– сказал полковник Шейле.

Она вошла в освещенный круг. Для нее был приготовлен стул, лицом к столу полковника. Она села, раздраженная и не знающая, чего ожидать. В прошлом он всегда ждал ее в постели. Он продолжал работать над картами и таблицами. Он был одет в форму Армии Совершенных Воинов, с лоскутком, пришитым над нагрудным карманом, и четырьмя вышивками из золотых ниток на каждом плече, обозначающими его воинское звание. Его череп был покрыт серой деревянной шапочкой, а черная кожаная маска скрывала лицо, за исключением левого глаза. Она несколько лет уже не видела его без этой маски, да ей особенно и дела до этого не было. Позади Маклина была стойка с пистолетами и винтовками, а к сосновой панели был прочно прикреплен черно–зелено–серебристый флаг АСВ.

Он заставил ее ждать несколько минут, а потом поднял голову. Его ледяные глаза заморозили ее.

– Привет, Шейла.

– Привет.

– Ты была одна? Или у тебя была компания?

– Я была одна.

Ей пришлось прислушиваться внимательно, чтобы понять все его слова. Его речь стала еще хуже с того раза, как она здесь была последний раз, менее чем неделю назад.

– Ну,– сказал Маклин,– иногда хорошо и одной поспать. Так лучше отдыхается, не правда ли?

Он открыл филигранный серебряный ящичек, который стоял на столе. В нем было около двадцати драгоценных сигарет – не сырые окурки или скрученный жевательный табак, а настоящие. Он пододвинул к ней ящичек, и она взяла сигарету.

– Возьмите еще,– настаивал он.

Она взяла еще две. Маклин подтолкнул к ней по крышке стола коробку спичек, и она зажгла первую сигарету и вдохнула ее, как чистый кислород.

– Помните, когда мы хитрили по дороге сюда? – спросил он ее. – Вы, я и Роланд? Помните, когда мы торговались с Фредди Кемпкой?

– Да. – Она тысячу раз жалела, что у нее не осталось запаса кокаина и амфетамина, но таблетки стало трудно добывать в эти дни. – Помню.

– Я доверяю вам, Шейла. Вы и Роланд почти единственные, кому я могу доверять. – Он подтянул к себе свою правую руку и прижал ее к груди. – Это потому, что мы так хорошо знаем друг друга. Люди, которые так много прошли вместе должны доверять друг другу.

Его взгляд поднялся от лица Шейлы. Он посмотрел на Солдата–Тень, который стоял позади ее стула, прямо там, где кончалась темнота. Потом снова перевел взгляд своих глаз на нее.

– Вы в последнее время развлекали многих офицеров?

– Несколько.

– Как на счет капитана Хьюлета? Сержанта Олдфилда? Лейтенанта Ванна? Кого–нибудь из них?

– Я понимаю. – Она пожала плечами и рот ее скривился в слабой улыбке в клубах дыма. – Они приходят и уходят.

– Я слышал,– сказал Маклин. – Кажется, что некоторые мои офицеры – я не знаю кто – не очень довольны тем, как я веду Армию Совершенных Воинов. Они думают, что нам нужно пускать корни, ставить собственные поселения. Они не понимают, почему мы движемся к востоку, или почему мы вынуждены уничтожать метку Каина. Они не видят общего плана, Шейла. Особенно молодые – как Хьюлет и Ванн. Я сделал их офицерами вопреки своему желанию. Мне бы следовало подождать и разобраться, из чего они сделаны. Но теперь я знаю. Я уверен, что они хотят отстранить меня от командования.

Она молчала. Сегодня траханья не будет, просто у полковника один из приступов словоблудства. Но для Шейлы это было здорово; по крайней мере, Руди здесь ее найти не сможет.

– Посмотрите на это,– сказал он, и повернул одну из карт, над которой работал, к ней. Это была старая, мятая и в пятнах карта Соединенных Штатов, вырванная из атласа. Были помечены названия штатов и карандашом обведены большие районы. Были небрежно вписаны новые названия: “Саммерлэнд” для района Флориды, Джорджии, Алабамы, Миссисипи и Луизианы; “Индустриальный Парк” для Иллинойса, Индианы, Кентукки и Теннеси; “Портовый Комплекс” – для обеих Каролин и Виржинии; “Военное Обучение” – для юго–запада; а также для штата Мен, Нью–Гермпшир и Вермонт. Обе Дакоты, Монтана и Вайоминг

были отмечены как “Зона Заключения”.

И через всю карту Маклин написал “АСВ – Америка Спасшихся и Выживших”.

– Это грандиозный план,– сказал он ей. – Но чтобы превратить его в реальность, мы вынуждены уничтожать людей, которые думают иначе. Мы должны уничтожить все метки Каина. – Он перевернул карту и провел по ней гвоздиками. – Мы должны так ее уничтожить, чтобы мы могли забыть, что произошло, и оставить все позади. Но мы так же должны быть готовы к приходу русских! Они собираются сбросить парашютные войска и готовят высадку для вторжения с барж. Они думают, что мы погибли и с нами все кончено, но они не правы. – Он наклонился вперед, гвоздики впились в поцарапанный стол. – Мы с ними расквитаемся. Мы отплатим этим сволочам тысячекратно!

Он подмигнул. Солдат–Тень слабо улыбнулся. Под выступом шлема его лицо было выкрашено защитной краской. Сердце Маклина стучало, ему пришлось подождать, пока оно успокоится, прежде чем он смог снова заговорить.

– Они не знают общего плана,– сказал он тихо. В АСВ сейчас почти пять тысяч солдат. Чтобы выжить, нам нужно двигаться, и мы вынуждены брать то, что нам нужно. Мы не фермеры – мы воины! Вот почему ты мне нужна, Шейла!

– Я нужна? Для чего?

– Ты ходишь везде. Ты все слышишь. Ты знаешь многих других ДР. Я хочу, чтобы ты выяснила, кому из моих офицеров я могу доверять, а от кого надо отделаться. Как я говорил, я не доверяю Хьюлету, Олдфилду и Ванну, но нет ничего, чем бы я мог доказать их измену перед военным трибуналом. А опухоль может зайти далеко и очень глубоко. Они думают, что просто из–за этого,– и он коснулся черной кожаной маски,– я больше не гожусь для командования. Но это не метка Каина. Это другое. Это пропадет, когда воздух очистится и выйдет солнце. А метка Каина не пропадет, пока мы ее не уничтожим. – Он повернул голову в сторону, внимательно наблюдая за ней. На каждое имя вы должны составить перечень выполненного – и проверить я вам дам картонку с сигаретами и две бутылки ликера. Как насчет этого?

Это было великодушное предложение. Она уже имела в виду какое–то имя, оно начиналось на “Л” и заканчивалось на “И”. Но она не знала, лоялен Лаури или нет. Однако она наверняка будет рада увидеть его перед расстрельной командой, но только если она сначала будет иметь возможность вышибить из него мозги. Она уже собиралась отвечать, когда кто–то постучал в дверь.

– Полковник! – Это был голос Роланда Кронингера. – У меня

для вас пара подарков.

Полковник шагнул к двери и открыл ее.

Снаружи, освещенный светом от костра, стоял бронированный грузовик, на котором выезжали капитан Кронингер и другие. А к заднему крылу были прикованы цепью двое мужчин, оба окровавленные и избитые, Один – на коленях, а другой стоял прямо и смотрел вызывающе.

– Мы нашли их примерно в пятнадцати милях к востоку по автостраде номер 6,– сказал Роланд.

На нем было надето длинное пальто с капюшоном, натянутым на голову. Автоматическая винтовка была переброшена через плечо, а за пояс был заткнут пистолет калибра 11.43 мм. Грязные повязки все еще покрывали большую часть его лица, но наросты высовывались, как шишковатые суставы, в промежутках между ними. В линзах его защитных очков горели красным огоньки костра.

– Сначала их было четверо. Они хотели сопротивляться. Капитан Брейден перехитрил их, мы отобрали у них одежду и оружие. Вот, однако, то, что от них осталось. – Губы Роланда в шишках от наростов раздвинулись в слабой улыбке. – Мы решили проверить, смогут ли они держаться наравне с грузовиком.

– Вы их допрашивали?

– Нет, сэр, это мы оставили на потом.

Маклин прошел мимо него вниз по резной лестнице. Роланд последовал за ним, а Шейла Фонтана наблюдала сквозь дверной проем.

Солдаты, которые стояли вокруг этих двоих, расступились, чтобы пропустить полковника Маклина. Он встал лицом к лицу с узником, который отказался признать поражение, хотя колени у него были изодраны в клочья, а в левом плече у него была пуля.

– Как тебя зовут? – спросил его Маклин.

Мужчина закрыл глаза.

– Спаситель – мой пастырь. Он создал меня лежащим на зеленых пастбищах, Он ведет меня вдоль тихих вод, Он восстанавливает…

Маклин прервал его речь ударом ладони с забитыми гвоздями по лицу. Мужчина упал на колени, уткнувшись избитым лицом в землю. Маклин оттолкнул второго в сторону концом ботинка.

– Ты. Вставай.

– Мои ноги. Пожалуйста. О, Боже… мои ноги.

– Вставай!

Пленник попытался встать на ноги. Кровь лилась по обеим ногам. Он глядел на Маклина ошеломленными от ужаса глазами.

– Пожалуйста,– молил он. – Дайте мне что–нибудь от боли… пожалуйста…

– Сначала дайте мне информацию. Как тебя зовут?

Мужчина мигнул.

– Брат Гэри,– сказал он. – Гэри Кейтс.

– Хорошо Гэри,– Маклин похлопал его по плечу левой рукой. – Теперь: куда вы шли?

– Не говори ему ничего! – закричал человек, лежащий на земле. – Не говори этому варвару!

– Ты ведь хочешь быть хорошим парнем, а, Гэри? – спросил Маклин, его лицо под маской находилось в четырех дюймах от лица Кейтса. – Ты хочешь что–нибудь, чтобы не страдать от боли, не так ли? Скажи мне то, что я хочу знать.

– Не надо… не надо… – всхлипывал другой.

– Для тебя все кончено,– заявил Маклин. – Все. Нет необходимости усложнять больше, чем нужно. Разве это неправильно, Гэри? Спрашиваю тебя еще раз: куда вы шли?

Кейтс согнул плечи, словно боясь, что его сверху ударят. Он дрожал, а потом сказал:

– Мы… старались догнать их. Брата Рея ранили. Сам он ничего не мог. Я не хотел его бросать. Глаза брата Ника были выжжены и он ослеп. Спаситель велел оставить раненых… но они были мои друзьями.

– Спаситель – кто это?

– Он. Спаситель. Истинный Бог и Хозяин. Он ведет Американскую Верность. Это с Ним мы пытались объединить…

– Нет… – сказал другой. – Пожалуйста… Не говори…

– Американская Верность,– повторил Маклин.

Он слышал раньше о них от тех, кто присоединялся к нему. Их вел, как он понял, экс–министр из Калифорнии, у которого была своя программа кабельного телевидения. Маклин искал встречи с ним.

– Так он называет себя Спасителем? Сколько народу идет с ним и где находится руководство?

– Мой пастырь! Он создал меня лежащим на зеленых паст…

Он услышал щелчок пистолета Роланда калибра 11.43 мм, когда его барабан уперся ему в череп.

Роланд не колебался. Он нажал на спуск.

От шума выстрела Шейла подпрыгнула. Мужчина опрокинулся.

– Гэри? – спросил Маклин.

Кейтс уставился на труп, глаза были широко открыты, уголок рта подергивался в истерической ухмылке.

– Сколько народу идет со Спасителем и где находится

руководство?

– Аа… аа… аа,– заикался Кейтс. – Аа… а… три тысячи,– удалось ему сказать. – Может четыре, точно не знаю.

– Есть у них бронированные автомобили? – поинтересовался Роланд. – Автоматическое оружие? Гранаты?

– Есть все. Мы нашли центр обеспечения армии в Южной Дакоте. Там были грузовики, бронированные автомобили, пулеметы, огнеметы, гранаты… все, что можно взять. Даже… шесть танков и контейнеры со снарядами для тяжелой артиллерии.

– Какого рода танки? – кровь застыла в жилах Маклина.

– Я не знаю. Большие танки, с большими пушками. Но один из них с самого начала не пошел. Три других мы оставили, потому что они сломались и механики не смогли их запустить снова.

– Так у них остались еще два?

Кейтс кивнул. Он стыдливо опустил голову, чувствуя, как его шею сзади жгут глаза Спасителя.

– У Спасителя есть три принципа: “Не сдаваться, а умирать”; “Убийство это великодушие”; и “Люби Меня”.

– Все в порядке, Гэри. – Маклин провел пальцем по челюсти мужчины. – Куда они направляются?

Кейтс что–то бормотал, и Маклин вздернул ему голову.

– Не слышу тебя.

Взгляд Кейтса скользнул на пистолет калибра 11.43 мм, который держал Роланд, потом снова на лицо в черной маске с единственным холодным голубым глазом.

– В Западную Виржинию,– сказал он. – Они идут в Западную Виржинию. В место, которое называется гора Ворвик. Я точно не знаю, где это.

– Западная Виржиния? Почему туда?

– Потому что… – он дрожал, он чувствовал, что этот человек с закрытым лицом и пистолет калибра 11.43 мм просто жаждут убить его. – Если я вам скажу, вы оставите мне жизнь? – спросил он Маклина.

– Мы тебя убивать не будем,– пообещал полковник. – Скажи мне, Гэри. Скажи мне.

– Они идут в Западную Виржинию… потому что там живет Бог,– ответил мужчина, и лицо его сморщилось от мук, что он предал Спасителя. – Бог живет на вершине горы Ворвик. Брат Тимоти видел там Бога, давным–давно. Бог показал ему черный ящик и серебряный ключ и рассказал, каким будет конец света. А теперь брат Тимоти ведет Спасителя искать Бога.

Маклин выдержал паузу в течение несколько секунд, потом

громко рассмеялся, звук был такой, будто хрюкало животное, а когда он кончил смеяться, он сгреб за воротник рубашки Кейтса левой рукой и вдавил гвозди правой руки ему в щеку.

– Ты здесь не среди сумасшедших религиозных фанатиков, друг мой. Ты среди воинов. Поэтому прекрати болтать эту чертову чепуху и скажи мне правду. Сейчас.

– Клянусь! Клянусь! – Слезы катились из глаз Кейтса по грязному лицу. Бог живет на горе Ворвик. Брат Тимоти ведет Спасителя искать его! Клянусь!

– Оставьте его мне,– сказал Роланд.

На мгновение наступила тишина. Маклин пристально смотрел в глаза Гэри Кейтса и отвел свою правую руку. На щеке выступали маленькие пятнышки крови.

– Я о нем хорошо позабочусь. – Роланд полез за пистолетом калибра 11.43 мм. – Он у меня забудет об этой боли в ногах, когда мы хорошо побеседуем.

– Да,– кивнул Маклин. – Думаю, это хорошая идея.

– Освободите его,– сказал Роланд солдатам.

Они сразу же повиновались, глаза его за защитными очками блестели от возбуждения. Он был счастливым молодым человеком. Да, это была тяжелая жизнь, и иногда ему хотелось “Пепси” или в кондитерский бар Малютки Рут, или ему очень хотелось принять горячий душ, а потом посмотреть хороший боевик по телевизору – но все эти вещи относились к прошлой жизни. Теперь он был сэр Роланд, жил, чтобы служить королю в бесконечной игре в Рыцаря Короля. Однако ему не хватало его компьютера, и это было единственное плохое в том, что нет электричества. А иногда он видел странный сон, в котором он был где–то, что похоже на подземный лабиринт, и выступал на стороне Короля, и в этом туннеле было два тролля – мужчина и женщина – со знакомыми лицами. Лица их тревожили его и всегда заставляли просыпаться в холодном поту, но эти лица не были реальными; это был просто сном, и Роланд всегда мог снова заснуть как мертвый, когда у него в голове наступало просветление.

– Помогите ему дойти,– приказал Роланд двум солдатам. – Сюда,– сказал он и повел их в направлении черного трейлера.

Маклин толкнул труп, лежащий у его ног.

– Очистите здесь,– сказал он одному из часовых, и встал лицом к горизонту, на восток.

Американская Верность не могла находиться далеко впереди них – может, только в двадцати–тридцати милях. Они нагружены припасами из процветающей местности у Саттона. И у них масса оружия, боезапасов и два танка.

Мы можем их настичь, подумал Маклин. Мы можем их настичь и отобрать то, что у них есть. И я растопчу лицо Спасителя своими ногами. Потому что ничто не может устоять перед Армией Совершенных Воинов, и ничто не может помешать осуществить главный план.

Бог живет на горе Ворвик, сказал этот человек. Бог показал ему черный ящик и серебряный ключ и сказал ему, каким будет конец света.

Безумных религиозных фанатиков придется уничтожить. В главном плане нет места для подобных им.

Он снова повернулся к трейлеру. В дверном проеме стояла Шейла Фонтана, и Маклин вдруг осознал, что все эти волнения подействовали на его эрекцию. И эта была хорошая эрекция. Она обещала продержаться некоторое время. Он поднялся по резной лестнице с перилами, на которых были лица демонов, вошел в трейлер и закрыл дверь.

Глава 68. Маска Иова раскололась

– Сестра! Сестра, проснись!

Она открыла глаза и увидела фигуру, стоящую над ней. Несколько секунд она не могла понять, где находится, и инстинктивно крепче схватилась за кожаный футляр. Потом она вспомнила: она в хижине Глории Бауэн, она задремала в тепле, исходящим от печки, и последнее, что она смогла припомнить, это что кто–то играет на флейте у костра снаружи.

Глория ее разбудила.

– Тебя зовет Джош! – сказала она Сестре испуганным голосом. – Скорее! Что–то происходит со Свон!

Сестра встала. Пол, который находился рядом и все слышал, тоже поднялся с пола, где они спали. Они пошли за Глорией в соседнюю комнату, где увидели Джоша, склонившегося над Свон. Аарон стоял и смотрел широко раскрытыми глазами, держась за водоуказующую лозу.

– Что это? – спросила Сестра.

– Лихорадка! Она горит вся!

Джош взял кусок ткани из ведра с растаявшим снегом и отжал его. Он стал протирать холодной тканью шею и руки Свон, и мог поклясться, что видит, как в золотистом свете лампы подниматься пар. Он боялся, что все ее тело может вдруг пройти через точку воспламенения и взорваться.

– Нам нужно ослабить ее жар!

Пол коснулся руки Свон и быстро отдернул ее, как будто коснувшись печной дверки.

– Боже мой! И давно она так?

– Я не знаю. У нее был жар, когда я проверил час назад, но не такой.

Он снова опустил кусок ткани в холодную воду, и на этот раз приложил ее к Свон не отжимая. Свон сильно дрожала, голова ее дергалась взад–вперед, она тихо и ужасно стонала.

– Она умирает, Джош! – воскликнул Аарон. В его глазах были слезы. – Не давайте ей умереть!

Джош опустил руки в холодную воду и провел ими по горящей коже Свон. Она сгорала изнутри, так ужасно она горела. Он не знал что делать и смотрел на Сестру.

– Пожалуйста,– сказал он. – Помогите мне спасти ее!

– Вынесите ее отсюда! – Сестра уже почти взялась, чтобы помочь вынести ее. – Мы можем покрыть ее снегом.

Джош подсунул руки под спину Свон и стал ее поднимать. Она дернулась, и ее обмотанные руки схватились за воздух. Он взял ее в свои объятия и положил ее голову себе на плечо. Тепло, исходившее от нее сквозь маску Иова, почти опаляло его. Он сделал два шага, когда Свон закричала, забилась и обмякла.

Джош почувствовал, что жар проходит. Почувствовал, что ужасное тепло покидает ее тело, как будто кто–то открыл дверь печи прямо ему в лицо. Почувствовал, что оно поднимается как пелена пара и держится на потолке прямо над его головой.

Она лежала у него на руках без движения, и Сестра подумала, что она умерла. О, Боже мой, Свон умерла.

Колени у Джоша почти подломились.

– Свон! – позвал он, и голос его дрогнул.

Ее длинное хрупкое тело остывало. Слеза почти ослепила его, и у него вырвалось рыдание, сотрясшее его тело.

Осторожно, нежно он снова положил ее на кровать. Она лежала как раздавленный цветок, вытянув руки и ноги.

Джош боялся взять ее запястье и проверить пульс. Боялся, что на этот раз искра жизни уйдет.

Но все–таки взял. И ничего не мог почувствовать. На несколько секунд он склонил голову.

– О, нет,– прошептал он. – О, нет, я думаю, что она…

Под пальцами у него почувствовалось слабое трепетание.

И еще раз. Потом третий и четвертый – все сильнее.

Он взглянул на лицо Свон. Тело ее дрожало – и тогда появился этот жуткий шум, как будто ломалась толстая сухая глина.

– Ее… лицо – прошептал Пол, стоящий в ногах кровати.

У линии волос вдоль маски Иова поползла трещина.

Она прошла там, где должен быть лоб, делая зигзаг на носу,

затем вниз по левой щеке к челюсти. Единственная трещина стала расширяться, разломилась, от нее поползли другие. Части маски Иова стали отходить и отваливаться, как куски громадного струпа, под которым наконец–то зажила глубокая и отвратительная рана.

Пульс у Свон был бешеный. Джош опустил ее запястье и шагнул обратно, глаза были открыты так широко, что казалось, они сорвутся с поверхности его собственной маски. Сестра сказала:

– О–о…

– Боже,– закончила Глория.

Она схватила Аарона, прижала его к своему бедру, и положила руку на лицо, чтобы защитить его глаза. Но он ее отодвинул.

Маска Иова продолжала раскалываться, с небольшими хлопками и быстрым треском. Свон лежала тихо, за исключением того, что грудь ее быстро поднималась и опадала. Джош хотел коснуться ее, но не стал – потому что маска Иова вдруг треснула на две половины и упала с лица Свон.

Никто не шевельнулся. Пол выдохнул. Сестра была слишком ошеломлена, чтобы делать что–нибудь кроме того, как смотреть.

Свон еще дышала. Джош подошел к ней, взял фонарь с крючка на стене и поднял его над головой Свон.

У нее не было лица. Освобожденные от опавших куском маски Иова, черты Свон оказались стертыми, белыми и гладкими, как свечной воск, за исключением двух небольших отверстий ноздрей и щели у рта. Трепещущей рукой Джош провел пальцы по тому месту, где должна была быть ее правая щека. Они погрузились в беловатое скользкое вещество, которое имело консистенцию нефтяного желе. А под желеобразной массой…

– Сестра,– сказал он быстро,– вы это перенесете?

Он дал ей фонарь, и она увидела то, что было в трещинах, и почти что упала в обморок.

– Теперь держите фонарь крепче,– сказал он и вынул кусок ткани из ведра со снеговой водой.

Затем медленно и осторожно он стал стирать желеобразную массу.

– Боже мой! – его голос задрожал. – Посмотрите на это! Посмотрите!

Глория и Пол подошли поближе, чтобы посмотреть, а Аарон встал на цыпочки.

Сестра увидела. Она отвела в сторону кусок маски Иова и коснулась завитка волос Свон. Он потемнел от скользкой массы, покрывавшей его, но отсвечивал золотыми и рыжеватыми

огоньками. Это были самые прекрасные волосы, которые она когда–либо видела, и они росли на голове у Свон сильными и крепкими.

– Аарон! – позвал Джош. – Пойди приведи Анну и Джина! Скорее!

Мальчик выскочил. Пока Джош продолжал счищать пленку, черты лица Свон стали проясняться.

И тогда он взглянул вниз на ее лицо, и коснулся лба. Лихорадка ее прошла, температура была почти нормальной. И хотя глаза ее все еще были закрыты, но она очень спокойно дышала, и Джош решил дать ей уснуть.

– Какого черта эта суматоха? – спросила Анна Мак–Клей, когда вошла.

– Вот,– тихо сказал Джош и отступил, чтобы Анна могла видеть.

Она остановилась, как будто налетела на стену, и глаза на ее грубом старом лице наполнились слезами.

Глава 69. Поцелуй

– Сюда, ребята! Время завтрака!

Робин Оукс фыркнул без всякого интереса, когда Анна Мак–Клей внесла через дверь кастрюльку с супом и несколько мисочек. Он и трое других юных разбойников провели ночь, уснув у костра, вместе с шестью–семью другими, кто сторожил у хижины Глории. Было еще одно темное, холодное утро, и под ветром кружились небольшие хлопья снега.

– Ну, идите! – нетерпеливо подгоняла Анна. – Вы хотите завтракать или нет?

Робин встал, напряженно прошел мимо лошади, которая была привязана к столбику у ворот. На спине и плечах Мула лежали два одеяла, он находился довольно близко к теплу от костра, так что ему не грозило обморожение. Другие мальчишки последовали за Робином, некоторые другие зашевелились и тоже пошли, чтобы их покормили.

Анна налила супу для него в миску. Он сморщил нос.

– Опять это дерьмо? То же, что было на обед?

– Конечно. И это же ты получишь и на ленч, так что лучше будет, если тебе это понравится.

Робин сдержал страстное желание вылить все на землю. Он знал, что это приготовлено из вареных корешков с несколькими кусочками хорошего и полезного старого крысиного мяса. Теперь даже пища в буфете приюта казалась похожей на настоящую манну небесную, и он согласился бы поехать даже в Китай, если

бы мог там получить настоящий громадный бифштекс. Он отошел от очереди за едой, чтобы следующий мог получить свою порцию, поднес миску ко рту и отпил. Он провел неважную ночь, беспокойную, без отдыха, и только под конец отхватил несколько часов сна, несмотря на старика, который сидел у огня, играя на флейте. Робин бросил бы в него ботинком, но некоторые другие, казалось, наслаждались этой унылой музыкой, и Робин видел, как сияет лицо старика в свете костра, когда он выводит эти трели. Робин вспомнил, на что был раньше похож “хэви метал”: треск, напряженные гитарные аккорды и быстрый ритм ударника, как будто мир вот–вот взлетит. Это музыка была ему не по нраву – но ему стало ясно, что мир действительно взлетел. Может, теперь наступило время для мира, подумал он. Мир в действиях, словах, и музыке тоже.

– К черту! – сказал он себе. – Я, должно быть, старею!

Где–то среди ночи он проснулся. Сел, раздраженный и одеревеневший, чтобы поискать место потеплее, и увидел человека, стоящего с другой стороны костра. Просто стоящего там, полы его грязного пальто развевались на ветру, он пристально глядел на хижину Глории. Робин не помнил, как выглядело лицо человека, но человек медленно крался между спящими фигурами, почти на двадцать футов подойдя ко входу в хижину. Анна и Джин сидели на ступеньках, вооруженные винтовками и охраняли дверь, но они разговаривали друг с другом и не обратили на него внимания. Робин припомнил, что Джин дрожал и подтягивал воротник у шеи, а Анна дула на руки, как будто застигнутая неожиданно подкравшимся холодом.

Мужчина повернулся и целенаправленно пошел прочь. Это были шаги человека, у которого есть дела и есть куда идти. Может поэтому Робин и запомнил его. Но затем Робин поменял положение тела, откинул назад голову и заснул, пока не проснулся от того, что ему на веки падают холодные снежинки.

– Когда мы получим обратно свое оружие? – спросил он ее.

– Тогда, когда скажет Джош.

– Послушайте, сударыня! Никто не может взять у меня мое ружье! Я хочу получить его обратно!

Она снисходительно улыбнулась ему.

– Ты его получишь, когда скажет Джош.

– Эй, Анна! – позвал Аарон, стоявший немного ниже по дороге. Он играл с Плаксой. – Сейчас ты можешь подойти и посмотреть чудо?

– Попозже! – ответила она, и пошла обратно разливать варево из корешков и крысиного мяса. Она даже стала насвистывать во время работы одну из своих любимых мелодий: “Бейли Хей” и

“Саут Пасифик”.

Робин знал, что нет другого способа получить свою винтовку обратно, кроме как штурмовать хижину. Ни его самого, ни его ребят не пускали внутрь с тех пор, как они пришли, и Робин стал сердиться.

– Какого черта вы так счастливы? – огрызался он.

– Потому что,– отвечала она,– это великое и славное утро. Такое славное, что даже такой сопляк, как ты, не может досадить мне. Понятно?

И она сверкнула на него быстрой ухмылкой, в которой показала все свои передние зубы.

– Что в этом такого великого и славного?

Он выплеснул остатки супа.

– Мне так все равно – темно и холодно.

Но он заметил, что глаза у нее изменились; они были блестящими и возбужденными.

– Что происходит?

Вышла Сестра с кожаным футляром, с которым никогда не расставалась. Она втягивала холодный воздух, чтобы прочистить голову, потому что она бодрствовала и следила за Свон вместе с другими, встав задолго до рассвета.

– Тебе помочь? – спросила она Анну.

– Нет, уже все. Это последнее.

Она вылила суп в последнюю миску. Все кроме Робина вернулись есть к костру.

– Как она?

– То же самое. – Сестра потянулась и услышала, как захрустели ее старые суставы. – Она хорошо дышит, а лихорадка ее прошла – но она в том же состоянии.

– Что происходит? – спросил Робин.

Анна взяла у него пустую чашку и бросила ее в кастрюлю.

– Когда Джош захочет, чтобы ты знал, он тебе расскажет. И еще кому–нибудь тоже.

Робин взглянул на Сестру.

– Что со Свон? – спросил он ее тише.

Сестра быстро взглянула на Анну, потом снова на молодого человека. Он ждал ответа, и она подумала, что он его заслуживает.

– Она… преобразилась.

– Преобразилась? Во что? В лягушку?

Он улыбнулся, но Сестра в ответ не улыбнулась, и улыбка сошла у него с лица.

– Почему мне не разрешают посмотреть на нее? Я не собираюсь нападать на нее и все такое. Кроме того, это я видел ее

и здоровяка в этой стеклянной штуке. Если бы не я, вас бы здесь не было. Это что–то значит?

Анна сказала:

– Когда Джош скажет…

– Я не с тобой разговариваю, мамаша! – прервал ее Робин, и его холодный спокойный взгляд проник прямо ей в черепную коробку.

Она чуть вздрогнула, а потом ответила ему таким же взглядом.

– Да мне плевать на то, что скажет или захочет Джош,– продолжал он твердо. – Я должен посмотреть на Свон. – Он потянулся к кожаному футляру. – Я знаю, что ты веришь, что сюда тебя привело стеклянное кольцо. – Сказал он Сестре. – Ну, а тебе никогда не приходило в голову, что меня оно тоже привело сюда?

Эта мысль дала ей пищу для размышления. Может, он и прав. Кроме нее он был единственным, кто видел в глубинах стеклянного кольца образ Свон.

– Так что на счет этого? – спросил он.

– Хорошо,– решила она. – Пойдем.

– Эй! Ты не думаешь, что сначала мы должны спросить Джоша?

– Нет. Все в порядке.

Она подошла к двери и открыла ее.

– Почему ты не расчесываешь волосы? – спросила она, когда он поднялся на ступеньки. – Выглядишь как чудное птичье гнездо!

Он криво улыбнулся ей.

– Почему ты не отрастишь волосы? Как на лице?

И он прошел мимо Сестры в хижину.

Прежде чем войти, Сестра спросила у Анны, нашли ли Джин и Зэхиэл калеку в красной детской коляске. Анна ответила, что нет, они еще не докладывали. Они ушли примерно два часа назад, и она о них начинает беспокоиться.

– Зачем он тебе? – спросила она. – У него просто не все в порядке с головой, и все.

– Может, и так. А может, он безумен в той же мере, что и лиса.

И Сестра вошла в хижину, в то время как Анна пошла собирать пустые миски от супа.

– Эй, Анна! – позвал Аарон. – Теперь ты подойдешь смотреть чудо?

Внутри хижины Пол занялся печатным прессом, частично разобрав его, они вместе с Глорией чистили шестеренки и валики

золой. Она настороженно посмотрела на Робина, когда он подошел к печке погреть руки, но Пол сказал, что с ним все в порядке, и она вернулась к работе.

Сестра сделала Робину знак идти за ней. Они прошли в соседнюю комнату, но фигура Джоша вдруг заслонила дверной проем.

– Что он здесь делает?

– Я его пригласила. Я сказала, что он может посмотреть на Свон.

– Она спокойно спит. Она или ужасно истощена, или с ней что–то еще не совсем в порядке.

Он повернул голову и его глаза нацелились на Робина.

– Я думаю, что это не самая хорошая идея – привести его сюда.

– Давай, мужик! Что за ужасные загадки? Я просто хочу увидеть, как она выглядит, вот и все!

Джош проигнорировал его слова и не двинулся из дверного проема. Он обратился к Сестре.

– А Джин и Зэхиэл еще не вернулись?

– Нет. Анна говорит, что начинает беспокоиться. Я тоже.

Джош проворчал что–то. Он был тоже очень обеспокоен. Сестра рассказала ему о мужчине с горящей рукой в кинотеатре на Сорок Второй улице, и о своей встрече с Дойлом Хэлландом в Нью–Джерси. Она рассказала о мужчине, который ехал на велосипеде по пеннсильванской автостраде со стаей волков, хватающих его за пятки, и который просто упустил ее на спасательной станции в Хоумвуде. Он также мог изменять свое лицо и тело, говорила она. Он мог являться в любом виде, даже калекой. Это было бы хорошей маскировкой, сказала она Джошу, потому что кто же будет ожидать, что какой–то калека окажется так же опасен, как бешеная собака среди овец? Чего она не могла понять, так это как он выследил ее. Решил ли он устроиться здесь и ждать ее или кого–то другого, кто мог видеть магическое кольцо? Анна сказала, что мистер Добро Пожаловать здесь только пару дней, но опять же, он мог жить в Мериз Рест в любом обличье. Когда бы и как он ни появился, мистера Добро Пожаловать необходимо найти, и Джин с Зэхиэлом ушли искать его, вооруженные до зубов.

– Он был здесь,– вспомнил Джош, что говорила Свон. – Человек с алым глазом.

– Послать ли нам кого–нибудь поискать их? – спросила Сестра.

– Что?

Он очнулся от своих мыслей.

– Джина и Зэхиэла. Не начать ли нам искать их?

– Нет, еще нет.

Он хотел идти с ними, но Глория схватила его за рукав и сказала, что необходимо, чтобы он оставался около Свон. Она знает кто он, подумал Джош. И, может, она тоже пытается спасти его жизнь.

– Человек с алым глазом,– тихо сказал он.

– Эй? – Робин нахмурился, не зная, правильно ли он расслышал.

– Так назвала его Свон. – Он не сказал парню, что надпись именно на этой игральной карте гласила “Дьявол”.

– Прравильно,– стал насмехаться Робин. – Вы двое должны иметь здесь вблизи сильное лекарство, здоровяк.

– Да, хотел бы я,– Джош решил, что с Робином все в порядке – немного грубоват, но кто в эти дни не такой? – Я хотел бы выпить чашку кофе. Ты можешь войти, но ты можешь остаться там не более двух минут. Понятно?

Он подождал, пока парень кивнул, а потом вышел в переднюю комнату. Вход в комнату, где лежала Свон, был свободен.

Но Робин колебался. Ладони у него стали влажными. При свете лампы он мог различить фигурку, лежащую на койке. Одеяло было натянуто до самого подбородка, но лицо было повернуто в другую сторону, и он его не видел.

– Иди,– сказала ему Сестра.

Я боюсь до чертиков, подумал он.

– Что ты имела в виду, когда сказала, что она изменилась? Она что… ненормальная?

– Иди, увидишь сам.

Его ноги не повиновались ему и он никак не мог сдвинуться с места.

– Она ведь очень ценная, да? Я имею в виду, что если она заставила снова расти кукурузу, она действительно что–то такое особенное. Правильно?

– Ты лучше иди. Зря тратишь свои две минуты.

Она подтолкнула его, и он вошел в спальню. Сестра вошла за ним.

Робин подошел сбоку к кровати. Он нервничал, как будто боялся получить по рукам от одной из монашек за плевки.

Он увидел рассыпавшиеся по лоскутной подушке золотые волосы. Они светились при свете лампы как только что скошенное сено, тут и там отсвечивали рыжеватыми пятнышками.

Он уперся коленями о край кровати. Он был заворожен этими волосами. Он уже забыл, как выглядят чистые волосы.

А потом она шевельнулась под одеялом и легла на спину, и Робин увидел ее лицо.

Она все еще спала, черты ее лица были спокойны. Волосы струились назад как грива от ее высокого гладкого лба, и полоски красноватого цвета бежали у висков как языки пламени в желтом поле.

Лицо у нее было овальной формы, и она была… да, подумал Робин. Да. Она была прекрасна. Она была самой прекрасной девушкой, которую он когда–либо видел.

Рыжеватые брови очерчивали полукруг над закрытыми глазами. У нее был прямой элегантный нос и острые скулы, а на подбородке – небольшая ямочка в форме звезды. Кожа у нее была очень бледная, почти прозрачная; ее оттенок напоминал Робину о том, на что была похожа луна на чистом летнем небе в том мире, который был раньше.

Взгляд Робина блуждал по ее лицу – но очень робко, как у человека, который исследует прекрасный сад, где нет тропинок. Ему хотелось знать, как она будет выглядеть, когда проснется, какого цвета у нее будут глаза, как будет звучать ее голос, как будут двигаться ее губы. Робин не мог оторваться от нее глаз. Она выглядела как дочь, родившаяся от брака льда и огня.

Проснись, подумал он. Пожалуйста, проснись.

Она лежала и тихо спала. Но что–то внутри у нее проснулось.

Проснись. Проснись, Свон, желал он. Глаза ее оставались закрытыми.

Из состояния восторга его вывел голос.

– Джош! Глория! Скорее выходите и посмотрите на это.

Он понял, что это старая дубина Анна зовет их от входной двери.

Он вновь обратил все свое внимание на Свон.

– Разреши мне посмотреть, что происходит,– сказала Сестра. – Я сейчас вернусь.

Она вышла из комнаты, но Робин вряд ли слышал ее.

Он потянулся, чтобы дотронуться до щеки Свон, но остановился. Он чувствовал себя недостаточно чистым, чтобы до нее дотрагиваться. Одежда его была изодранной и жесткой от пота и грязи, руки были грязные. Анна была права на счет того, что его волосы были похожи на гнездо. Какого черта он вообще стал вплетать в волосы перья и косточки, хотел бы он знать. С этим надо что–то делать, решил он, а пока он подумал, что очень холодно. Он просто оцепенел.

– Проснись Свон,– прошептал он.

Но ответа не было. Вдруг сверху налетела муха и стала кружиться над ее лицом, Робин захватил ее в кулак и раздавил о

ногу, потому что для такой мерзкой твари нет места рядом с ней. Муха слегка его укусила, но он едва это заметил.

Он стоял, уставившись взглядом в ее лицо и думал обо всем том, что он когда–либо слышал о любви. Ну! – подумал он. Ребята застонали бы, наверняка, если бы увидели меня сейчас!

Но она была так прекрасна, что он подумал, что его сердце сейчас разорвется.

Сестра может вернуться в любую секунду. Если он собирается сделать то, чего так жаждет, то ему следует сделать это быстро.

– Проснись,– снова прошептал он, и когда она все же не двинулась, он наклонил голову и легко поцеловал ее в уголок рта.

Тепло ее губ под его губами поразило его, и он почувствовал аромат ее кожи как слабое дуновение из персикового сада. Сердце его билось, как барабан в тяжелом металле, но он задержал поцелуй. Дольше и дольше.

Потом он оторвался, испуганный до смерти, что войдет Сестра или кто–нибудь другой. Этот большой парень поддаст ему так, что он улетит так высоко и далеко, что сможет попасть на спутник, если они еще есть на…

Свон шевельнулась. Робин был в этом уверен. Что–то шевельнулось – бровь, уголок рта, может дернулась щека или подбородок. Он склонился над ней, его лицо находилось всего в нескольких дюймах от ее лица.

Ее глаза открылись без предупреждения.

Он был так поражен, что отдернул голову, как будто она была ожившей статуей. Глаза у нее были темно–голубые, с рыжими и золотыми крапинками, и их цвет заставил его подумать о стеклянном кольце. Она села, одной рукой взмахнула у губ, где он ее поцеловал, и тогда Робин увидел, что ее бледные щеки расцвели ярко–розовым цветом.

Она подняла правую руку, и прежде чем он успел даже подумать о том, чтобы увернуться, резкий хлопок раздался у него на щеке.

Он отшатнулся на несколько футов, прежде чем взял себя в руки. Теперь горела его собственная щека, но ему удалось изобразить глупую улыбку. Он не смог придумать ничего лучшего, чем просто сказать “привет”.

Свон уставилась на свои руки, коснулась своего лица, провела пальцами по носу, рту, пощупала край скул и линию подбородка. Она дрожала и чуть не плакала, она не знала, кто этот парень с перьями и косточками в волосах, но она его ударила, потому что подумала, что он собирается напасть на нее. Все перепуталось и стало ненормальным, но у нее снова было

лицо, и она могла ясно видеть обоими глазами. Уголком глаза она поймала отблеск красноватого золота, и пальцами завила длинную прядь ее собственных волос. Она смотрела на них, как будто не была уверена в том, что это такое. Она вспомнила, что последний раз, когда у нее были волосы, это было в тот день, когда она с мамой шла в ту пыльную бакалейную лавку в Канзасе.

Мои волосы были светлыми, вспомнила она. Теперь они были цвета огня.

– Я могу видеть! – сказала она парню, когда слезы покатились по ее гладким щекам. – Я снова могу видеть!

Ее голос без маски Иова, сдавливающей рот и ноздри, тоже изменился, это был мягкий обволакивающий голос девушки, почти ставшей женщиной – и теперь ее голос звенел от возбуждения, когда она позвала

– Джош! Джош!

Робин выбежал за Сестрой, образ самой прекрасной девушки, какую он когда–либо видел, был запечатлен в его мозгу как камея.

Но Сестры не было в передней комнате. Она стояла у подножия ступенек, вместе с Глорией и Полом.

Джош и Анна стояли с двух сторон от Аарона, примерно в тридцати пяти футах от двери и почти на самой середине дороги.

Аарон был в центре восхищенного внимания.

– Видишь? – ликовал он. – Я говорил тебе, что это чудо! Нужно только знать, как его держать!

Две маленькие веточки, выступающие на противоположных сторонах Плаксы, колебались на кончиках пальцев Аарона. Другой край лозы поднимался и опускался, вверх и вниз как насос. Аарон гордо ухмылялся своему волшебному трюку, блестя глазами и зубами по мере того как вокруг собиралось все больше народа.

– Я думаю, что ты мог бы и нас найти,– удивленно сказал Джош.

– А? – спросил Аарон, пока Плакса продолжала указывать направление на свежую воду.

Стоя на ступеньках, Сестра почувствовала, как чья–то рука схватила ее за плечо. Она повернулась и увидела стоящего там Робина. Он пытался говорить, но был так взволнован, что не мог ничего произнести. Она увидела у него на щеке отпечаток руки и, чуть не оттолкнув его, вбежала в хижину, когда Свон вышла в дверной проем, завернув высокое худое тело в одеяло, на неуверенных как у олененка ногах. Она щурилась и моргала от тусклого серого света.

Сестру сейчас можно было бы сбить даже снежинкой, а потом

она услышала шепот Робина.

– О–о,– как будто его что–то ударило физически, и она все поняла.

Анна взглянула, оторвавшись от качающейся лозы, потом Джош повернулся и увидел то, что другие уже увидели. Он сделал шаг, другой, третий, а потом бросился бежать, как будто ставя рекорд.

Он запрыгал по ступенькам, а Свон уже почти подошла к нему и была готова упасть. Он схватил ее прежде, чем она успела упасть, прижал к груди и подумал: Слава Богу, слава Богу, что моя дочь вернулась!

Он опустил свою деформированную голову ей на плечо и заплакал – и Свон на этот раз услышала не звук боли, а песню обретенной радости.

Часть двенадцатая
Истинные лица

Глава 70. Сын мистера Кейдина

Свон шла вдоль ряда зеленых и растущих кукурузных стеблей, а в это время над кострами свистел снежный шквал. По обеим сторонам около нее шли Джош и Сестра, а рядом с ними еще по мужчине с винтовкой, которые острыми глазами следили за появлением рыси или любого другого хищника.

Прошло три дня с тех пор, как проснулась Свон. Пальто с заплатками разных цветов, которое сшила для нее Глория, согревало ее стройное тело, а голову защищала белая вязаная шапка, которая была одним из дюжины подарков, которые принесли благодарные люди Мериз Рест для нее ко входной двери хижины Глории. Она не могла надеть все: пальто, перчатки, носки и шапочки, которые ей были предложены, и остальная одежда попала в ящики буфета, чтобы потом ее перераспределили среди тех, чья одежда уже совсем износилась.

Ее внимательные темно–синие глаза с отблесками красного и золотого вбирали в себя свежие стебельки, которые высотой были уже примерно четыре фута и начинали темнеть. За краем шапочки волосы Свон развевались, как язычки огня. Кожа ее была все еще очень бледной, а щеки покраснели от холодного ветра. Лицо было костлявым, нуждалось в питании и полноте, но это могло бы прийти потом. Все, что занимало сейчас ее внимание,– это была кукуруза.

Костры горели по всему полю, и добровольцы из Мериз Рест круглые сутки сторожили и охраняли от рысей, ворон, всего остального, что могло уничтожить стебельки. Довольно часто приходила еще одна группа добровольцев, с ведрами и черпаками со свежей водой из нового колодца, который вырыли два дня назад лопатами и мотыгами. Вкус воды будил воспоминания всех, кто ее пробовал, напоминая им о почти забытых вещах: о вкусе чистого, холодного горного воздуха, о сладости рождественских гостинцев, о тонком вине, которое стояло в бутылке полсотни лет, ожидая пока его оценят, и о дюжине других, каждая из которых неповторима и является частью счастливой жизни. Воду больше не получали из радиоактивного снега, и люди уже стали чувствовать себя сильнее, а их болезни, головные боли и ангины начали слабеть.

Джин Скалли и Зэхиэл Эпштейн так и не вернулись. Тела их не нашли, и Сестра была уверена, что они погибли. И так же была уверена, что человек с алым глазом все еще был где–то в Мериз Рест. Сестра держала свою кожаный футляр еще крепче, чем прежде, но теперь она задавала себе вопрос, не потеряла ли она

интерес к стеклянному кольцу и не перенесла ли свое внимание на Свон.

Сестра и Джош толковали о том, что за существо это может быть – человек с алым глазом. Она не знала, верит ли она в Дьявола с рогами и раздвоенным хвостом, но она очень хорошо знала, что Зло существует. Если он искал их в течение семи лет, то это означает, что он не всеведущ. Он мог быть коварным, мог иметь интуицию, острую как лезвие бритвы, мог уметь менять свое лицо по желанию, и поджигать людей как факел, но он был туп и имел промахи. И может самая большая его слабость была в том, что он считал себя чертовски умнее людей.

Свон замедлила осмотр, потом приблизилась к одному из более мелких стебельков. Его листочки еще были покрыты темно–красными точками от крови, текшей из ее рук. Она сняла одну из перчаток и коснулась тонкого стебелька, почувствовала покалывание, начинающееся где–то у нее в ногах, поднимающееся выше к позвоночнику, потом через руки и пальцы проникающее в растение, как слабый электрический ток.

Она с детства считала это чувство нормальным; но теперь она спрашивала себя, не было ли ее тело целиком подобно Плаксе – она принимала и проводила энергию Земли и могла направить ее через свои пальцы в семена, деревья, растения. Может, все было гораздо больше, может, она никогда на самом деле не могла понять, что это такое, но она могла закрыть глаза и видеть снова те чудесные сцены, которые ей показывало стеклянное кольцо, и она знала, что должна посвятить остаток жизни их воплощению.

По предложению Свон, основания стеблей были обвязаны тряпками и старой бумагой, чтобы предохранить насколько возможно молодые корешки от холода. Твердую почву разбивали лопатами и мотыгами, и каждые четыре–пять футов между рядами была вырыта ямка, в эти ямки наливали чистой воды, и если прислушаться при затихающем ветре, то можно было услышать, как жадно пьет земля.

Свон шла дальше, часто останавливаясь, чтобы коснуться стебля или наклониться и растереть между пальцами землю. Было похоже, как будто из ее пальцев выпрыгивают искорки. Но она чувствовала себя неловко от того, что вокруг нее все время столько людей – особенно мужчин с винтовками. Такова уж судьба, чтобы вокруг были люди, наблюдавшие за тобой, желающие дотронуться до тебя и дать тебе одежду прямо со своего плеча. Она никогда раньше не чувствовала себя особенной, и сейчас не чувствовала тоже. Ее способность заставлять злаки расти – это всего лишь то, что она умеет делать, так же как Глория может сшить из лоскутков пальто, а Пол может заставить

снова заработать маленький печатный пресс. У каждого есть какой–то талант, и Свон знала, какой талант есть у нее.

Она прошла несколько футов вперед, и почувствовала, что кто–то не нее смотрит.

Она повернула голову, чтобы посмотреть на Мериз Рест, и увидела, что он стоит на краю поля, его шатеновые волосы длиной до плеч развевались по ветру.

Сестра проследила взгляд Свон и тоже его увидела. Она знала, что Робин Оукс все утро следует за ними, но не подходит. За прошедшие три дня он отклонял все приглашения зайти в хижину Глории; он довольствовался сном у костра, и Сестра с интересом отметила, что он вынул из волос все перья и косточки животных.

Сестра взглянула на Свон и увидела, что та покраснела и быстро отвернулась. Джош был занят тем, что наблюдал за лесом, чтобы не вышли рыси, и не заметил этой маленькой драмы. Как каждый мужчина, подумала Сестра, он за деревьями не видит леса.

– Они хорошо растут,– сказала Свон Сестре, чтобы отвлечься от Робина Оукса.

Голос у нее был неровным и слегка писклявый, и Сестра улыбнулась под маской Иова.

– От костров воздух здесь теплее. Я чувствую, что кукуруза растет хорошо.

– Рада слышать это,– ответила Сестра.

Свон была удовлетворена. Она подходила к каждому костру, разговаривая с добровольцами, спрашивала, не надо ли кого–нибудь заменить, не нужно ли им воды или супа, который готовили Глория, Анна или кто–нибудь из женщин. Она обязательно благодарила их за то, что они сторожат поле и отгоняют кружащихся ворон. Воронам, конечно, тоже нужно есть, но пусть ищут себе еду где–нибудь в другом месте. Свон заметила девочку–подростка, у которой не было перчаток, и отдала ей свою пару. Омертвевшая кожа еще шелушилась на ладонях Свон, но все остальное на руках уже зажило.

Она остановилась у деревянной доски, отмечавшей могилу Расти. Она совсем ничего не помнила из событий той ночи, кроме видения человека с алым глазом. Не было возможности сказать Расти, что он для нее значил и как она его любила. Она вспомнила, как Расти делал красные шарики, которые появлялись и исчезали во время представления в программе чудес “Странствующего шоу”, тем самым зарабатывая старую банку бобов или фруктовый коктейль. Теперь он принадлежал земле, сложив свои крепкие руки, и мог спать долго и спокойно. А

чудеса его еще жили – в ней, в Джоше, в зеленых стебельках, трепетавших на ветру и обещавших продолжение жизни.

Свон, Джош и Сестра пошли полем обратно, сопровождаемые двумя вооруженными охранниками. И Свон и Сестра заметили, что Робин Оукс уже исчез. И Свон почувствовала укол разочарования.

Пока они шли по переулкам к хижине Глории, дети прыгали вокруг Свон. Сердце у Сестры сильно билось, когда она всматривалась в переулки, которыми они проходили, стараясь заметить змеиное движение – и ей показалось, что она слышит скрип колес красной коляски где–то поблизости, но звук затих, и она не была уверена, был ли он вообще.

Их ждал, стоя у подножия ступенек и разговаривая с Полом Торсоном, высокий худой мужчина с бледно–голубым шрамом, диагональю проходящим по лицу. Руки Пола были измазаны дочерна грязью и красками, которые смешивали он и Глория, чтобы получить чернила для печатания бюллетеня. На улице и около хижины были десятки людей, пришедших взглянуть на Свон. Они расступились, когда она приблизилась к этому человеку.

Сестра встала между ними, напряженная и готовая ко всему. Но она не ощутила промозглой отталкивающей волны холода, идущей от него,– а только запах тела. Глаза его были почти того же цвета, что и рубцы. На нем было пальто из тонкой ткани, голова была голая, пучки черных волос торчали на обожженном черепе.

– Мистер Кейдин ждет, чтобы повидаться со Свон,– сказал Пол. – С ним все в порядке.

Сестра сразу же расслабилась, доверяя интуиции Пола.

– Я думаю, что тебе нужно послушать, что он скажет.

Кейдин обратил свое внимание на Свон.

– Мы с семьей живем вон там. – Он указал в направлении сгоревшей церкви. У него был скучный акцент жителя Среднего Запада, и голос дрожащий, но четкий. – У нас с женой трое мальчиков. Старшему шестнадцать, и до сегодняшнего дня у него на лице было то же, что, я полагаю, было и у вас. – Он кивнул в сторону Джоша. – Вот такое. Эти наросты.

– Это “маска Иова”,– сказала Сестра. – Но что вы имеете в виду, говоря до сегодняшнего утра?

– У Бена начался сильный жар. Он был так слаб, что едва двигался. А потом… рано утром сегодня… она просто треснула и открылась.

Сестра и Свон посмотрели друг на друга.

– Я слышал, что у вас было то же самое,– продолжал Кейдин.

– Вот почему я и пришел. Я знаю, что многие хотели бы увидеться с вами, но… не могли бы вы прийти к нам и взглянуть на Бена?

– Не думаю, что Свон могла бы что–то сделать для вашего сына,– сказал Джош. – Она не врач.

– Не в этом дело. Бен чувствует себя хорошо. Я благодарю Бога за то, что эта штука треснула, потому что он едва мог дышать. Дело в том,– он снова посмотрел на Свон. – Он стал другой,– тихо сказал Кейдин. – Пожалуйста, зайдите на него посмотреть. Это не отнимет много времени.

Выражение сильной потребности на его лице тронуло ее. Она кивнула, и они пошли за ним по улице в переулок мимо сгоревших развалин церкви Джексона Боуэна и опять через лабиринт лачуг, маленьких хибарок, куч человеческих отбросов, обломков и даже картонных коробок, которые некоторые сколачивали, чтобы туда втиснуться. Они перешли через грязную лужу глубиной до лодыжки и поднялись на пару деревянных ступеней, войдя в хижину, которая была даже меньше и хилее, чем у Глории. В ней была только одна комната, а на стенах были прибиты для уплотнения старые газеты и журналы, так что совсем не оставалось места, не покрытого пожелтевшими заголовками, статьями и картинками из ушедшего мира.

Жена Кейдина с болезненным, в свете единственного фонаря, лицом держала на тонких руках спящего ребенка. Мальчик лет девяти–десяти, хрупкий и испуганный, хватался за ноги матери и пытался спрятаться, когда пришли чужие. В комнате была кушетка со сломанными пружинами и старая стиральная машина с ручкой, электрическая печка – ископаемая, подумал Джош,– в которой горели обломки дерева, угольки и мусор, давая слабый огонь и немного тепла. Рядом с кучей матрасов на полу стоял деревянный стул, на котором под грубым коричневым одеялом лежал старший сын Кейдина.

Свон подошла к матрасам и взглянула на лицо мальчика. Вокруг его головы лежали куски маски Иова, похожие на серые глиняные обломки, и она видела липкую желеобразную массу, прилипшую к этим кускам изнутри.

Мальчик, у которого было совсем белое лицо, а голубые глаза блестели от лихорадки, пытался встать, но был слишком слаб. Он отбросил от лба темные сальные волосы.

– Это вы ОНА, да? – спросил он. – Девушка, которая стала сажать кукурузу?

– Да.

– Это действительно великая вещь. Из кукурузы можно столько всего сделать.

– Я тоже так думаю.

Свон вглядывалась в черты его лица; кожа его была безупречно гладкая, почти светилась в свете фонаря. У него была сильная челюсть и нос с тонкой переносицей, который на конце слегка заострялся. В целом, он был красивый мальчик, и Свон знала, что он вырастет красивым мужчиной, если выживет. Она не могла понять, почему Кейдин хотел, чтобы она на него посмотрела.

– Конечно! – на этот раз мальчик сел, возбужденный и с блестящими глазами. – Ее можно жарить и варить, делать оладьи и пироги, даже выжимать из нее масло. Еще из нее можно делать виски. Я все о ней знаю, потому что в начальной школе в Айове делал реферат о кукурузе.

Он замолчал, потом попытался дотронуться дрожащей рукой до левой стороны лица.

– Что со мной случилось?

Она посмотрела на Кейдина, который делал ей, Джошу и Сестре знак выйти за ним.

Когда Свон отвернулась от матрасов, ей в глаза бросился заголовок газеты, приклеенной к стене: “Со звездными войнами – все хорошо”. Там была еще фотография важно выглядевших мужчин в костюмах и галстуках, улыбающихся и поднимающих руки в знак победы. Она не знала о чем это, потому что никто из этих мужчин не был ей знаком. Они выглядели очень довольными, одежда на них смотрелась чистой и новой, волосы были в замечательном порядке. Все они были чисто выбриты, и Свон подумала, приходилось ли им когда–нибудь приседать около ведра, чтобы умыться.

Потом она вышла к остальным.

– Ваш сын прекрасно выглядит,– говорила Свон Кейдину. – Вам следует быть довольным.

– Я рад. Я благодарен Богу, что эта штука сошла с его лица. Но дело не в этом.

– Ладно. А в чем?

– Это лицо не моего сына. По крайней мере… это не то, что мы видели до того, как на нем появилась эта корка.

– У Свон лицо сгорело, когда упали бомбы,– сказал Джош. – Она тоже выглядит не так, как раньше.

– Моего сына не изуродовало семнадцатого июля,– спокойно ответил Кейдин. – Он вообще вряд ли пострадал. Он всегда был хорошим мальчиком, и мы с матерью его очень любим, но… Бен родился с врожденными недостатками. У него было красное родимое пятно, покрывавшее всю левую сторону лица, врачи называют это “винное пятно”. И челюсть у него была деформирована. В Седар Рэпидсе его оперировал специалист, но

положение было таким тяжелым, что… большой надежды не было. Но у Бена всегда была сила воли. Он хотел ходить в обычную школу, чтобы с ним обращались как со всеми, не лучше и не хуже. – Он посмотрел на Свон. – Цвет волос и глаза у него такие же, как и раньше, но исчезло родимое пятно, и челюсть у него больше не деформирована, и… – он замялся, качая головой.

– И что?

Он колебался, стараясь найти слова, а потом поднял на нее взгляд.

– Я всегда говорил ему, что истинная красота глубже, чем кожа. Я всегда говорил ему, что истинная красота это то, что внутри, в сердце и в душе. – Слезы покатились по правой щеке Кейдина. – А теперь Бен выглядит так, каким он всегда для меня был глубоко внутри. Я думаю, что теперь… наружу проступает лицо его души. – Его собственное лицо было натянуто то ли от улыбки, то ли от плача. – Это не безумие – думать так?

– Нет,– ответила Сестра,– я думаю, что это чудесно. Он красивый мальчик.

– И всегда был,– сказал Кейдин и на этот раз позволил себе улыбнуться.

Он вернулся к своей семье, а другие отправились через грязную лужу на улицу. Все затихли, каждый был занят своими мыслями: Джош и Сестра размышляли о рассказе Кейдина, задаваясь вопросом, отпадут ли когда–нибудь их собственные маски Иова – и что может обнаружиться под ними; а Свон припомнила кое–что, что ей давно сказала Леона Скелтон: “Каждый имеет два лица, детка – внешнее и внутреннее. Внешнее – такое, каким его видит мир, а внутреннее – то, как ты действительно выглядишь. Если можно было бы стряхнуть внешнее лицо, то мир бы увидел, каков человек на самом деле”.

– Стряхнуть? – переспросила тогда Свон. – А как?

И Леона улыбнулась.

– Ну, Господь пока не придумал способ сделать это. Но еще придумает.

Проступает лицо его души, сказал мистер Кейдин.

Но еще придумает…

лицо его души…

Но еще придумает…

– Грузовик едет!

– Грузовик!

По дороге приближался грузовик–пикап, бока и капот которого были обляпаны грязью. Он полз еле–еле, вокруг него волновалась толпа людей, крича и смеясь. Джош подумал, что прошло очень много времени с тех пор, как большинство из них

видели движущийся автомобиль. Он положил руку на плечо Свон, а Сестра стояла позади них, пока грузовик громыхал к ним.

– Вот она, мистер! – закричал мальчик, залезший на крыло и капот. – Вот она здесь!

Грузовик подъехал и остановился, а за ним и поток людей. Мотор его фыркал и чихал, но для людей, потирающих его ржавый металл, он казался новым сверкающим “Кадиллаком”. Водитель, мужчина с багровым лицом, в красной бейсбольной шапочке, зажавший в зубах окурок настоящей сигары, осторожно поглядывал из окна на возбужденную толпу, как будто не был вполне уверен, в какой дурдом он приехал.

– Свон вот здесь, мистер! – сказал мальчик на капоте, указывая на нее.

Он разговаривал с мужчиной, сидящим на сиденье для пассажиров.

Дверь со стороны пассажира открылась, и мужчина с вьющимися белыми волосами и неухоженной длинной бородой высунулся из нее, вытягивая голову, чтобы увидеть, на кого показывает мальчик. Его темно–карие глаза, сидящие на грубом морщинистом старом лице, осматривали толпу.

– Где? – спросил он. – Я ее не вижу!

Но Джош уже узнал, что за мужчина приехал. Он поднял руку и сказал:

– Свон здесь, Слай!

Сильвестр Мууди узнал огромного борца из Странствующего Шоу – и понял, почему он носит черную лыжную маску. Взгляд его переместился на девушку, которая стояла около Джоша, и какое–то время он не мог говорить.

– Боже милосердный! – наконец воскликнул он, и шагнул из грузовичка.

Он колебался, еще не уверенный, что это она, глядя на Джоша, и увидел, что тот ему кивает.

– Твое лицо,– сказал Слай. – Оно совсем исцелилось!

– Это произошло несколько дней назад,– сказала ему Свон. – И я думаю, что другие люди тоже начинают исцеляться.

Если бы ветер был сильнее, он мог бы упасть.

– Ты прекрасна,– сказал он. – О, Боже… ты прекрасна!

Он повернулся к грузовику и голос его задрожал.

– Билл! Девушка здесь! Это Свон!

Билл Мак–Генри, ближайший сосед Слая и владелец фургона, осторожно открыл дверцу и вышел.

– Мы на эту дорогу потратили черт знает сколько времени! – пожаловался Слай. – Еще один ухаб – и моя задница совсем бы не выдержала! К счастью, мы взяли с собой запас горючего, а то нам

пришлось бы идти пешком последние двадцать миль!

Он оглянулся, ища кого–то.

– А где ковбой?

– Мы похоронили Расти несколько дней назад,– сказал Джош. – Это на поле не очень далеко отсюда.

– Ох,– Слай нахмурился. – Мне тяжело это слышать. Ужасно жаль. Он, похоже, был приличным парнем.

– Он и был им. – Джош наклонил голову, вглядываясь в грузовик. – Что вы здесь делаете?

– Я знал, что вы собираетесь в Мериз Рест. Когда вы от меня уезжали, вы сказали, что направляетесь туда. Я решил приехать с визитом.

– Почему? Между твоим домом и этим местом по меньшей мере пятьдесят миль по плохой дороге!

– А то моя бедная задница этого не знает! Боже Милостивый, я бы предпочел сидеть на мягкой подушке.

Он потер больной крестец.

– Это не самая приятная поездка, наверняка,– согласился Джош. – Но ты это наверняка знал, прежде чем выехал. Ты не сказал, почему ты приехал.

– Нет. – Глаза его сверкали. – Но надеюсь, что вы догадаетесь.

Он пристально смотрел на хижины Мериз Рест.

– Боже, это город или сортир? Что это за ужасный запах?

– Ты здесь достаточно давно, чтобы привыкнуть к нему.

– Ну, я здесь ровно один день. Один день – это то, что мне нужно, чтобы вернуть долг.

– Долг? Какой долг?

– Который я должен Свон и тебе, за то, что ты привел ко мне Свон. – Брось это, Билл!

И Билл Мак–Генри, который обошел грузовик и был сзади, потянул полотняный брезент, который покрывал дно грузовика.

Он был полон небольших красных яблок, возможно, сотни две.

При виде яблок послышался коллективный вдох, который как волна прокатился среди наблюдателей. Запах свежих яблок напоил воздух. Слай засмеялся, смеялся до изнеможения, а потом залез в грузовик и взял лопату, которая там лежала.

– Я привез тебе яблок со своего дерева, Свон! – закричал он, и лицо его расплылось в улыбке. – Куда их тебе положить?

Она не знала, что сказать. Она раньше никогда не видела такого количества яблок, разве что в супермаркете. Они были ярко–красные, каждое размером с кулак ребенка. Она стояла просто уставившись на них, и ей казалось, что она должна выглядеть полнейшей дурой, но потом сообразила, куда она

может их деть.

– Туда,– сказала она, и указала на людей, толпившихся вокруг.

Слай кивнул.

– Да, мэм,– сказал он и лопатой стал кидать яблоки через головы.

Яблоки как дождь падали с неба, и голодные жители Мериз Рест протягивали руки, чтобы их поймать. Яблоки отскакивали от их голов, плеч и спин, но никто не сожалел; послышался рев голосов, когда из переулков и лачуг побежали другие, чтобы схватить хотя бы одно яблочко. Они плясали под дождем из яблок, подпрыгивая, крича и хлопая в ладоши. Лопата Слая Мууди продолжала работать, и все больше людей выбегало из переулков, но драки из–за драгоценного лакомства не было. Все очень стремились получить по яблоку, и по мере того как Слай Мууди бросал их в воздух, груда, казалось, почти не убывала.

Слай улыбался как в бреду, он хотел сказать Свон, что два дня назад он проснулся и обнаружил, что его яблоня нагружена сотнями яблок, ветки склонились до земли. И как только их сорвали, сразу же раскрылись новые почки, и повторился весь неправдоподобно короткий цикл. Это было самое удивительное, самое чудесное, что он видел в жизни, и это единственное дерево выглядело достаточно здоровым, чтобы дать сотни яблок – а может тысячи. У него и у Карлы уже были заполнены все корзины.

Каждый раз, когда Слай подбрасывал яблоки, следовали возгласы и смех. Толпа рассыпалась во всех направлениях, когда на них сыпались яблоки и раскатывались по земле. Толпа потеснила и разделила Свон, Сестру и Джоша. И вдруг Свон почувствовала, что ее несет с потоком толпы, как тростинку по течению реки. Она услышала, как Сестра кричит “Свон!”, но была уже футах в тридцати от Сестры, а Джош изо всех сил пытался пробиться сквозь толпу, стараясь никого не потревожив.

В плечо Свон попало яблоко, упало на землю и откатилось на несколько футов. Прежде чем ее унесло снова, она наклонилась поднять его, и когда она взяла яблоко, то в трех футах от себя увидела ноги в стоптанных коричневых ботинках.

Она ощутила холод. Пронизывающий до костей холод.

И она уже знала, кто это…

Сердце у нее забилось. Паника прошла волной по спине. Человек в коричневых ботинках не двигался, и люди его не толкали; они избегали его, как будто отпугиваемые холодом. Яблоки продолжали падать на землю, толпа волновалась, но никто не поднимал яблоки, которые лежали между Свон и этим

человеком, который следил за ней.

Ее первым, почти подавляющим желанием, было закричать, позвать на помощь Джоша или Сестру – но она чувствовала, что именно этого он и ждет. Как только она выпрямится и откроет рот, горящая рука окажется у нее на шее.

Она точно не знала, что делать, была так напугана, что чуть не плакала. Но потом сжала зубы и медленно, осторожно встала с яблоком, зажатым в руке. Она посмотрела на него, потому что ей хотелось видеть лицо человека с алым глазом.

Он носил маску тощего черного мужчины, одетого в джинсы и тенниску под оливково–зеленой курткой. Вокруг шеи был намотан алый шарф, а его пронизывающие ужасные глаза были как бледные янтари.

Его взгляд застыл, и когда он ухмыльнулся, она увидела у него во рту блеск серебряного зуба.

Сестра была слишком далеко. Джош еще только пробирался сквозь толпу. Человек с алым глазом стоял в трех футах, и Свон казалось, что все кружатся вокруг них в кошмарном медленном движении, что только она и этот человек стоят неподвижно. Она знала, что должна сама решить собственную судьбу, потому что не было никого, кто бы мог помочь ей.

И она чувствовала что–то еще в глазах этой маски, которую он носил, что–то за холодным змеиным блеском зла, что–то более глубокое… и почти человеческое. Она вспомнила, что видела то же самое в глазах Дяди Томми в тот вечер, когда он вырвал ее цветы, еще семь лет назад там, в Канзасе, на трейлерной автостоянке; это было что–то блуждающее, горячее, навеки скрытое от света и безумное, как тигр в темной клетке. Это была тупая надменность и ублюдочная гордость, глупость и ярость, разгоревшиеся до атомного пожара. Но также было что–то от маленького мальчика, потерявшегося и плачущего.

Свон его знала. Знала, что он делал и что он сделает. И в этот момент узнавания она подняла руку, коснулась его и предложила ему яблоко.

– Я прощаю вас,– сказала она.

Его улыбка скривилась, как отражение во вдруг разбившемся зеркале.

Он неуверенно моргнул, в его глазах Свон увидела огонь и жестокость, сжатую боль и человеческое страдание такое неистовое, что ее сердце чуть не разорвалось на кусочки. Он был весь как вопль, заключенный в ненадежную, слабую, дефектную вещь, скрежещущую за чудовищным фасадом. Она увидела, из чего он сделан, и поняла его очень хорошо.

– Возьмите,– сказала она ему, ее сердце колотилось, но она

знала, что он на нее набросится при первых признаках страха. – Сейчас это можно.

Ухмылка исчезла. Глаза его перебегали с ее лица на яблоко и обратно, как метроном смерти.

– Возьмите,– подтвердила она, и кровь так отчаянно стучала у нее в голове, что она не могла себя слышать.

Он пристально смотрел ей в глаза – и Свон почувствовала, что он как будто замораживающим ледяным копьем прощупывает ее душу. Небольшие проколы туда и сюда, а потом темный просмотр ее воспоминаний. Как будто вторгаясь в каждый момент ее жизни, подхватывая и пачкая грязными руками, а потом отбрасывал. Но она уверенно и непоколебимо выдержала его взгляд и не отступила перед ним.

Яблоко снова привлекло его взгляд, и холодное прокалывание ледяной иглой, пронизавшее душу Свон, прекратилось. Она увидела, что глаза его что–то заволокло, а рот открылся, из этого рта выползла зеленая муха, которая слегка покружилась вокруг ее головы и упала в грязь.

Рука его стала подниматься, Медленно, очень медленно.

Свон смотрела и чувствовала, что она поднимается как голова кобры. Она ждала, что сейчас рука воспламенится. Но она не воспламенилась.

Его пальцы потянулись за яблоком.

И Свон увидела, что рука у него дрожит.

Он почти взял его.

Почти.

Другая его рука резко дернулась и схватила за запястье, отдернула назад и прижала под подбородок. Он издал задыхающийся стон, прозвучавший как ветер, прорывающийся по зубчатым стенам замка Ада, глаза его почти вылезли из орбит. Он отпрянул от Свон, зубы его заскрежетали и на мгновение он потерял контроль: один его глаз побледнел до голубого цвета, а на черной плоти проявились полосы белого пигмента. На правой щеке, как шрам, широко зиял второй рот, полный блестящих белых шишечек.

В его глазах была и ненависть, и ярость, и страстное желание того, чего никогда быть не может.

Он повернулся и побежал, и сразу же пропало временное оцепенение, и толпа снова закружилась вокруг Свон, подбирая остатки яблок.

Джош был уже в нескольких шагах, стараясь пробраться, чтобы защитить ее. Но все уже было в порядке, она это знала. Ей уже не нужна была защита.

Кто–то другой выхватил яблоко из ее рук.

Она смотрела в лицо Робина.

– Я надеюсь, что это для меня,– сказал он и улыбнулся, прежде чем откусить.

Он бежал по грязным переулкам Мериз Рест, с рукой зажатой под подбородком, и сам не знал, куда направляется. Рука была напряжена и дрожала, как будто стараясь освободиться по своей воле. Собаки убегали с его дороги, а потом он запутался в развалинах, упал в грязь, встал и, шатаясь, отправился дальше.

Если бы кто–нибудь видел его лицо, он бы был свидетелем тысячи превращений.

– Слишком поздно! – восклицал он про себя. – Слишком поздно! Слишком поздно!

Он предполагал зажечь ее прямо там, среди всех, и смеяться, глядя на ее пляску. Но посмотрев ей в глаза, увидел прощение и не смог этого вынести. Прощение даже для него.

Он собирался было взять яблоко; какой–то краткий миг он его хотел, как будто бы делая первый шаг по тесному коридору, который ведет к свету. Но потом ярость и боль вспыхнули в нем, и он почувствовал, что начинают качаться сами стены вселенной и стопориться колеса времени. Слишком поздно! Слишком поздно!

Но, он сказал себе, что ему никто не нужен, и ничто не нужно для того, чтобы выжить. Он уже многое стерпел и еще стерпит, это теперь его участь. Он всегда шел в одиночестве. Всегда один. Всегда…

С окраины Мериз Рест эхом донесся вопль, и те, кто его слышал, подумали, что с кого–то живьем снимают кожу.

Но большинство было занято тем, что собирали яблоки, ели их, смеясь и крича, и ничего не слышали.

Глава 71. Визит к Спасителю

Кольцо из факелов светилось в ночи, горя по периметру вокруг площадки для парковки в пятнадцати милях к югу от развалин Линкольна, штат Небраска. В центре площадки стоял комплекс кирпичных зданий, соединенных крытыми переходами, со световыми люками и вентиляторами, установленными в плоских крышах. На одном из зданий, которое выходило на шоссе номер 77 с южной стороны, была надпись из ржавых металлических букв, название какого–то магазина, которые гласили: “Сарсапарь”.

На западном краю площадки дважды вспыхнули фары “Джипа”. Примерно через двадцать секунд последовала ответная двойная вспышка фар пикапа–грузовика с бронированным

ветровым стеклом, припаркованного у одного из входов на площадку.

– Это сигнал,– сказал Роланд Кронингер. – Пойдем.

Джад Лаури медленно вел “Джип” по площадке по направлению к фарам, которые становились все ближе по мере того как пикап приближался. Шины, двигаясь по кирпичам, издавали резкий звук по кускам железа, старым костям и другим обломкам, которые устилали засыпанный снегом бетон. На сиденье позади Роланда сидел солдат с автоматической винтовкой, у Лаури в кобуре на плече был пистолет калибра 9 мм, но Роланд был не вооружен. Он следил, как постепенно сокращалось расстояние между машинами. И у “Джипа”, и у грузовика на радиоантеннах развевались белые куски ткани.

– Они никогда не выпустят вас отсюда живым,– сказал почти небрежно Лаури. Он быстро посмотрел на лицо капитана Кронингера, забинтованное и скрытое капюшоном пальто. – Для чего вы нас сюда взяли?

Скрытое лицо медленно повернулось к Лаури. – А мне нравятся острые ощущения.

– Да. Похоже, что это у вас будет… сэр.

Лаури провел “Джип” мимо кузова сгоревшей машины и нажал на тормоза. Грузовик был примерно в пятидесяти футах и стал замедлять ход. Машины остановились на расстоянии тридцать футов.

Со стороны грузовика не было никакого движения.

– Мы ждем! – крикнул из окна Роланд, дыхание паром вырвалось с его шишковатых губ.

Секунды проходили без всякого ответа. А потом открылась дверь со стороны пассажирского места и вышел блондин в темно–синей парке, коричневых брюках и ботинках. Он сделал несколько шагов от двери и навел на ветровое стекло “Джипа” ружье.

– Спокойно,– предупредил Роланд, когда Лаури полез за своим 9–мм калибром.

Из грузовика вышел еще один человек и встал рядом с первым. Он был стройный, с коротко остриженными волосами, и поднял вверх руки, чтобы показать, что он не вооружен.

– Ладно! – сказал тот, что с ружьем, раздражаясь. – Начинайте дело!

Роланд боялся. Но он уже давно научился тому, как подавить в себе ребенка Роланда и призвать сэра Роланда: авантюриста на службе Короля, да исполнится воля Короля, аминь. Его ладони в перчатках были влажные, но он открыл дверь и вышел.

За ним следом вышел солдат с автоматической винтовкой и

встал рядом в нескольких футах, целясь в вооруженного мужчину.

Роланд быстро взглянул на Лаури, чтобы убедиться, что этот дурак не собирается стрелять, и пошел к грузовику. Мужчина с темными волосами пошел по направлению к “Джипу”, его нервные глаза метали молнии. Два человека шли, не глядя один на другого, и человек с ружьем схватил руку Роланда примерно в то же самое время, когда солдат АСВ толкнул пленника в сторону “Джипа”.

Роланда заставили наклониться к “Джипу”, развести руки и ноги и подвергли обыску. Когда все было закончено, человек развернул его, и упер дуло ружья ему под подбородок.

– Что с твоим лицом? – требовательно спросил он. – Что под этими повязками?

– Я сильно обгорел,– ответил Роланд. – Вот и все.

– Мне это не нравится!

У него были гладкие, тонкие, светлые волосы, неприятные голубые глаза, как у маньяка.

– Несовершенство – это работа Сатаны и хула Господу!

– Сделка уже совершена,– сказал Роланд. Заложника Американской Верности уже затолкали в “Джип”. – Спаситель меня ждет.

Человек сделал паузу, нервную и неуверенную. А потом Лаури стал двигаться задним ходом, завершая все дело. Роланд не знал, хорошо он поступает или глупо.

– Залезай!

Солдат Американской Верности грубо затолкал его в кабину грузовика, где Роланд сидел, зажатый между ним и громоздким водителем с черной бородой. Грузовик развернулся на площадке и поехал обратно.

Сквозь узкую щель в бронированном ветровом стекле Роланд видел другие машины, защищающие крепость Американской Верности: бронированный грузовик, со все еще едва различимой надписью на борту, “Джип” с установленным вместо заднего сиденья пулеметом, тракторный прицеп, оборудованный для десятка гнезд для стрельбы – и из каждого выглядывало дуло винтовки или пулемета,– почтовый фургон с металлической башней с бойницами наверху, еще легковые машины и грузовики, и, наконец, машина, от которой у Роланда в горле застрял комок, как куриное яйцо – длинный противного вида танк, покрытый цветастыми надписями вроде “Любим безумца” и “Спаситель жив!”. Главное орудие танка, как заметил Роланд, было направлено на трейлер полковника Маклина, где сейчас находился его несостоятельный Король, страдая от лихорадки, поразившей его прошлой ночью.

Грузовик прошел между танком и еще одним вооруженным автомобилем, проехал по обочине и продолжал двигаться по склону, въезжая на площадку со стороны открытого темного пространства, где раньше были стеклянные двери.

Фары осветили широкую центральную часть площадки, где по обеим сторонам стояли лавочки, давно уже разграбленные и разрушенные. Солдаты с винтовками, пистолетами и ружьями махали грузовику рукой, в центральном коридоре и в лавочках горели сотни фонарей, отбрасывая мерцающие оранжевые блики по всему зданию, как на вечеринке в честь праздника Всех Святых. Роланд также увидел сотни палаток, втиснутых где только можно, оставивших только проезд, по которому и ехал грузовик. Роланд понял, что на этой площадке разбила палатки вся Американская Верность, а когда грузовик свернул в широкий освещенный дворик, он услышал пение и увидел огонь костра.

В дворик было втиснуто, возможно, до тысячи человек, которые ритмично хлопали в ладоши, пели и качались вокруг большого костра, дым от которого уходил вверх через разбитое стекло. Почти у всех у них были заброшенные за плечо винтовки, и Роланд знал, что одной из причин, по которой Спаситель пригласил офицера АСВ, было желание продемонстрировать свое вооружение и войска. Но причиной, по которой Роланд принял приглашение курьера, было желание обнаружить слабое место в крепости Спасителя.

Грузовик не стал въезжать во дворик, а продолжил движение по другому коридору, который уходил в сторону. По бокам коридора также находились разграбленные лавочки, но теперь они были заполнены палатками, железными бочками с бензином и топливом, тем, что выглядело как контейнеры с консервированной пищей и водой в бутылках, одеждой, оружием и другими запасами. Грузовик остановился у одной из лавочек. Блондин с ружьем вышел и сделал знак Роланду следовать за ним. Перед тем как войти, Роланд заметил над входом разломанные остатки вывески, которая когда–то гласила: “Книжный магазин Далтона”.

Над стойкой кассира, где оба аппарата были разбиты вдребезги, горели три лампы. Стены у магазина были обгорелыми, и ботинки Роланда хрустели по остаткам обуглившихся книг. На полках не оставалось ни одной книги, ни одной таблицы, все было свалено в кучу и сожжено. Еще несколько фонарей горело у задней информационной стойки, и мужчина с ружьем толкнул Роланда по направлению к закрытой двери в склад, где по стойке смирно стоял еще один солдат Американской Верности с автоматом. Когда Роланд приблизился,

он опустил винтовку и щелкнул предохранителем.

– Стой,– сказал он.

Роланд остановился.

Солдат постучал в дверь.

Выглянул низенький лысый человек с узкими лисьими чертами лица. Он тепло улыбнулся.

– Привет, вы уже здесь! Он скоро будет готов увидеться с вами. Он хочет знать ваше имя.

– Роланд Кронингер.

Человек втянул голову обратно в комнату и закрыл зверь. Потом она вдруг открылась, и лысый спросил:

– Вы еврей?

– Нет.

А потом стянул капюшон с головы Роланда.

– Смотрите! – сказал человек с ружьем. – Передайте ему, что они послали какого–то больного!

– Ох. Ох, милый,– и другой посмотрел раздраженно на забинтованное лицо Роланда. – Что с вами, Роланд?

– Я обгорел, семь…

– Да это лжец с раздвоенным языком, брат Норман! – Дуло ружья уперлось в твердые наросты на черепе Роланда. – У него Чертова Проказа!

Брат Норман нахмурился и сочувственно почмокал губами.

– Подождите минутку,– сказал он и снова скрылся за дверью склада.

Потом вернулся, приблизился к Роланду и сказал:

– Откройте, рот.

– Что?

Ружье толкнуло его в череп.

– Выполнять.

Роланд повиновался. Брат Норман улыбнулся.

– Хорошо. Теперь высуньте язык. О, я думаю, что вам нужна новая зубная щетка!

Он положил на язык Роланда маленькое серебряное распятие.

– Теперь подержите это несколько секунд во рту, хорошо? Не проглотите!

Роланд передвинул распятие по языку и закрыл рот.

Брат Норман одобрительно улыбнулся.

– Это распятие благословлено Спасителем,– объяснил он. – Оно особое. Если в вас есть какая–то порча, то оно потемнеет, когда вы откроете рот. А если оно потемнеет, брат Эдвард вышибет из вас мозги.

Глаза у Роланда за очками мгновенно расширились.

Прошло примерно секунд сорок.

– Откройте! – объявил веселым голосом брат Норман.

Роланд открыл рот, медленно высунул язык и стал наблюдать за реакцией на лице мужчины.

– Догадываюсь,– сказал брат Норман.

Он снял распятие с языка Роланда и поднял его.

– Вы выдержали это испытание! Спаситель сейчас с вами увидится.

Брат Эдвард в последний раз хорошенько толкнул Роланда в голову, и Роланд последовал за братом Норманом в помещение склада. Пот струйками тек по спине Роланда, но внутренне он был спокоен и беспристрастен.

Освещенный лампой на стуле, перед столом сидел мужчина с вьющимися, зачесанными назад седыми волосами, в обществе мужчины и молодой женщины. В комнате находились еще два или три человека, все стояли за пределами освещенного участка.

– Привет, Роланд,– тихо сказал седоволосый человек, сидящий в кресле, и в улыбке скривил левый уголок своего рта; он очень спокойно держал голову, и Роланду был виден только его левый профиль – высокий аристократический лоб, сильно крючковатый нос, прямые седые брови над ясными голубыми глазами, чисто выбритые щеки, челюсть и мощный как молоток подбородок. Роланд подумал, что ему уже под шестьдесят, но на первый взгляд у него было крепкое здоровье и неиспорченное лицо. На нем был полосатый костюм с жилетом и голубым галстуком, и выглядел он так, словно готовился к выступлению по кабельному телевидению. Но при более близком рассмотрении Роланд увидел протертые заплатки то тут, то там на трущихся местах пиджака, и кожаные кусочки, пришитые на коленях. Спаситель носил походные ботинки. На шее висели, покачиваясь спереди на жилете, примерно двенадцать или пятнадцать серебряных и золотых распятий на цепочках, некоторые усыпанные драгоценными камнями. Крепкие руки Спасителя были украшены полудюжиной сверкающих бриллиантовых колец.

Мужчина и молодая женщина, пользующиеся его вниманием, с карандашами и аппликаторами работали над его лицом. Роланд увидел на столе открытый набор с макияжем.

Спаситель слегка поднял голову, чтобы женщина могла попудрить шею.

– Через пять минут я собираюсь предстать перед своими людьми, Роланд. Они сейчас поют в честь меня. У них голоса, как у ангелочков, не правда ли?

Роланд не ответил, и Спаситель слабо улыбнулся.

– Сколько времени прошло с тех пор, как ты слышал музыку?

– У меня есть своя,– ответил Роланд.

Спаситель повернул голову направо, пока мужчина подрисовывал ему бровь.

– Я люблю выглядеть как можно лучше,– сказал он. – Для запущенного вида не может быть никаких извинений, даже в наше время, в эти дни. Мне хочется, чтобы мои люди смотрели на меня и чувствовали уверенность. А уверенность – хорошая вещь, не так ли? Она означает, что вы сильны и что вы можете справиться с ловушками, которые расставил вам Сатана. О, Роланд, Сатана сейчас очень занят – да, в эти дни! – Он сложил руки на коленях. Конечно, Сатана имеет множество лиц, множество имен,– и одним из этих имен может быть Роланд, не так ли?

– Нет.

– Но Сатана всегда лжет, так чего мне ждать?

Он засмеялся, и все другие засмеялись. Когда он кончил смеяться, он позволил женщине наложить румяна на левую щеку.

– Хорошо, Сатана,– я имею в виду, Роланд,– скажите мне, что вы хотите. И еще скажите мне, почему вы и ваша армия, состоящая из демонов, преследовали нас последние два дня, и почему вы сейчас нас окружили. Если бы я что–нибудь знал о военной тактике, я бы мог подумать, что вы собираетесь начать осаду. Мне бы не хотелось так думать. Это может меня расстроить, если думать об этих всех бедных демонах, которые умрут за своего Хозяина. Говори, Сатана!

Голос его щелкнул как кнут, и все в комнате, кроме Роланда, подпрыгнули.

– Я капитан Роланд Кронингер из Армии Совершенных Воинов. Полковник Маклин – мой старший офицер. Нам нужен ваш бензин, топливо, еда и оружие. Если вы дадите нам это в течение шести часов, то мы отойдем и оставим вас в покое.

– Вы хотите сказать, что оставите нас разделанными на кусочки? – усмехнулся Спаситель, и почти повернул лицо к Роланду, но женщина пудрила ему лоб. – Армия Совершенных Воинов? Кажется, я слышал о вас. Я считал, что вы в Колорадо.

– Мы перебазировались.

– Да, это то, что обычно делают армии, верно? Нам уже приходилось встречаться с “армиями”,– сказал он, с отвращением выговаривая это слово. – У некоторых из них не хватало обмундирования и было мало оружия, и все они ломались, как бумажные куклы. Ни одна армия не может устоять перед Спасителем, Роланд. Возвращайтесь и скажите своему “старшему офицеру”. Скажите ему, что я буду молиться за ваши души.

Сейчас от Роланда отделаются. Он решил испробовать другую тактику. – Кому вы собираетесь молиться? Богу на

вершине горы Ворвик?

Тишина. Двое гримеров замерли и посмотрели на Роланда. Он слышал в наступившей тишине, как дышит Спаситель.

– Брат Гэри присоединился к нам,– спокойно продолжал Роланд. – Он все нам рассказал – куда вы собираетесь и зачем.

Под убедительным воздействием Роланда в черном трейлере, Гэри Кейтс повторил свой рассказ о Боге, живущем на вершине горы Ворвик, в Западной Виржинии, и что–то о черном ящике и серебряном ключе, который должен решить, будет жить Земля или умрет. Даже пытка не смогла изменить его рассказ. Верный своему слову, Маклин оставил ему жизнь, и с брата Гэри содрали кожу и повесили за лодыжки на флагштоке перед почтой в Саттоне.

Тишина затянулась. Наконец Спаситель тихо сказал:

– Я не знаю никакого брата Гэри.

– Но он вас знает. Он сказал нам, сколько у вас солдат. Он сказал о двух танках. Один из них я видел, и подозреваю, что другой где–то поблизости. Брат Гэри – это настоящий кладезь информации! Он сказал мне о брате Тимоти, который ведет вас к горе Ворвик, чтобы найти Бога.

Роланд улыбнулся, показывая между складками повязок плохие зубы.

– Но Бог ближе, чем Западная Виржиния. Гораздо ближе. Он прямо здесь, и он взорвет вас к чертям, если вы через шесть часов не дадите нам того, что нам нужно.

Спаситель сидел очень тихо. Роланд увидел, что он дрожит. Увидел, что левая сторона его рта дергается, а левый глаз начинает выпучиваться, как будто выталкиваемый вулканическим давлением.

Спаситель оттолкнул двух гримеров в сторону. Голова его повернулась к Роланду – и Роланд увидел обе стороны его лица.

Левая сторона была совершенна, оживленная краской и припудренная. Правая сторона была кошмарным шрамом, плоть вываливалась из ужасной раны, глаз был белым и мертвым, как речной булыжник.

Живой глаз Спасителя уставился на Роланда как в час Страшного Суда, он встал, схватил стул и швырнул его через комнату. Он приблизился к Роланду, маленькие распятия качались у него на шее, и поднял кулак.

Роланд продолжал стоять на месте.

Они пристально смотрели в глаза друг друга, и стояла глубокая, гулкая тишина, подобная той, которая бывает перед столкновением неодолимой силы и несокрушимой преграды.

– Спаситель! – сказал голос. – Он дурак и старается поймать

тебя на крючок.

Спаситель вздрогнул. Глаза его моргнули, и Роланду почудилось, что он видит, как у того в голове вертятся колесики, снова стараясь связать все вместе и понять.

Из мрака справа от Роланда появилась фигура. Это был высокий мужчина хрупкого вида, под тридцать, с зачесанными назад темными волосами над глубоко посаженными карими глазами. Со лба назад зигзагом, подобно молнии, шел шрам от ожога, и вдоль него волосы побелели.

– Не трогай его, Спаситель,– сказал он тихо и настоятельно. – У них брат Кеннет.

– Брат Кеннет? – Спаситель покачал головой в недоумении.

– Вы послали брата Кеннета в заложники в обмен на этого человека. Брат Кеннет – хороший механик. Мы же не хотим что бы ему было плохо?

– Брат Кеннет,– повторил Спаситель. – Хороший механик. Да. Он хороший механик.

– Вам пора идти,– сказал человек. – Они поют для вас.

– Да. Поют для меня. – Спаситель посмотрел на свой кулак, зависший в воздухе, разжал его и позволил руке упасть вдоль тела. Затем он уставился в пол, левый уголок его губ дергался в бегающей улыбке.

– Боже мой, боже мой,– нервничал брат Норман,– давайте скорее закончим работу, детки! Он сейчас находится здесь, и мы хотим, чтобы он выглядел уверенным.

Еще двое неожиданно возникли из тени, взяли руку Спасителя и повернули его кругом, как марионетку. Артистический грим был закончен.

– Ты глупый, дурной язычник,– сказал Роланду человек в очках. – Должно быть, тебе очень хочется умереть.

– Мы всем покажем, кто должен умереть, а кто будет жить, когда пройдет шесть часов.

– Бог находится на горе Ворвик. Он живет около вершины, где расположены угольные рудники. Я видел его. Я его касался. Меня зовут брат Тимоти.

– Бог для тебя.

– Ты можешь пойти с нами, если хочешь. Ты можешь присоединиться к нам и пойти искать Бога, и узнать, как слабые умрут в последний час. Он все еще будет там, ожидая нас. Я знаю, он будет.

– И когда намечается последний час?

Брат Тимоти улыбнулся:

– Это знает только Бог. Но он показал мне, как огонь польется с небес. И в этом дожде потонул бы даже Ноев Ковчег. В

последний час все несовершенные и слабые будут чисто вымыты, и мир будет снова свежим и новым.

– Правильно,– сказал Роланд.

– Да, это правильно. Я был с Богом семь дней и семь ночей на горе Ворвик. И он научил меня молитве, которую надо произнести в последний час.

Брат Тимоти закрыл глаза, блаженно улыбаясь, а затем продолжил:

– Вот Беладонна, Владычица Скал, Владычица обстоятельств. Вот человек с тремя опорами, вот Колесо, а вот одноглазый купец, эта карта – пустая то, что купец несет за спиной, от меня это скрыто. Но я не вижу Повешенного. Ваша смерть от воды.

И когда он открыл глаза, в них блестели слезы.

– Прогоните отсюда Сатану! – закричал Спаситель. – Выгоните его.

– Шесть часов,– произнес Роланд, но в его мозгу молитва о последнем часе звучала как память о похоронном колоколе.

– Стань предо мной, Сатана, стань предо мной, Сатана, стань предо мной, Са… – Спаситель интонировал, и затем Роланд был выведен из этой комнаты и передан снова брату Эдварду для прогулки обратно. Роланд запечатлевал все, что он видел, в своем мозгу, чтобы доложить полковнику Маклину. Он не обнаружил явных слабых зон, но когда он сел рисовать картину того, что он увидел, то по крайней мере одна вещь стала очевидной. Сигнал фар был повторен. Роланда возвратили в “Джип”, и снова он и брат Кеннет прошли, не глядя друг на друга. Затем он был в “Джипе” и с облегчением вздохнул еще раз, когда Джад Лаури поехал в сторону огней лагеря АСВ.

– Повеселился? – спросил его Лаури.

– Доставь меня быстро в штабной пункт. – Но я не вижу Повешенного, думал Роланд. Молитва Богу в последний час казалась ему чем–то знакомой – но это не было молитвой. Нет. Это было… Это было…

Вокруг трейлера полковника происходило какое–то движение. Охрана была не построена, и один из них стучал в дверь прикладом винтовки. Роланд выскочил из “Джипа”, как только он замедлил ход, и побежал к трейлеру.

– Что происходит?

Один из охранников поспешно отдал честь.

– Полковник заперся изнутри, сэр! Мы не можем открыть дверь, и… ну… вам лучше услышать это самому.

Роланд прошел несколько шагов, отодвинул другого охранника в сторону и прислушался.

Звуки от ломания мебели и битья стекла проходили через

решетчатую металлическую дверь. Затем там послышалось чуть ли не звериное завывание, которое вызвало дрожь, пробирающую даже спинной мозг Роланда Кронингера.

– Боже! – сказал Лаури, белея,– там вместе с ним какое–то животное!

Последний раз, когда Роланд видел полковника, он был неподвижно лежачим больным и горел в лихорадке.

– Кто–то был с ним все это время! – подумал Роланд. – Что случилось?

– Я только отошел на пять минут, чтобы покурить! – сказал другой охранник, и в его глазах промелькнуло ужасное понимание того, что ему придется дорого заплатить за эту сигарету.

– Это было только пять минут, сэр!

Роланд постучал в дверь своим кулаком.

– Полковник! Полковник! Откройте! Это Роланд!

Шум перешел в гортанное хрюканье, которое по звучанию напоминало чудовищный эквивалент всхлипываний. Что–то еще разбилось вдребезги, а затем там воцарилась тишина.

Роланд постучал в дверь еще, отошел назад и приказал охранникам отпереть ее, или ему придется вышибить ее с петель.

Но кто–то тихо подошел и рука, сжимающая нож с тонким лезвием, оказалась у дверного отверстия.

– Не возражаете, если я попробую, капитан? – воздух свистел через отверстие, где раньше был нос Альвина Мангрима.

Роланд испытывал отвращение от одного его виду, а также от его чертового безобразного карлика, который, стоя в нескольких футах от них, все время подпрыгивал. Но все же это было лучше стрельбы, и Роланд сказал: – Иди вперед.

Мангрим занялся замочной скважиной с помощью лезвия. Он начал поворачивать нож вперед и назад, как воровскую отмычку.

– Если он закрыл на засов, то из этого не выйдет ничего хорошего,– сказал он,– посмотрим.

– Делай, что знаешь.

– Ножи знают мое имя, капитан. Они говорят со мной и говорят мне, что надо делать. Вот этот говорил со мной только что. Он сказал: “Легкость, Альвин, только настоящая легкость сотворит эту шутку”.

Он аккуратно повернул лезвие, и показалась щель.

– Видите?

Засовы не были задвинуты, и дверь открылась.

Роланд зашел в затемненный трейлер следом за Лаури и Мангримом.

– Нам нужен свет!

Роланд крикнул, и охранник, который выклянчивал сигарету, зажег свой фонарь и дал его им.

В передней комнате был полный кавардак, стол для карт был перевернут, стул разломан на кусочки, валялись пули, а также отлетевшие от стенной рамы и разбившие вдребезги фонари и большое количество мебели.

Роланд вошел в спальню, которая была также разорена. Полковника Маклина там не было, но свет высветил что–то, что показалось на первый взгляд кусочком серого вещества, лежащего на жаропонижающей подушке. Он поднял одну и из них осмотрел ее. Он не мог точно определить, что это было; но какое–то количество желеобразной массы осталось на его пальцах, и Роланд отложил кусочек в сторону.

– Он не возвращался сюда! – процедил Лаури из другого угла трейлера.

– Он должен быть где–то здесь! – крикнул Роланд назад, и когда его голос унесся прочь, он что–то услышал.

Это был звук хныканья, который исходил из туалета в спальне.

– Полковник? – всхлипывания прекратились, но Роланд мог все еще слышать нервное, испуганное дыхание.

Роланд подошел к туалету, положил руку на ручку и начал поворачивать ее.

– Убирайтесь прочь, мерзавцы! – раздался голос за дверью.

Роланда передернуло. Этот голос был кошмарной насмешкой над голосом полковника Маклина. Он звучал так, словно полковнику перерезали горло опас – ной бритвой.

– Я… вынужден открыть дверь, полковник.

– Нет… нет… пожалуйста, уходите! – затем вновь послышались гортанные звуки, и Роланд понял, что он плачет.

Позвоночник Роланда окаменел. Он ненавидел, когда Король выглядел слабым.

Не пристало Королю вести себя так. Королю никогда не следует проявлять слабость, никогда! Он повернул дверную ручку и толчком открыл туалетную дверь, держа фонарик впереди, чтобы видеть, что там внутри.

От того что Роланд увидел в комнате, он пронзительно вскрикнул.

Отходя назад, он все еще кричал, так как в туалете был дьявол – дьявол, одетый в форму полковника Маклина. Он выпрямился и, безумно улыбаясь, начал вставать.

Куски кожи упали с лица и головы полковника, и, когда Роланд отошел комнату, он понял, что такие же разорванные куски лежали на подушке.

Лицо Маклина было словно вывернуто наизнанку. Тело было белым, нос вывернут наружу; вены, мускулы, кости, хрящи исчезли с поверхности его лица – оно поворачивалось и дергалось, когда он открывал эти ужасные челюсти, чтобы смеяться диким смехом, похожим на царапанье когтей по стеклу.

Его зубы были выгнуты зазубренными страшными краями, десны испещрены и желты. Вены на лице были такими же толстыми, как черви, бегающие и извивающиеся вдоль его костлявых щек, за отверстиями его красивых и сверкающий льдом голубых глаз, вдоль лба и назад, в его пышную шевелюру седых волос. Это выглядело так, словно все его тело либо вывернулось, либо сгнило, и представшее перед ними было чем–то по роду близко к живому черепу. Ничего подобного Роланд никогда не видел.

Он смеялся, и его идиотски торчащие челюсти и мускулы дергались и прыгали. Вены пульсировали как при высоком кровяном давлении. Но когда он смеялся, в его глазах поблескивали слезы, и он начинал возить своими руками по стене снова и снова, ломая ногти о панель.

Лаури и Мангрим тоже вошли в комнату. Лаури остановился недалеко, когда он увидел чудовище в одежде полковника Маклина, и он коснулся своего 9–мм, но Роланд перехватил его кисть.

Мангрим только улыбнулся:

– Пойдем отсюда, ребята!

Глава 72. Леди

Сестра мечтала, сидя на солнце. Оно светила жарко в ослепляющем голубом небе, и она вновь реально могла видеть свою тень. Солнечные ласкающие лучи играли на ее лице, забирались во все черточки и морщинки, просачивались сквозь кожу в кости. О, Боже! – думала она. Она чувствовалось это так хорошо, а ведь она уже и не надеялась когда–нибудь увидеть голубое небо и свою собственную тень под собой. Летний день обещал быть жарким, и лицо Сестры уже покрылось потом, но это тоже было хорошо. Видеть небо, уже не покрытое облаками, и окружающую местность было одним из счастливейших моментов в ее жизни, и если бы ей пришлось умереть, она попросила бы Бога разрешить ей умереть в лучах солнца.

Она протянула руки к солнцу и громко и радостно закричала, потому что ужасная зима наконец–то закончилась.

Сидя на стуле перед кроватью, Пол Торсон подумал, что он вроде бы слышал, как Сестра что–то сказала – но это был только

сонный шепот. Он потянулся вперед, прислушиваясь, но Сестра молчала. Воздух вокруг нее, казалось, взорвался теплом, хотя ветер снаружи пронизывал пространство вокруг стен домика, а температура упала сильно ниже нуля сразу же после наступления темноты. Тем утром Сестра сказала Полу, что чувствует слабость, и еще она сказала, что будет продолжать ходить целый день, до тех пор, пока лихорадка совсем не свалит ее; она совсем упала духом, а теперь спала, увядая от горячечного бреда, вот уже шесть часов.

Во сне, подумал он, Сестра продолжала держать кожаный футляр со стеклянным кольцом, и даже Джош не смог бы разжать ее хватки.

Пол знал, что сейчас она находится очень далеко со своим стеклянным кругом, смотрит в него, защищает его от внешних посягательств, она еще не готова оставить его.

Пол догадывался, что обнаружение Свон будет означать конец их поискам мечты. Но утром он увидел, что Сестра вглядывается в даль стекла так же, как она это делала перед тем, как они достигли Мериз Рест. Он видел свет, сверкающий в ее глазах, и он знал что значит этот ее взгляд: кольцо уводило ее вновь далеко–далеко, где она путешествовала в своих мечтах, где–то выше сферы понимания и воображения Пола. Потом, когда Сестра возвращалась, а это обычно происходило через пятнадцать–двадцать секунд, она только качала головой и ничего не говорила об этом. Она убирала стеклянное кольцо обратно в кожаный футляр и больше в него не смотрела. Но Пол видел, что Сестра была взволнована, и он знал, что в это время в ее мечту вторгалось что–то темное и нехорошее.

– Как она? – Свон стояла в нескольких футах от него, и он не знал, как долго она уже здесь находилась.

– Без изменений,– сказал он. – От нее идет такой жар, как от огня.

Свон подошла к постели. Теперь она была знакома с симптомами этой болезни. Через два дня после того как Сильвестр Мууди привез свой подарок с яблоками, она и Джош видели еще восьмерых с маской Иова, которые провалились в горячечный коматозный сон. Потом все взрослое население Мериз Рест было потрясено открывшими лицами семерых из них – их кожа была неузнаваема, а лица не такими, какими они были раньше. Но восьмой был другим.

Это был человек по имени Де Даурен, который жил один в маленькой хижине на восточной окраине Мериз Рест. Джош и Свон были вызваны соседом, который нашел Де Даурена, лежащим на грязном полу сарая, без движения и в горячке. Джош

поднял мужчину и отнес его через сарай на тюфяк – тяжелый вес Джоша отдавался при каждом его шаге в поверхности пола. Когда Джош отжал одну из досок пола, он почувствовал запах гниющего тела и увидел что–то мокрое и светлое во мраке. Он засунут в образовавшуюся дыру свою руку и вытащил отрезанную человеческую руку с обгрызенными пальцами. В тот же момент маска Де Даурена потрескалась, и под ней обнаружилось что–то черное и рептилеобразное. Человек сел, скрючившись, и как только он осознал, что его запасы еды были раскрыты, он бросился по полу, клацая на Джоша острыми маленькими клыками. Свон была далеко, там, где лежали другие люди, остававшиеся еще в масках Иова. Джош схватил его со спины за шею и выкинул вон за дверь. И последнее, что они видели, был Де Даурен, скрывшийся в лесу и царапающий руками свое лицо.

Трудно было сказать, сколько тел было спрятано вокруг и под половыми досками лачуги и кем эти люди были. Потрясенные соседи Де Даурена говорили, что он всегда был тихим, спокойным человеком, который и мухи не обидит. По предложению Свон, Джош поджег лачугу и спалил ее до самого основания. После возвращения в дом Глории Джош почти час отскребал руки, до тех пор, пока на них не осталось и следов грязи от кожи Де Даурена.

Свон потрогала маску Иова, которая покрывала верхнюю половину лица Сестры и держалась на ее черепе. Здесь не почувствовалась горячка.

– Как она выглядит глубоко внутри? – спросила Свон Пола.

– Хм?

– Скоро появится ее настоящее лицо,– сказала Свон, и ее темные голубые глаза с их характерным отсветом множества оттенков встретились с его. То, что находится под маской Иова – это лицо человеческой души.

Пол дергал свою бороду. Он не понимал, о чем она говорит, но когда она говорила, он слушал ее так же, как делали все остальные. Ее голос был мягким, но в нем чувствовалась сила мысли и способность приказывать, присущие людям более старшего возраста, чем она.

Вчера он работал в поле с другими, помогая рыть ямки и наблюдая, как Свон сажает семена яблонь, которые она собрала после большого яблочного фестиваля. Она объяснила осторожно и точно, какой глубины должны быть ямки и как далеко друг от друга располагаться. Затем, когда Джош последовал за ней с корзиной, полной семян яблонь, Свон взяла пригоршню грязи, поплевала туда и обмазала грязью все семена, прежде чем опустить их в землю и засыпать. И самой сумасшедшей вещью

было то, что присутствие Свон вызывало у Пола желание работать, хотя рытье ямок – это не то, чем бы он хотел заниматься целыми днями…

Она заставляла его хотеть рыть каждую ямку так кропотливо, как возможно, и одно ее слово похвалы вселяло в него энергию, как электрический разряд в истощившуюся батарею. Он наблюдал за другими и видел, что она производила такой же эффект и на остальных. Он верил, что она может вырастить яблоню из каждого посаженного семени, и он был горд собой, роя для нее ямки. Он верил в нее, и, если она сказала, что истинное лицо Сестры вот–вот покажется, он верил и в это тоже.

– Как ты думаешь, как она выглядит глубоко внутри? – спросила снова Свон.

– Я не знаю,– наконец ответил он,– я никогда не встречал никого, обладающего таким огромным мужеством. Она женщина особенного сорта. Леди, сказал он.

– Да,– Свон посмотрела на узловатую поверхность маски Иова. Скоро, подумала она, очень скоро.

– С ней все будет в порядке,– произнесла она. – Тебе нужно немного отдохнуть.

– Нет, я собираюсь провести рядом с ней ночь. Если я почувствую, что меня клонит в сон, я смогу лечь здесь на полу. Кто–нибудь еще спит?

– Да, уже поздно.

– Я думаю, что тебе лучше самой поспать немного.

– Я посплю, но когда случится это, я бы хотела увидеть ее.

– Я позову тебя,– пообещал Пол. И затем ему показалось, что Сестра снова что–то сказала, и он подвинулся вперед, чтобы услышать. Ее голова медленно повернулась туда–сюда, но она не издала больше никакого другого звука, она снова лежала тихо. Когда Пол оглянулся, Свон уже ушла.

Свон не хотелось идти спать. Она чувствовала себя снова как ребенок в рождественскую ночь. Она прошла через переднюю комнату, где уже спали другие на полу вокруг печки, и затем открыла дверь. Ворвался холодный ветер, раздувая печной уголь. Свон быстренько выбежала, набросив пальто на плечи, и закрыла за собой дверь.

– Слишком поздно для тебя, чтобы быть здесь,– сказала Анна Мак–Клей.

Она сидела на ступеньках крыльца рядом с экс–питсбургцем, сталелитейщиком по фамилии Половски, и оба они были одеты в темные пальто, шапки и перчатки и вооружены винтовками. Внизу еще одна пара охранников должна была заступить на несколько часов, и такая смена караула продолжалась целый день

и ночь.

– Как поживает Сестра?

– Без изменений,– Свон посмотрела на огонь, разожженный посреди дороги. Ветер пролетал через него, и порывы красных искр вздымались в небо. Около двадцати людей спали вокруг костра, и несколько других сидели, уставившись на огонь или разговаривая друг с другом, чтобы скоротать ночь. Пока она не знала, где был человек с алым глазом, Сестра попросила, чтобы лачуга охранялась все время. Джош и другие с готовностью согласились выполнить ее просьбу. Добровольцы также стояли вокруг огня в поле всю ночь, наблюдая за новой площадкой, где были посеяны семена яблонь.

Свон рассказала Джошу и Сестре о том, что она видела человека с алыми глазами в толпе день назад, и подумала, что, может быть отчасти, но она поняла, почему он так хочет загубить человеческое начало. Она также поняла, что он хотел взять яблоки, но в последнюю секунду непонятный гнев и гордость победили. Она видела, что он ненавидит ее и ненавидит себя за то, что порывался все же сделать первый шаг, но он также еще и боялся ее. Когда Свон увидела, как он удаляется прочь, то поняла, что прощение разрушает зло, удаляет яд подобно вскрытию нарыва.

Она не могла представить, что могло бы случиться, если бы он взял яблоко, но все же кое–что изменилось. Она больше не боялась человека с алым глазом так, как боялась раньше, и с того дня, она больше не смотрела через плечо, кто приближается сзади.

Она подошла к углу крыльца, где к опоре был привязан Мул. Лошадь прикрыли сверху несколькими накидками, и перед ней стояло ведро весенней воды, чтобы она пила оттуда. Найти для него еду было проблемой, но Свон удалось сохранить дюжину яблок, и она дала ему их сейчас вместе с кореньями и соломой, которую вытащила из тюфяка мистера Половски. Он любил лошадей и был рад помочь с едой и питьем для Мула.

Мул не принял всерьез незнакомца, но он, казалось, принял мистера Половски и его внимание с минимальным беспокойством.

Голова Мула была опущена, но ноздри задвигались, когда он уловил запах Свон, и инстинктивно он поднял голову, глаза открылись и он насторожился. Она рукой провела между его глаз и затем вниз по сухой, бархатной коже его морды, и Мул уткнулся в ее пальцы с неописуемым блаженством.

Свон неожиданно оглянулась и посмотрела в направлении костра и увидела его, стоящего там, очерченный силуэт в искрах

и пламени. Она не могла видеть его лицо, но чувствовала, что он смотрит на нее. Ее кожа покрылась мурашками под тоненьким пальто и она быстро отвернулась, сосредоточивая свое внимание только на морде Мула. Но ее глаза метнулись назад, на Робина, который подошел поближе к перилам крыльца.

Ее сердце зазвучало как литавры, и она снова посмотрела вдаль. Уголком глаза она увидела, как он приближается, затем останавливается и притворяется, будто рассматривает что–то интересное в земле под носком своего ботинка.

Пора возвращаться, сказала она сама себе. Пора снова проверить Сестру. Но ноги отказывались идти. Робин приближался все ближе, затем снова остановился и повернулся к огню, как будто что–то опять заинтересовало его внимание. Он держал руки в карманах пальто и казалось пытался решить, вернуться ли к теплу костра или нет. Свон не знала, хочет ли она, чтобы он подошел поближе или ушел, и она чувствовала себя неспокойно, как кузнечик на раскаленной сковородке…

Затем он сделал еще один шаг вперед, как бы принимая решение. Но нервы Свон не выдержали и она решила развернуться и войти внутрь. Мул принял этот порыв как призыв к игре и игриво прикусил зубами пальцы Свон, держа ее заложницей несколько секунд, и этого хватило Робину, чтобы дойти до нее.

– Я думаю, что твоя лошадь голодна,– сказал он.

Свон высвободила пальцы. Она собралась идти назад, ее сердце билось так сильно, что она была уверена, что он, должно быть, слышит это, как дальнюю грозу над горизонтом.

– Не уходи,– смягчился голос Робина,– пожалуйста.

Свон остановилась. Она подумала, что он совсем не похож на кинозвезд из журналов, которые бывало почитывала ее мать, потому что никого из голливудских красавцах нельзя было сравнить с ним; он не выглядел, как хорошо вычищенный тинэйджер из мыльных опер, которые часто смотрела Дарлен Прескотт. Его лицо, со всеми его тяжелыми линиями и углами, было молодым, но глаза взрослыми. Они были цвета пепла, но в свете огня выглядели привлекательными. Она встретила его взгляд, увидев, что он потерял оттенок жесткости. Его глаза были ласковыми, скорее даже нежными, когда он посмотрел на нее.

– Эй,– крикнула Анна Мак–Клей. – Шел бы ты по своим делам. У Свон нет для тебя времени.

Его жесткая маска появилась снова.

– Кто сделал вас ее хранительницей?

– Не хранительницей, а наставницей. Протектором. А теперь, почему бы тебе не быть хорошим мальчиком и не пойти прочь?

– Нет,– прервала Свон,– мне не нужна надзирательница или протектор. Спасибо за то, что вы обо мне заботитесь, Анна, но я могу позаботиться о себе сама.

– О, извини. Я только подумала, что он снова беспокоит тебя.

– Он не беспокоит меня. Все в порядке. Правда.

– Ты уверена? Я, бывало, видела таких типов, прогуливавшихся по дороге и искавших кошельки, чтобы прикарманить.

– Я уверена,– ответила Свон. Анна бросила на Робина еще один подозрительный взгляд, после чего вернулась к разговору с мистером Половски.

– Она все равно не поверит,– сказал Робин, благодарно улыбаясь,– и скоро двинет меня прикладом.

– Нет, тебе может не нравиться Анна, и, я уверена, ты ей тоже не нравишься, но она делает то, что ей кажется лучше для меня, и я ее за это уважаю. Если ты будешь меня тревожить, я ей скажу, чтобы она тебя прогнала.

Улыбка Робина исчезла.

– Значит, ты думаешь, что ты лучше, чем все остальные?

– Нет, я не вкладываю в свои слова такой смысл,– Свон чувствовала себя неспокойно и нервозно, и ее язык путался между ее мыслями и словами,– я только имела в виду… Анна права, что так осторожна.

– Угу. Значит я беспокою тебя тем, что дружески настроен?

– Ты был не слишком любезен, когда зашел в дом и… и разбудил меня таким образом,– сказала она надломлено. Она чувствовала, как краснеет ее лицо, и она хотела вернуться назад, а не начинать разговор заново, но это было уже невозможно. И Свон была наполовину напугана, наполовину зла.

– И я не тебе тогда давала то яблоко, вот так!

– О, но зато я получил его! Ладно, я крепко стою на ногах, хотя и не на пьедестале, как другие люди. И, может быть, я не мог удержаться, чтобы не поцеловать тебя, когда увидел, стоящую с яблоком в руке. Твои глаза были такие большие и глубокие, что я не смог сдержаться и не взять его. Когда я впервые увидел тебя, я подумал, что ты будешь что надо, но я не знал, что ты высокомерная принцесса.

– Нет! – Нет? Ладно, тогда ты разыгрываешь из себя такую. Послушай, я побывал везде! Я видел много девчонок! Я могу узнать среди них высокомерных, когда вижу их!

– А я… – стоп! – подумала она. Остановись сейчас же! Но она не могла, потому что она была внутренне испугана и не могла позволить ему делать то, что он хочет. – А я знаю грубых, крикливых… идиотов, и могу отличить их от других, когда их

вижу!

– Да, я идиот, хорошо! – он качнул головой и рассмеялся не весело. – Я и сам знаю, что я идиот, потому что подумал, что могу понять ледяную принцессу лучше, хм?

Он пошел прочь прежде, чем она смогла ответить.

Все, что она могла придумать, чтобы сказать, это было “не касайся меня снова!”

Инстинктивно она почувствовала сильную боль, которая резанула ее с головы до ног. Она сжала зубы, чтобы не окликнуть его. Если он собирается вести себя, как дурак, значит он и есть дурак! Он – ребенок с плохим характером, и она больше не хочет иметь с ним дела.

Но она также знала, что доброе слово может вернуть его назад. Одно доброе слово. Это было все. И было ли это так трудно? Он неправильно понял ее, и, может быть, она тоже неправильно его поняла. Она заметила, что Анна и мистер Половски наблюдают за ней, и она почувствовала, что Анна “надела” слабую, всезнающую улыбку. Мул подошел и выдохнул воздух в лицо Свон.

Свон спрятала свою оскорбленную гордость и решила окликнуть Робина, но как только она открыла рот, дверь лачуги открылась и Пол Торсон сказал возбужденно:

– Свон! Это происходит!

Она видела, как Робин идет по направлению к костру. И затем она последовала за Полом в дом.

Робин стоял у края огня. Медленно сжимая кулаки, он бил себя по лбу:

– Идиот! Идиот! Идиот! – говорил он себе, ударяя по голове. Он все еще не мог понять, что случилось; он только знал, что лучше бы умер, и что он никогда еще не разговаривал с кем–нибудь прекраснее, чем Свон. Он хотел произвести на нее впечатление, но сейчас он чувствовал себя, словно он прошел босиком по коровьей лепешке.

– Идиот, идиот, идиот! – продолжал повторять он. Конечно, он не так уж много встречал девушек; фактически он вовсе не встречал никаких девушек. Он даже не знал, как с ними надо обращаться. Они были для него как пришельцы с других планет. Как с ними разговаривать без… да, без того, чтобы становиться крикливым идиотом – это было именно то, кем он себя ощущал.

Ладно, сказал он себе, все, я уверен, что возьму себя в руки! Он все еще испытывал дрожь внутри и чувствовал боль в желудке. А когда он закрывал глаза, то видел Свон, стоящую перед ним, такую же лучезарную, как самая прекрасная мечта, которую он когда–либо знал. С первого дня, когда он увидел ее, спящую на

кровати, он уже не мог выбросить ее из головы.

Я люблю ее, подумал он. Он слышал о любви, но он не слышал о том, что любовь заставляет тебя чувствовать себя сильным и беззащитным одновременно. Я люблю ее.

Он не знал кричать или плакать, и стоял, уставившись на огонь, и не видел ничего, кроме лица Свон.

Глава 73. Штурм крепости

Человек с лицом веслом остановился перед “Джипом” и поднял электромегафон. Его острые зубы торчали, и он кричал:

– Убить их! Убить! УБИТЬ!

Рев Маклина был перекрыт криком и быстрой стрельбой, а под конец дополнен грохотом машин, так как более шестисот армейских машин, грузовиков, джипов и фургонов начали двигаться по оккупированной земле по направлению к крепости Спасителя. Серый низкий свет был заглушен и заполнен дымом, и огни разгорались на оккупированной земле, пожирая около двухсот фургонов, которые были разломаны и раскиданы во время первых двух волн штурма. Искалеченные тела мертвых или умирающих солдат АСВ лежали на истрескавшемся бетоне, а вскоре начался новый приступ агонии, когда колеса третьей волны покатились по раненным.

– Убить их! Убить их всех! – продолжал кричать Маклин в громкоговоритель, указывая на машины–чудовища правой рукой в черной перчатке. Когти–гвозди торчали из его ладоней, указывая на огонь разрушений.

Сотни солдат, вооруженных ружьями, пистолетами и “коктейлями Молотова” двигались пешком перед идущими фургонами.

И в фокусе этого полукруга три отлично вооруженных ряда грузовиков, машин и фургонов “Американской Верности” ожидали жуткой атаки так, как они ожидали и предчувствовали две предыдущие. Но кучи мертвых “Верных” покрывали участок земли так же, как и множество их фургонов, горящих и все еще взрывающихся от текущего по земле танкового топлива.

Огонь и едкий дым расползался, наполняя воздух. Но Маклин смотрел по направлению крепости Спасителя и ухмылялся, потому что он знал, что “Верные” не смогут противостоять силе Армии Совершенных Воинов. Они падут – если не во время третьей атаки, тогда четвертой или пятой, или шестой, или седьмой. Сражение было до победного конца, и Маклин знал это. Сегодня у него будет победа, и он заставит Спасителя стать на колени и целовать его ботинки, прежде чем разобьет ему лицо.

– Ближе! – кричал Маклин своему шоферу, и Джад Лаури поехал. Лаури не мог выносить смотреть в лицо Маклину, и по мере того как они подъезжали на “Джипе” ближе к линии машин, он не знал, кого боится больше: кричащее и злобно смотрящее нечто, которым стал полковник Маклин, или стрелков “Американской Верности”.

– Вперед! Вперед! Продолжать наступление! – командовал Маклин солдатам, его глаза испускали искры, когда он замечал хотя бы одно поползновение к колебанию.

– Они вот–вот сломятся! – кричал он. – Вперед! Продолжайте движение!

Маклин услышал звук рожка и, оглянувшись, увидел ярко–красный переделанный “Кадиллак” с бронированным ветровым стеклом, рвущийся напрямую сквозь другие машины к фронту. У водителя были длинные вьющиеся светлые волосы, а карлик припал к отверстию в крыше “Кадиллака”, откуда высовывалось дуло пулемета. – Ближе, лейтенант! – приказал Маклин. – Нужно занять место в первом ряду!

О, Боже! – подумал Лаури. Под мышками у него вспотело. Одно дело атаковать компанию фермеров, вооруженных мотыгами и лопатами, и совсем другое – штурмовать кирпичную крепость, где у этих гадов была тяжелая артиллерия!

Но Американская Верность продолжала вести огонь, в то время как АСВ катила вперед свои грузовики и фургоны.

Маклин знал, что все его офицеры на своих местах и ведут свои батальоны. Роланд Кронингер был где–то справа, в своем собственном командном “Джипе”, подгоняя на битву две сотни человек и более пятидесяти бронированных машин. Капитаны Карр, Уилсон, Сэттерли, лейтенанты Тэтчер, Бэннинг и Бьюфорд – все его доверенные офицеры были на своих местах и все они были нацелены на победу.

Маклин пришел к выводу, что прорыв сквозь оборону Спасителя был просто вопросом дисциплины и управления. Неважно, сколько погибнет солдат АСВ или сколько взорвется и сгорит машин – это проверка его дисциплины и управления. И он поклялся скорее драться до последнего солдата, чем позволит Спасителю победить его. Он знал, что его ум несколько повредился, когда треснула эта штука и он, взяв фонарь, взглянул на себя в зеркало, но сейчас он был в полном порядке.

Потому что когда прошло его безумие, полковник Маклин понял, что теперь у него было лицо Солдата–Тени. Они были теперь едины. Это было чудо, которое указало Маклину, что Бог на стороне Армии Совершенных Воинов.

Он усмехнулся и зарычал в усилитель голосом зверя. –

Продолжать наступление! Дисциплина и управление!

Заговорил другой голос. Глухое бум!, и Маклин увидел вспышку оранжевого света у забаррикадированного въезда на площадку. Последовал высокий пронзительный звук, который, казалось, прокатился над головой Маклина. Примерно в семидесяти ярдах позади него взрывом подбросило куски бетона и искореженного металла от разбитого уже раньше фургона.

– Вперед! – скомандовал Маклин. – У Американской Верности могут быть танки, подумал он, но ни черта они не знают о траектории полета снаряда. Еще один снаряд просвистел в воздухе, взорвавшись в лагере, позади. А затем последовала волна огня по массированной обороне Американской Верности, пули стали высекать искры из бетона и рикошетом отлетать от бронированных машин. Некоторые солдаты упали, Маклин закричал: – В атаку! В атаку! Не прекращать огонь!

Приказ был подхвачен другими офицерами, и почти сразу же начали бормотать и трещать пулеметы, пистолеты и автоматы, нацеленные на заграждения в полосе вражеской защиты. Передовые машины АСВ устремились вперед, набирая скорость, чтобы ворваться на площадку. Третий танковый снаряд разорвался на площадке для парковки, отбросив плюмаж из дыма и булыжников и заставив вздрогнуть землю. Потом некоторые из тяжелых машин Верности стали стрелять вперед, моторы их завыли, грузовики и бронированные машины обеих армий бросились друг на друга, и началась ужасная какофония визжащих шин, ломающегося металла и разрывающих уши взрывов.

– В атаку! Убить их всех! – продолжал кричать Маклин на приближающихся солдат, пока Джад Лаури маневрировал колесами машины вперед и назад, стараясь не наехать на трупы и обломки. Глаза Лаури готовы были выскочить из орбит, бусинки холодного пота покрывали лицо. Пуля скользнула по ветровому стеклу, и Лаури почувствовал ее движение как щелчок камертона.

По площадке зигзагом прошла пулеметная очередь, и полдюжины солдат АСВ закружились как танцоры в безумной пляске. Маклин отбросил усилитель, выхватил из кобуры на поясе свой “Кольт” калибра 11.43 мм и стал стрелять в солдат Верности, пока они дрались на защитной полосе в водовороте тел, буксующих машин, взрывов и горящих обломков. Столкнулись столько автомобилей и грузовиков, громоздящихся друг на друга, что площадка напомнила последствия какого–то крупного крушения.

Два грузовика столкнулись прямо перед “Джипом”, Лаури ударил по тормозам и одновременно закрутил рулевое колесо,

отчего “Джип” отбросило и занесло в сторону. При этом под его колеса попало двое, и Лаури не знал, были ли это солдаты АСВ или солдаты Верности. Все перемешалось и сошло с ума, воздух был полон искр и ослепляющего дыма, поверх всех криков и визга Лаури слышал смех Маклина, когда полковник палил наугад.

В свете фар “Джипа” вдруг возник человек с пистолетом, и Лаури сбил его. Пули, летевшие сбоку, попадали в “Джип”, слева взорвалась машина АСВ, и из нее кувырком вышвырнуло в воздух водителя, все еще сжимающего горящее рулевое колесо.

Между тормозящими и сталкивающимися машинами была стиснута пехота, ведущая яростную рукопашную схватку. Лаури свернул в сторону, чтобы уклониться от горящего грузовика. Он услышал пронзительный свист приближающегося снаряда, и у него внутри все сжалось. С криком: – Выбираемся отсюда! – он яростно закрутил рулевое колесо направо и надавил рукой до упора. Джип рванулся вперед, наехав на двух солдат, сцепившихся на бетоне. Трассирующая пуля сильно ударила в бок “Джипа”, и Лаури услышал, что он сам захныкал.

– Лейтенант! – закричал Маклин. – Поверните “Джип” обратно.

И это было все, что он успел сказать, потому что земля вдруг содрогнулась, появилась ослепительная белая вспышка примерно в десяти футах перед “Джипом”. Машина вздрогнула и попятилась на задних колесах, как испуганная лошадь. Маклин услышал приглушенный вскрик Лаури – а потом Маклин сам подпрыгнул, спасая свою жизнь, когда ударная волна от взрыва ударила в него и почти сорвала форму с тела. Он ударился плечом о бетон, услышал визг шин, треск “Джипа”, когда он врезался в другую машину.

Следующее, что он осознал, когда был уже на ногах, что форма и куртка на нем превратились в лохмотьях, а сам Маклин смотрел сверху на Джада Лаури. Тот раскинулся на спине среди обломков Джипа, тело его дергалось в судорогах, как будто он старался выползти на безопасное место. Голова Джада Лаури превратилась в бесформенную кровавую массу, выбитые зубы клацали как кастаньеты.

В левой руке Маклин держал пистолет. Правая рука–протез с ладонью с гвоздями все еще была крепко привязана к запястью. По правой руке ручьем текла кровь, капая с пальцев черной перчатки на бетон. Он понял, что ободрал руку от плеча до локтя, и не совсем благополучно. Вокруг него в вихре кружились солдаты, стреляя и дерясь, и пулей выбило кусок камня примерно в четырех дюймах от его правого ботинка. Он огляделся, стараясь определить, как вернуться в лагерь АСВ; без транспорта он

оказался таким же беспомощным, как последний пехотинец. Вокруг было столько визга, крика и огня, что Маклин не мог думать. Он увидел, как кто–то толкает солдата АСВ на землю, несколько раз пытаясь заколоть его мясницким ножом, и Маклин нажал на спусковой курок своего кольта калибра 11.43, выстрелив прямо в череп тому и выбив ему мозги.

Руку обожгло ударом от отдачи, зрелище убитого тела прочистило туман в его голове, он понял, что ему нужно выбраться или его убьют так же, как он только что убил солдата Верности. Он услышал свист снаряда, ужас стиснул ему затылок. Нагнув голову, он побежал, стараясь избегать скопления солдат и прыгая через лежащие кровоточащие тела.

От взрыва на него дождем посыпались куски бетона, он споткнулся, упал, отчаянно пополз к укрытию из перевернутого бронированного автомобиля АСВ. Там его ждало тело, у которого была снесена выстрелом большая часть лица. Маклин подумал, что это, возможно, сержант Арнольд. Пораженный, полковник вынул обойму из своего кольта калибра 11.43 и заменил ее на новую. Пули отскакивали со свистом от бронированного автомобиля, и он пригнулся к бетонной площадке, пытаясь набраться мужества, чтобы продолжить свой бег обратно в лагерь.

Сквозь суматоху он услышал крики: “Отходим! Отходим!” – Третий штурм был отбит.

Он не знал, что было неправильно. К этому времени Верность уже должна была быть сломлена. Но у них было слишком много народу, слишком много машин, слишком много огневой силы. Все, что им было нужно делать, это крепко сидеть на этой проклятой площадке. Но должен же быть способ выкинуть их. *Должен быть.*

Грузовики и машины снова поехали по площадке, направляясь прочь. За ними последовали солдаты, многие из которых были ранены и хромали, время от времени они останавливались, чтобы сделать несколько выстрелов в преследователей, а затем шатаясь шли дальше. Маклин заставил себя встать и побежать, и когда он оторвался от укрытия, он почувствовал толчок в куртку, и понял, что пролетела пуля. Он четыре раза нажал на курок не прицеливаясь, а потом покатил вслед за остатками своей Армии Совершенных Воинов, в то время как по бетону чиркали пулеметные пули и вокруг него продолжали умирать люди.

Когда Маклин вернулся обратно в лагерь, он обнаружил, что капитан Сэттерли уже принимает рапорт от других уцелевших офицеров, а лейтенант Тетчер назначает разведчиков нести охрану по наружному краю лагеря, чтобы не пропустить

контратаку Верности. Маклин забрался наверх бронированной машины и осмотрел парковочную площадку. Она выглядела как бойня, сотни тел лежали грудами среди горящих обломков. Среди трупов уже сновали сборщики из Американской Верности, подбирающие оружие и боезапасы. Он услышал победные крики, доносящиеся со стороны противника.

– Еще не кончено! – вскричал полковник. – Еще ничего не кончено! – Он выпустил последние пули из кольта по сборщикам, но так сильно дрожал, что ни черта не мог прицелиться.

– Полковник! – Это был капитан Сэттерли. – Мы готовим новую атаку?

– Да! Немедленно! Еще ничего не кончено! Ничего не кончено, до тех пор пока я не прикажу!

– Мы не можем предпринять еще одну фронтальную атаку! – заявил еще один голос. – Это самоубийство!

– Что? – огрызнулся Маклин, и посмотрел, кто это там осмеливается подвергать сомнению его приказы. Это был Роланд Кронингер, куртка его была пропитана кровью. Это была чья–то чужая кровь, Роланд не был ранен, и грязные повязки все еще были у него на лице. Стекла его очков были забрызганы кровью. – Что вы сказали?

– Я сказал, что мы не сможем осуществить еще одно фронтальное наступление! У нас осталось возможно не более трех тысяч человек, способных вести бой! Если мы снова пойдем на эти пулеметы, мы потеряем еще сотен пять, и все равно ничего не получим!

– Вы говорите, что у нас нет желания прорваться – или вы говорите только за себя?

Роланд глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. Он никогда раньше не видел такой резни, и он сейчас был бы мертв, если бы в упор не застрелил одного солдата Верности. – Я говорю, что мы должны найти другой способ взять площадку.

– А я говорю, что мы снова будем атаковать. Прямо сейчас, прежде, чем они снова организуют свою оборону!

– Да они вовсе никогда и не были дезорганизованы, черт побери! – закричал Роланд.

Наступила тишина, нарушаемая только стонами раненых и треском пожара. Маклин свирепо уставился на Роланда. Это было впервые, когда Роланд осмелился кричать на него. Вот, пожалуйста, он обсуждает приказы Маклина перед другими офицерами.

– Послушайте меня,– продолжал Роланд, прежде чем полковник или кто–нибудь другой смог заговорить. – Думаю, что я знаю слабое место в их крепости – и не одно. Световые окна в

крышах.

Какое–то время Маклин не отвечал. Взгляд его, уставившийся на Роланда, горел от злобы. – Световые окна,– повторил он. – Световые окна. Они на крыше. Как мы попадем на эту затраханную крышу? Полетим?

Его аргументы прервал хохот. Альвин Мангрим склонился на искореженный капот красного “Кадиллака”. Из треснувшего радиатора с шипением выходил пар. Металл был испещрен следами пуль, ручейки крови стекали из смотровой щели башни. Мангрим усмехался, лоб его был глубоко рассечен металлическим осколком. – Вы хотите забраться на эту крышу, полковник? Я могу туда вас подсадить.

– Как?

Он держал перед собой руки и шевелил пальцами. – Я раньше был плотником, сказал он. – Иисус был плотником. Иисус тоже много знал о ножах. Поэтому они его и распяли. Когда я был плотником, я строил собачьи конуры. Только это были не обычные собачьи конуры,– о, нет! Это были замки, в которых жили рыцари. Да, я читал книги о замках и прочем дерьме, потому что хотел, чтобы эти конуры были совсем особыми. В некоторых из этих книг были интересные вещи.

– Например? – нетерпеливо спросил Роланд.

– Ну… Как залезть на крышу. – Он обратил свое внимание на полковника Маклина. – Вы даете мне телефонный провод, колючую проволоку и хорошую крепкую деревяшку, и разрешаете мне разобрать несколько этих изломанных машин. Я вас доставлю на эту крышу.

– Что вы собираетесь построить?

– Создать,– поправил Мангрим. – Только это займет у меня некоторое время. Мне нужна помощь – стольких людей, скольких вы сможете выделить. Если я получу необходимые детали, я смогу закончить все за три – четыре дня.

– Я спросил, что вы планируете на крыше.

Мангрим пожал плечами и сунул руки в карманы. – Почему бы нам не пойти в ваш трейлер, и я вам нарисую полную картину. Может, здесь слоняются шпионы.

Взгляд Маклина переместился в сторону крепости Спасителя. Он увидел, как сборщики пристреливают некоторых раненых солдат АСВ, а потом обирают тела. Он почти завопил от разочарования.

– Дело не кончено,– поклялся он. – Оно не кончено до тех пор, пока я не сказал, что оно кончено. – И тогда он слез с бронированной машины и сказал Альвину Мангриму: – Покажите мне, что вы хотите построить.

– Да,– сказал Джош. – Я думаю, что мы снова сможем это отстроить. – Он почувствовал, что рука Глория сжимает его руки и она склонила голову ему на плечо.

Он обнял ее, и они стояли рядом с развалинами сгоревшей церкви. – Мы сможем это сделать,– сказал он. – Конечно, сможем. Я имею в виду… что это будет не завтра, и не на следующей неделе… но мы сможем это сделать. Она, может, и не будет выглядеть так, как раньше, и возможно, будет хуже, чем была – но возможно, будет и лучше. – Он слегка обнял ее. – Да?

Она кивнула. – Да,– сказала она, не глядя на него, и голос у нее перехватило от волнения. Потом она подняла свое лицо со слезами слез. Ее рука поднялась, и пальцы медленно дотронулись до маски Иова. – Ты… прекрасный человек, Джош,– тихо сказала она. – Даже сейчас. Даже такой. Даже если это у тебя никогда не сойдет, ты все равно будешь самым прекрасным человеком, которого я знаю.

– Ну, я не ахти что. И никогда не был красавцем. Тебе бы посмотреть на меня, когда я занимался борьбой. Знаешь, как меня называли? Черный Франкенштейн. А теперь я этому вполне соответствую, да?

– Нет. И не думаю, что это когда–то было. – Пальцы ее прошлись по рубцам и впадинам его лица, потом рука снова опустилась. – Я люблю тебя, Джош, сказала она, и голос ее дрогнул, но медного цвета глаза были твердыми и правдивыми.

Он хотел было ответить, но подумал о Рози и мальчиках. Это было так давно. Так давно. Слоняются ли они где–нибудь в поисках еды и убежища, или они только призраки, оставшиеся в его воспоминаниях? Было таким мучением даже не знать, живы ли они, и когда он посмотрел в лицо Глории, он понял, что возможно так никогда и не узнает. Но будет ли совсем бессердечно и предательством похоронить надежду, что Рози и сыновья его, возможно, живы – или это будет реализмом? Но он был уверен в одном: он хочет остаться в стране живых, вместо того чтобы странствовать в склепах погибших.

Он обнял Глорию и сильнее прижал ее к себе. Он почувствовал сквозь куртку ее выпирающие кости и остро затосковал о том дне, когда будет собран урожай.

Еще он страстно хотел видеть обоими глазами и иметь возможность снова глубоко дышать. Он надеялся, что маска Иова скоро у него сойдет, как у Сестры в прошлую ночь, но все равно боялся. Как он будет выглядеть, хотел бы он знать, а что если это будет чье–то лицо, кого он даже не знает? Но сейчас он

чувствовал себя чудесно, не было никаких следов лихорадки. Это единственный раз в его жизни, когда ему хотелось лежать мертвым.

Примерно в четырех футах в стороне Джош увидел что–то лежащее в замерзшей луже. Живот у него свело, и он тихо сказал: – Глория, почему бы тебе не пойти сейчас домой? Я приду через несколько минут.

Она в недоумении отступила. – Что случилось?

– Ничего. Ты иди. Я немного прогуляюсь и постараюсь представить, как мы сможем ее восстановить.

– Я останусь с тобой.

– Нет,– твердо сказал он. – Иди домой. Мне немного нужно побыть одному. Ладно?

– Ладно,– согласилась она. Она было пошла к дороге, но снова повернулась к нему. – Тебе не нужно говорить, что ты меня любишь,– сказала она ему. Все в порядке, если ты меня не любишь. Я просто хотела, чтобы ты знал, что я чувствую.

– Да,– сказал он напряженным сжатым голосом. Глория задержала свой взгляд на нем еще на несколько секунд, а потом пошла домой.

Когда она ушла, Джош наклонился и вытащил то, что лежало в луже. Лед треснул, когда он высвобождал это.

Это был кусок шерсти, испещренный темными коричневыми точками.

Джош знал откуда это.

Пальто Джина Скалли.

Он сжал в руке окровавленную одежду и сжался. Повернув голову в сторону, он осмотрел землю вокруг. Еще один кусок клетчатой ткани лежал в нескольких футах в стороне, дальше по проулку, который шел к развалинам. Он поднял его тоже, а потом увидел перед собой третий, и четвертый, оба в кровавых пятнах. Вокруг везде по земле были разбросаны маленькие кусочки пальто Джина Скалли, как клетчатый снег.

Какое–то животное схватило его, подумал Джош. Что бы это ни было, оно разорвало его на клочки.

Но он знал, что никакое животное не схватило Джина Скалли. Это был зверь совсем другого рода, может, замаскированный под калеку в красной детской коляске, или под черного джентльмена с серебряным зубом во рту. Или Скалли нашел человека с алым глазом – или ЕГО нашли.

Иди за подмогой, сказал себе Джош. Иди за Полом и Сестрой и возьми, ради Бога, винтовку! Но он продолжал идти за маленькими кусочками клетчатой ткани, хотя сердце у него яростно билось, а в горле пересохло. На земле был и другой хлам,

и когда Джош дальше прошел в проулок, перед ним возникла крыса размером с персидскую кошку, взглянула на него глазами–бусинками, и потом втиснулась в дырку. Джош услышал вокруг себя легкое попискивание и шуршание, он знал, что эта часть Мериз Рест наводнена грызунами.

Он увидел на земле замерзшие пятна крови и проследовал за ними еще примерно футов пятнадцать и остановился у круглого куска жести, который лежал напротив неровного кирпичного фундамента разрушенной церкви. Жестянка тоже была покрыта пятнами крови, и Джош увидел и другие обрывки клетчатой ткани. Он поставил ногу около куска жестянки, который по размеру и форме напоминал крышку люка, затаил дыхание и медленно выдохнул. Затем он резко отодвинул железку и отклонился.

Внизу открылась дыра, ведущая вниз под фундамент церкви. Из нее поднимался холодный болотистый пар, от которого у него мурашки пошли по телу.

Нашел тебя, было первой мыслью Джоша.

А второй было – убраться отсюда к чертям собачьим! Беги дурак несчастный!

Но он колебался, глядя в дыру. Изнутри не проникало ни звука, ни движения. Там пусто, понял Джош. Он ушел!

Он осторожно шагнул к дыре. Потом продвинулся еще и еще. Остановился над ней, вслушиваясь. Все еще ни звука, ни движения. Берлога была пуста. Человек с алым глазом ушел. После того, как Свон встретилась с ним лицом к лицу, он, должно быть, покинул Мериз Рест. – Спасибо тебе, Господи! прошептал Джош.

Позади что–то прошуршало.

Джош обернулся, подняв руки, чтобы отразить удар.

На картонной коробке, обнажив зубы, сидела крыса. Она начала визжать и бормотать как разгневанный помещик.

Джош произнес: – Тихо, ты, сво…

Две руки – одна черная, другая белая – высунулись из дыры и схватили Джоша за лодыжки, сбив его с ног. У Джоша не было времени закричать, прежде чем он упал на землю, воздух со свистом вылетел из его груди. Изумленный, он старался освободиться, старался ухватиться пальцами за мерзлую землю вокруг этой дыры, но руки, сжимавшие его лодыжки, как маленькие обручи, тащили его вглубь.

Джош был уже наполовину внутри, когда полностью осознал, что произошло. Он стал бороться, колотя руками и ногами, но пальцы только сильнее сжимались. Он почувствовал запах горящей ткани, стал извиваться и увидел голубые языки пламени,

танцующие в руках этого человека. Кожу Джоша опалило, он почувствовал, что руки у человека влажные и липкие, как растопленные восковые перчатки.

Но в следующее мгновение языки пламени стали слабеть и пропали. Руки у человека стали холодными и затащили Джоша в темноту.

Руки отпустили лодыжки. Джош стал брыкаться, почувствовав, что его левая нога привязана. На него навалилось холодное, тяжелое тело – больше похожее на мешок льда, чем на тело. Но колено, которое давило ему на горло, было достаточно крепким, стараясь сломать ему горло. По плечам, груди и грудной клетке падали удары, почти ломающие ему кости. Он схватился руками за холодное горло, и пальцы попали во что–то похожее на сырую замазку. Кулаки этой твари молотили по голове и лицу Джоша, но не могли сквозь маску Иова нанести никаких повреждений. Мысли закрутились в голове у Джоша, и он чуть не сошел с ума. Он знал, что у него есть только два выбора: бороться как черт или умереть.

Он ударил правым кулаком, попав косточками в угол челюсти, и сразу же занес левый кулак для удара, чтобы попасть тому в висок. Послышалось хрюканье – скорее от удивления, чем от боли – и тяжесть свалилась с Джоша. Он смог встать на колени, и вдохнуть легкими воздух.

Холодная рука змеей сзади обвилась вокруг горла. Джош отклонился, схватил его за пальцы и вывернул их. Но то, что только что было костями, вдруг оказалось как проволока – гнулось, но не ломалось. Потратив все силы, Джош поднялся с пола и метнулся назад, зажав человека с алым глазом между своим телом и стеной церковного фундамента из грубого кирпича. Холодная рука соскользнула, и Джош попытался выбраться из дыры.

Его снова схватили и потащили вниз, и пока они боролись как звери в темноте, Джош увидел, как вспыхивают руки у этого человека, готовые загореться пламенем,– но видимо что–то не получалось с возгоранием. Джош почувствовал запах – это было нечто среднее между запахом зажженной спички и плавящейся свечки. Он ударил ногой ему в живот и сбил его. Когда Джош снова вскочил на ноги, то почувствовал удар в плечо, похожий на удар молотом, который почти выбил ему руку и сбил его с ног лицом в грязь.

Джош вывернулся, чтобы повернуться лицом, изо рта шла кровь, а силы быстро убывали. Он увидел мерцание огня, а потом обе руки снова загорелись пламенем. При этом голубом свете он увидел лицо человека – кошмарную маску, а на ней

бесформенный эластичный рот, который выплевывал дохлых мух как выбитые зубы.

Горящие руки приблизились к лицу Джоша, и вдруг одна из них зашипела, и погасла как уголек, залитый водой. Другая рука тоже стала гаснуть, маленькие язычки огня струились по пальцам.

Что–то лежало в грязи рядом с Джошем. Он увидел окровавленную груду плоти и вывернутых костей, а вокруг несколько курток, брюк, свитеров, обуви, шапок. Рядом была красная детская коляска.

Джош оглянулся на человека с алым глазом, который также был мистером Добро Пожаловать. Горящая рука почти погасла, и человек смотрел на умирающее пламя глазами, которые на человеческом лице назвали бы безумными.

Он не так силен, как раньше, понял Джош.

И Джош потянулся за коляской, схватил ее и запустил в лицо этого гада.

Раздался страшный вопль. Последние языки пламени погасли, когда он отшатнулся. Джош увидел серый свет и пополз к дыре.

Он был примерно в трех футах от нее, когда сломанную красную коляску швырнули обратно ему в голову. У Джоша была секунда, в течение которой он вспомнил как однажды его выкинули с ринга в Гэинсвилле, и что он почувствовал, когда ударился о бетонный пол и как он тихо лежал.

Он очнулся – он не знал, сколько времени спустя – от звука пронзительного хихиканья. Двигаться он не мог и подумал, что все косточки у него переломаны.

Хихиканье исходило с расстояния в десять–пятнадцать футов. Оно стало тише, переходя в фыркающий звук, который стал похожим на какой–то язык. Джош подумал, что это, должно быть, немецкий. Потом были фрагменты других языков – китайского, французского, датского, испанского и какие–то другие диалекты, которые выскакивали один за другим. Потом ужасный грубый голос заговорил по–английски, с глубоким южным акцентом: – Всегда ходил один… всегда ходил один… всегда… всегда…

Джош мысленно обследовал свое тело, пытаясь обнаружить, что работает, а что нет. Правая рука у него омертвела, вероятно, сломана. Полосы боли пульсировали у него в ребрах и в плечах. Но он знал, что ему повезло; удар который ему достался, мог бы и проломить ему череп, если бы маска Иова не была такой толстой.

Голос изменился, перейдя в монотонный говор, который Джош не мог понять, затем вернулся к английскому с мягким акцентом жителя Среднего Запада: Ведьма… ведьма… она умрет… но не от моей руки… О, нет… не от моей руки…

Джош медленно попытался повернуть голову. Боль прострелила ему спину, но шея все–таки работала. Он постепенно повернул голову к бредящему существу, которое было распростерто в грязи в другой стороне берлоги.

Человек с алым глазом смотрел на свою правую руку, где по пальцам бегали бледно–голубые язычки пламени. Лицо человека было диким сочетанием различных масок. Чудесные светлые волосы смешивались с грубыми черными, один глаз был голубой, а другой карий, одна челюсть острая, а другая впалая. – Не от моей руки,– сказал он. – Я заставлю их сделать это. – Подбородок у него удлинился, пророс щетиной, которая за несколько секунд превратилась в рыжую бороду, и также быстро исчезла в корчах его лица. Я найду способ заставить их сделать это.

Рука человека дрожала, сворачиваясь в крепкий кулак, и маленькие голубые язычки исчезли.

Джош заскрежетал зубами и пополз к серому свету наверху, у отверстия медленно, болезненно, по дюйму. Он застыл, когда услышал снова голос этого человека, шепотом поющий: Мы пляшем перед кактусом в пять часов утра… – затем все перешло в невнятное бормотание.

Джош пробирался вперед. Ближе к дыре. Ближе.

– Беги,– сказал человек с алым глазом слабым и усталым голосом. Сердце у Джоша застучало, потому что он знал, что это чудовище в темноте разговаривает с ним. – Давай. Беги. Скажи ей, что я все же сделаю это… Я сделаю эту работу руками самих же людей. Скажи ей… Скажи ей…

Джош пополз вверх к свету.

– Скажи ей… Я всегда ходил один.

Тогда Джош выбрался из дыры, быстро вытащив ноги. Ребра у него жутко болели, он еле сдержался, чтобы не потерять сознание, но он знал, что ему нужно отсюда удирать, иначе от него останется тухлое мясо.

Он продолжал ползти, а крысы суетились вокруг. Пронизывающий холод проникал в него до самых костей. Он ожидал и опасался, что человек с алым глазом схватит его, но этого не произошло. Джош понял, что жизнь его спасена – или потому, что человек с алым глазом ослаб, или потому, что он выдохся, или потому, что он хотел, чтобы это сообщение было передано Свон.

Скажи ей, что я сделаю эту работу руками самих же людей.

Джош постарался встать, но снова упал лицом вниз. Прошла еще минута или две, прежде чем он смог собрать силы и подняться на колени, а затем все–таки смог встать как дряхлый трясущийся старик.

Часть тринадцатая
Пятизвездный генерал

Глава 75. Бесплодная земля

Роланд Кронингер поднес бинокль к глазам в очках. В морозном воздухе крутились снежинки, уже почти совсем засыпав трупы и разбитые машины. У въезда на площадку горели костры, он знал, что солдаты Верности тоже несут сторожевую службу.

Он услышал среди туч медленный раскат грома, и сквозь него пробилось острие голубой молнии. Он окинул взглядом площадку, и его бинокль обнаружил замерзшую руку, высунувшуюся из сугроба, груду тел, смерзшихся в ледяной смерти, серое лицо молодого юноши, всматривающегося в темноту.

Пустынная земля, подумал Роланд. Да. Пустынная земля.

Он опустил бинокль и прислонился к бронированной машине, которая прикрывала его от огня снайпера. Ветер до него донес звук работающих молотков. Пустынная земля. Вот о чем была последняя Божья молитва. Он старался припомнить, где он это раньше слышал, только тогда это была не молитва, и ее слышал не сэр Роланд. Это было воспоминание ребенка Роланда, но это была не молитва. Нет, не молитва. Это были *стихи*.

В то утро он проснулся на голом матрасе в своем черном трейлере и вспомнил о мисс Эдне Меррит. Она была учительницей английского, одной из тех старых дев, которые, казалось, выглядели на шестьдесят лет даже тогда, когда только родились. Там, во Флэгстаффе, она преподавала начальный курс английской литературы для продвинувшихся учащихся. Когда Роланд сел на своем матрасе, то увидел, что она стоит рядом и держит открытый экземпляр “Нового оксфордского сборника английской поэзии”.

– Я собираюсь читать стихи,– объявила мисс Эдна Мерритт таким сухим голосом, что по сравнению с ним пыль казалась бы сырой. И скосив глаза сначала налево, а потом на направо, чтобы убедиться, что класс внимательно слушает, она начала читать:

Вот Беладонна, Владычица Скал,
Владычица обстоятельств.
Вот человек с тремя опорами, вот Колесо,
А вот одноглазый купец, эта карта –
Пустая – то, что купец несет за спиной,
От меня это скрыто. Но я не вижу
Повешенного. Ваша смерть от воды.

И когда она кончила читать, то объявила, что весь класс будет писать рефераты по проблемам, затронутым в поэме Т. С. Элиота “Бесплодная Земля”, из которой она сейчас прочитала отрывок.

Он получил “отлично” за эту работу, и мисс Эдна Мерритт написала на титульном листе красным “Отлично. Проявляет интерес и разумность”. Он же думал, что это показывает, какой он замечательный подлец.

Косточки старой мисс Эдны наверное давно уже сгнили, размышлял Роланд, разглядывая парковочную площадку, и черви съели ее изнутри.

Его мысли занимали два обстоятельства. Во–первых, что брат Тимоти – это безумец, который ведет Американскую Верность в Западную Виржинию в поисках призрачной мечты; и во–вторых, что на горе Ворвик кто–то ЕСТЬ, кто называет себя Богом и декламирует стихи. Может у него там есть книги или еще что–нибудь. Но Роланд припомнил нечто, озадачивающее его. Брат Гэри еще там, в Саттоне сказал, что Бог показал ему черный ящик и серебряный ключ и сказал ему каким будет конец света.

Черный ящик и серебряный ключ, подумал Роланд, что это значит?

Он опустил бинокль, который повис на ремешке на шее и вслушался в перестук молотков. Затем он обернулся, чтобы взглянуть на лагерь, где при свете костров примерно в миле в стороне сооружалось творение Альвина Мангрима, вне поля зрения часовых Верности. Работа продолжалась три дня и три ночи, и полковник Маклин выделял все, что требовалось Мангриму. Из–за сильного снегопада Роланд не мог ничего увидеть, но он знал, что это. Это была чертовски простая штука, но он бы никогда такую не придумал, а если бы даже придумал, он бы не знал как ее сделать. Он не любил Альвина Мангрима и не доверял, но допускал, что тот сообразителен. Если такая штука годилась для средневековой армии, то она наверняка годилась и для Армии Совершенных Воинов.

Роланд знал, что Спаситель сейчас, должно быть, нервничает, задаваясь вопросом, когда будет следующая атака. Они, должно быть, сейчас там громко распевают свои псалмы.

Обжигающая боль пронзила лицо Роланда, и он прижал ладони к повязке. Изо рта вылетел дрожащий стон. Он подумал, что голова его сейчас взорвется. А потом он почувствовал под пальцами, что наросты, находящиеся под повязкой, шевелятся и набухают, как кипящая магма под коркой вулкана. От боли и

ужаса Роланд зашатался, когда вся левая сторона его лица выпучилась, почти срывая повязку. Обезумев, он прижал руки к лицу, чтобы удержать ее. Он подумал о треснувших кусках на подушке Короля, и о том, что открылось под ними, и захныкал как ребенок.

Боль убывала. Движение под повязкой прекратилось. Потом все закончилось, и Роланд почувствовал себя нормально. Лицо его не треснуло, с ним все было в порядке. И на этот раз боль длилась не так долго, как обычно. То, что случилось с полковником Маклином, это необычно, сказал себе Роланд. Он был согласен носить эти повязки всю оставшуюся жизнь.

Он подождал, пока пройдет дрожь. Не нужно, чтобы кто–нибудь видел его таким. Он же офицер. Потом он решительно пошел по лагерю по направлению к трейлеру полковника Маклина.

Маклин сидел за рабочим столом, работая над рапортами капитана Сэттерли о том, сколько осталось топлива и боезапасов. Запасы быстро сокращались. – Войдите,– сказал он, когда Роланд постучал в дверь. Роланд вошел, и полковник сказал: – Закройте дверь.

Роланд стоял перед столом, ожидая, когда тот на него посмотрит, и одновременно боялся этого. Лицо как у скелета, выступающие скулы, надувшиеся вены и выступающие мышцы делали Маклина похожим на смерть.

– Что вы хотите? – спросил Маклин, занятый безжалостными цифрами.

– Все почти готово,– сказал Роланд.

– Эта машина? Да? И что же?

– Мы будем атаковать, когда она будет готова, не так ли?

Полковник отложил карандаш. – Обязательно. Если, конечно же, у меня будет ваше разрешение атаковать, капитан.

Роланд знал, что Маклина еще уязвляло их несогласие. Сейчас наступило время заделать трещину, возникшую в их отношениях, потому что Роланд любил Короля – и еще потому, что он не хотел, чтобы Альвин Мангрим стал любимцем Короля, а его самого выставили. – Я… хочу извиниться,– сказал Роланд. – Я нарушил субординацию.

– Мы могли бы сломить их! – мстительно огрызнулся Маклин. – Все, что нам было нужно,– это еще одна атака! Мы могли бы сломить их прямо там и тогда!

Роланд опустил глаза в знак смирения, но он чертовски хорошо знал, что еще одна фронтовая атака только привела бы к гибели солдат. – Да, сэр.

– Если бы кто–нибудь другой говорил со мной таким образом,

я бы застрелил его на месте! Вы были *неправы*, капитан! Посмотрите на эти чертовы цифры! – Он пихнул бумаги Роланду, и они слетели со стола. – Посмотрите, сколько у нас осталось бензина! Посмотрите на опись боезапасов! Хотите посмотреть, сколько у нас *еды*? Мы здесь сидим и голодаем, а могли бы три дня назад получить провиант Верности! *Если* бы мы *тогда* атаковали! – Он стукнул по столу своей рукой в черной перчатке, и масляный фонарь подпрыгнул. – Это ваша вина, капитан! Не моя! Я хотел атаковать! Я *верил* в свою Армию Совершенных воинов! Идите! Убирайтесь!

Роланд не двинулся.

– Я вам приказываю, капитан!

– У меня есть просьба,– тихо сказал Роланд.

– Вы не в том положении, чтобы иметь просьбы!

– Я бы хотел попросить,– упрямо продолжал Роланд,– чтобы я вел первую волну в атаку, когда мы начнем прорыв.

– Ее поведет капитан Карр.

– Я знаю, что вы ему дали разрешение. Но я бы хотел попросить вас изменить решение. Я хочу вести первую волну.

– Это большая честь – вести первую атакующую цепь. Я думаю, что вы недостойны такой чести, не так ли?

Он сделал паузу и снова откинулся в кресле.

– Вы никогда раньше не просились вести атакующую цепь. Почему же хотите сейчас?

– Потому что я хочу кого–то найти и взять его живым в плен.

– И кто это мог бы быть?

– Человек, который называет себя братом Тимоти,– ответил Роланд. – Мне он нужен живым.

– Мы не берем в плен. Они все должны умереть. До одного.

– Черный ящик и серебряный ключ,– сказал Роланд.

– Что?

– Бог показал брату Тимоти черный ящик и серебряный ключ и сказал ему, каким будет конец света. Я бы хотел побольше узнать о том, что говорит брат Тимоти о том, что он видел на вершине горы.

– Вы с ума сошли? Или они там промыли вам мозги, когда вы были у них?

– Я согласен, что брат Тимоти, возможно, ненормален,– сказал Роланд, сохраняя самообладание. – Ну а если нет – кто тогда называет себя Богом? И какой черный ящик и серебряный ключ?

– Их не существует.

– Возможно. Может, даже нет горы Ворвик. Ну, а что если есть?.. Брат Тимоти, может, единственный, кто знает, как их

найти. Я думаю, что взять его в плен живым, возможно, стоит наших усилий.

– Почему? Вы хотите, чтобы Армия Совершенных Воинов тоже шла искать Бога?

– Нет, но я хочу вести первую атакующую колонну и я хочу, чтобы брата Тимоти взяли живым. – Роланд знал, что это звучит как приказ, но ему было все равно. Он пристально смотрел на Короля.

Наступила тишина. Левая рука Маклина сжималась в кулак, а потом медленно разжалась. – Я об этом подумаю.

– Я хотел бы знать прямо сейчас.

Маклин наклонился вперед, рот его скривился в тонкой и ужасной улыбке.

– Не подталкивай меня, Роланд. Я не выношу, когда меня подталкивают. Даже ты.

– Брат Тимоти,– сказал Роланд,– должен быть взят живым. Мы можем убить любого другого. Но не его. Я хочу, чтобы он смог ответить на вопросы, и я хочу узнать о черном ящике и серебряном ключе.

Маклин поднялся, как черный циклон, медленно выпрямляясь. Но прежде чем он смог ответить, в дверь трейлера еще постучали. – Ну, что еще? – закричал Маклин.

Дверь открылась и вошел сержант Беннинг. Он медленно почувствовал напряжение. – Ух… Я принес сообщение от капрала Мангрима, сэр.

– Я слушаю.

– Он говорит, что готово. Он хочет, чтобы вы пришли посмотреть.

– Скажите ему, что я буду там через пять минут.

– Да, сэр. – Беннинг стал поворачиваться.

– Сержант,– сказал Роланд. – Скажите ему, что мы там будем через пять минут.

– Ух… да, сэр. – Беннинг быстро взглянул на полковника и вышел как можно быстрее.

Маклин был полон холодного гнева. – Вы ходите по краю, Роланд. Слишком близко.

– Да. Но вы ничего не сделаете. Не можете. Я помог вам построить все это. Я помог вам собрать все это. Если бы я не ампутировал вам руку в Земляном Доме, вы бы сейчас уже истлели. Если бы я не сказал вам использовать для торговли наркотики, вы бы все еще были нулем. Если бы я не казнил для вас Фредди Кемпку, не было бы Армии Совершенных Воинов. Вы спрашивали моего совета и делали, что я говорил. Так было всегда. Солдаты подчиняются вам, но вы подчиняетесь мне. –

Повязки натянулись, когда он улыбнулся. Он увидел вспышку неуверенности – нет, слабости – в глазах Короля. И он понял правду. – Я всегда добывал оперативную информацию и находил для нас поселения, на которые следовало нападать. Вы даже не можете распределить запасы так, чтобы не пропасть.

– Вы… маленькая сволочь,– удалось сказать Маклину. – Я… вас… расстреляю.

– Не расстреляете. Вы обычно говорили, что я ваша правая рука. И я этому верил. Но это никогда не было правдой, не так ли? Вы – моя правая рука. Это я настоящий Король, а вам просто даю поносить корону.

– Убирайтесь… убирайтесь… убирайтесь… – Маклину стало плохо, и он схватился за край стола, чтобы не упасть. – Вы мне не нужны! И никогда не были нужны.

– Всегда был нужен. И нужен сейчас.

– Нет… нет… не нужен. – Он затряс головой и отвернулся от Роланда, но все еще чувствовал на себе взгляд Роланда, проникающий ему в душу с хирургической точностью. Он вспомнил глаза тощего ребенка, который сидел в Зале собраний Земляного Дома на приеме в честь новоприбывших, и вспомнил, что увидел в них что–то свое – решительность, волю и, наконец, хитрость.

– Я по–прежнему останусь Рыцарем Короля,– сказал Роланд. – Мне нравится эта игра. Но отныне мы не будем притворяться, кто определяет правила.

Маклин вдруг поднял свою правую руку, чтобы ударить Роланда по лицу ладонью с гвоздями. Но Роланд не сдвинулся, не дрогнул. Скелетообразное лицо Маклина передернуло от гнева, он задрожал, но не нанес удара. Он издал звук, как будто задыхался, как проткнутый шарик, и комната, казалось, закрутилась бешено вокруг него. В мозгу раздался глухой, хитрый смех Солдата–Тени.

Смех звучал долго. А когда закончился, рука Маклина упала вдоль тела.

Он стоял, уставившись в пол, с мыслями о грязной яме, где выживали только сильные.

– Мы должны пойти посмотреть машину Мангрима,– предложил Роланд, и на этот раз его голос звучал мягко, почти тихо. Снова голос мальчика. – Я довезу вас в своем “Джипе”. Хорошо?

Маклин не ответил. Но когда Роланд повернулся и пошел к двери, Маклин последовал за ним как собачка, покорная новому хозяину.

Глава 76. Приз Роланда

С темными фарами, машины Армии Совершенных Воинов в три ряда медленно двигались по парковочной площадке, в то время как свистящий ветер слепил и задувал снег. Видимость была не более девяти–десяти футов по всем направлениям, но снежная буря дала возможность АСВ расчистить некоторые завалы на площадке с помощью двух – трех бульдозеров. Они собрали замерзшие трупы и скрученный металл в огромные кучи по обе стороны того, что пехота АСВ назвала теперь “Долиной Смерти”. Роланд ехал в своем “Джипе” в середине первого ряда, с сержантом Мак–Коуэном за рулем. Под курткой у него была кобура с пистолетом калибра 9 мм, а сбоку М–16. На полу возле правого ботинка лежала ракетница и две красных ракеты.

Он знал, что это будет очень хороший день.

Солдаты ехали на капотах, кузовах и крыльях машин, своим весом увеличивая силу сцепления. За передовыми колоннами следовало еще около 1200 солдат. Капитан Карр командовал левым флангом, а в удалении от “Джипа” Роланда правым флангом командовал капитан Уилсон. Оба они, вместе с другими офицерами, занятыми в операции “Распятие”, несколько раз проработали с Роландом планы, и Роланд точно определил им, чего он ожидает. Не должно быть никаких колебаний, когда будет дан сигнал, маневры следует исполнять точно, как наметил Роланд. Отступления не будет, сказал им Роланд; кто первым закричит об отступлении, будет расстрелян на месте. И после того, как приказы были отданы, а планы просмотрены еще и еще раз, полковник Маклин продолжал сидеть за своим рабочим столом.

О, да! – подумал Роланд, разгоряченный острой смесью возбуждения и страха. Будет хороший денек!

Машины продолжали продвигаться, фут за футом, шум их моторов заглушался свистом ветра.

Роланд стер снег со стекол очков. В первой колонне солдаты стали слезать с капотов и крыльев машин и поползли по снегу вперед. Это были члены разведбригады, которую создал Роланд – небольшие юркие мужчины, которые могли подобраться близко к линии обороны Верности, не будучи замеченными. Роланд наклонился вперед на сиденье, наблюдая за кострами Верности. Как раз сейчас, он знал, солдаты разведбригады занимают свои позиции на правом и левом фланге линии обороны, и они первыми откроют огонь, когда будет дан сигнал. Если бы разведбригаде удалось отвлечь внимание к правому и левому

флангам обороны, то в центре может образоваться в замешательстве дыра – и именно здесь он собирался прорываться.

Впереди вспыхнул оранжевый огонь – отблеск от одного из костров на линии обороны. Роланд прочистил еще раз очки, увидел свет еще от одного костра слева примерно в тридцати ярдах. Он поднял ракетницу и вставил одну ракету. Затем держа в левой руке вторую ракету, он встал в “Джипе” и ждал, когда наступающая волна пройдет еще несколько ярдов.

Сейчас, решил Роланд, и нацелился из пистолета над ветровым стеклом в сторону левого фланга. Он нажал на спусковой крючок, ракетница чихнула; блестящая малиновая вспышка прочертила небо – прошел первый сигнал. Машины слева закрутились, вся линия развернулась дальше влево. Роланд быстро перезарядил пистолет и дал второй сигнал в сторону левого фланга. Машины на той стороне замедлили ход и повернули вправо.

Сержант Мак–Коуэн тоже повернул руль влево. Шины некоторое время буксовали по снегу. Роланд отсчитывал время: восемь… семь… шесть… Он увидел быструю белую вспышку ружейного огня на краю левого фланга, прямо на линии обороны Верности, и понял, что разведбригада на той стороне приступила к работе.

Пять… Четыре…

Слева машины АСВ вдруг включили фары, слепящие лучи огня проникали сквозь снег, доходя до часовых Верности, находящихся не более, чем в десяти ярдах. Секундой спустя зажглись фары и слева. Автоматные пули, выпускаемые в слепой панике часовыми, прочерчивали снег в шести футах перед “Джипом” Роланда.

Один,– досчитал Роланд.

И массивный предмет – наполовину машина и наполовину сооружение из средневекового кошмара,– который следовал в тридцати футах позади командного “Джипа”, вдруг взревел и двинулся вперед, давя трупы и обломки, его стальная лопата поднялась для защиты от огня. Роланд смотрел, как громадная военная машина пронеслась мимо, набирая скорость, в направлении центра вражеской обороны – “Вперед!” – закричал Роланд.

– Вперед! Вперед!

Эта конструкция Мангрима приводилось в действие бульдозером, водитель был в кабине, прикрытой бронированной плитой; но за бульдозером на буксире, привязанная стальными кабелями, располагалась широкая деревянная платформа на колесах и осях от грузовика. С платформы поднимался сложный

деревянный каркас, сделанный из крепких телефонных столбов, сбитых и скрепленных воедино, чтобы поддерживать центральную лестницу, которая поднималась вверх более чем на семьдесят футов. Лестницы были взяты из жилых домов в опустевшем районе вокруг торгового центра. Длинная лестница слегка на вершине искривлялась вперед и заканчивалась трапом, который можно было открепить и выдвинуть вперед как подвесной мост в замке. Колючая проволока и исковерканные куски металла с разломанных машин прикрывали внешние поверхности с прорезанными тут и там бойницами на некоторых площадках лестницы. Для поддержки веса некоторые телефонные столбы были железными шипами скреплены с бульдозером, которые удерживали военную машину.

Роланд знал, что это такое. Он видел такие штуки на картинках в книгах. Альвин Мангрим построил осадную башню, которые использовались средневековыми армиями для штурма укрепленных крепостей.

А потом поднятая лопата бульдозера обрушилась на бронированный почтовый грузовик, который был разрисован надписями вроде “ЛЮБИ СПАСИТЕЛЯ” и “УБИЙСТВО – ЭТО МИЛОСЕРДИЕ”, и стала его оттаскивать назад прочь от линии обороны. Почтовый фургон навалился на легковушку, и она была раздавлена между ним и бронированным фургоном “Тойота”. Когда бульдозер двинулся вперед, его мотор заревел и гусеницы стали отбрасывать черные хлопья снега. Осадная башня закачалась и затрещала как пораженные артритом кости, но она была сделана прочно и выдержала.

Выстрелы вспыхивали на левом и правом фланге линии обороны Верности, но солдаты, находившиеся в центре, были в замешательстве отброшены назад, некоторые убиты сразу же, когда проходил бульдозер. Сквозь брешь, которую открыл бульдозер, бросилась толпа кричащих пехотинцев АСВ, выпускающих из своих винтовок смерть. Пули свистели и высекали из металла искры, дальше подожгли бочку с бензином, которая взорвалась, осветив поле битвы адским отсветом.

Бульдозер разгреб обломки и продолжал идти дальше. Когда его стальная лопата уперлась в стену крепости, водитель заглушил мотор и нажал на тормоза. Грузовик, нагруженный солдатами и десятью бочками с бензином прорвался сквозь проход, пробитый бульдозером и осадной башней, и его занесло в сторону. Когда другие пехотинцы открыли накрывающий огонь, некоторые солдаты стали разгружать бочки с бензином, в то время как остальные, которые тащили катушки с веревками, побежали к осадной башне и стали карабкаться по ступенькам. На

вершине они освободили трап и выдвинули его вперед; снизу трапа были прибиты сотни длинных гвоздей, которые зацепились за снег на крыше, когда трап упал на место. Теперь башню и крышу соединял деревянный мост длиной в семь футов. Один за другим по нему пробегали солдаты, а с крыши они стали бросать концы веревок тем, кто подкатывал к стене бочки с бензином. Веревки уже имели петли и были связаны, и в то время как одну закрепляли за один конец бочки, другую уже привязывали к другому концу. Бочки с бензином поднимали на крышу одну за другой в быстрой последовательности.

К осадной башне устремились еще солдаты, занимали свои места у бойниц и вели стрельбу по массе пехоты Верности, которая отступала ко входу на площадку, а потом солдаты на крыше покатили бочки к центральному световому окну, а оттуда вниз на плотно занятое пространство в помещение Американской Верности, где многие еще спали и совсем не знали, что происходит. Когда бочки попали вниз, солдаты прицелились и выстрелили из винтовок, пробив бочки, чтобы бензин выливался. Полетели искры, и с громким звуком “хумм!” бензин взорвался.

Стоя в своем “Джипе”, Роланд увидел вспышку в ночи, вырвавшуюся из светового отверстия убежища.

– Мы их достали! – закричал он. – Мы их достали!

Под световым отверстием, на переполненном дворике торговой площадки мужчины, женщины и дети танцевали под мелодию Роланда Кронингера. Сквозь световые окна еще падали бочки с бензином, взрываясь как напалмовые бомбы и разгораясь в огромный пожар. Через две минуты весь пол во дворике был залит горящим бензином. Сотни тел горели, еще сотни пытались высвободиться, топча своих братьев и сестер, хватаясь в этом море огня за глоток воздуха.

Теперь остальные машины Армии Совершенных Воинов врезались в линию обороны, воздух был полон визга пуль. Мимо “Джипа” Роланда пробежала горящая фигура и как соломенная кукла была раздавлена колесами наступающего грузовика. Солдаты Верности паниковали, не зная куда бежать, а тех, которые пытались вести бои, тут же убивали. С площадки валил дым, а люди на крыше все еще продолжали сбрасывать бочки с бензином. Роланд слышал взрывы даже сквозь ружейный огонь и крики.

Солдаты Армии Совершенных Воинов ворвались на площадку. Роланд подхватил свою М–16 и выпрыгнул из “Джипа”, побежав сквозь путаницу тел ко входу. Трассирующая пуля пронеслась мимо лица, он споткнулся и упал на искалеченные тела, вскочил снова и побежал дальше. Перчатки его стали

малиновыми, чья–то кровь залила спереди его куртку. Этот цвет ему понравился, он подходил солдату.

На площадке он был среди десятков солдат АСВ, которые стреляли по вражеским солдатам, находящимся в магазинчиках. Серый дым вился в воздухе, горящие люди бежали по коридору, но большинство из них падало, не успев далеко убежать. Воздух содрогнулся от взрыва, когда взорвалась последняя бочка бензина, и Роланд почувствовал тошнотворную волну жара из дворика. Он вздохнул отравляющую вонь горящего мяса, волос, одежды. Земля продолжала сотрясаться от взрывов, и Роланд подумал, что это, должно быть, взлетает в воздух склад боезапасов Американской Верности.

Солдаты Верности стали бросать оружие и выходить из магазинов, взывая о пощаде. Но они ничего не получали.

– Ты! Ты! И ты! – закричал Роланд, указывая на трех солдат. – Следуйте за мной! – Он побежал в направлении книжного склада.

Весь дворик был сплошной массой огня. Жар был таким ужасным, что сотни тел стали плавиться и течь. Свистящий ветер завывал у стен. Куртка Роланда, когда он пробегал мимо дворика в коридор, задымилась. Трое солдат следовали прямо за ним.

Но вдруг Роланд остановился, глаза его расширились от ужаса.

Напротив склада книжного магазина Далтона был припаркован один из танков Верности.

Солдат позади него сказал: – О Боже…

Пушка на башне танка выстрелила; раздался раздирающий уши грохот, от которого вылетели последние стекла в складе. Но орудие было наведено слишком высоко, горячая волна от снаряда отбросила Роланда и следующего за ним солдата на землю, пройдя в четырех футах над ними. Снаряд, не взорвавшись, пробил и взорвался только в воздухе примерно в пятидесяти футах, убив много солдат из числа бросавших бочки с бензином.

Роланд и солдаты открыли огонь, но их пули без всякого ущерба отскакивали от брони. Танк дернулся вперед, к ним, давя все перед собой, а потом остановился, попятился и стал поворачивать вправо. Его башня начала кружиться, снова выстрелило орудие, на этот раз пробив в стене отверстие размером с грузовик. Скрипели и визжали гусеницы, и со взрывом, выпустив клубы серого дыма, многомиллионодолларовая машина вздрогнула и остановилась.

Или водитель не знает, что делает, или танк никуда не годится, подумал Роланд.

Открылся люк. Выпрыгнул человек с поднятыми руками.

– Не стреляйте! – закричал он. – Пожалуйста, не стре…

Его прервали пули, попавшие прямо в лицо и шею, и он сполз обратно в танк.

Два солдата Верности с винтовками появились у входа в склад и начали стрельбу. Пехотинец АСВ справа от Роланда был убит, но через несколько секунд огонь прекратился, и оба солдата Верности лежали изрешеченные пулями. Путь в склад был открыт.

Когда просвистел выстрел, Роланд нырнул на пол, а за ним и солдат. Двое других открыли огонь в темноту в глубине склада, но больше не сопротивлялся.

Роланд ногой выбил дверь и отпрыгнул в сторону, готовый наводнить комнату пулями, если Спасителя охраняют еще и другие солдаты. Но никакого движения, никакого шума не последовало.

Внутри склада горел единственный масляный фонарь. С винтовкой наготове, Роланд метнулся и упал на пол.

Спаситель, в зеленой куртке и бежевых брюках с заплатками, сидел в кресле. Руки были сжаты, голова откинута назад, и Роланду были видны пломбы в зубах. Кровь сочилась из пулевого отверстия между глазами. Второе пулевое отверстие было черным и опалило зеленую куртку над сердцем. Роланд видел, что руки вдруг в конвульсиях разжались и сжались. Но он был мертв. Роланд очень хорошо знал, как выглядит мертвый.

Что–то шевельнулось за фонарем.

Роланд прицелился из винтовки. – Выходи. Быстро. Руки за голову.

Последовала долгая пауза, и Роланд чуть не выпустил несколько очередей но потом на свет шагнула фигура с поднятыми руками. В одной руке у него был автоматический пистолет калибра 11.43 мм.

Это был брат Тимоти с мертвенно–бледным лицом. И Роланд знал, что он прав; он был уверен, что Спаситель не отпустит далеко от себя брата Тимоти.

– Бросить оружие,– приказал Роланд.

Брат Тимоти слабо улыбнулся. Он опустил руки, повернул дуло пистолета к своему виску и нажал на спуск.

– Нет! – закричал Роланд, почти бросившись, чтобы его остановить.

Но пистолет щелкнул… и еще щелкнул… и еще щелкнул.

– По его плану я должен был убить его,– сказал брат Тимоти, пока пистолет продолжал щелкать с пустой обоймой. – Он мне так велел. Он сказал, что язычники победили, и что последним моим делом будет избавить его от рук язычников… и потом избавить себя. Вот что он мне сказал. Он показал мне, куда в него

стрелять… два места.

– Положите,– сказал Роланд.

Брат Тимоти усмехнулся и из каждого глаза выкатилось по слезе. – Но там было только две пули. Как я должен был сам избавиться… если было только две пули?

Он продолжал щелкать затвором, пока Роланд не отобрал пистолет, потом стал всхлипывать и упал на колени.

Пол вздрогнул, когда на горящие трупы обрушилась крыша, ослабленная огнем, тоннами воды от растаявшего снега и семью годами отсутствия ухода. Стрельба почти везде прекратилась. Схватка почти закончена, и Роланд получил свой приз.

Глава 77. Что видел Старьевщик

Однажды днем, когда в Мериз Рест медленно падал снег, с севера в город въехал грузовик с провисшей подвеской. Его чихающий мотор сразу же сделал его центром внимания – но теперь почти каждый день появлялись новые люди, некоторые в избитых старых машинах или на грузовиках, некоторые на запряженных лошадьми повозках, а большинство пешком, с пожитками в картонных коробках и чемоданах, так что новоприбывшие теперь не привлекали такого внимания, как раньше.

С обеих сторон грузовика было написано красными буквами “СТАРЬЕВЩИК”. Водителя звали Валсевик, и он с женой, двумя сыновьями и дочерью следовали образцу нового общества бродяг – оставаться в поселении достаточно долго, чтобы найти себе пищу, воду и отдых, а потом понять, что есть и другие места, где получше. Валсевик был раньше водителем автобуса в Милуоки, тихо лежал с гриппом, когда разрушили его город, и он до сих пор не решил, повезло ему или нет.

За последние две недели он наслушался слухов от людей, которых встречал по дороге: впереди город под названием Мериз Рест, в этом городе источник такой сладкой воды, словно в Фонтане Молодости. У них там есть кукурузное поле и яблоки, падающие прямо с неба, а еще у них есть газета и они строят церковь.

И в этом городе – такие слухи – есть девушка по имени Свон, обладающая силой жизни.

У Валсевика и его семьи были темные волосы и глаза, оливковый цвет лица, доставшийся им от многих поколений цыганской крови. Жена его была привлекательна, с тонким, точеным и гордым лицом, с длинными черными волосами с седыми прядями, темно–карими глазами, которые, казалось,

светились. Прошло меньше недели с тех пор как растрескался шлем из наростов, покрывавших ее лицо и голову, и Валсевик оставил среди занесенного снегом леса горящий фонарь, зажженный в честь Девы Марии.

Когда Валсевик въехал подальше в город, он действительно увидел источник прямо посреди дороги. Рядом с ним горел костер, а дальше по дороге люди перестраивали какое–то здание, дощатое, которое могло бы быть церковью. Валсевик счел место подходящим и стал делать то, что он и его семья делали в каждом поселении, куда они приезжали: он остановил на дороге свой грузовик, а его мальчики открыли заднюю панель и стали вытаскивать ящики, полные разных предметов для продажи и обмена, среди которых были многие собственного изобретения их отца. Жена Валсевика и дочь поставили столы, чтобы выложить товары, к этому времени Валсевик поднес ко рту старый мегафон и стал зазывать, привлекая внимание к своей торговле:

– Подходите, ребята, не стесняйтесь! Идите и посмотрите что вам привез старьевщик! Берите инструменты, домашние приспособления и безделушки со всей страны! Берите игрушки для малышей, старину прошлого века, мои собственные изобретения для облегчения и подмоги в нынешней жизни – Бог знает, что всем нужна подмога и радость, не так ли? Так что подходите, ближе, все!

Люди стали толпиться у его столов, рассматривая, что привез старьевщик: пеструю женскую одежду, включая вечерние платья с блестками и яркие купальники, туфли на высоких каблуках, оксфордские седла и тапочки для бега, летние мужские рубашки с коротким рукавом, большинство еще с этикетками, открывалки для банок, сковородки, тостеры, часы, транзисторные приемники и телевизоры, лампы, садовые шланги, стулья для газонов, зонтики и кормушки для птиц, игры в коробках, вроде “Монополии” и “Риска”, плюшевых медведей, игрушечные автомобильчики, кукол и наборы авиамоделей. Собственными изобретениями Валсевика были бритвенные лезвия, приводящиеся в действие приводом из резиновых ремней, очки со щитками, протирающими стекла, и небольшой пылесос, работающий от моторчика с резиновым приводом.

– Что вы хотите за это? – спросила женщина, держа шарф с блестками.

– У вас есть резиновая лента? – поинтересовался он, а когда она покачала головой, то велел ей идти домой и принести, что у нее есть на обмен, и может тогда они смогут сторговаться.

– Я буду менять на все, что у вас есть! – сказал он толпе. – Цыплята, консервы, расчески, ботинки, наручные часы –

приносите, и будем договариваться! – Он уловил в воздухе нежное благоухание и повернулся к жене.

– Я схожу с ума,– спросил он,– или это пахнет яблоками?

Женская рука взяла какой–то предмет со стола перед Валсевиком. – Это уникальный предмет, сударыня! – сказал Валсевик. – Да, мадам! Вы больше не увидите ничего похожего! Возьмите. Потрясите его!

Снежинки полетели на крыши домов города, заключенного в стекляшке, которую она держала.

– Здорово, да? – спросил Валсевик.

– Да,– ответила женщина. Ее бледно–голубые глаза следили за тем, как падают снежинки. – Сколько это стоит?

– О, хотя бы две банки консервов. Но… раз вам так понравилось… – Он сделал паузу, рассматривая потенциального покупателя. Она была крепкая, с квадратными плечами и выглядела так, как будто могла распознать ложь за милю. У нее были густые седые волосы, подстриженные до плеч и зачесанные назад. Кожа у нее была гладкая и без морщин, как у новорожденного, и было трудно судить, сколько ей лет. Может, ее волосы поседели преждевременно, подумал Валсевик,– но все равно в глазах было что–то мудрое, как будто они видели и запомнили целую жизнь, полную борьбы. Она была красивой женщиной, даже с очень хорошенькими чертами – с царственным взглядом, решил Валсевик, и вообразил, что до семнадцатого июля она могла носить меха и брильянты и иметь полный дом слуг. Но в лице ее была также доброта, и в следующую секунду он подумал, что она была учительницей или миссионером, или социальным работником. Под мышкой она крепко держала кожаный футляр. Деловая женщина, подумал Валсевик. Да–а. Вот кем она была. Возможно, имела свое дело. – Ну,– сказал он. – Что у вас есть на обмен, сударыня? – Он кивнул на кожаный футляр.

Она слегка улыбнулась, встретившись с ним глазами. – Можете называть меня Сестра,– сказала она. – И я очень сожалею, но я не могу отдать то, что у меня здесь.

– Мы не можем вечно держать вещи,– сказал Валсевик, пожав плечами,– мы должны расставаться с ними. Это американская манера.

– Я думаю, да,– согласилась Сестра, но не отпустила свой футляр. Она снова потрясла стеклянный шарик, посмотрела, как закружились снежинки. Затем положила обратно на стол. – Спасибо,– сказала она,– я просто смотрю.

– Ну, вот! – Кто–то рядом с ней залез в коробку и поднял потертый стетоскоп. – Разговоры о старье! – Хьюг повесил его себе на шею. – Как я выгляжу?

– Очень профессионально.

– Я так и думал. – Хьюг не мог сдержаться и не посмотреть на ее новое лицо, хотя и видел его за последние два дня достаточно часто. Робин послал несколько человек в пещеру за Хьюгом и остальными мальчишками и привел их жить в Мериз Рест. – Что вы хотите за это? – спросил Хьюг у Валсевика.

– Ну, что–нибудь стоящее, вроде… нужно посмотреть. Знаете, я надеюсь, что когда–нибудь смогу встретить врача, кому это на самом деле нужно. Я не могу продать это просто так кому попало. Ух… что вы можете дать за это?

– Думаю, что могу дать вам за это несколько резиновых полос.

– Продано.

Рядом с Сестрой выросла гигантская фигура, и Валсевик увидел, когда Хьюг отошел, шишковатое лицо в наростах. Он только слегка вздрогнул, потому что привык к такого рода зрелищам. Рука гиганта была на перевязи, сломанные пальцы были завязаны и наложены шины, благодаря любезности нового городского врача.

– Как насчет этого? – спросил Джош Сестру, держа длинное черное платье, покрытое блестками. – Ты думаешь, оно ей понравится?

– О, да. На открытии нового сезона в опере она будет выглядеть великолепно.

– Я думаю, что Глории оно понравится,– решил он. – Я имею в виду… даже если не понравится, она сможет использовать материал, да? Я возьму его сказал он Валсевику, положив платье на стол. – И это тоже. – Он взял зеленый пластмассовый трактор.

– Хороший выбор. Ух… а что у вас есть на обмен?

Джош колебался. Потом сказал,– Подождите минутку. Я сейчас вернусь, и пошел к хижине Глории, прихрамывая на левую ногу.

Сестра смотрела, как он идет. Он был силен как бык, но человек с алым глазом почти убил его. У него было сильное растяжение плеча, ушибленная левая коленная чашечка, три сломанных пальца и переломанное ребро, он весь был в ссадинах и порезах, которые еще не зажили. Джошу повезло, что он остался жив. Но человек с алым глазом покинул свое логово под сгоревшей церковью; к тому времени, когда туда пришли Сестра с Полом, Анной и полудюжиной мужчин с винтовками, этот человек уже ушел, и хотя вход туда круглосуточно сторожили четыре дня, он не вернулся. Дыру забили, и было продолжена работа по восстановлению церкви.

Но Сестра не знала, ушел ли он из Мериз Рест или нет. Она

помнила сообщение, которое принес Джош: “Я сделаю эту работу руками самих же людей”.

Вокруг нее толкались люди, рассматривая вещи, как будто это были предметы чужой культуры. Она смотрела на все – сейчас это старье, но несколько лет назад без этого не обходился в хозяйстве никто. Она подняла таймер для варки яиц и снова уронила его в коробку, где были булавки, кухонные формочки и приспособления. На столе лежал многоцветный кубик, и она вспомнила, что это называлось “кубик Рубика”. Она взяла иллюстрированный календарь с изображением рыбака с трубкой в зубах, забрасывающего удочку в голубой ручей.

– Всего только восьмилетней давности,– сказал ей Валсевик. – Если отсчитаете назад, то сможете определить даты. Я и сам люблю отслеживать дни. Вот сегодня – одиннадцатое июня. Или двенадцатое. Ну, или то, или другое.

– Где вы все это берете?

– Когда где. Мы долго странствовали. Думаю, что слишком долго. Ага, интересуетесь хорошеньким серебряным медальоном? Смотрите! – Он, щелкнув, открыл его, но Сестра быстро отвела взгляд от пожелтевшей фотографии улыбающейся маленькой девочки внутри. – Простите. – Он закрыл медальон. Может, мне не следует его продавать? А?

– Нет. Его следует спрятать.

– Да. – Он отложил его и посмотрел на низкие темные облака. – Однажды утром в июне, эге? – Он обвел взглядом хижины, в которых его сыновья торговались с покупателями. – Сколько здесь живет народу?

– Точно не знаю. Может, пятьсот – шестьсот. Все время прибывают новые люди.

– Полагаю, что так. Похоже, что у вас здесь есть водоснабжение. И дома неплохие. Мы видели гораздо хуже. Знаете, что мы слышали по дороге сюда? – Он усмехнулся. – Что у вас большое кукурузное поле, а яблоки падают прямо с неба. Разве это не самое смешное, что я слышал в жизни?

Сестра улыбнулась.

– И говорят, что здесь есть девушка по имени Свон или что–то в этом роде, которая умеет выращивать урожай. Просто прикасается к почве, и все так и растет. Как насчет этого? Да вся страна опустела бы, если бы это не было только воображением.

– Вы собираетесь остаться здесь?

– Да, по крайней мере на несколько дней. На первый взгляд, здесь порядок. Я скажу вам, что снова на север мы не поедем, нет, мэм!

– Почему? Что там на севере?

– Смерть,– сказал Валсевик и нахмурился, покачав головой. – Некоторые помешались. Мы слышали, что на севере продолжается война. Что там есть какая–то проклятая армия, с этой стороны границы Айовы. Или того, что было Айовой. Во всяком случае, чертовски опасно ехать на север, поэтому мы направляемся на юг.

– Армия? – Сестра вспомнила, что Хьюг Райен рассказывал ей и Полу о полях сражений. – Какого рода армия?

– Такого рода, которая убивает, сударыня! Понимаете, мужчины и оружие. Предполагается, что идут две–три тысячи солдат, и ищут, кого убить. Я не знаю, какого черта они там делают. Сволочи с железяками. Дерьмо, вроде того, которое нас привело к тому, в чем мы сейчас барахтаемся.

– Вы их видели?

Жена Валсевика слышала о чем они говорят, а теперь встала рядом с мужем. – Нет,– сказала она Сестре. – Но однажды мы видели на расстоянии огни их костров, как горящий город. Сразу после этого мы нашли на дороге человека – он был весь изранен и полумертв. Он назвал себя братом Давидом и рассказал нам о войне. Он сказал, что самое плохое произошло возле Линкольна, штат Небраска, но что еще идет охота за людьми Спасителя вот что он сказал, но он умер раньше, чем мы могли понять смысл всего этого. И мы повернули к югу и убрались оттуда.

– Молитесь лучше, что они не пришли сюда,– сказал Валсевик Сестре. – Эти сволочи с железками.

Сестра кивнула, а Валсевик пошел торговаться с кем–то по поводу часов. Если действительно с этой стороны границы Айовы идет армия, то она, должно быть, в сотне миль от Мериз Рест. Боже мой! – подумала она. Если две – три тысячи “солдат” пройдут через Мериз Рест, то они же сметут и затопчут все. И она также подумала о том, что она в последнее время видела в стеклянном кольце, и внутренне застыла.

Почти в ту же самую минуту она почувствовала, как ее омыло ледяной волной ненависти, и поняла, что *он* позади, или рядом с ней, или где–то очень близко. Она почувствовала, что он пристально на нее смотрит, как будто когтями нацелившись ей в шею. Она быстро осмотрелась, нервы ее забили тревогу.

Но все люди вокруг нее были, казалось, заинтересованы тем, что лежало на столах или коробках. Никто на нее не смотрел, и ледяная волна, казалось, ослабла, как будто человек с алым глазом – где бы и кто бы он ни был отошел.

Однако его холодное присутствие еще держалось в воздухе. Он был близко… Где–то очень близко, спрятавшись в толпе.

Она уловила неожиданное движение справа от себя, заметила

фигуру, которая к ней приближалась. Она обернулась и увидела человека в темном пальто, стоящего слишком близко, чтобы можно было убежать. Она отпрянула назад – и тогда худая рука этого человека проскользнула мимо ее лица, как змея.

– Сколько это стоит? – спросил он Валсевика. В руке его была небольшая игрушечная обезьяна, дергающая и бьющая в две маленькие цимбалы.

– А что у вас есть?

Человек достал перочинный нож и протянул его. Валсевик внимательно осмотрел его и кивнул. – Это твое, дружище. – Человек улыбнулся и отдал игрушку ребенку, который стоял рядом с ним и терпеливо дожидался.

– Вот,– сказал Джош Хатчинс, снова вернувшись к столу. В своей доброй руке он нес что–то, завернутое в коричневую ткань. – Как на счет этого? Он положил ткань на стол, рядом с блестящим черным платьем.

Валсевик развернул ткань и немо уставился на то, что было внутри. О–о… Боже мой,– прошептал он.

Перед ним лежали пять початков золотой кукурузы.

– Я подумал, что вы, может, захотите по одному на каждого,– сказал Джош. – Правильно?

Валсевик взял один из них, пока его жена зачарованно смотрела через его плечо. Он понюхал и сказал:

– Оно НАСТОЯЩЕЕ! Боже мой, оно настоящее! Оно такое свежее, что я чувствую запах земли!

– Конечно. У нас недалеко отсюда растет целое поле кукурузы.

Валсевик смотрел на него, как будто мог вдруг упасть.

– Ну,– спросил Джош. – Мы сторговались или нет?

– Да. Да. Конечно! Берите платье! Берите все, что хотите. Боже мой! Это же свежая кукуруза! – Он взглянул на человека, которому нужны были часы. – Берите! – сказал он. – Берите все! Эй, сударыня! Вы хотите этот шарф? Он ваш! Я не могу… Я не могу *поверить* этому! – Он дотронулся до руки Джоша, пока Джош осторожно брал новое платье Глории. – Покажите мне,– попросил он. – Пожалуйста, покажите мне. Прошло столько времени с тех пор, как я видел, что–нибудь растущее! Пожалуйста!

– Хорошо! Я отведу вас в поле. – Джош сделал ему знак следовать за ним.

– Мальчики, следите за торговлей! – велел Валсевик сыновьям. А потом оглядел лица в толпе и сказал: – Черт! Да отдавайте им все, что они хотят! Они могут брать любые вещи! – И он вместе с женой и дочерью отправился следом за Джошем в

поле, где зрели золотистые кукурузные початки.

Потрясенная и возбужденная, Сестра все еще чувствовала его холодное присутствие. Она стала отходить к дому Глории, крепко держа под мышкой кожаный футляр. Она все еще чувствовала, что за ней следят, как будто он действительно был где–то там, она хотела уйти в дом, подальше от него.

Она была уже почти у крыльца, когда услышала крик “Нет!” и, мгновение спустя, звук от заводящегося мотора грузовика.

Она обернулась.

Грузовик старьевщика отъезжал задним ходом, опрокидывая столы и давя коробки с товаром. Люди визжали и разбегались с дороги. Сыновья Валсевика старались взобраться на место водителя, но один из них споткнулся и упал, а другой был недостаточно ловок. Колеса грузовика переехали женщину, которая упала на землю, и Сестра услышала, как хрустнула у нее спина.

На пути оказался ребенок, но его оттолкнули в безопасное место, и грузовик загрохотал по дороге. Потом он сполз и изменил направление, врезавшись в какую–то лачугу, и снова стал разворачиваться. Колеса отбрасывали снег и грязь, когда он дергался вперед, чихал мотор и набирал скорость по дороге из Мериз Рест, направляясь на север.

Сестра побежала помочь тем, кто упал и чуть не попал под машину. Чудеса старьевщика, его старина и изобретения были раскиданы по улице, и Сестра увидела, как через заднюю стенку грузовика вылетают товары, пока он уносится прочь, буксуя на поворотах и скрываясь из виду.

– Он украл грузовик нашего отца! – закричал сын Валсевика, почти в истерике. – Он украл грузовик нашего отца! – Другой мальчик побежал за отцом.

Сестру охватило чувство ужаса, которое как кулаком ударило ее в живот. Она подбежала к мальчику и схватила его за руку. Он все еще был ошеломлен, слезы гнева потоком лились из его темных глаз. – Кто это был? спросила она его. – Как он выглядел?

– Я не знаю! Его лицо… Я не знаю!

– Он тебе что–нибудь сказал? Подумай!

– Нет,– мальчик покачал головой. – Нет. Он просто был… там. Прямо передо мной. И… я увидел, что он улыбается. Потом он схватил их и побежал к грузовику.

– Подхватил их? Подхватил что?

– Кукурузные початки,– сказал мальчик. – Кукурузу он тоже украл.

Сестра отпустила его руку и уставилась на дорогу. На север.

Туда, где была армия.

– О, Боже мой,– хрипло сказала Сестра.

Она двумя руками держалась за кожаный футляр и ощущала стеклянное кольцо внутри него. За последние две недели она совершала прогулки во сне в страну видений – кошмаров, где реки полны крови, небеса имеют цвет открытых ран, а скелет верхом на лошади–скелете жнет на человеческом поле.

Я сделаю эту работу руками самих же людей, обещал он. Руками самих же людей.

Сестра оглянулась на дом Глории. Свон стояла на крыльце в своем пальто из разноцветных лоскутков, и тоже пристально глядела на север. Тогда Сестра направилась к ней, чтобы рассказать, что случилось, и чего она боялась, что еще может случиться, когда человек с алым глазом доберется до армии и покажет им свежую кукурузу. Когда он расскажет им о Свон, и заставит их понять, что марш в сотню миль это ерунда, чтобы найти девушку, которая может выращивать урожай на мертвой земле.

Урожай, достаточный, чтобы прокормить армию…

Глава 78. Друг

– Введите его,– приказал Роланд Кронингер.

Два часовых сопровождали незнакомца по ступенькам, ведущим в трейлер полковника Маклина. Роланд увидел, что незнакомец левой рукой погладил лицо демона, вырезанное из дерева, а в правой нес что–то, завернутое в коричневую ткань. Оба часовых держали пистолеты, нацеленными в голову незнакомца, потому что он отказался отдать сверток, и чуть не сломал руку солдату, который попытался отнять его. Два часа назад он был остановлен часовым на южной окраине лагеря АСВ и сразу же приведен к Роланду Кронингеру на допрос. Роланд только раз взглянул на незнакомца и понял, что это необычный человек; но тот отказался отвечать на вопросы, заявив, что он будет говорить только с главой армии. Роланд не смог отнять у него сверток, и никакие угрозы и запугивания пытками не производили на незнакомца никакого впечатления. Роланд был уверен, чтобы любой, на ком не было ничего кроме изношенных джинсов, теннисных туфель и пестрой летней рубашки с короткими рукавами в столь холодную погоду, очень бы испугался угрозы пытки.

Когда ввели этого человека, Роланд шагнул в сторону. По всей комнате стояли другие вооруженные охранники, и Маклин вызвал капитана Карра, и Уилсона, лейтенанта Тэтчера, сержанта Беннинга и капрала Мангрима. Полковник сидел за столом, а в

центре комнаты стоял стул для незнакомца. Рядом с ним стоял небольшой столик, на котором находилась горящая масляная лампа.

– Садитесь,– сказал Роланд, и человек повиновался. – Я думаю, вы все задаетесь вопросом, почему я хотел, чтобы вы встретились с этим человеком,– тихо сказал Роланд, в его очках отсвечивался красный свет лампы. На нем сейчас надето именно то, что было, когда его нашли. Он говорит, что не будет говорить ни с кем, кроме полковника Маклина. Хорошо, мистер,– сказал он незнакомцу. – Вот вам то, что вы просили.

Незнакомец оглядел комнату, осмотрев по очереди каждого. Немного дольше взгляд его задержался на Альвине Мангриме.

– Эй! – сказал Мангрим. – Я откуда–то тебя знаю, не так ли?

– Возможно. – У незнакомца был хриплый скрежещущий голос. Это был голос человека, только что превозмогшего болезнь. Маклин изучал его. Незнакомец выглядел молодым человеком лет двадцати пяти – тридцати. У него были вьющиеся шатеновые волосы и приятное лицо с голубыми глазами, он был без бороды. На рубашке у него были зеленые попугаи и красные пальмы. Маклин не видел таких рубашек с того времени, как упали бомбы. Это была рубашка для тропического побережья, а не для тридцатиградусного мороза.

– Откуда, черт побери, вы пришли? – спросил Маклин.

Глаза молодого человека встретились с его глазами. – Ах, да,– сказал он. Ведь это вы главнокомандующий?

– Я вам задал вопрос.

– Я вам кое–что принес. – Молодой человек вдруг бросил свой подарок Маклину на стол, и сразу же два охранника ткнули ему в лицо дула винтовок. Маклин съежился, мысленно представив как его разрывает бомбой на куски, и собрался нырнуть под стол – сверток упал на стол и раскрылся.

То, что было внутри, покатилось по его карте штата Миссури.

Маклин молчал, уставившись на пять кукурузных початков. Роланд пересек комнату и взял один из них, как и еще пара офицеров, толпившихся рядом.

– Уберите это от моего лица,– сказал охранникам молодой человек, но они сомневались, пока Роланд не велел им опустить винтовки.

– Откуда они у вас? – спросил Роланд. Он еще чувствовал запах земли, исходящий от початка, лежавшего у него в руке.

– Вы задали мне уже достаточно вопросов. Теперь моя очередь. Сколько всего в лагере человек? – Он кивнул на стену трейлера, за которой расположился лагерь и десятки его костров. Ни Роланд, ни полковник не ответили ему. – Если вы собираетесь

со мной играть,– сказал незнакомец слабо улыбаясь,– я заберу свои игрушки и отправлюсь домой. Ведь вы же не хотите, чтобы я так сделал?

Полковник Маклин прервал наконец тишину. – У нас… Около трех тысяч. Мы потеряли много солдат там, в Небраске.

– И все эти три тысячи – способные идти в бой мужчины?

– Кто *вы*? – спросил Маклин. Ему было очень холодно, и он заметил, что капитан Карр дует себе на руки, чтобы согреться.

– Способны ли эти три тысячи сражаться?

– Нет. У нас около четырехсот больных и раненых. И мы везем примерно тысячу женщин и детей.

– Так что у вас около тысячи пятисот солдат? – Молодой человек сжал ручки кресла. Маклин увидел, как что–то в нем изменилось, что–то незаметное – и потом понял, что левый глаз у молодого человека превращается в коричневый. – Я думал что это армия, а не бойскаутское войско!

– Вы говорите с офицером Армии Совершенных Воинов,– сказал Роланд, тихо, но с угрозой. – Мне плевать, кто вы. – Потом он тоже увидел коричневый глаз и поперхнулся.

– Подумаешь, великая армия! – издевался незнакомец. – Полное дерьмо! Цвет лица у него становился краснее, челюсти, казалось, раздувались. – У вас есть несколько ружей и грузовиков и вы думаете, что вы солдаты? Дерьмо вы! – Он почти выкрикнул это и его единственный голубой глаз стал мертвенно–серым. – Какое у вас звание? – спросил он Маклина.

Все молчали, потому что они тоже все это видели. А потом Альвин Мангрим, бодрый и улыбающийся, и почти влюбленный в незнакомца, сказал: – Он полковник!

– Полковник,– как эхо повторил незнакомец. – Ну, полковник, я думаю, что настало время, когда Армию Совершенных Воинов должен вести пятизвездный генерал. – Черная полоска промелькнула в его волосах.

Альвин Мангрим засмеялся и захлопал в ладоши.

– Чем вы кормите свои полторы тысячи солдат? – незнакомец встал, и люди вокруг стола Маклина отступили, толкая друг друга. Когда Маклин ответил недостаточно быстро, он щелкнул пальцами. – Говорите!

Маклин был ошеломлен. Никто, кроме охранявших его когда–то вьетконговцев, а это было целую вечность назад, никогда не осмеливался говорить с ним подобным образом. Обычно за такое неуважение он разрывал оскорбителя на кусочки, но он не мог спорить с человеком, у которого было лицо хамелеона и который носил рубашку с короткими рукавами, когда другие офицеры дрожали в пальто на шерстяной подкладке. Он вдруг

почувствовал, что ослаб, как будто этот молодой незнакомец высасывал энергию и жизненную силу прямо из него. Незнакомец манипулировал его вниманием как магнит, и его присутствие наполняло комнату волнами холода, который стал их оплетать как ледяные нити. Он оглянулся, чтобы получить хоть какую–нибудь помощь от других, но увидел, что они тоже загипнотизированы и недееспособны – и даже Роланд отступил, опустив вдоль тела сжатые кулаки.

Молодой незнакомец опустил голову. В таком положении он оставался около тридцати секунд, когда он снова поднял лицо, оно было приятным и оба глаза опять были голубыми. Но в его вьющихся шатеновых волосах оставалась черная прядь. – Прошу прощения,– сказал он с очаровательной улыбкой. – Я сегодня не в себе. Я действительно хотел бы знать, чем вы кормите свои войска?

– Мы… захватили недавно консервированные продукты… у Американской Верности,– наконец сказал Маклин. – Есть консервированный суп и тушенка… есть консервированные овощи и фрукты.

– И как долго такое снабжение может продолжаться? Неделю? Две?

– Мы идем на восток,– сказал ему Роланд, стараясь управлять собой. – В Западную Виржинию. По пути будем устраивать набеги на другие поселения.

– В Западную Виржинию? А что в Западной Виржинии?

– Гора… где живет Бог,– сказал Роланд. – Черный ящик и серебряный ключ. Брат Тимоти поведет нас. – Брат Тимоти был очень стойким, но и он раскололся, когда Роланд проявил к нему усиленное внимание в черном трейлере. По словам брата Тимоти, у Бога был серебряный ключ, который вставляется в черный ящик, и в сплошном камне открывается дверь. Внутри горы Ворвик – так сказал брат Тимоти – были коридоры с электрическим светом и гудящими машинами, которые крутили катушки с лентами, эти машины разговаривали с Богом, читая числа и факты, но это было слишком сложным для понимания брата Тимоти. Чем больше Роланд думал об этом рассказе, тем больше он убеждался в одной очень интересной вещи: что человек, который называл себя Богом, показал брату Тимоти комнату с компьютерными стойками, все еще подсоединенными к источнику питания.

И если под горой Ворвик в Западной Виржинии все еще находились работающие компьютеры, то Роланд хотел узнать, почему они там, и какую информацию они содержат – и почему кто–то был уверен, что они будут продолжать функционировать даже после всеобщей ядерной катастрофы.

– Гора, где живет Бог,– повторил незнакомец. – Ладно. Я сам хотел бы посмотреть на эту гору. – Он моргнул, и его правый глаз стал зеленым.

Никто не шевельнулся, даже охранники с винтовками.

– Посмотрите на эту кукурузу,– настоятельно посоветовал незнакомец. – Понюхайте ее. Она свежая, сорвана только пару дней назад. Я знаю, где находится целое поле растущей кукурузы, а еще там растут яблони. Сотни. Сколько времени прошло с тех пор, как вы пробовали яблоко? Или кукурузный хлеб? Или ароматную кукурузу, жареную на сковородке? – Он обвел всех пристальным взглядом. – Клянусь, что это было *слишком* давно.

– Где? – Рот Маклина наполнился слюной. – Где это поле?

– О… примерно в ста двадцати милях к югу отсюда. Городишко под названием Мериз Рест. У них там есть также и источник. Можете наполнить свои бутылки и фляги водой, у которой вкус солнечного света.

Его разноцветные глаза блестели, он подошел к краю стола Маклина. – В этом городе живет девчонка,– сказал он, положив ладони на стол, и наклонился. – Ее зовут Свон. Я бы хотел, чтобы вы с ней встретились. Потому что она заставляет расти кукурузу в мертвой земле, и она сажает яблочные семена, которые тоже растут. – Он ухмыльнулся, но в нем чувствовался гнев, его темный пигментированный нос выделялся как родимое пятно. – Она может заставить вырасти урожаи. Я видел, что она может делать. И если бы она была у *вас* – тогда вы бы могли прокормить свою армию, пока все голодают. Понимаете, что я имею в виду?..

Маклин дрожал от холода, который исходил от тела незнакомца, но не мог отвести взгляда от этих блестящих глаз. – Почему… вы все это мне говорите? Зачем это вам?

– О–о… давайте просто скажем, что я хочу быть на стороне побеждающей команды. – Темная пигментация исчезла.

– Мы идем к горе Ворвик,– сказал Роланд. – Мы не можем отклониться со своего маршрута на сто двадцать миль в сторону.

– Гора подождет,– тихо сказал незнакомец, все еще пристально глядя на Маклина. – Сначала я вас отведу, чтобы вы забрали девчонку. Потом вы можете идти искать Бога или Самсона, или Даниила, если хотите. Но сначала девчонка – и еда.

Молодой человек улыбнулся, и его глаза медленно стали одинакового голубого оттенка. Он теперь чувствовал себя гораздо лучше, гораздо сильнее. У меня хорошее самочувствие и настроение, подумал он. Может, именно будучи здесь, среди людей, думал он, у меня появятся хорошие идеи. Да, война хорошая вещь! Она прореживает население, при этом выживают только сильные, так что следующее поколение будет лучше. Он

всегда был защитником человеческой природы войны. А может он чувствовал себя сильнее, потому что находился вдали от этой девчонки. Эта проклятая ведьмочка изводила души этих бедняков из Мериз Рест, заставляя их верить, что их жизнь снова чего–то стоит. А такого рода обман не терпим.

Он взял левой рукой карту Миссури и подержал ее перед собой, просунув правую руку под нее. Роланд увидел, как поднимается клочок голубого дыма и почувствовал запах горящей свечи. А потом на карте появился выжженный круг, примерно в ста двадцати милях к югу от их нынешней позиции. Когда круг уже окончательно проявился, незнакомец опустил карту обратно на стол перед Маклином; его правая рука была сжата в кулак, и вокруг нее вился дымок.

– Вот куда мы идем,– сказал он.

Альвин Мангрим светился, как счастливое дитя. – Правильно, братишка!

Впервые в жизни Маклин почувствовал, что теряет сознание. Что–то раскрутилось и вышло из–под управления; шестеренки великой военной машины, которой была Армия Совершенных Воинов, начали крутиться по своему собственному разумению. В этот момент он осознал, что на самом деле ему нет особого дела до метки Каина, ни до очищения человеческой расы, ни до объединения для борьбы с русскими. Все это было только то, что он говорил другим, чтобы заставить их поверить, что у Армии Совершенных Воинов высокие мотивы. И себя тоже заставить этому поверить.

Теперь он понял, что всегда хотел одного, только чтобы его снова боялись и уважали, как это было тогда, когда он был молод и сражался в других странах, до того, как его реакция стала не такой быстрой. Он хотелось, чтобы люди называли его “сэр”, и чтобы они не ухмылялись, когда это делают. Он хотелось снова быть чем–то значительным, а не трутнем, засунутым в обвисший мешок с костями и грезящим о прошлом.

Он осознал, что перешел через черту, из–за которой нет возврата, и перешел куда–то по течению времени, которое вынесло его и Роланда Кронингера из Земляного Дома. Теперь возврата не могло быть – никогда.

Но какая–то часть его, глубоко внутри, вдруг вскрикнула и скрылась в темной дыре, ожидая, что придет нечто грозное, поднимет решетку и кинет еду.

– Кто вы? – прошептал он.

Незнакомец наклонился вперед, пока его лицо не оказалось в нескольких дюймах от лица Маклина. Глубоко в его глазах, подумал Маклин, он заметил алые черточки.

Незнакомец сказал: – Вы можете называть меня… Просто Друг.

Глава 79. Решение Свон

– Они придут,– сказала Сестра. – Я знаю, что придут. Так вот мой вопрос: что мы собираемся делать, когда они будут здесь?

– Мы пробьем их проклятые головы! – сказал костлявый черный джентльмен, вставая с грубо вытесанной скамейки. – Да! У нас достаточно оружия, чтобы заставить их сделать ноги!

– Правильно! – согласился другой, на другой стороне церкви. – Мы не собираемся позволять этим сволочам приходить сюда и брать, что они захотят!

В знак согласия послышалось сердитое бормотание в толпе более чем из сотни человек, которые набились в полупостроенную церковь, но многие были не согласны. – Послушайте – сказала женщина, поднимаясь со своего места. – Если то, что она говорит, это правда, и сюда идут две тысячи солдат, то мы сошли с ума, если думаем, что можем противостоять им! Мы должны упаковать то, что сможем унести и…

– Нет! – прогремел седобородый мужчина со следующего ряда. Он встал, лицо его было прочерчено ожоговыми шрамами, и посинело от гнева. – Нет! Клянусь Богом! Мы останемся *здесь*, где наши дома! Мериз Рест раньше и плевка не стоил, а посмотрите на него сейчас! Черт побери, у нас здесь *город*! Мы снова строим! – Он оглянулся на толпу, глаза потемнели и были полны ярости. Примерно в восьми футах над его головой на голых стропилах висела масляная лампа и отбрасывала на собравшихся матовый золотой свет; дым от фонарей поднимался вверх, потому что крыши еще не было. – У меня есть дробовик, что свидетельствует о том, что я и моя жена собираемся остаться здесь,– продолжал он. – И мы собираемся умереть здесь, если придется. Мы больше ни от кого не побежим!

– Подождите минуту! Просто постойте чуть–чуть! – встал крупный мужчина в джинсовой куртке и брюках хаки. – Из–за чего все сходят с ума? Эта женщина заявляет такие вещи – он держал в руках грубо напечатанные листки с бюллетенями, которые объявляли сегодня срочное собрание! Они должны прийти! – и мы все залопотали как стадо идиотов! И она стоит здесь перед нами и говорит, что какая–то проклятая армия придет сюда через… – Он взглянул на Сестру: – Когда, вы сказали?

– Я не знаю. Может через три – четыре дня. У них есть грузовики и машины, и они, когда тронутся, пойдут быстро.

– Ух. Ладно, вы сюда пришли и начали о том, что идет армия, а мы все страшно испугались. Откуда вы это *знаете*? И что им здесь нужно? Я имею в виду, что если они хотят вести войну, то наверняка могут найти местечко получше! Мы все здесь американцы, а не русские!

– Как вас зовут? – спросила Сестра.

– Бад Ройс. То есть *капитан* Бад Ройс, бывший служащий Арканзасской Национальной Гвардии. Видите, я и сам имею некоторое отношение к армии.

– Хорошо. Капитан Ройс, я вам точно скажу, что им здесь нужно – наш урожай. И наша вода тоже, скорее всего. Я не могу вам сказать откуда я это знаю, так, чтобы вы поняли, но я действительно знаю, что они придут и собираются разнести Мериз Рест до основания.

Она держала свой кожаный футляр, а в ней было стеклянное кольцо, с помощью которого она совершала путешествия во сне в суровый пейзаж, где качался на лошади–скелете человеческий скелет. Она взглянула на Свон, которая сидела в первом ряду с Джошем и внимательно слушала, а потом снова на Бада Ройса.

– Просто поверьте этому. Они здесь скоро будут, и нам лучше решить прямо *сейчас*, что делать.

– Мы будем бороться! – закричал человек сзади.

– Как мы можем бороться? – спросил дрожащим голосом старик, опиравшийся на палку. – Мы не можем устоять против армии. Мы были бы дураками, если просто попытались это делать.

– Мы были бы последними трусами, если бы этого не сделали! – сказала женщина слева.

– Да, но лучше жить трусами, чем умереть героями,– заспорил молодой человек с бородой, сидящий позади Джоша. – Я убираюсь!

– Да это старая дерьмовая кляча! – взревела Анна Мак–Клей, вставая со скамейки. Она положила руки на свои широкие бедра и оглядела толпу, верхняя губа у нее поднялась презрительно. – Боже всемогущий, да для чего жить, если не бороться за то, что тебе дорого? Мы здесь руки до локтей стерли, очищая город и отстраивая церковь, а теперь собираемся бежать при первом дуновении настоящей беды? – Она хмыкнула и презрительно потрясла головой. – Я помню, чем раньше был Мериз Рест – да и большинство из вас, ребята, тоже. Но я вижу, какой он теперь и каким он *может* быть! Если бы мы собрались бежать, то куда бы мы пошли? Еще в какую–нибудь дыру на земле? И что произойдет, когда эта проклятая армия решит снова идти в нашем направлении? Да если мы убежим с первого раза, мы все

равно что мертвые – а тогда, значит, мы могли бы и бороться!

– Да! Да, это и я говорю! – добавил мистер Половски.

– У меня жена и дети! – сказал Валсевик, и на лице его отразился страх. – Я не хочу умирать, и не хочу, чтобы они тоже умерли! Я ничего не знаю о битвах!

– Тогда придется узнать! – Пол Торсон встал и вышел по проходу вперед. Послушайте,– сказал он, стоя рядом с Сестрой,– мы ведь все знаем ситуацию. Мы знаем, что у нас было раньше и знаем, что у нас есть сейчас! Если мы сдадим Мериз Рест без боя, мы снова станем бродягами, да еще и будем знать, что у нас не хватило характера даже попытаться отстоять его! Я и в самом деле чертовски ленив. Я не хочу снова выбираться на дорогу и поэтому остаюсь здесь.

Пока люди выкрикивали каждый свое мнение, Сестра посмотрела на Пола и слабо улыбнулась. – Что это? Еще один слой на этом дерьмовом пироге.

– Нет,– сказал он, глаза у него были ярко–голубые и стальные. – Я верю, что мой пирог скоро уже испечется, а ты?

– Да, похоже, что так. – Она любила Пола как брата, и никогда не гордилась им больше, чем сейчас. И она уже приняла свое решение – остаться и вести борьбу до тех пор, пока Свон и Джош не окажутся в безопасности, имея план, о котором Свон еще не знала.

Свон слушала шум и крики, а в голове у нее крутилось что–то, о чем она должна была встать и сказать. Но здесь столпилось столько народу, а она еще стеснялась говорить перед незнакомыми людьми. Мысль, однако, была очень важной – и она знала, что должна будет высказать свое мнение, прежде чем возможность будет упущена. Она глубоко вздохнула и встала.

– Простите меня,– сказала она, но ее голос утонул в какофонии. Она вышла вперед, встала рядом с Полом, лицом к толпе. Сердце у нее билось, как маленькая птичка, и голос дрожал, когда она заговорила, только чуть громче. – Простите меня. Я хочу…

Шум стал затихать почти сразу. Через несколько секунд было тихо, слышно было только завывание ветра за стенами и плач ребенка в углу.

Свон оглядела всех их. Они ждали, когда она заговорит. Она была в центре внимания, и от этого она чувствовала, как будто у нее по спине ползают мурашки. В задней части церкви у дверей столпилось еще больше народу, и еще сотни две собрались снаружи на дороге, слушая, что говорится, что передается через толпу. Все глаза были устремлены на Свон, и она на секунду подумала, что у нее перехватило горло. – Простите меня,–

удалось ей произнести,– но я бы хотела кое–что сказать. – Она некоторое время колебалась, стараясь собраться с мыслями. – Мне кажется,– начала она робко, что мы все беспокоимся о том, сможем ли мы противостоять солдатам или нет… а думать надо не о том. Если нам придется вести с ними борьбу здесь, в Мериз Рест, то мы проиграем. А если мы уйдем и все им оставим, они все здесь разрушат, потому что армии всегда так поступают. – Она увидела Робина, который стоял справа в церкви, окруженный несколькими своими разбойниками. Их глаза на несколько секунд встретились. – Мы не сможем победить, если будем сражаться,– продолжала Свон,– и не сможем победить, если уйдем отсюда, тоже. Поэтому мне кажется, что нам следует думать о том, чтобы их остановить, пока они не пришли сюда.

Бад Ройс хрипло рассмеялся. – Как это мы сможем остановить армию, черт подери, если не будем сражаться?

– Мы должны сделать так, чтобы им слишком дорого обошлась дорога сюда. Они должны решить повернуть обратно.

– Правильно,– саркастически улыбнулся Ройс. – Что вы предлагаете, мисс?

– Чтобы мы превратили Мериз Рест в крепость. Как делали ковбои в старых фильмах, когда они знали, что приближаются индейцы. Мы построим стены вокруг Мериз Рест, мы можем использовать землю, упавшие деревья, палки даже дрова. Мы можем выкопать в лесу рвы и укрыть их сверху, чтобы в них упали машины, мы можем перегородить дороги бревнами, чтобы им пришлось идти через лес.

– Вы когда–нибудь слышали о пехоте? – спросил Ройс. – Даже если мы построим ловушки для их машин, солдаты переберутся через стены, ведь так?

– А может, нет,– сказала Свон. – Особенно если стены покрыть льдом.

– Льдом? – встала женщина с желтоватым лицом и с подвязанными шатеновыми волосами. – Как мы наморозим лед?

– У нас есть источник,– напомнила ей Свон. – У нас есть ведра и лохани, а также лошади, чтобы везти коляски, а еще – дня три или четыре.

Свон пошла по проходу, пристально всматриваясь в лица. Она все еще волновалась, но уже не так сильно, потому что поняла, что они слушают ее.

– Если мы начнем работать прямо сейчас, то сможем построить и создать вокруг Мериз Рест систему, чтобы туда доставлять воду. Мы можем начать лить воду на стену даже еще до того, как ее полностью построим, а при таком холоде, как сейчас, вода будет замерзать не слишком долго. Чем больше мы

нальем воды, тем толще будет лед. Солдаты не смогут забраться наверх.

– Это не выход! – усмехнулся Ройс. – На такую работу не хватит времени!

– Какого черта, мы должны попытаться! – сказал костлявый черный джентльмен. – Выбора нет!

Раздавались и другие голоса, приводились разные аргументы. Сестра хотела перекричать их, но поняла, что это момент принадлежит Свон, что они хотят слушать Свон.

Когда Свон снова заговорила, споры прекратились. – Вы могли бы помочь больше, чем любой другой,– сказала она Баду Ройсу. – Так как вы были капитаном Национальной Гвардии, вы могли бы определить, где копать канавы и ловушки. Вы могли бы это сделать?

– Да это как раз легко, мисс. Но я не хочу помогать. Я убираюсь отсюда к чертям, как только рассветет.

Она кивнула, спокойно глядя на него. Если это его выбор, пусть так и будет. – Хорошо,– сказала она, и снова посмотрела на толпу. – Я думаю, что все, кто желают, должны уезжать завтра утром. Желаю вам всем удачи, и надеюсь, что вы найдете то, что ищете. – Она посмотрела на Робина; он почувствовал, как дрожь возбуждения прошла по нему, потому что ее глаза зажглись. – Я остаюсь,– сказала она. – Я буду делать что могу для того, чтобы не дать солдатам разрушить то, что мы сделали – мы все, каждый из нас. Потому что не только *я* выращивала кукурузу, а все мы выращивали. Я положила семена в землю и укрыла их, но другие развели костры, которые согревали почву и воздух. Еще кто–то отгонял рысей и ворон, другие люди собирали урожаи. Сколько нас копало колодец? Кто помогал собирать сердцевинки яблок и работал, чтобы восстановить церковь?

Она увидела, что они все слушают, даже Бад Ройс, и у нее появилось ощущение, что от них исходит сила. Она продолжала, воодушевленная их доверием. – Это не только я. Это все, кто хотел восстановить город Мериз Рест. Это больше не кучка старых лачуг, полных бродяг: люди знают друг друга, и вместе работают, и интересуются делами других, потому что мы знаем, что не так уж отличаемся друг от друга. Мы все знаем, что мы потеряли, и если мы бросим это и уйдем, мы потеряем все это снова, поэтому я остаюсь здесь,– сказала она. – Останусь я жива или умру – это уже не самое главное, потому что я решила больше не убегать. – Наступила тишина. – Вот и все, что я хотела сказать. – Она вернулась на место рядом с Джошем. Он положил руку ей на плечо, и почувствовал, как она дрожит.

Молчание затянулось. Бад Ройс все еще стоял, но глаза его

уже не были такими жесткими, а лоб морщился от мыслей.

Сестра тоже ничего не говорила. Ее сердце было переполнено гордостью за Свон, но она знала, что армия придет не только за урожаем и чистой водой. Она придет и за Свон тоже. Их ведет сюда человек с алым глазом, а он собирается сокрушить ее человеческими руками.

– Стены, покрытые льдом,– размышлял вслух Ройс. – Это самое безумное, что я когда–либо слышал. Черт… это так безумно, что может сработать. Может,– сказал я. Это остановит солдат, но не надолго, если они очень захотят перебраться. Все зависит от того, какое у них оружие. В этих ловушках сломается столько осей и подвесок, что они дважды задумаются.

– Значит, это можно сделать? – спросила Сестра.

– Я этого не сказал, сударыня. Это может оказаться очень большой работой, и я не знаю, хватит ли у нас для этого мужчин.

– Мужчин, вот задница! – сказала ему Анна Мак–Клей. – А женщины? И у нас полно ребят, которые тоже могут работать! – Ее шумный голос вызвал крики поддержки.

– Ну, чтобы удерживать стены, нам не нужно много народу и оружия,– сказал Ройс,– особенно если мы снесем лес и не оставим этим сволочам никакого прикрытия. Мы не хотим, чтобы к нам подкрались.

– Мы можем сделать так, что они не подкрадутся,– сказал тоненький голосок. Мальчик с темными волосами лет десяти – одиннадцати стоял на скамейке. Он пополнел с тех пор, как Сестра видела его в последний раз, и щеки его слегка обветрились. Она знала, что под курткой у него есть небольшой круглый шрам прямо под сердцем. Баки сказал: – Если они находятся к северу отсюда, мы можем взять машину и поехать поискать их.

Из складок одежды он вытащил нож с длинным лезвием. – Ничего не стоит спрятаться в лесу и проколоть им несколько шин, когда они не видят.

– Это наверняка поможет,– согласился Ройс. – Все, что мы можем сделать, для того, чтобы замедлить их продвижение, даст нам выигрыш во времени, чтобы строить и копать. Было бы неплохо также поставить наблюдателей милях в пятидесяти по дороге отсюда.

– Я сомневаюсь, чтобы вы провели много времени за баранкой,– сказал Пол Баки. – Если у меня будет машина, которая не тарахтит как обезумевший слон, я могу ее повести. У меня есть некоторый опыт охоты на волков.

– У меня есть топор! – сказал еще один человек. – Он не слишком острый, но им можно работать!

Встали и другие, предлагая помощь. – Мы можем разбирать пустые хижины, используя деревяшки! – предложил мужчина испанского вида с бледным фиолетовым рубцом на лице.

– Ладно, нам придется собрать все пилы и топоры, которые можно найти, сказал Бад Ройс Сестре. – Боже, думаю, что я всегда разбирался во всем неглубоко! Я мог бы и довести дело до конца! Нам нужно составить подробный план и расписание, и начинать лучше прямо сейчас.

– Хорошо,– сказала Сестра. – А всем, кто не хочет помогать, следует уйти и не мешаться под ногами, начиная с этой минуты.

Ушло примерно пятнадцать человек – но их места были сразу же заняты другими людьми, стоящими снаружи.

Когда толпа снова успокоилась, Сестра взглянула на Свон и увидела на ее лице решительность. Она знала, что Свон на самом деле приняла решение, и знала, что ее не очень–то переубедишь покинуть Мериз Рест и оставить там остальных, чтобы встретить солдат лицом к лицу.

Итак, подумала Сестра, надо начать с одного шага. Один шаг, потом следующий, и ты придешь туда, куда хочешь попасть.

– Мы знаем, что нам нужно делать,– сказала она толпе. – Давайте приступать к работе, чтобы спасти наш город.

Глава 80. Беспокойство Робина

Какой–то беспокоящий звук эхом разнесся в морозном воздухе, и Свон вздрогнула. Она потянула за веревочную уздечку, останавливая Мула, из ноздрей которого вырвался пар, как будто он тоже что–то услышал и был обеспокоен шумом. До нее донеслись и другие беспокоящие звуки, похожие на быстрое высокое подвывание, исполняемое на стальной гитаре, но Свон знала, что ей нужно с этим примириться.

Это были звуки, производимые при спиливании живых деревьев, чтобы добавить их к построенной стене из бревен, валежника и земли высотой в четырех фута, которая окружала Мериз Рест и кукурузное поле.

Помимо этих беспокоящих звуков Свон слышала постоянный стук работающих топоров. Она сказала:

– Вперед, Мул.

Она направила лошадь вдоль стены, где десятки людей собирали также валежник и деревяшки. Пока она проезжала мимо, все они смотрели на нее, а потом возвращались к работе с новым энтузиазмом.

Бад Ройс сказал ей, Сестре и Джошу, что нужно сделать стену высотой по меньшей мере в шесть футов, прежде чем лить на нее

воду, но времени оставалось немного.

Чтобы довести стену до нынешней высоты и окружности, потребовалось более двадцати часов беспрестанного изнурительного труда. Снаружи, у быстро удаляющейся границы леса, работали команды, возглавляемые Анной Мак–Клей, Ройсом и другими добровольцами. Они копали сеть траншей, а потом прятали их под настилом из палок, соломы и снега.

Впереди находилась группа людей, укладывающих камни и глину в трещины в стене, их дыхание струйкой поднималась в воздух. Среди них была Сестра, руки и одежда которой были испачканы, лицо покраснело от холода. Длинный прочный шпагат был обмотан вокруг шеи и привязан к ручке кожаного футляра. Поблизости Робин разгружал еще одну тачку с глиной. Свон знала, что он хотел поехать с Полом, Баки и тремя другими юными разбойниками, когда они отправились на север позавчера на сером автомобиле, но Сестра сказала ему, что им здесь на стене будет нужна его физическая сила.

Свон остановила Мула и слезла. Сестра увидела ее и нахмурилась.

– Что ты здесь делаешь? Я же сказала тебе оставаться в хижине.

– Сказала.

Свон зачерпнула полные ладони глины и забила ее в трещину.

– Я не собираюсь оставаться там, пока все остальные работают.

Сестра подняла руки, чтобы показать их Свон. Они все были покрыты кровоточащими ранами, нанесенными мелкими камушками с острыми краями.

– Сохрани свои руки для более важных дел. А теперь иди.

– Твои руки заживут, и мои тоже.

Свон засовывала глину и камушки в дыру между бревнами. Примерно в двадцати ярдах в стороне несколько мужчин поднимали на место дополнительные бревна и валежник, чтобы стена становилась выше.

Робин взглянул наверх на низкое неприятное небо. – Через час будет темно. Если они где–то поблизости, то мы сможем увидеть их костры.

– Пол даст нам знать, если они станут близко.

Она на это надеялась. Она знала, что Пол добровольно вызвался на очень опасную работу; если солдаты поймают его и ребят, то это будет равносильно смерти. Она взглянула на Свон, страх за Пола изводил ее.

– Иди, Свон! Нет необходимости, чтобы ты находилась здесь

и расцарапывала руки!

– Я ничем не отличаюсь от других, черт побери! – вдруг вскричала Свон, отрываясь от работы.

Глаза ее вспыхнули гневом, и румянец вспыхнул на щеках.

– Я человек, а не кусок стекла на проклятой полке! Я могу также усердно работать, как любой другой, и вам не нужно облегчать мне жизнь!

Сестра была удивлена вспышкой гнева Свон и поняла, что другие тоже ее видят.

– Прости меня,– сказала Свон успокаиваясь. – Но вам не нужно запирать меня и защищать меня. Я сама могу о себе позаботиться.

Она взглянула на других, на Робина, потом ее взгляд снова вернулся к Сестре.

– Я знаю, почему эта армия идет сюда, и знаю, кто их ведет. Это я им нужна. Это из–за меня весь город в опасности. – Голос у нее дрогнул, а глаза наполнились слезами. – Я хочу убежать. Я хочу скрыться, но я знаю, что если я это сделаю, то солдаты все равно придут. Они все равно отберут весь урожай, и никого не оставят в живых. Так что нет нужды бежать. Но если здесь кто–нибудь погибнет, то это из–за меня. *Меня*. Поэтому позвольте мне делать, что я могу.

Сестра знала, что Свон была права. Она, Джош и другие обращались со Свон как с хрупким фарфоровым изделием, или как… да, подумала она, как с одной из тех фигурок в магазине хрусталя на Пятой Авеню. Все они были сосредоточены на даре Свон пробуждать жизнь на мертвой земле, и они забыли, что она просто девушка. Сестра еще боялась за руки Свон, потому что они были тем инструментом, который мог заставить расцвести жизнь в пустыне – но у Свон был сильный и твердый не по годам характер, и она была готова работать.

– Я хочу, чтобы ты нашла пару перчаток, но, пожалуй, их трудно достать.

Ее собственная пара уже износилась.

– Хорошо,– сказала она. – Тогда принимайся за работу. Время уходит.

Она вернулась к своей работе.

Пара рваных шерстяных перчаток возникла перед лицом Свон.

– Возьми их,– настаивал Робин.

Его собственные руки были теперь голыми.

– Я всегда могу стянуть еще.

Свон посмотрела ему в глаза. За грубой маской проглядывала нежность и доброта, как будто среди снеговых туч вдруг

мелькнуло солнце. Она сделал движение в сторону Сестры.

– Отдай их ей.

Он кивнул. Сердце у него билось вовсю, и он подумал, что если он на этот раз сделает какую–нибудь глупость, он просто заползет в какую–нибудь дыру и замурует себя там. О, она так прекрасна! Не делай никаких глупостей! Предупреждал он себя. Спокойнее, мужик! Просто веди себя спокойнее!

Рот у него открылся.

– Я тебя люблю,– сказал он.

Глаза Сестры расширились. Она оторвалась от работы и повернулась к Робину и Свон.

Свон онемела. У Робина на губах появилась жалкая улыбка, как будто он понял, что его голос звучит сам по себе по мимо его воли. Но слова эти уже прозвучали, и все их слышали.

– Что… ты сказал? – спросила Свон.

Лицо у него выглядело, как будто он…

– Ух. Мне нужно привезти еще глины,– забормотал он. – Оттуда, с поля. Я там беру эту глину. Вы знаете?

Он попятился к тачке и почти упал на нее. А потом быстро укатил ее прочь.

И Сестра и Свон следили, как он поехал. Сестра проворчала.

– Этот парень ненормальный!

– О,– тихо сказала Свон,– надеюсь, что нет.

Сестра посмотрела на нее и все поняла.

– Подозреваю, что ему там с глиной нужно помочь,– предположила она. – Я имею в виду, что кто–то действительно должен ему помочь. Ведь будет быстрее, если работать вместе, вдвоем?

– Да,– Свон остановилась и пожала плечами. – Думаю, что так. Может быть.

– Хорошо. Ну, вы тогда продолжайте работать там, а мы займемся работой здесь.

Свон сомневалась. Она посмотрела, как он уходит в поле и поняла, что очень мало знает о нем. Ей, наверное, нет до него никакого дела, сначала нужно узнать его. Нет, совсем никакого дела!

И она все еще думала об этом, когда взяла Мула за поводья и пошла за Робином.

– Надо сделать хотя бы один шаг,– тихо сказала Сестра.

Но Свон уже ушла.

Джош таскал бревна восемь часов подряд, ноги у него почти что подгибались, когда он притащился к источнику зачерпнуть воды. Многие дети, включая и Аарона, были обязаны разносить воду в ведрах и черпаках работавшим бригадам.

Джош напился воды и повесил ковш обратно на крючок на большом бочонке воды, который стоял рядом с источником.

Он очень устал, растянутое плечо не давало ему покоя, он почти ничего не видел сквозь щелочку в маске Иова; голова была такой тяжелой, что требовались огромные усилия просто чтобы удерживать ее. Он заставлял себя таскать бревна, несмотря на возражения Свон, Сестры и Глории. Однако теперь все, что он хотел, это лечь и отдохнуть. Может часок или около того, а потом он снова почувствует себя достаточно хорошо, чтобы вернуться к работе, потому что осталось еще столько дел, а время уходит.

Он попытался уговорить Глорию взять Аарона и уехать, может быть спрятаться в лесу до тех пор пока все закончится, но она решила остаться с ним. И Свон тоже приняла такое решение. Не было смысла пытаться изменить это. Но придут солдаты, им нужна будет Свон, а Джош знал, что на этот раз он не сможет защитить ее.

Под маской Иова боль разрывала его лицо как от электрического удара. Он чувствовал слабость, почти отключился. Всего только час отдыха, сказал он сам себе. Вот и все. Один час, и я снова смогу вернуться к работе. Жаль, что этот гад с постоянно меняющимся лицом скрылся! Я бы его убил!

Он пошел к хижине Глории, волоча ноги, как будто налитые свинцом. Мужчина! – подумал он. Если бы эти фанатики могли сейчас видеть старину Черного Франкенштейна, они бы заулюлюкали и затопали!

Он расстегнул куртку и воротник рубашки. Должно быть, воздух потеплел, подумал он. По его спине катился пот, рубашка прилипала к спине и груди.

– Боже! Я весь горю!

Он споткнулся и почти упал, поднимаясь по ступенькам, но потом вошел внутрь хижины, стянул куртку, которая упала на пол.

– Глория! – позвал он слабым голосом, но потом вспомнил, что Глория копает траншеи с одной из рабочих бригад. – Глория,– прошептал он, думая о том, как зажглись ее янтарные глаза и осветилось лицо, когда он дал ей платье с блесками.

Она прижала его к себе, провела по нему пальцами, а когда посмотрела на него снова, то он увидел, что по ее щеке катится слеза.

В этот момент ему хотелось поцеловать ее. Хотелось прижать губы к ее губам, прижаться щекой к ее щеке – но он не мог, не мог из–за этой проклятой дряни на своем лице. Но он смотрел на нее своим единственным здоровым глазом через узенькую щелку, и ему пришло в голову, что он позабыл, как выглядит Рози. Лица

мальчиков, конечно, сохранились у него в памяти четко, как на фотографии, но лицо Рози стерлось.

Он купил Рози это платье, потому что хотел увидеть, как она улыбается и когда она действительно улыбнулась, это было как намек на другое, более нежное слово.

Джош потерял равновесие и споткнулся о стол. Что–то слетело на пол, и он наклонился, чтобы поднять.

Но вдруг все его тело как будто развалилось как карточный домик, и он упал прямо на пол. Вся хижина содрогнулась от этого падения.

– Горю,– подумал он. – О, Боже… Я горю…

Что–то было у него между пальцами. Это то, что слетело со стола на пол. Он поднес это поближе к глазам и узнал, что это.

Гадальная карта с изображением молодой женщины, сидящей на фоне пейзажа с цветами, пшеницей и водопадом. У ее ног лежат лев и овечка, в одной руке она держит щит с изображением феникса, поднимающегося из пламени. На голове у нее что–то похожее на светящуюся стеклянную корону.

– Им… ператрица… – прочитал Джош.

Он пристально посмотрел на цветы, разглядывал стеклянную корону, потом на лицо женщины. Разглядывал внимательно и тщательно, пока по лицу и телу поднималась волна лихорадящего жара, как будто открывая шлюзы вулкана.

Нужно сказать Сестре, подумал он. Сказать Сестре… что стеклянное кольцо, которое у нее в футляре… это корона. Нужно показать ей эту карту… потому что у Свон и у Императрицы… одно и то же лицо…

А потом лихорадка вытеснила все мысли у него из головы, и он лежал недвижимый, с гадальной картой, зажатой в руке.

Глава 81. Горький дым

На четвертую ночь в небе разгорелся пожар.

Робин увидел его, когда наполнял водой ведра, чтобы погрузить их на тележку и доставить на стену. Всевозможные емкости от пластиковых ведер до корыт были задействованы, и работающие у источника заполняли тележку, как только предыдущая освобождалась.

Робин знал, что свет, отражающийся от низких облаков к северу от города, исходит от факелов и костров армейского лагеря милях в пятнадцати отсюда. Они доберутся до Мериз Рест на следующий день, и ледяной покров, который покрывал сейчас законченную стену высотой в семь футов, станет совсем прочным за эти последние часы.

Плечи у него болели, и каждое ведро, кувшин, лохань, которыми он зачерпывал воду из источника, казалось весили не менее пятидесяти фунтов, но он думал о Свон и продолжал работать. Она в тот день догнала его и пошла с ним рядом, помогая набирать глину как любой другой человек. Руки у них были в одинаковых порезах и мозолях, и пока они работали, Робин рассказал ей все о себе, о приюте и о годах, проведенных с разбойниками. Свон слушала его без осуждения, а когда он закончил свою историю, она рассказала ему свою собственную.

Он не обращал внимания на боль во всем теле, откинул усталость как старое одеяло. Все, что ему нужно было делать – это думать о лице Свон, и заряжаться новой силой от любимой. Ее нужно защищать как прекрасный цветок, и он знал, что умрет за нее, если будет нужно. Ту же силу он увидел и в других лицах и понял, что все работают на пределах своих возможностей. Потому что все понимали, как и он, что завтра решается их будущее.

Глория стояла на крыльце, пристально глядя на север и положив руку на плечо Аарона.

– Я завтра им покажу! – похвастался Аарон, помахивая Плаксой как дубинкой.

– Ты завтра останешься дома,– сказала она ему. – Ты меня понимаешь?

– Я хочу быть солдатом! – запротестовал он.

Она крепко сжала его плечо и развернула к себе.

– Нет! – сказала она, и ее янтарные глаза стали гневными. – Ты хочешь научиться убивать и отнимать то, что принадлежит другим? Ты хочешь, чтобы сердце у тебя стало как камень, чтобы ты мог топтать людей и думать, что это правильно? Малыш, если бы я думала, что ты вырастешь таким, я бы снесла тебе голову прямо сейчас! Поэтому никогда, никогда не говори, что ты будешь солдатом! Ты меня слышишь?

Нижняя губа у Аарона задрожала.

– Да–а, ма,– сказал он. – Но… если нет хороших солдат, то как не дать победить плохим солдатам?

Она не смогла ему ответить. Глаза его искали ее глаза. Всегда ли будет так, задавала она себе вопрос, что солдаты воюют под разными знаменами и с разными вождями? Неужели никогда не будет конца войнам, неважно, кто при этом победит? И вот перед ней стоял ее собственный сын, задавая вопросы.

– Я об этом подумаю,– сказала она, и это было самое большее, что она могла сделать.

Она посмотрела на дорогу, туда, где была церковь. Теперь там ничего нет, материал пошел на укрепление стены. Все ружья,

топоры, лопаты, кирки, мотыги, ножи – все, что можно использоваться как оружие – было учтено и распределено. Боеприпасов было не так уж много. Старьевщик даже предложил сделать супер–рогатку, если найдется подходящая резинка.

Пол Торсон и ребята не вернулись, и Глория сомневалась, что они когда–нибудь вернутся.

Она вошла снова в комнату, где на кровати в лихорадочном бреду лежал Джош. Она посмотрела на шишковатую маску Иова и знала, что под ней находится настоящее лицо Джоша.

У него в руке была гадальная карта. Пальцы его сжимали Императрицу так крепко, что никто из них, даже Анна не могли разжать руку. Она села рядом с ним и стала ждать.

С северной стороны стены один из дозорных, который сидел на вершине непрочной лестницы, вдруг закричал:

– Кто–то идет!

Сестра и Свон, вместе на своем участке стены поливавшие воду, услышали крик. Они поспешили на наблюдательный пункт.

– Сколько человек? – спросила Сестра.

Они еще не были готовы! Слишком рано!

– Двое. Нет. Подождите, думаю, трое,– Дозорный поднял винтовку, старательно всматриваясь в темноту. – Двое и пешком. Кажется, один из них несет третьего. Это мужчина и двое ребят!

– Боже мой! – сердце у Сестры сильно забилось. – Принесите лестницу, крикнула она соседнему часовому. – Скорее!

С другой стороны спустили вторую лестницу. Первым забрался Баки, со следами засохшей крови на лице. Сестра помогла ему сойти, он обнял ее за шею и крепко прижался.

Перебрался и Пол Торсон, с трехдюймовой раной на голове сбоку и серыми тенями под глазами. На плече он нес одного из мальчиков, который помогал Сестре и ему во время похода в Мериз Рест. Правая рука мальчика была покрыта запекшейся кровью, а на спине были следы от пуль.

– Ведите его к врачу! – сказала Сестра другой женщине, передавая ей Баки.

Малыш издал только слабое хныканье, и больше ничего.

Пол опустил ноги на землю. Колени у него подогнулись, но Сестра и Свон подхватили его прежде, чем он упал. Мистер Половски и Анна уже бежали к ним, а за ними еще несколько человек.

– Возьмите его,– выдавил Пол. Его борода и волосы были в снегу, лицо усталое и в морщинах. Половски и часовой сняли мальчика с плеча Пола, тот почти закоченел.

– Он поправится,– сказал Пол. – Я ему сказал, что доставлю его обратно!

Он коснулся холодного бледного лица.

– Ведь я тебе говорил, да?

Они его понесли, и Пол закричал им вслед.

– Вы с ним поосторожнее! Пусть он поспит, если хочет!

Еще один мужчина откупорил фляжку с горячим кофе и передал ее Полу. Тот стал так жадно пить, что Сестре пришлось остановить его. Он морщился от боли, пока тепло от горячей жидкости распространялось по его телу.

– Что произошло? – спросила Сестра. – Где остальные?

– Погибли.

Пол вздрогнул, отпивая еще кофе.

– Все. О, Боже, я замерзаю!

Кто–то принес одеяло, и Свон помогла ему завернуться. Его подвели к ближайшему костру, и Пол долго стоял, прежде чем кровь снова согрела его руки. Потом он рассказал им всю историю.

Они обнаружили лагерь армии на второй день, примерно в шестидесяти милях к северу от Мериз Рест. Мальчики как будто родились сталкерами, сказал он; они смогли проникнуть в лагерь и осмотрелись там, и пока они там находились, то прокололи шины некоторым грузовикам. Но там было множество разных машин, сказал Пол, и большинство имеют покрытие из металлических пластин и башни с орудиями. Везде – солдаты с автоматами, пистолетами и винтовками. Мальчики сумели выбраться оттуда и вместе с Полом они сопровождали армию, когда она на следующий день продолжала движение.

Но сегодня вечером дела пошли плохо. Были какие–то вспышки, выстрелы, и вернулся только Баки и еще один мальчик.

– Мы пытались удрать на машине,– сказал Пол, а зубы у него еще стучали. – Мы отъехали примерно на семь–восемь миль оттуда. И вдруг оказалось, что их полно в лесу. Может, они нас выслеживали весь день, я не знаю. Стреляли из автоматов. Пули пробили мотор. Я старался съехать с дороги, но машина уже не работала. Мы побежали. Не знаю, сколько они нас преследовали. – Он уставился в огонь, рот какое–то время двигался, но звуки не вылетали. – Они шли за нами,– сказал он наконец. – Я не знаю, кто они, но свое дело они знают.

Он тяжело замигал и посмотрел на Сестру.

– У них масса оружия. Осветительные ракеты, возможно, гранаты. Масса оружия. Скажите им, чтобы они там поосторожнее обращались с парнем. Он устал. Я обещал ему, что доставлю его обратно.

– Ты и доставил его обратно,– тихо сказала Сестра. – Теперь я хочу, чтобы ты пошел в дом к Хьюгу и отдохнул.

Она сделала Анне знак, чтобы та помогла ему.

– Ты будешь нужен нам завтра.

– Они его не получили,– сказал Пол. – Я им не дал убить меня и заполучить его.

– Что заполучить?

Он изумленно улыбнулся и дотронулся до своего “Магнума”, заткнутого за пояс.

– Заполучить моего старого дружка.

– А теперь иди. Отдохни немного, ладно?

Он кивнул и позволил Анне помочь ему дотащиться до дома Хьюга.

Сестра вдруг забралась вверх по лестнице, ее лицо налилось кровью, и она, повернувшись к северу, закричала:

– Идите, вы, проклятые убийцы! *Идите!* Вот что вы делаете с детьми! Приходите, сволочи трусливые!

Голос у нее дрогнул и прервался, и она просто стояла на вершине лестницы, пар вылетал изо рта и носа, а тело качалось как громоотвод в бурю.

Морозный воздух дул в лицо и ей казалось, что она чувствует запах дыма.

Не было никакого смысла стоять там и буйствовать, как… как нью–йоркская мусорщица, сказала она сама себе. Нет, еще предстоит много работы, потому что солдаты скоро придут.

Она спустилась по лестнице, и Свон коснулась ее руки.

– Со мной все в порядке,– сказала Сестра хрипло, и они обе понимали, что к ним уже идет Смерть, улыбаясь как череп и кося все на своем пути.

Они вернулись на свое место на стене и снова принялись за работу.

Глава 82. Поток смерти и разрушения

Наступил день.

В неясном свете появилась законченная стена, покрытая слоем льда толщиной в три дюйма, с воткнутыми там и сям острыми деревянными кольями, которая окружала Мериз Рест и кукурузное поле. Кроме случайного воя собак, в городе было тихо, не было никакого движения на земле, покрытой пнями от деревьев, которая простиралась на сорок ярдов между стеной и краем леса.

Примерно через два часа после рассвета послышался одинокий выстрел, и часовой на восточном участке стены свалился с лестницы с пулей во лбу.

Защитники Мериз Рест ожидали первой атаки, но ее не было.

Часовой на западном участке стены доложил, что видит движение в лесу, но ему не ясно, сколько там солдат. Солдаты снова скрылись в лесу, не открывая огня.

Спустя час после этого другой часовой на восточной стене сказал, что слышит звуки, напоминающие отдаленное движение тяжелых машин, приближающихся через лес.

– Идет грузовик,– закричал один из часовых на северном участке.

Пол Торсон вскарабкался по лестнице и огляделся. Он услышал звуки магнитофонной веселой и невнятной музыки. С севера по дороге медленно грохотал бронированный грузовик с двумя громкоговорителями, расположенными на кабине с бронированным ветровым стеклом и оружейной башней из металлических листов. Музыка прекратилась, грузовик продолжал двигаться вперед, их двух громкоговорителей загремел мужской голос:

– Жители Мериз Рест! Слушайте закон Армии Совершенных Воинов!

Голос эхом разносился по городу, над полем, где росла кукуруза и укоренялись молодые яблони, над фундаментом, где стояла церковь, над кострами и над той хижиной, где спал Джош.

– Мы не хотим вас убивать! Мы рады каждому, кто хочет присоединиться к нам! Перелезайте через стену и присоединяйтесь к Армии Совершенных Воинов! Приводите с собой семьи, приносите оружие и пищу! Мы не хотим убивать никого из вас!

– Хорррошо,– пробормотал Пол сквозь зубы. Его “Магнум” был наготове.

– Нам нужен ваш урожай,– распорядился голос из громкоговорителя, в то время грузовик, громыхая приблизился к северной стене. – Нам нужны от вас еда и запас свежей воды. И еще нам нужна девушка. Приведите к нам девушку по имени Свон, и мы оставим вас в покое. Просто приведите ее к нам, и мы вам будем очень рады и – ох, черт!

В это мгновение передние шины грузовика влетели в замаскированную яму, а задние колеса завертелись в воздухе, грузовик перевернулся на бок и с треском полетел в канаву. Часовые издали победный крик. Спустя минуту из канавы выбрались двое и побежали в том направлении, откуда они приехали. Один из них прихрамывал, не в состоянии держаться, и Пол из “Магнума” прицелился прямо ему в спину.

Он хотел спустить курок, зная, что ему следует убить эту сволочь, пока есть шанс. Но не сделал этого, следя, как оба солдата скрылись в лесу.

Справа застрочил пулемет. Пули зигзагом отлетали от стены, раскалывая лед, увязая в бревнах и глине. Пол опустил голову, услышал звук с восточного участка, а затем звук еще одного пулемета, и понял, что началась первая атака. Он осмелился поднять голову, увидел примерно сорок солдат, укрывающихся на краю леса. Они открыли огонь, но их пули не могли проникнуть сквозь стену.

Пол опустил голову и стал пережидать огонь, пока не появится возможность прицелиться в одного из них, когда они побегут через открытое место.

С восточной стороны Мериз Рест часовые заметили группу, состоящую примерно сотен из двух солдат, выходящую из леса. Пехота АСВ кричала и рвалась вперед, а потом они кувырком полетели в сеть из траншей, ломая руки и ноги при падении. Часовые, вооруженные винтовками, стали прицеливаться. Двоих часовых убило, но как только они упали, другие полезли по лестнице, чтобы занять из место.

Солдаты АСВ, ломая строй и теряя людей, стали поворачивать под прикрытие леса, продолжая падать в замаскированные ямы. Раненые попадали под сапоги своих товарищей.

В то же самое время более пятисот солдат вырвались из леса с запада от Мериз Рест, сопровождаемые примерно дюжиной бронированных легковушек, грузовиков и двумя бульдозерами. Когда они кричащей массой бросились вперед, под их ногами раскрылись траншеи. Один из бульдозеров нырнул в такую траншею и перевернулся, а бронированный автомобиль, ехавший сразу за ним, врезался в бульдозер и взорвался огненным шаром. Несколько других машин сели брюхом на пни и не могли двинуться ни назад ни вперед. Десятки людей кувырком летели в канавы, ломая кости. Часовые стреляли, едва успевая целиться, а солдаты АСВ мертвыми падали в снег.

Но большинство солдат и машин продолжали двигаться вперед, штурмуя стену с запада, а за ними шла вторая волна войск, человек двести. Автоматный, винтовочный и пистолетный огонь начал откалывать кусочки от стены, но пули все еще отлетали в сторону.

– Подняться выше и открыть огонь! – закричал Бад Ройс.

Ряд из мужчин и женщин подошел и поднялся на вал из глины высотой в два фута, который шел вдоль основания стены. Они прицелились и открыли огонь.

Анна Мак–Клей бежала вдоль стены и кричала:

– Подняться выше и задать им погорячее!

Вспышка огня прокатилась вдоль западной стены, и первая

волна атаки солдат АСВ захлебнулась. Вторая волна налетела на них, а потом, когда люди стали рассыпаться, их стали сбивать машины. Офицеры в бронированных машинах и джипах отдавали команды, но войска были в панике. Они откатились в лес, а когда капитан Карр в своем “Джипе” встал, приказывая им вернуться, пуля пробила ему горло, и он упал на землю.

Через несколько минут атака прекратилась, и солдаты отступили глубже в лес. Вокруг стен на земле стонали раненые, а мертвые лежали там, где они упали.

Со стороны защитников на западной стене послышался победный крик, но кто–то верхом на лошади, закричал:

– Нет! Прекратите! *Прекратите!*

Слезы ползли по щекам Свон, и стрельба еще эхом отдавалась у нее в ушах.

– Прекратите! – закричала она, когда Мул встал на дыбы и стал бить воздух копытами.

Она направила Мула к Сестре, которая стояла неподалеку, опустив свой дробовик.

– Останови их! – сказала Свон. – Они ведь просто убили других людей! Этому не надо радоваться!

– А они радуются не тому, что убили других людей,– сказала ей Сестра. – Они радуются просто тому, что не убили их.

Она кивнула на труп, который лежал в десяти футах, с простреленным лицом. Еще кто–то собирал у убитых оружие и патроны.

– И такие еще будут. Если ты не можешь этого принять, тебе лучше уйти.

Свон огляделась. На земле неловко лежала женщина и стонала, а другая женщина и мужчина перевязывали ей запястье куском, оторванном от рубашки. В нескольких футах в стороне лежал скорчившись темноволосый мужчина и умирал, кашляя кровью, другие старались устроить его поудобнее.

Свон сжалась от ужаса, взгляд ее глаз вернулся к Сестре.

Сестра спокойно перезаряжала дробовик.

– Тебе лучше уйти,– предложила она.

Сердце у Свон разрывалось; она знала что ей следует быть здесь, с людьми, которые ее защищают, но не могла вынести зрелище смерти. Звук стрельбы был в тысячу раз хуже всех других неприятных звуков, которые она когда–либо слышала. Но прежде чем она смогла решить, уйти ей или остаться, она услышала за стеной утробный рев мотора.

Кто–то закричал: “Господи Иисусе! Взгляните на это!”.

Сестра поспешила к стене и поднялась на глиняную насыпь.

Примерно в двадцати ярдах слева от Сестры из леса появился

танк. Его широкие гусеницы ехали по телам убитых. Ствол его пушки был нацелен прямо на стену. Весь танк был обвешан как гротесковыми украшениями: человеческими костями, привязанными к проволочкам – ногами, руками, ребрами, позвонками и черепами, некоторые еще со скальпом. Танк остановился прямо на краю леса, мотор его гудел, как рычащий зверь.

Люк танка открылся. Появилась рука, машущая белым платком.

– Прекратите стрельбу,– сказала Сестра остальным. – Давайте узнаем, чего они хотят.

Появилась голова в шлеме; лицо было завязано, глаза за очками.

– Кто здесь главнокомандующий? – обратился Роланд Кронингер к людям, которых он мог видеть, ему показалось, что на этой проклятой стене были посажены только головы без тел.

Некоторые смотрели на Сестру; ей не хотелось брать на себя ответственность, но она поняла, что придется.

– Это я! Что вы хотите?

– Мира,– ответил Роланд.

Он посмотрел на тела, лежащие на земле.

– Ваши люди хорошо поработали! – он усмехнулся, хотя внутри его все кипело от гнева. – Друг ничего не сказал о траншеях и оборонительной стене! Какого черта эти проклятые фермеры воздвигли здесь такую баррикаду? Хорошенькая у вас здесь стена! – сказал он. – Выглядит так надежно! А на самом деле?

– Так оно и есть!

– Действительно? Хотел бы я знать, сколько понадобится снарядов, чтобы пробить в ней дыру и разнести вас в клочья сударыня!

– Я не знаю! – сурово улыбнулась Сестра, но пот катился у нее по спине, и она понимала, что у них нет никаких шансов удержаться против этой чудовищной машины. – А сколько у вас уйдет на это времени?

– Времени у нас уйма! Во времени мы не ограничены!

Он похлопал по стволу орудия. Очень плохо, подумал он, что нет для орудия снарядов – да если бы даже и были, то никто из них не умеет ее заряжать и стрелять. Второй танк сломался через несколько часов после выхода из Линкольна, а этот вел капрал, который когда зарабатывал на жизнь тем, что перевозил грузы через Скалистые Горы на тракторной платформе; но даже он не мог управлять этим огромным чудовищем все время. Однако Роланду нравилось ездить на нем, потому что внутри пахло

горячим металлом и потом, и он не мог представить себе лучшую лошадку для верховой езды для Рыцаря Короля.

– Эй, сударыня! – позвал он. – Почему ваши люди не хотят отдать нам, то что нам нужно, и тогда никто не пострадает! Ладно?

– Мне кажется, что это вы страдаете!

– О, эти небольшие затруднения? Сударыня, мы еще не начинали! Это просто упражнение! Ну, теперь мы знаем, где ваши траншеи! За мной тысяча солдат, которые просто мечтают встретиться с вашими людьми! Хотя я могу ошибаться: они могут быть на другой стороне, или уже окружают с юга! Они могут оказаться везде!

Сестра почувствовала себя плохо. С танком бороться было невозможно! Она ощущала, что рядом стоит Свон, вглядываясь за стену.

– Почему бы вам не заняться своим делом и не оставить нас в покое? спросила Сестра.

– Наше дело не будет сделано, если мы не возьмем то, за чем пришли! сказал Роланд. – Нам нужна еда, вода и эта девчонка! Нам нужны ваше оружие и боеприпасы, и нужны они нам сейчас! Я выражаюсь ясно?

– Вполне! – ответила она.

Подняла свой дробовик и спустила курок.

Для точного выстрела это было слишком большое расстояние, но дробинки зазвенели по шлему Роланда, когда он нырял в люк. Белый носовой платок был пробит крупной дробью, а полдюжины дробинок попали ему в руку. Ругаясь и дрожа от гнева, Роланд упал внутрь танка.

По спине у Сестры поползли мурашки. Она напряглась, ожидая первого выстрела из пушки, но его не последовало. Мотор у танка взвыл, и он покатился по трупам и пням обратно к лесу. Нервное напряжение не отпускало Сестру до тех пор, пока танк не скрылся из поля зрения в зарослях кустарника, и только тогда она поняла, что танк, наверное, не совсем в порядке; а иначе почему же они не пробили дыру в стене?

Красная вспышка ракеты осветила небо с западной стороны леса, и та упала на поле.

– Вот они идут снова! – мрачно закричала Сестра. Она взглянула на Свон. – Тебе лучше уйти отсюда, пока не началось.

Свон посмотрела вдоль стены на других, которые стояли готовые к бою, и поняла, где ей следует быть.

– Я остаюсь.

Еще одна ракета взлетела с восточной стороны леса и взорвалась прямо в небе как кровавое пятно.

Выстрелами прямо поливало западную стену, и Сестра схватила Свон, чтобы затащить ее за прикрытие. Пули ударялись о бревна, отщепляли кусочки льда. Примерно через двадцать секунд после первого залпа, начали огонь солдаты АСВ, сосредоточенные в лесу с восточной стороны Мериз Рест, но их пули не причиняли особого повреждения, а только заставляли защитников прятать головы. Стрельба продолжалась, и вскоре пули уже позвякивали о стены, некоторые из них рикошетом отлетали к земле, а другие в людей.

С восточной стороны стены защитники увидели, что из леса появилось несколько бронированных машин, вместе с пятидесятью–шестидесятью солдатами. АСВ бросилась к стене. Замаскированные траншеи остановили несколько машин, туда же попало около двадцати человек, но остальные продолжали наступать. Два грузовика пробрались сквозь лабиринт пней и траншей и врезались в стену. Вся восточная часть стены задрожала, но удержалась. Тогда солдаты по незащищенному пространству прорвались к стене, стараясь перелезть через нее; пальцы их не могли ухватиться за лед, и они соскальзывали, а защитники стреляли в них в упор. Те, у кого не было оружия, орудовали топорами, мотыгами и заостренными кольями.

Мистер Половски забрался на лестницу вместо убитого часового, стреляя из своего пистолета как можно быстрее.

– Отбросить их назад! – кричал он.

Он прицелился во вражеского солдата, но прежде чем успел нажать на спуск винтовки, пуля пробила ему грудь, а вторая попала в голову. Он упал с лестницы, и сразу же какая–то женщина выхватила у него из рук пистолет.

– Отступаем! Отступаем! – командовал лейтенант Тэтчер, и пули свистели около его головы, а вокруг лежали раненые и убитые солдаты. Тэтчер не стал ждать, когда другие подчинятся его команде, он повернулся и побежал. После третьего шага пуля 9–мм калибра попала ему а поясницу, и он полетел кувырком в канаву, упав поверх четверых, уже попавших туда.

Атака закончилась, солдаты отступали. Мертвые остались.

– Прекратите огонь! – крикнула Сестра.

Стрельба затихла, а через минуту прекратилась и на западной стороне.

– У меня нет патронов,– сказала Сестре какая–то женщина с винтовкой, и дальше стоящие вдоль стены люди тоже стали просить боеприпасы.

Но Сестра знала, что после того, как каждый истратит свои патроны, других не будет. Они нас истощают, подумала она. Вынуждают нас тратить боеприпасы, а когда винтовки станут

бесполезными, они пойдут на штурм стены потоком, несущим смерть и разрушение. У Сестры для ее собственного дробовика осталось еще шесть патронов, и это было все.

Они прорвутся, поняла она. Рано или поздно, но они прорвутся. Она посмотрела на Свон, и поняла по ее темным глазам, что та пришла к такому же решению.

– Им нужна я,– сказала Свон. Ветер раздувал волосы вокруг ее бледного хорошенького личика, как язычки пламени. – А не кто–нибудь другой. Только я.

Взглядом она нашла одну из лестниц, прислоненных к стене.

Сестра выбросила вперед руку, схватила Свон за подбородок и повернула ей голову.

– Выкинь это из головы! – отрезала Сестра. – Да, им нужна ты! Ему нужна ты! Но неужели ты думаешь, что если ты попадешь к ним, то все закончится!

– Но… если бы я вышла… может, я бы могла…

– Ты бы ничего не могла! – прервала ее Сестра. – Если бы ты вышла за стену, то ты только бы сказала нам, оставшимся здесь, что бороться больше не за что!

– Я не…

Она покачала головой, измученная зрелищем, звуками и запахами войны.

– Я не хочу, чтобы еще кто–нибудь погиб.

– Это все не ради тебя. Люди будут еще погибать. Я могу погибнуть еще до того, как день закончится. Но есть вещи, за которые стоит бороться и умереть. Тебе бы следовало это узнать здесь и сейчас, если ты когда–нибудь поведешь за собой людей.

– Поведу людей? Что ты имеешь в виду?

– А ты действительно не знаешь? – Сестра отпустила ее подбородок. – Да ты прирожденный лидер! Это у тебя в глазах, в голосе, в осанке – во всем. Люди тебя слушают, и верят тому, что ты говоришь, и хотят идти за тобой. Если бы ты сказала, что каждый должен сейчас же сложить оружие, они бы так и сделали. Потому что они знают, что ты, Свон, особенная – хочешь ты этому верить или нет. Ты лидер, и тебе бы следовало лучше научиться и вести себя соответственно.

– Я? Лидер? Нет, я просто… Я просто девушка.

– Ты рождена, чтобы вести за собой людей и учить их! – твердила Сестра. – Это подтверждается и здесь.

Она коснулась стеклянного кольца в кожаном футляре.

– Это знает Джош. И Робин. И он тоже знает это, как и я.

Она сделала рукой движение, указывающее за стену, где, как она была уверена, должен был находиться человек с алым глазом.

– А теперь пришло время, что бы и ты с этим согласилась.

Свон была в недоумении, она совсем запуталась. Ее детство в Канзасе, до 17–го июля, казалось теперь ей жизнью совсем другого человека, жившего сотни лет назад.

– Учить их чему? – спросила она.

– Каким может быть будущее,– ответила Сестра.

Свон подумала о том, что она видела в стеклянном кольце зеленые леса и луга, золотые поля, благоухающие сады нового мира.

– А теперь залезай на лошадь,– сказала Сестра,– и поезжай вокруг стены. Сиди прямо и гордо, и пусть все тебя увидят. Сиди как принцесса,– сказала она, сама выпрямляясь. – И пусть все знают, что еще есть кое–что, за что стоит умирать в этом проклятом мире.

Свон снова посмотрела на лестницу. Сестра была права. Она им нужна, да, но они не остановятся, если получат ее, они все равно будут продолжать убивать, как бешенные собаки, потому что это все, что они понимают.

Она подошла к Мулу, взялась за поводья и забралась ему на спину. Он немного погарцевал, все еще возбужденный шумом, потом успокоился и стал подчиняться командам Свон. Она шепотом пустила его вперед, и он галопом пошел вдоль стены.

Сестра наблюдала, как отъезжает Свон, как ее волосы развиваются сзади как огненное знамя, как другие тоже на нее оборачиваются, увидела как все начинают выпрямляться, поправлять оружие после того, как она проехала. Увидела у них на лицах новую решительность, и поняла, что все они умрут за Свон, за свой город, если это понадобится. Ей хотелось надеяться, что это не понадобится, но она была уверена, что солдаты вернутся, и что они будут еще сильнее, чем прежде,– и что как раз сейчас, по крайней мере, другого выхода у них нет.

Сестра перезарядила дробовик, отступила назад на глиняный вал в ожидании следующей атаки.

Глава 83. Железные когти

С наступлением темноты пришел и пронизывающий до костей холод. Свет костров был приглушен деревьями, стенами и крышами домов, и защитники Мериз Рест отогревались, ели, отдыхали сменами по часу, прежде чем снова возвращались на стену.

У Сестры осталось четыре патрона. Солдат, которого она убила, лежат в десяти футах от стены, вокруг груды трупов, замерзшая кровь и чернота. С северной стороны у Пола тоже осталось только двенадцать пуль, и во время короткой перестрелки еще до темноты были убиты еще двое, стоящие по обе стороны от него. Рикошетом пуля отбила кусок дерева от стены, который попал Полу в щеку и лоб, но все остальное было цело.

С восточной стороны Мериз Рест Робин подсчитал, что у него осталось для винтовки шесть пуль. Вместе с Робином и примерно сорока другими эту секцию стены охраняла Анна Мак–Клей, которая давным–давно расстреляла все свои пули и теперь стреляла из маленького пистолета калибра 6 мм, который забрала у убитого.

Атаки продолжались весь день, с перерывами на час или два. Сначала били по одной стороне баррикады, потом поливали огнем другую. Стена держалась крепко и отразила основную часть огня, но пули пробивались через щели между бревнами и случайно задевали людей.

Именно так было задето винтовочной пулей колено у Бада Ройса, но он все–таки ковылял по южному участку с лицом, белым от боли.

Всех предупредили беречь боеприпасы, но запас истощался, а у врага, казалось, еще было, что тратить. Все понимали, что массированный штурм стены – это только вопрос времени, сложно было предугадать, с какой он начнется стороны?

Все это Свон понимала, когда ехала на Муле по полю. Тяжелые початки качались, когда в них свистел ветер. Впереди был очень большой костер, вокруг которого отдыхали человек пятьдесят–шестьдесят, ели горячий суп, разливаемый из дымящихся деревянных ведер. Она направлялась проверить множество раненых, которых отвели в убежище среди хижин, чтобы им помог доктор Райен, и когда она проходила мимо костров, люди, которые собрались вокруг него, затихли.

Она не взглянула ни на одного из них. Она не могла, потому что хотя она и знала, что Сестра права, но чувствовала, как будто

подписала им смертный приговор. Именно из–за нее убивали этих людей, ранили и калечили, и если быть лидером означает нести и такую ответственность, то это слишком тяжело. Она не смотрела на них, потому что знала, что многие из них погибнут еще до рассвета.

Кто–то закричал.

– Да вы не волнуйтесь! Мы не пустим этих сволочей!

– Когда я расстреляю все свои патроны,– поклялся другой,– я буду драться с ножом! А когда он сломается, буду драться зубами!

– Мы их остановим! – воскликнула женщина. – Они повернут назад!

Слышались еще крики и воодушевляющие возгласы, а когда Свон наконец посмотрела на костер, она увидела людей, которые пристально за ней наблюдают, некоторые из них были освещены костром, у других только был обрисован силуэт, глаза светились от света, а лица были мужественны и полны надежды.

– Мы не боимся умереть! – сказала другая женщина, и с ней согласились другие голоса. – Мы не бросим все это, мы будем бороться, ей Богу!

Свон придержала Мула и сидела, сидела глядя пристально на них. Ее глаза наполнились слезами.

Худой черный джентльмен, который так страстно выступал на собрании в городе, приблизился к ней. Его левая рука была перевязана окровавленной тканью, но глаза выражали мужество и горячность.

– Не плачьте! – мягко укорил он ее, когда подошел достаточно близко. – Вам не следует плакать, Боже мой, конечно, нет! Если вы будете плакать, то кто же будет сильным?

Свон кивнула и вытерла глаза тыльной стороной руки.

– Спасибо,– сказала она.

– Ох, ох, это вам спасибо.

– За что?

Он умудрено улыбнулся.

– За то, что я снова слышу эту сладкую музыку,– кивнул он на поле.

Свон знала, какую музыку имеет он в виду, потому что тоже ее слышала: ветер продувал ряды и как пальцами по струнам арфы перебирал початки.

– Я родился рядом с кукурузным полем,– сказал он. – Слышал эту музыку вечером перед сном и утром после пробуждения. И уж никак не думал снова ее услышать, после того, как эти ребята сделали из всего мешанину. – Он взглянул на Свон. – Теперь я не боюсь умереть. Ух! Я всегда считал, что лучше умереть стоя, чем

жить на коленях. Я готов – и таков мой выбор. А вы ни о чем не беспокойтесь!

Он на несколько секунд закрыл глаза, и его худое тело, казалось, качалось вместе со стеблями. Потом он снова их открыл, и сказал:

– Вы ведь позаботитесь о них, да?

Он отвернулся к костру, протянув руки, чтобы согреть.

Свон пустила Мула дальше, и лошадь рысью пошла через поле. Так же, как посмотреть на раненых, Свон хотелось навестить Джоша; когда она в последний раз видела его сегодня утром, он еще был в глубокой коме.

Она почти пересекла поле, когда яркие вспышки света перелетели через восточную стену. Пламя разбрызгалось, и взрывы перемешивались со звуком выстрелов, похожим на стрекот швейной машины. Она вспомнила, что на той стороне стены Робин. Она воскликнула “Вперед!” и дернула поводья. Мул побежал галопом.

Позади с западной стороны, из леса вырвалась пехота АСВ и машины.

– Прекратить огонь! – предупредила Сестра.

Но люди вокруг нее еще стреляли, растрачивая боеприпасы.

А потом что–то ударило по стене примерно в пятнадцати ярдах от них, появились языки пламени, огонь заструился поверх ледяной глазури. Еще один предмет ударил по стене, но уже ближе на несколько ярдов. Сестра услышала звон разбитого стекла и почувствовала запах бензина за мгновение до того, как ее ослепила оранжевая вспышка пламени. Бомбы, подумала она. Они бросают на стену бомбы!

В этой безумной суматохе кричали и горели люди. Бутылки с бензином и с закрепленными в них фитилями из горящей ткани перелетали через стену и взрывались среди защитников. Одна взорвалась почти у самых ног Сестры, и она инстинктивно бросилась на землю, пока брызги горящего бензина разлетались во всех направлениях.

С восточной стороны через стену были брошены десятки бутылок с “коктейлем Молотова”. Рядом с Робином страшно закричал мужчина, в которого попала горящая бутылка, и он загорелся. Кто–то бросил его на землю, стараясь сбить пламя с помощью снега и глины. А потом сквозь шквал летящего пламени и взрывов, по стене ударил огонь из автоматов, пистолетов и винтовок такой плотности, что бревна подпрыгивали, а пули рикошетом пролетали а просветы между ними.

– Пусть подавятся! – загремела Анна Мак–Клей. Оранжевая вспышка высветила ей сотни солдат, находящихся между стеной

и лесом, которые ползли вперед, падали в траншеи, прятались за обломками машин, а потом стреляли или бросали самодельные бомбы. Пока другие вокруг нее падали, стараясь выбраться из пламени, она закричала:

– Оставайтесь на месте! Не бегите!

Женщина слева от нее зашаталась и упала, и пока Анна поворачивалась, чтобы взять у нее оружие, сквозь щель в стене пролетела пуля и попала ей в бок, сбив ее. Она почувствовала во рту вкус крови, и поняла, что на этот раз все кончено, но встала, держа по ружью в каждой руке, и снова стала карабкаться на стену. Шквал бомб и огня все усиливался. Кусок стены был в огне, сырое дерево щелкало и дымилось. Пока со всех сторон взрывались бомбы и летали осколки стекла. Робин занимал свою позицию на стене, стреляя в приближающихся солдат. Он попал в двух из них, а потом бомба взорвалась с другой стороны стены прямо перед ним. Волна жара и летящих стеклянных осколков сбила его, и он перелетел через тело убитого позади него.

Кровь струилась по его лицу из раны на лбу, кожу опалило. Он вытер кровь с глаз и увидел нечто, от чего живот его свело от приступа страха.

Над стеной вдруг взлетел металлический коготь, привязанный крепкой веревкой. Веревка была туго натянута и клещи грубого захватывающего крюка стали разламывать бревна. Появился еще один крюк и пристроился рядом, потом был заброшен и третий крюк, но неудачно, его быстро оттянули обратно и снова забросили. Четвертый и пятый крюки цеплялись за стену, а солдаты начали тянуть за веревки.

Робин сразу же понял, что весь участок стены, ослабленный пулями и огнем, скоро рухнет. Появились и еще крюки, их клещи прочно зажимались между бревнами, туго натягивались веревки и стена трещала как раздираемая грудная клетка. Он вскочил на ноги, подбежал к стене и схватил один из крюков, стараясь сдернуть его. В нескольких ярдах от него крепкий седобородый человек рубил одну из веревок топором. А около него стройная негритянка резала другую веревку мясницким ножом. Бутылочные бомбы еще взрывались на стене и появлялись все новые крюки.

Справа от Робина Анна Мак–Клей опустошала магазин своего пистолета и только теперь увидела захватные крюки и веревки, перекинутые через стену. Она обернулась ища какое–нибудь другое оружие, совсем не соблюдая осторожность из–за раны в боку и другой раны в плече. Перевернув убитого, она обнаружила пистолет, но к нему не было патронов, и тогда она нашла большой разделочный тесак, который кто–то обронил, и стала

рубить им веревки. Она перерезала одну и почти обрубила другую, когда обрушили верхний кусок стены высотой в три фута, круша бревна и пламя. На нее бросились около полудюжины солдат.

– Нет! – закричала она и бросила в них разделочный тесак.

Очередь из автомата завертела ее в смертельном пируэте. Когда она упала на землю, ее последним воспоминанием было карнавальное развлечение под названием “Безумная Мышь”, ее маленький шумный автомобиль ракетой мчался по крутому повороту дороги и устремлялся в ночное небо, все выше и выше, вместе с феерическими карнавальными огнями, горящими под ней на земле, а ветер свистел у нее в ушах. Она умерла еще до того, как упала.

– Они прорываются,– услышал Робин, а потом стена перед ним обвалилась со звуком, похожим на человеческий стон, а он стоял беззащитный в проломе, через который мог бы проехать трактор. Шеренга солдат шла прямо на него, и он успел отклониться на мгновение раньше, чем пули прошили воздух.

Робин прицелился и выстрелил из винтовки в первого солдата, который прорвался. Другие отпрянули или бросились на землю, пока Робин стрелял, а потом в его винтовке больше не осталось патронов и он уже больше не мог видеть солдат из–за дыма, который клубился из–за горящих бревен. Он опять услышал треск и стон, когда начали падать другие участки стены, и высоко взвивалось пламя от взрывающихся бомб. Он видел, что вокруг него бегают люди, некоторые из них горят и падают.

– Убить этих гадов! – услышал он крик слева от себя, а потом из дыма выбежала фигура в серовато–зеленой форме.

Робин покрепче уперся ногами, перевернул винтовку, чтобы ею можно было бы воспользоваться как дубинкой, и когда солдат пробегал мимо, ударил его по голове. Солдат упал, а Робин отбросил свою винтовку, захватив его автоматический пистолет калибра 11.43 мм.

Пуля просвистела возле его головы. В двадцати футах взорвалась бутылочная бомба, и из дыма шатаясь вышла женщина с горящими волосами и залитым кровью лицом, она упала, прежде чем дошла до Робина. Он прицелился по фигурам, пробегающим через пролом в стене, расстреливая патроны из автоматического пистолета калибра 11.43 мм. Пули из автомата врезались в землю в нескольких футах от него, и он понял, что ему уже нечего здесь сделать. Надо было отходить, искать другое место для обороны; стена с восточной стороны Мериз Рест была разрушена, и солдаты врывались в проломы. Он побежал в город. Бежали десятки других людей, а поле битвы было усеяно телами

раненых и убитых. Небольшие группы людей останавливались, отчаянно пытаясь сопротивляться, но их быстро расстреливали или разгоняли. Робин оглянулся назад и увидел, что сквозь дым едут два бронированных автомобиля, и стреляют из орудий.

– Робин! Робин! – кто–то звал его в этом хаосе.

Он узнал голос Свон, и знал, что она должна быть где–то поблизости.

– Свон! – закричал он. – Сюда!

Она услышала ответ Робина и повернула Мула влево, в том направлении, откуда, ей показалось доносился его голос. Дым жег ей глаза, из–за этого почти невозможно было видеть лица на расстоянии более нескольких футов.

Взрывы еще раздавались прямо впереди, и Свон знала, что вражеские солдаты прорвались через восточную стену. Она видела, что люди ранены, истекают кровью, но останавливаются и ведут огонь, расстреливая последние патроны, а другие вооруженные только топорами, ножами и лопатами бежали вперед, чтобы вести борьбу в ближайших кварталах.

Где–то поблизости взорвалась бомба, и закричал человек. Мул встал на дыбы и забил ногами в воздухе. Когда он снова опустился на ноги, он продолжал скользить вбок, как будто одна его половина хотела бежать в одном направлении, а другая – в противоположном.

– Робин! – закричала она. – Ты где?

– Здесь!

Ему все еще не было видно. Он споткнулся о труп человека, чья грудь была изрешечена пулями; тот сжимал топор, и Робин потратил несколько драгоценных секунд, освобождая его из рук убитого.

Когда он выпрямился, он уткнулся лицом прямо в лошадь – и неизвестно, кто больше испугался. Мул заржал и снова встал на дыбы, желая освободиться и убежать, но Свон быстро утихомирила его. Она увидела окровавленное лицо Робина и протянула к нему руку.

– Забирайся! Быстрее!

Он схватил ее руку и взобрался позади нее. Свон пришпорила бока Мула, направив его к городу и давая ему возможность бежать самостоятельно.

Они выбрались из плотного дыма, и вдруг Свон натянула поводья. Мул повиновался, копыта его зарылись в землю. Свон и Робину была видна вся битва, происходящая вокруг Мериз Рест; вспышки огня с южной стороны, а на западе – солдаты, устремившиеся в громадные проломы в стене, а за ними бронированные машины. Шум стрельбы, крики доносились со

всех сторон – и в это мгновение Свон поняла, что Мериз Рест пал.

Ей нужно было быстро найти Сестру. Ее лицо напряглось, зубы сжались от гнева, Свон пустила Мула вперед.

Мул побежал вперед, как чистопородный рысак, наклонив голову и опустив уши.

Послышался высокий дребезжащий звук и горячие потоки воздуха, казалось накатывались на них. Свон почувствовала, что Мул задрожал и заворчал, как будто его ударили.

А потом ноги Мула подвернулись. Лошадь упала, отбросив Робина, но зажав ногу Свон. У Свон прерывалось дыхание, она лежала оглушенная, пока Мул отчаянно пытался встать. Но Робин уже заметил на животе у Мула след от пули, и понял, что с Мулом покончено.

Заурчал мотор. Он оглянулся и увидел машину – большой фургон с бронированным ветровым стеклом и оружейной башней на крыше. Он наклонился к Свон, стараясь освободить, но ее нога была крепко зажата. Мул все еще пытался встать, пар и кровь вырывались у него из носа, бока тяжело вздымались. Глаза его расширились от ужаса.

Из машины открыли огонь, пули врезались в землю в опасной близости от Свон. С болью Робин понял, что не в силах освободить ее. Радиатор бронированной машины был похож на ухмылку рта с металлическими зубами. Робин крепче ухватился за ручку топора.

Свон сжала его руку.

– Не покидай меня,– сказала она, ошеломленная и не сознающая, что Мул умирает, придавив ее.

Робин уже почти решился. Он освободился и пошел к машине.

– Робин! – закричала она, потом подняла голову и увидела, куда он идет.

Когда из машины снова стали стрелять, он запетлял. Пули вздымали снег и грязь у его ног. Машина изменила направление, поехав за ним и в сторону от Свон, так, как он и надеялся. Шевели своим задом, сказал он себе, ныряя на землю, покатившись и снова вскакивая, чтобы не попасть под прицел. Машина набирала скорость, постоянно сокращая расстояние. Он уворачивался то одну, то в другую стороны, слышал, как строчит автомат и видел как летят пули. О, черт! – подумал он, когда боль опалила его левое бедро, поняв, что его задело, но еще не слишком сильно, и продолжал бежать. Машина сквозь дым следовала за ним.

С северной стороны были окружены солдатами Пол Торсон и еще сорок мужчин и женщин. У Пола осталось только две пули, а

большинство других уже давно расстреляло все свои боеприпасы; у них были дубинки, мотыги, лопаты, и они не боялись нападать на солдат.

Джип заехал за защитный барьер пехоты АСВ, и полковник Маклин поднялся на ноги. Куртка была наброшена ему на плечи, глубоко посаженные глаза похожего на скелет лица пристально смотрели на группу защитников, которых поставили у стены.

– Она с ними? – спросил он у человека, сидящего на заднем сиденье.

Друг встал. На нем была форма Армии Совершенных Воинов, а на тонкие темно–шатеновые волосы натянута серая шапка; сегодня у него было простое лицо неопределенного вида, без каких–либо характерных признаков. Водянистые дымчатые глаза несколько секунд бегали туда и обратно.

– Нет,– наконец сказал он бесстрастным голосом. – Ее здесь нет.

И снова сел.

– Всех их убить,– сказал Маклин солдатам.

Потом приказал водителю ехать дальше, пока войска Армии Совершенных Воинов расстреливали из автоматов жителей. Находящийся среди них Пол выстрелил и увидел, как зашатался один из солдат, а потом пуля попала ему в живот, а вторая под ключицу. Он упал лицом вниз, попытался встать и вздрогнул, когда третья и четвертая пули попали в бок и пробили предплечье. Он ткнулся вперед и затих.

В трехстах ярдах в стороне среди дыма рыскал большой фургон с бронированным ветровым стеклом, и при каждом намеке на движение его башня стреляла. Шины ехали по трупам, но вдруг одно из тел, распростертых на земле вскочило на четвереньки, когда машина проехала совсем близко от него.

Когда машина проехала мимо него, Робин сел и схватил топор, который спрятал под собой. Он встал, пробежал три шага и прыгнул на заднее крыло фургона.

Он карабкался, пока не забрался на крышу машины, и тогда поднял топор и со всей силы обрушил его на металлическую башню.

Она сплющилась вниз, стрелок попытался повернуть орудие, но Робин защемил его, поставив на дуло ногу. Он колотил по башне, рубя топором металл, хлопая по голове стрелка. Послышался задыхающийся крик агонии, и водитель поставил ногу на акселератор. Когда фургон дернулся вперед, Робин слетел с крыши на землю и отпустил топор, вскочив на ноги, он увидел, что ручка топора еще торчит в воздухе, а лезвие топора на два дюйма застряло в голове стрелка. Робин ждал, что машина снова

поедет за ним, но водитель запаниковал, стал неуверенно поворачивать. Фургон продолжал ехать и скрылся в дыму.

Мул умирал, и пар поднимался из ноздрей и из раны на животе. В голове у Свон уже прояснилось и она поняла, что произошло, и что она ничего не может сделать. Мул еще дергался, как будто только силой воли заставляя себя встать. Свон видела, что приближаются еще солдаты, она старалась выдернуть ногу, но та была крепко зажата.

Вдруг кто–то склонился над ней и просунул руки под бок Мула. Свон услышала как хрустят мышцы и сухожилия в плече, пока он напрягается, выдерживая вес лошади и снимая ужасное давление с ноги Свон.

– Выдергивай! – сказал он, и голос его напрягся от усилия. – Скорей!

Она выдернула ногу и еще немного ее освободила. Потом Мул снова дернулся, как будто стараясь помочь из последних сил, и с усилием, от которого у нее чуть не вывихнулось бедро, она вытащила ногу. Там сразу же запульсировала кровь, и она сжала зубы от боли.

Человек убрал руки. На них были пигментные белые и коричневые пятна.

Она смотрела в лицо Джоша.

Его кожа снова приобрела свой красивый темно–коричневый оттенок. У него была короткая седая борода, и почти вся густая шапка волос оказалась седой. Но нос, который был столько раз переломан и так изуродован, теперь снова стал прямым и сильным, а старые шрамы от футбола и борьбы стерлись. Скулы были высокие и острые, как будто выточенные из темного камня, глаза мягко отсвечивали серым, полупрозрачные от детского выражения удивления в них.

Она подумала, что, после Робина, он самый красивый мужчина, которого она видела.

Джош увидел, что приближаются солдаты, и у него сразу добавилось адреналина в крови; чтобы найти Свон, он оставил дома Глорию и Аарона, а теперь он должен всех их спрятать в безопасное место. Он не знал, где находится Сестра, но очень хорошо понимал, что солдаты прорвались в Мериз Рест со всех сторон, и скоро они появятся на улицах, поджигая дома. Он подхватил Свон на руки, растянутое плечо и ребра горели от боли.

В это мгновение тело Мула содрогнулось и клубок пара вырвался из его ноздрей, поднявшись вверх, как будто усталая душа нашла, наконец, облегчение – и Джош знал, что ни одно рабочее животное не заслуживало отдыха в такой степени, как

Мул. Никогда уже больше не будет такой умной, такой прекрасной лошади.

Глаза у Мула уже начали застилаться пленкой, и Свон поняла, что Мул умер.

– О… – прошептала она, и больше не могла ничего сказать.

Джош увидел, что из дыма бежит Робин.

– Сюда! – крикнул Джош.

Робин подбежал к ним, слегка хромая и держась за левое бедро. Но солдаты тоже увидели его и открыли огонь из пистолетов. Пуля подняла грязь в четырех футах от Робина, а другая просвистела у самой головы Джоша.

– Идем! – торопил Джош и побежал к городу, держа на руках Свон. Его легкие хрипели как кузнечный горн. Слева он увидел еще группу солдат. Один из них закричал: “Стой!”, но Джош продолжал бежать. Он быстро оглянулся, чтобы убедиться, что Робин следует за ним. Робин был молодцом, несмотря на раненную ногу и все остальное.

Они уже почти добежали до начала улиц, когда им навстречу шагнуло четверо солдат. Джош решил прорваться сквозь них, но двое подняли винтовки. Он остановился, застревая в грязи и осматриваясь в поисках выхода, как лиса, затравленная собаками. Робин свернул направо – и примерно в десяти футах оказалось еще трое солдат, и один из них поднимал свою М–16. Слева приближались еще солдаты, и Джош понял, что через несколько минут их превратят в месиво.

Свон сейчас убьют у него на руках. Выхода не было, оставался только один шанс спасти ее, если ее действительно можно было спасти. Выбора не было, и не было времени, чтобы взвесить решение.

– Не стреляйте! – крикнул он.

И ему пришлось сказать, чтобы солдаты не стреляли:

– Это Свон! Это та девушка, которую вы ищете!

– Оставайся на месте! – скомандовал один из них, целясь из винтовки в голову Джоша.

Другой построил вокруг Джоша, Свон и Робина круг из солдат. Несколько солдат что–то кратко обсудили, один из них выглядел старшим, а потом двое из них отправились в противоположных направлениях, очевидно, чтобы найти кого–то.

Свон хотела заплакать, но не посмела показывать свои слезы здесь, перед этими людьми. Лицо у нее было спокойно и сдержанно, как будто выточено из льда.

– Со мной все в порядке,– тихо сказал Джош, хотя слова звучали несерьезно и глупо. Сейчас, по крайней мере, она была жива. – Увидишь. Мы выберемся из…

– Без разговоров, ниггер! – закричал солдат, тыкая Джошу в лицо пистолетом калибра 9 мм.

Он подарил солдату самую лучшую улыбку, которую мог.

Шум перестрелки, взрывы и крики еще носились над Мериз Рест, как остаток кошмара.

Наши задницы все в дерьме, подумал Робин, и с этим ни черта нельзя сделать.

Только на него одного было направлено две винтовки и четыре пистолета. Он оглянулся на горящую восточную стену, потом на запад, на дорогу за полем, где грузовики и бронированные машины вроде бы собирались, чтобы сделать лагерь.

Через пять–шесть минут вернулся один из солдат, а за ним ехал старый коричневый почтовый посылочный фургон. Джошу велели поставить Свон на землю, но она еще стояла с трудом и вынуждена была на него опираться. Потом солдаты грубо, но тщательно всех обыскали. Они долго мяли маленькую грудь Свон; Джош увидел, как лицо у Робина краснеет от гнева и предупредил: “Спокойнее!”.

– Что это за дерьмо?

Они достали гадальную карту, которая была в кармане джинсов у Джоша.

– Просто карта,– ответил Джош. – Ничего особенного.

– К черту.

Человек разорвал ее на кусочки и выбросил разорванную Императрицу на землю.

Задняя дверь фургона открылась. Туда вместе с тридцатью другими затолкали и Джоша, Робина и Свон. Когда дверь закрыли и заперли, узники остались в полной темноте.

– Вези их в “курятник”! – приказал водителю сержант.

И фургон повез свою новую партию посылок.

Глава 84. Специалист по эффективности

Свон зажала руками уши. Но все равно были слышны ужасные звуки, и она думала, что у нее лопнет голова, прежде чем они прекратятся.

За пределами “курятника”, который был широким кругом из колючей проволоки с находящимися в нем двухсот шестидесятью двумя выжившими, солдаты ходили по полю, срезали стебли и выдергивали их с корнями. Стебли как трупы валялись в кузовах грузовиков.

На площадке “курятника” не разрешали разводить костры, а вооруженная охрана, стоящая вокруг очень быстро открывала

предупредительный огонь, не давая людям собираться группами. Многие раненые замерзли до смерти.

Джош вздрагивал, слыша смех и песни солдат в городе. Он вглядывался усталыми глазами в хижины и видел большой костер на середине дороги, около источника. Вокруг Мериз Рест были припаркованы десятки фургонов, бронированных машин, грузовиков и трейлеров, у других костров грелись победители. С мертвых содрали одежду и оставили их в страшных замороженных грудах. Собирая одежду и оружие, ездили грузовики.

Кто бы ни были эти сволочи, думал Джош, они действуют эффективно. У них ничего не пропадает, кроме человеческой жизни.

Над Мериз Рест витал дух сатанинского маскарада, но Джош утешал себя мыслью, что Свон все еще жива. А рядом, сидя рядом с ним настолько близко, насколько позволяли часовые, были Глория и Аарон. Она не могла плакать от шока. Аарон лежал свернувшись, пристально глядя открытыми глазами в никуда, зажав в рот большой палец. Солдаты отняли Плаксу и бросили в костер.

Робин ходил вдоль колючей проволоки, как тигр в клетке. Войти и выйти можно было только через ворота из колючей проволоки, которые быстро построили солдаты. Вдалеке раздавались быстрые выстрелы, и Робин догадался, что эти сволочи нашли еще кого–то живого. Внутри “курятника” он нашел только шестерых своих разбойников, и то двое из них были тяжело ранены. Доктор Райен, который уцелел при нападении на его временный госпиталь, уже сказал Робину, что эти двое умрут. Баки тоже, хотя он был угрюм и не разговаривал. Но Сестры нигде не было, и от этого внутри у Робина все кипело.

Он остановился, вглядываясь через проволоку в часового. Тот вскинул пистолет, прицелился в Робина и сказал:

– Ну, отходи, ты, кусок дерьма.

Робин ухмыльнулся, сплюнул на землю и повернулся. У него поползли мурашки, пока он ждал, что в спину полетит пуля. Он видел, как стреляют в пленников без всякой видимой причины, просто для развлечения часовых, и поэтому не мог вздохнуть спокойно, пока не ушел достаточно далеко. Но шел он медленно, бежать не собирался. Он уже отбегался.

Свон отняла руки от ушей. Последние неприятные звуки пропали. Кукурузное поле было полностью уничтожено, и грузовики уползали, жирные и счастливые как тараканы.

Она была больна от страха и бессильно лежала в подвале, куда посадили ее и Джоша. Но она заставляла себя смотреть на

других пленников и воспринимать эту картину: стонущие и кашляющие раненые, бормотание тех, кто лишился рассудка, всхлипы и рыдания тех, кто вспоминал о мертвых. Она видела их лица, их темные и обращенные внутрь глаза: в них больше не светилась надежда.

Они боролись и страдали за нее, и вот теперь они сидели на земле как насекомые, ожидая, когда их раздавит сапог. Кулаки ее сжались. Возьми себя в руки! – сказала она себе. Возьми себя в руки, черт побери! Ей было стыдно, что она проявила нестойкость и слабость, и в внутри у нее проскочила искра гнева, словно высеченная в результате удара железа о кремень. Она услышала, как смеются два охранника. Возьми себя в руки! крикнула она про себя, гнев ее рос и распространялся и выжигал болезнь и страх.

– Ты лидер,– сказала ей Сестра. – И тебе следует научиться вести себя как лидер.

Свон не хотела быть лидером. Никогда не просила, чтобы ее сделали лидером. Но она услышала, как не очень далеко плачет ребенок, и поняла, что если для кого–то из этих людей еще настанет какое–то будущее, то оно должно начаться прямо здесь… с ней.

Она встала, глубоко вздохнула, чтобы окончательно освободиться от последних остатков слабости, и решительно пошла среди других пленников, смотря налево и направо, встречая их взгляды и оставляя впечатление проблеска из горящей топки.

– Свон! – позвал Джош.

Но она не обратила на него внимания, продолжая идти, а он встал и пошел за ней, но увидел, какая у нее напряженная спина, королевская осанка, полная уверенности и мужества, теперь даже другие пленники садились прямее, когда она проходила мимо, и даже раненые старались подняться с земли. Джош дальше не пошел за ней.

Ее левая нога еще болела, но она была по крайней мере не сломана. Она и сама осознавала бодрящее влияние, которое имела на других – но не знала, что окружающие ее люди могли бы поклясться, что чувствовали излучение, исходящее от нее и согревающее ненадолго воздух.

Она дошла до плачущего ребенка. Ребенок был на руках у дрожащего мужчины с распухшей багровой ссадиной на голове. Свон взглянула на ребенка, затем расстегнула свою разноцветную куртку и сняла ее. Она встала на колени, накинула ее на плечи мужчины, завернув в нее ребенка.

– Ты! – крикнул часовой. – Отойди отсюда!

Свон сжалась, но продолжала делать свое дело.

– Отойди! – настоятельно сказала женщина рядом. – Они тебя убьют!

Прозвучал предупредительный выстрел. Свон поправила складки своей куртки, чтобы ребенку было теплее, и только тогда встала.

– Иди на свое место и сядь! – приказал часовой.

Он держал винтовку у бедра.

Свон почувствовала, что все смотрят на нее, что все напряглись.

– Я не буду повторять! Шевели задом!

– Помоги мне Бог! – подумала она.

С трудом сглотнула и пошла к колючей проволоке и часовому с ружьем. Он сразу же поднял оружие наизготовку.

– Стой! – предупредил другой часовой, справа.

Свон продолжала идти, шаг за шагом, приковав свой взгляд к часовому с винтовкой.

Он потянул затвор.

Пуля прошла мимо ее головы, она почувствовала, что она пролетела, должно быть, не более чем в трех дюймах. Она остановилась, поколебалась и сделала еще шаг.

– Свон! – закричал вставая Джош. – Свон, не надо!

Часовой с винтовкой отступил на шаг, когда Свон приблизилась.

– Следующая попадет прямо тебе в лоб,– пообещал он, но беспощадный взгляд девушки пронзил его.

Свон остановилась.

– Этим людям нужны одеяла и еда,– сказала она, и сама удивилась силе своего голоса. – Они им нужны сейчас. Иди и скажи своему начальству, что я хочу его видеть.

– Хрен тебе,– сказал часовой и выстрелил.

Но пуля пролетела над головой Свон, потому что другой часовой схватился за дуло винтовки и оттолкнул его.

– Ты что не слышал, как ее зовут, старый осел? – спросил другой. – Это та девчонка, которую ищет полковник! Иди найди офицера и доложи!

Первый часовой побледнел, поняв, что был очень близко к тому, чтобы с него живьем содрали кожу. Он побежал в штабной пункт полковника Маклина.

– Я сказала,– твердо повторила Свон,– что хочу видеть кого–нибудь из начальства.

– Не беспокойся,– сказал мужчина. – Тебе совсем скоро придется встретиться с полковником Маклином.

Еще один грузовик остановился у ворот “курятника”. Задняя дверь была открыта, у входа столпилось еще четырнадцать

пленных. Свон наблюдала, как они входят, некоторые тяжело ранены и едва идут. Она подошла помочь,– и как будто электрический ток пробежал по ней, потому что она узнала одного из новоприбывших.

– Сестра! – закричала она, и побежала к грязной женщине, которая спотыкаясь проходила через ворота.

– О, Боже милостивый! – всхлипывала Сестра, обняв Свон и держась за нее.

Они какое–то время сжимали друг друга, молча, каждой нужно было услышать биение сердца другой.

– Я думала, что ты погибла! – наконец сказала Сестра, глаза ее застилало от слез. – Боже милостивый, я думала, что они тебя убили!

– Нет, со мной все в порядке. Здесь Джош, Робин, Глория, Аарон. Мы все думали, что тебя убили!

Свон отодвинулась, чтобы посмотреть на Сестру. И вся сжалась. Горящий бензин обжег лицо Сестры справа. Бровь на этой стороне сгорела, а правый глаз распух и почти закрылся. Подбородок и переносица были изрезаны осколками стекла. Грязь покрывала все пальто спереди, а ткань была опалена и разодрана. Сестра поняла выражение лица Свон, и пожала плечами.

– Ну,– сказала она. – Я никогда и не была красавицей.

Свон снова обняла ее.

– Ты снова поправишься. Не знаю, что бы я без тебя делала!

– Ты прекрасно держишься, так, как было до того, как мы с Полом появились. – Она осмотрелась. – Где он?

Свон поняла, что она имеет в виду, но спросила:

– Кто?

– Ты знаешь кто. Пол. – Голос у Сестры напрягся. – Он ведь здесь, не так ли?

Свон колебалась.

– Где он? Где Пол?

– Я не знаю,– сказала она. – Здесь его нет.

– О… Боже мой.

Сестра прижала грязную руку ко рту. У нее кружилась голова, а этот новый удар почти сбил ее; она была больна и устала от борьбы, кости у нее болели, как будто ее разорвали на части и снова сложили.

Она отступала от стены на западе, когда прорвались солдаты, нашла брошенный мясницкий нож и в рукопашной драке убила одного из них, затем волна атакующих войск погнала ее по полю. Она спряталась под какой–то лачугой, но когда ту подожгли у нее над головой, ей пришлось сдаться.

– Пол,– шептала она. – Он погиб. Я знаю это.

– Не знаешь ты этого! Может, он скрылся! Может, еще прячется!

– Эй, вы! – закричал часовой. – Расходитесь и отойдите отсюда!

Свон сказала: – Обопрись на меня.

И стала помогать Сестре идти туда, где были другие. К ним подошел Джош, а за ним Робин. Вдруг до Свон дошло, что у Сестры больше нет кожаного футляра.

– Стеклянное кольцо! Что с ним?

Сестра приложила палец к губам.

Взвыл мотор “Джипа”. Его пассажирами были Роланд Кронингер, все еще в шлеме и с забрызганным грязью перевязанным лицом, и человек, который назвал себя Друг. Оба они вышли, а водитель остался в работающей на холостом ходу машине.

Друг прошествовал вдоль проволоки, его карие глаза сузились, когда он просматривал пленников. А потом он увидел, как она поддерживает раненую женщину.

– Вот! – взволнованно сказал он и указал. – Вот она!

– Выведите девушку! – сказал Роланд ближайшему часовому.

Друг задержался, пристально глядя на женщину, которая опиралась на руку Свон. Лицо у нее было незнакомое, ведь в последний раз, когда он видел Сестру, она была изуродована. Он подумал, что припоминает, что видел эту женщину в тот день, когда он подслушал, как старьевщик говорит об Армии Совершенных Воинов, но он не обратил на нее внимания. Это было тогда, когда он плохо себя чувствовал, и детали ускользнули от него. Но теперь он понял, что, если эта женщина действительно Сестра, то у нее нет с собой этого проклятого кожаного футляра со стеклянным кольцом.

– Подождите! – сказал он часовому. – Эту женщину тоже выведите! Поживее!

Часовой позвал другого на помощь, и они вошли на огороженную площадку с винтовками наготове.

Джош уже подошел к Сестре, когда часовой приказал Свон остановиться. Она посмотрела через плечо на два винтовочных дула.

– Иди,– сказал один из мужчин. – Ты хотела видеть полковника Маклина? И теперь у тебя есть такая возможность. И у вас тоже, сударыня.

– Она больна! – возразил Джош. – Вы что, не видите?

Часовой, который только что говорил, выстрелил из винтовки в землю у ног Джоша, и Джош отступил.

– Пойдем. – Часовой подтолкнул Свон винтовкой. –

Полковник ждет.

Свон поддерживала Сестру, когда они шли к воротам, охраняемым часовыми.

Робин пошел было за ними, но Джош схватил его за руку.

– Не делай глупостей,– предупредил Джош.

Парень сердито вырвался.

– И ты собираешься так просто дать им увести ее? Я–то думал, что ты ее охраняешь!

– Я и охранял. Теперь ей придется позаботиться о себе самой.

– Хорошо,– горько сказал Робин. – А ты что собираешься делать? Просто ждать?

– Если у тебя есть предложения лучше – и такое, чтобы не погибало бы много народу, включая тебя и Свон – я с удовольствием их выслушаю.

У Робина не было таких предложений. Он беспомощно смотрел, как Свон и Сестру гнали к “Джипу”, где их ждали двое.

Когда они приблизились к “Джипу”, и Свон, и Сестра почувствовали, что по коже у них поползли мурашки. Сестра признала в том человеке, у которого было перевязано лицо, офицера, который разговаривал с ней из танка, и другого она тоже узнала. Узнала по глазам, улыбке, по тому, как он поднимал голову и держал сжатые в кулаки руки. А, может, по тому, как он дрожал от волнения. Но она его узнала, и Свон тоже.

Он не смотрел на Свон. Вместо этого он шагнул вперед и оторвал воротник пальто Сестры.

Под ним был коричневый шрам в форме распятия.

– У тебя другое лицо,– сказал он.

– У тебя тоже.

Он кивнул, и она увидела в глубине его глаз быстрый проблеск красного.

– Где оно?

– Где что?

– Кольцо. Корона. Или черт знает что еще. Где?

– Разве не ты знаешь все? Скажи мне.

Он сделал паузу и провел языком по нижней губе.

– Ты не уничтожила это. Я знаю это наверняка, наверняка. Ты спрятала это где–нибудь. О, ты думаешь, что ты просто очаровательная крошка, не правда ли? Ты думаешь, твои дерьмовые розы совсем как…

Он почти повернул голову, почти позволил себе посмотреть на нее, но не сделал этого. Мускулы на его шее натянулись, как струны на пианино.

– Совсем как она делает,– закончил он.

– Какая корона? – спросил Роланд.

Друг проигнорировал его.

– Я найду ее,– пообещал он Сестре. – И если я не смогу уговорить вас помочь мне, то у моего компаньона, капитана Кронингера, есть свой замечательный способ разговорить вас с помощью его инструментов. А сейчас ты прощаешь меня?

Свон поняла, что он сейчас говорит с ней, хотя все еще смотрел на Сестру.

– Я спросил, прощаешь ли ты меня теперь?

Когда Свон не ответила, он еще шире улыбнулся.

– Я даже и не надеялся на это. Сейчас у вас наверняка появился вкус к тому, что называется ненависть. Ну, и как он вам понравился?

– Мне он не нравится.

– О,– сказал он, все еще опасаясь, что не справится с собой, если посмотрит на нее. – Я думаю, ты научишься получать удовольствие от этого чувства. Итак, мы идем, леди?

Они сели в “Джип”, и водитель направился к трейлеру полковника Маклина.

Снаружи у разбитой северной стены, которую все еще пожирал огонь, и где грузовики громыхали туда–сюда с грузами оружия, одежды и обуви, одинокая фигура обнаружила гору трупов, которые еще не подобрала бригада мусорщиков.

Альвин Мангрим перевернул тело умершего и осмотрел уши и нос. Нос был слишком маленьким, решил он, но уши были просто замечательными. Он выдернул кровавый мясницкий нож из кожаного чехла на поясе и начал работать, отделяя оба уха; затем бросил их в холщовую сумку, висевшую на его плече. Ее дно было мокрым от крови, и внутри было много ушей, носов и несколько пальцев, которые он уже “освободил” от их тел. Он планировал высушить эти предметы и нанизать их в ожерелья. Он знал, что полковнику Маклину это понравится, и думал, что это может быть не плохим товаром для обмена на несколько специальных пайков. В такой день и такую эпоху человек должен уметь использовать свой ум!

Он вызвал из памяти мелодию из далекого прошлого, часть туманного мира. Он вспомнил прикосновение женской руки – грубой, тяжелой и ненавистной руки, покрытой мозолями, походы в кинотеатр, чтобы посмотреть рисованный фильм о прелестной принцессе, которая сожительствовала с гномами. Ему всегда нравилась мелодия, которую гномы насвистывали, когда работали в шахте, и он начал насвистывать эту песню, когда отрезал нос женщины и кинул его в сумку. Большинство музыкальных мелодий, которые он насвистывал, выходили через отверстие, которое находилось на месте, где раньше был его

собственный нос, и ему пришло на ум, что если он найдет нос правильного размера, он может высушить его и использовать для того, чтобы закрыть отверстие на своем лице.

Он подошел к следующему трупу, который лежал лицом вниз. Нос, возможно, будет разбит, подумал Альвин. Он схватил труп за плечо и перевернул его. Это был мужчина с бородой и с седыми прядями. И вдруг глаза на лице трупа открылись, ярко–голубые и налитые кровью на фоне серо–белого тела.

– О… оу,– сказал Альвин Мангрим.

Пол поднял свой “Магнум”, приставил его к черепу этого человека, нажал на курок и своей последней пулей выбил ему мозги.

Мертвый человек упал на тело Пола и согрел его. Но Пол знал, что сам он уже умирает, и был рад теперь этому, потому что был слишком слабым, чтобы приставить ружье к своей голове и легко уйти из жизни. Он не знал, кем был мертвый мужчина, но теперь этот ублюдок был уже историей.

Он ждал. Он прожил большую часть жизни один и не боялся умереть один. Нет, он не боялся совсем – он пришел сюда от столь же ужасных вещей. Это был точно такой же кусок пирога. Единственное, о чем он сожалел – это незнание того, что случилось с девушкой, но при этом он знал, что Сестра была невероятно упрямой, и если она пережила все это, то не позволит причинить вред Свон.

Свон, подумал он. Свон, не позволяй им сломить тебя. Плюй им в глаза, пинай их задницы и вспоминай иногда о добром самаритянине, хорошо?

Он решил, что устал, и собрался отдохнуть, и может быть, когда он проснется, будет уже утро. Это было бы так замечательно – увидеть солнце.

Пол заснул.

Часть четырнадцатая
Молящийся в последний час

Глава 85. Самый великий вор

Желтый свет лампы падал на черты лица Смерти, и в ее присутствии Свон старалась стоять гордо и прямо. Страх трепетал внутри ее ребер как бабочка в клетке, но Свон встретила пристальный взгляд полковника Маклина без раболепия. Это человек, который идет по трупам, поняла Свон. Да. Она знала его, знала, кем он был, понимала хищную силу, которая управляла

им. И сейчас он скосил Мериз Рест, но его глаза были все еще голодны.

На столе перед полковником Маклином лежал кусок бумаги. Маклин поднял правую руку и, хлопнув ею, пронзил мгновенно отчет об убитых и раненых. Он широким жестом скинул их с поверхности стола и протянул свою ладонь Свон.

– Армия Совершенных Воинов потеряла сегодня четыреста шестьдесят восемь солдат. Возможно больше, если отчеты устарели. – Он быстро взглянул на женщину, которая стояла рядом со Свон, затем за спину девушки. Роланд и двое охранников стояли за ними, а стоящий справа от Маклина был человек, который называл себя Другом. – Возьми это,– сказал ему Маклин. – Посмотри на себя. Скажи мне, стоишь ли ты четырехсот шестидесяти восьми солдат?

– Люди, которые убили этих солдат, наверняка думали так,– заговорила Сестра. – И если бы у нас было больше пуль, вы все еще оставались бы за стенами, получая отпор на ваши удары.

Маклина перенес все свое внимание на нее. – Как ваше имя?

– Ее зовут Сестра,– сказал Друг. – И у нее есть кое–что, что мне нужно.

– Я думал, что вам нужна девушка.

– Нет. Она нужна не мне. Но она нужна вам. Вы видели кукурузное поле это ее работа. – Он улыбнулся безучастно Сестре. – Эта женщина спрятала красивый кусок стекла, который я собираюсь получить. О, да! Я собираюсь найти его, поверь мне. – Его глаза глубоко проникли в глаза Сестры, через плоть и кость в ее кладовую памяти. Тени ее поступков летали как напуганные птицы в ее голове. Он видел зубчатые руины Манхеттена и руки Сестры, отрывающие впервые стеклянное кольцо; он видел водяной ад Голландского туннеля, покрытое снегом шоссе, шрамом пересекавшее Пенсильванию, крадущиеся стаи волков и тысячу других мерцающих образов в течение нескольких секунд. – Где оно? – спросил он ее, и сразу же увидел изображение поднятой вверх кирки в ее мыслях, как бы вырисовывающееся освещением.

Она почувствовала, что он ковыряется в ее мозгу, как заправский вор в замке сейфа, и она должна успеть переключить тумблеры прежде, чем он войдет внутрь.

Она закрыла глаза, плотно их сжала и начала поднимать крышку наиболее ужасной вещи, вещи, от которой ее крик перехлестнулся через край и обратил ее в Сестру Ужас. Шарниры крышки были ржавые, потому что она не смотрела внутрь долгое время, но сейчас она подняла крышку и заставила себя посмотреть на это так, как это было в тот дождливый день на

шоссе.

Человек с алым глазом был ослеплен голубым светом от крутящейся фары и услышал мужской голос, говоривший: – Дайте ее мне, леди. Прямо сейчас, позволь мне взять ее. – Образ прояснялся и усилился, и вдруг у него оказалось в руках тело маленькой девочки; она была мертва, а лицо разбито и искажено, и рядом находилась перевернутая машина, из радиатора которой вырывался шипящий пар. На окровавленном бетоне в нескольких футах лежали осколки стекла, и в них поблескивали маленькие искорки. – Дайте ее мне, леди. Мы позаботимся о ней теперь,– говорил молодой человек в желтом плаще, когда дотрагивался до ребенка.

– Нет,– сказала Сестра мягко, мучительно, глубоко изнутри ужасного мгновенья. – Я не разрешаю вам… взять ее. – Голос Сестры звучал невнятно и путано.

Он покинул мозг и память женщины, сопротивляясь сильному желанию выйти, и схватил ее за шею. Или она была сильнее, чем он думал, либо он был слабее, чем он предполагал – и он почувствовал, что эта проклятая маленькая сучка смотрит в него тоже! Что–то около нее – или само ее присутствие – истощало его силу! Да, это было так! Ее неистовая злоба делала его слабым! Один удар, один быстрый удар в ее череп – и все было бы кончено! Он сжал пальцы в кулак, и только потом осмелился посмотреть ей в лицо. – Что ты уставилась?

Она не ответила. Его лицо было ужасным, но у него был влажный, пластический блеск. Затем она сказала, так спокойно, как могла: – Почему Вы так боитесь меня?

– Я не боюсь! – взревел он, и мертвые мухи упали с его губ. Его щеки покраснели. Один из его карих глаз стал черным, как смоль, и кости перемещались под кожей лица, как гнилые основания дома из папье–маше. Морщины и трещины расходились от углов его рта, и он мгновенно постарел на десять лет. Его красная, морщинистая шея дрожала, когда он отвел свой взгляд от нее и повернулся спиной к Сестре. – Кронингер! – сказал он. – Пойди возьми брата Тимоти и приведи его сюда.

Роланд покинул трейлер без колебаний.

– В течение шестидесяти секунд я буду расстреливать по одному человеку, пока ты не скажешь мне. – Друг наклонился ближе к Сестре. – С кого мы начнем? С этого большого негра? А как насчет мальчика? Будем ли мы просто разборчивыми? Будем тянуть соломинки или имена из шляпы? Я не занимаюсь таким дерьмом. Где ты прячешь это?

И опять, все, что он мог увидеть – это крутящийся голубой свет и сцена аварии. Кирка, подумал он. Кирка. Он посмотрел на

грязные одежду и руки женщины. И он понял. – Ты закопала это, верно?

На лице Сестры не отразилось никаких эмоций. Ее глаза оставались плотно закрытыми.

– Ты… зарыла… это,– прошептал он, ухмыляясь.

– Что Вы хотите от меня? – спросила Свон, пытаясь отвлечь его внимание. Она посмотрела на полковника Маклина. – Я слушаю,– подсказала она.

– Это ты заставила кукурузу расти? Это верно?

– Земля заставила кукурузу расти.

– Она сделала это! – сказал Друг, отворачиваясь от Сестры в то же мгновение. – Она положила семена в грязь и заставила их расти! Никто еще не делал этого! Земля мертва, и она единственная, кто может вернуть земле ее прежнее состояние! Если Вы возьмете ее с собой, у Армии Совершенных Воинов будут все продукты, которые ей нужны! Она может сделать так, что из одного колоска вырастет целое поле!

Маклин смотрел на нее. Он не думал, что когда–либо видел девушку такую прелестную как она – и ее лицо выражало силу духа. – Это правда? – спросил он.

– Да,– ответила она. – Но я не буду выращивать продукты для вас. Я не буду выращивать урожай для армии. И нет способа, которым вы могли бы заставить меня.

– Есть! – зашипел Друг над плечом Маклина. – У нее есть друзья снаружи! Большой негр и мальчик! Я видел их сам совсем недавно! Ты возьми их с нами, когда мы пойдем, и она будет выращивать урожаи, чтобы спасти их шеи!

– Джош и Робин лучше умрут.

– Для тебя лучше, если они умрут? – Он покачал головой и другой его глаз стал бирюзовым. – Нет, я так не думаю.

Свон знала, что он был прав. Она не сможет отказаться помочь им, если жизни Джоша и Робина будут ставкой. – Куда вы идете? – спросила она равнодушно.

– Здесь! – сказал Друг. – Здесь наш брат Тимоти! Он скажет тебе! – Роланд и брат Тимоти как раз входили в трейлер; Роланд крепко держал худую руку мужчины, и брат Тимоти шел, словно был в состоянии транса, его туфли шаркали по полу.

Свон повернулась к двум мужчинам и вздрогнула. Глаза вновь прибывшего выглядели кругами шока, окруженные глубоким багрянцем. Его рот был наполовину открыт, а губы серыми и вялыми.

Друг хлопнул руками.

– Поведай нам *истину*! Скажи маленькой сучке, куда мы идем, брат Тимоти!

Мужчина издал стонущий, искаженный звук. Он содрогнулся и затем сказал:

– К горе Ворвик. Искать Бога.

– Очень хорошо! Поведай нам истину! Скажи нам, где гора Ворвик!

– Западная Виржиния. Я был там. Я жил с Богом… семь дней… и семь ночей.

– Поведай нам истину! Что есть у Бога на горе Ворвик? – Брат Тимоти моргнул и слеза побежала вниз по его правой щеке.

– Кое–кто сейчас рассердится, брат Тимоти,– сладко сказал Друг.

Мужчина завыл, его рот открылся шире, а его голова задергалась вперед и назад. – Черная коробка… и серебряный ключ! – сказал он, его слова неслись и путались одновременно. – Молитесь в последний час! Бойтесь смерти от воды! Бойтесь смерти от воды!

– Очень хорошо. Теперь считай до десяти.

Брат Тимоти выставил обе руки в свет лампы. Он начал считать на пальцах. – Один… два… три… четыре… пять… шесть… – Он остановился в замешательстве.

А Свон все еще смотрела на оставшиеся четыре пальца на его правой руке, остальные были отрублены.

– Я же сказал: истину нам поведай,– сказал ему Друг.

Вены пульсировали на шее брата Тимоти, и еще быстрее забился пульс у него на виске. Слезы ужаса наполнили его глаза. Он пытался отступить, но хватка Роланда сжалась на его руке. – Пожалуйста,– хрипло прошептал брат Тимоти,– не… калечьте меня больше. Я возьму вас к нему. Я клянусь! Только… не калечьте меня больше… – Его голос был прерван рыданиями, и он раболепствовал, пока Друг приближался.

– Мы не причиним тебе вреда. – Друг погладил влажные от пота волосы мужчины. – Мы не будем помышлять об этом. Мы просто хотели, чтобы ты показал этим леди, насколько мы можем быть убедительными. Они были бы очень глупыми, если бы не сделали то, что мы сказали, не правда ли?

– Глупыми,– согласился брат Тимоти, с усмешкой зомби. – Очень глупыми.

– Хороший песик. – Друг слегка погладил его макушку. Затем он повернулся в сторону Сестры, схватил сзади ее шею и повернул голову к брату Тимоти; другой своей рукой он грубо заставил один ее глаз открыться. – Посмотри на него! – кричал он и тряс ее.

Его прикосновения вызывали невыносимый холод во всем ее теле, у нее болели кости и не оставалось другого выбора, кроме

как посмотреть на искалеченного мужчину, который стоял перед ней.

– У капитана Кронингера есть очень хорошая комната для развлечений. – Его рот располагался прямо напротив ее уха. – Я собираюсь дать тебе еще один шанс до рассвета, чтобы ты могла вспомнить, где эта безделушка. Если же твоя память и тогда все еще будет тебя подводить, то хороший капитан начнет выбирать людей снаружи из “курятника”, чтобы поиграть с ними в свои игры. А ты будешь смотреть, потому что первым ходом этой игры будет отрезание твоих век. – Его рука сжалась, как петля.

Сестра молчала. Голубой свет продолжал крутиться в ее мозгу, и молодой мужчина в желтом плаще продолжал тянуться к мертвому ребенку на ее руках.

– Кто бы она ни была,– прошептал он,– я надеюсь, она умерла, ненавидя тебя.

Друг почувствовал, что Свон смотрит на него, почувствовал, что ее глаза исследуют его душу, и убрал свою руку прежде, чем слепая ярость заставила его сломать шею женщины. Когда он не мог больше это выдержать, то закружился по направлению к ней. Их лица находились на расстоянии шести дюймов друг от друга. – Я убью тебя, сука! – взревел он.

Свон использовала всю свою силу воли, чтобы удержаться и не отпрянуть назад. Она выдержала его взгляд, как железная рука, поймавшая змею. – Нет, ты не убьешь,– сказала она ему. – Ты сказал, что я не значу ничего для тебя, но ты лжешь.

Коричневая краска проступила полосками на его бледном теле. Его челюсть удлинилась, а фальшивый рот открылся, как зубчатая рана, на его лбу. Один глаз остался карим, в то время как другой стал темно–красным, как если бы он разорвался и залился кровью. Ударь ее! – подумал он. Забей суку насмерть!

Но он не сделал это. Не смог. Потому что знал, даже через подлое заграждение своей собственной ненависти, что в ней была сила, сверх того, что он мог понять, и что–то глубоко внутри него томились как больное сердце. Он не выносил ее и хотел сломать ее кости – но в то же время не смел дотронуться до нее, потому что ее пламя могло сжечь его дотла.

Он отвернулся от нее; его лицо стало лицом испанского типа, затем восточного, и наконец оно приняло какое–то промежуточное выражение. – Ты пойдешь с нами, когда мы выступим,– пообещал он. Его голос был высоким и дребезжащим, поднимаясь и опускаясь через целые октавы. – Сначала мы пойдем в Западную Виржинию… найти Бога. – Он усмехнулся на этом слове. – Затем мы собираемся найти для тебя прекрасную ферму, где будет много земли. Мы также собираемся достать

семена и зерно для тебя. Мы найдем, что тебе нужно, в силосе и амбарах вдоль дороги. Мы собираемся построить большую стену вокруг твоей фермы, и мы даже оставим нескольких солдат, чтобы они составили тебе компанию. – Рот на его лбу улыбнулся, а затем замазался. – И остаток своей жизни ты будешь выращивать продукты для Армии Совершенных Воинов. У тебя будут тракторы, жатки, все виды машин! И твои собственные рабы тоже! Держу пари, что большой негр мог бы вполне тянуть плуг. – Он быстро взглянул на двух охранников. – Пойдите достаньте из “курятника” этого черного ублюдка, и мальчика по имени Робин тоже. Они могут разделить квартиру с братом Тимоти. Вы не возражаете, не правда ли?

Брат Тимоти хитро оскалился. – Симон не велел разговаривать.

– Куда мы поместим этих двух леди? – спросил Друг полковника Маклина.

– Я не знаю. В палатку, я полагаю.

– О, нет! Давайте в конце концов дадим леди матрацы! Мы хотим, чтобы им было удобно, пока они думают. Как насчет трейлера?

– Они могут пойти в трейлер Шейлы,– предложил Роланд. – Она присмотрит за ними вместо нас.

– Отведите их туда,– приказал Друг. – Но я хочу, чтобы два вооруженных охранника стояли на дежурстве у двери трейлера. Чтобы не допустить ошибок. Поняли?

– Да, сэр. – Он вынул свой пистолет из кобуры.

– После вас,– сказал он Свон и Сестре, и пока они выходили из двери и спускались по вырезанным ступенькам, Свон сжала руку Сестры.

Друг стоял в дверях и смотрел, как они идут. – Сколько осталось до рассвета? – спросил он.

– Три или четыре часа, я думаю,– сказал Маклин.

Лицо Свон запечатлелось в голове Маклина так ясно, как фотография. Он подцепил отчет об убитых и раненых гвоздями, вбитыми в протез; группы чисел были расписаны по бригадам, и Маклин пытался сосредоточиться на них, но он не мог забыть лицо девушки. Он не видел такой красоты уже давно; это было за пределами сексуальности – это было нечто чистое, сильное и новое.

Он обнаружил, что смотрит на ногти на руке и на грязные бинты, обмотанные вокруг его запястья. На мгновение он смог принюхаться к запаху, исходящему от него – и его чуть не стошнило.

Он взглянул на Друга в дверях и в уме у Маклина вдруг

прояснилось, словно облака развеяло знойным ветром.

Мой Бог, подумал он. Я… в союзе с…

Друг слегка повернул свою голову. – У тебя что–то на уме? – спросил он.

– Нет. Ничего. Я просто думаю, вот и все.

– Способность мыслить приводит людей к беде. Воистину это так! Не правда ли, брат Тимоти?

– Правильно! – чирикнул мужчина и сцепил вместе свои искалеченные руки.

Глава 86. Клад

– Моя обязанность – развлекать,– неожиданно сказала женщина, которая сидела на куче грязных подушек в углу.

Это был первый раз, когда она заговорила с тех пор как их запихнули в грязный трейлер, больше часа назад. Она только сидела там и смотрела на них, пока Свон укладывалась на один из потертых матрацев, а Сестра мерила шагами комнату.

– А вы обе для вечера?

Сестра прекратила шагать, посмотрела на нее недоверчиво в течение нескольких секунд, а затем снова продолжила. Девять шагов от одной стены до другой.

– Хорошо,– пожала она плечами,– если мы собираемся ночевать вместе, нам следует, по крайней мере, знать имена друг друга. Я – Шейла Фонтана.

– Очень приятно,– пробормотала Сестра.

Свон привстала, чтобы рассмотреть темноволосую женщину более пристальным взглядом. В свете единственной керосиновой лампы, имеющейся в трейлере, Свон увидела, что Шейла Фонтана очень худая, до истощения, у нее желтоватое тело, натянутое и опавшее на костях лицо. Череп просвечивался на макушке ее головы, а черные волосы были грязными и безжизненными. Вокруг нее на полу были разбросаны пустые продуктовые банки, бутылки и другой мусор. Женщина носила пестрые и грязные вещи под тяжелым вельветовым пальто, но Свон также увидела, что ногти Шейлы, хотя сломанные и сильно обгрызенные, были накрашены ярко–красным. В первую очередь, входя в трейлер, Свон заметила туалетный столик, покрытый банками с гримом, тюбиками губной помады и тому подобным, и сейчас она бегло посмотрела на зеркало, где были прицеплены вырезанные из журналов фотографии молоденьких фотомоделей.

– Я тоже развлекала людей,– сказала Свон. – В “Странствующем шоу”, вместе с Джошем и Расти. Но обычно я просто оставалась в фургоне, а вот Расти был настоящим

волшебником – он мог сделать так, чтобы вещи исчезали и появлялись вновь, просто так, из ничего. – Она щелкнула пальцами, мысленно вернувшись в воспоминании прошлого. Потом снова она сфокусировала свое внимание на Шейле. – А что ты делаешь?

– Всего понемножку, душенька,– улыбнулась Шейла, показывая серые и дряблые десны. – Я – ДР.

– ДР? Что это?

– Дама для развлечения. Я должна выходить и прогуливаться, вот и сейчас тоже. Хорошая ДР может иметь успех, пока у них есть раны после битвы. Это заставляет мужчину хотеть трахаться.

– А?

– Она имеет ввиду, что она проститутка,– объяснила Сестра. – Иисусе, какой здесь запах!

– Извините, обычно я освежаю здесь чем–нибудь воздух. Вы можете разбрызгать что–нибудь из этой парфюмерии, если хотите. – Она указала жестом на липкие, высушенные бутылки на туалетном столике.

– Нет, спасибо. – У Сестры сбилось дыхание и она шагнула к двери; повернула ручку, открыла дверь и столкнулась лицом к лицу с двумя охранниками, которые находились снаружи.

Они оба держали винтовки. Один из охранников сказал: – Войдите обратно.

– Я просто хочу вдохнуть немного свежего воздуха. Вы не возражаете?

Ствол винтовки уперся ей в грудь. – Назад внутрь,– приказал мужчина. Он толкнул ее и Сестра захлопнула дверь.

– Мужчины – скоты,– сказала Шейла. – Они не понимают, что женщине нужно уединение.

– Мы должны выбраться отсюда! – голос Сестры дрожал, она была на грани паники. – Если он найдет его, он собирается уничтожить его – а если я не дам ему найти его, то он начнет мучить людей!

– Найти что? – Шейла подтянула свои колени к груди.

– Скоро рассвет,– продолжала Сестра. – О, Боже!

Она наклонилась к стене, не в состоянии стоять на ногах. – Он собирается найти это! И я не могу остановить его!

– Эй, леди! – сказала Шейла. – Кто–нибудь говорил вам когда–нибудь, что вы сумасшедшая?

Сестра была близко к тому, чтобы упасть, и Свон, она знала, тоже. Но она не позволяла себе думать о том, что ждет их впереди. – Как долго вы с ними? – спросила Свон темноволосую женщину.

Шейла слабо улыбнулась – это была ужасная улыбка на этом

изнуренном, опорожненном жизнью лице. – Всегда,– ответила она. – О, Христос, я хотела бы, чтобы у меня было немного порошка. Или пилюли. Если бы у меня была только одна таблетка “Черной Красавицы“, я бы разрезала этого ублюдка на маленькие кусочки, и мне было бы все равно, что потом со мной сделали бы! У вас нет никаких наркотиков, не правда ли?

– Нет.

– Я так и думала. Ни у кого ничего нет. Я полагаю, что все это выкурено, пропыхано и выпито. О, дерьмо. – Она печально покачала головой, как если бы оплакивала смерть потерянной культуры. – Как тебя зовут, душенька?

– Свон.

Шейла повторила его. – Это прекрасное имя. Лебедь. Я познакомилась как–то с девушкой по имени Голубь. Она тащилась вверх по дороге около Эл Серрито, и Руди и я тащили… – Она остановилась. – Слушайте! – настойчиво зашептала она. – Вы слышите это?

Свон слышала, как несколько мужчин смеются невдалеке, и на расстоянии были слышны звуки ружейных выстрелов.

– Ребенок! – Правая рука Шейлы поднялась ко рту. Ее глаза стали безумными. – Слушайте! Вы не слышите, как кричит ребенок?

Свон покачала головой.

– О… Иисус! Шейла почти задохнулась от ужаса. – Ребенок плачет! Заставьте его прекратить плакать! Пожалуйста! – Она закрыла уши руками, и ее тело начало свертываться в форму зародыша. – О, боже, пожалуйста заставь его прекратить!

– Она вне себя,– сказала Сестра, но Свон поднялась с матраца и подошла к женщине.

– Лучше оставь ее одну,– предупредила Сестра. – Она выглядит непривлекательной и совсем пропащей.

– Заставьте его прекратить… заставьте его прекратить… О, Иисус, заставьте его прекратить,– говорила бессвязно Шейла, свернувшись в углу. Ее лицо блестело от пота в свете лампы, а запах тела женщины отталкивал Свон. Но Свон остановилась около нее и наконец наклонилась в ее сторону. Она заколебалась, а затем потянулась, чтобы дотронуться до женщины. Рука Шейлы нашла руку Свон и схватила ее, больно сжав. Свон не выдернула руку. – Пожалуйста… заставьте ребенка прекратить кричать,– умоляла Шейла.

– Здесь… здесь нет ребенка. Здесь нет никого, кроме нас.

– Я слышу крик! Я слышу его!

Свон не знала, какие мучения выпали на долю этой женщине, но она не могла спокойно смотреть на ее страдания. Она пожала

руку Шейлы и наклонилась к ней ближе.

– Да,– мягко сказала она,– я тоже слышу крик. Крик ребенка. Разве это плохо?

– Да! Да! Заставьте его прекратить прежде, чем будет слишком поздно!

– Слишком поздно? Слишком поздно для чего?

– Слишком поздно для него, чтобы жить! – Пальцы Шейлы вцепились в руку Свон. – Он убьет его, если он не прекратит кричать!

– Я слышу это,– сказала ей Свон. – Подожди, подожди. Сейчас ребенок перестанет кричать. Звук начал удаляться.

– Нет. Я все еще слышу…

– Звук удаляется,– повторила Свон, ее лицо было всего в нескольких дюймах от лица Шейлы. – Он становится тише теперь. Тише. Я едва слышу его вообще. Кто–то заботится о ребенке. Он очень тихий сейчас. Очень тихий. Крик прекратился.

Шейла резко, неожиданно вздохнула. Подержала несколько секунд и выпустила его с мягким, мучительным стоном. – Прекратился? – спросила она.

– Да,– ответила Свон. – Ребенок перестал кричать. Все закончилось.

– А… а ребенок все еще жив?

Это казалось, было очень важно для нее.

Свон кивнула. – Все еще жив.

Рот Шейлы был вялым, и тонкая нитка слюны прорвалась поверх нижней губы и свисала на ее подол. Свон начала высвобождать свою руку, но Шейла не давала ей уйти.

– Тебе нужна помощь? – предложила Сестра, но Свон покачала головой.

Рука Шейлы поднялась очень медленно, и она кончиками пальцев тронула щеку Свон. Свон не видела глаза женщины – только два темных кратера на белом как мел теле.

– Кто ты? – прошептала Шейла.

– Свон. Мое имя – Свон. Помнишь?

– Свон,– повторила Шейла, ее голос был нежным и благоговейным. – Ребенок… никогда не переставал плакать раньше. Никогда не переставал плакать… до тех пор пока не был мертв. Я никогда даже не знала, была ли это девочка или мальчик. Крик никогда не прекращался раньше. О… ты такая красивая. – Ее грязные пальцы погладили лицо Свон. – Такая красивая. Мужчины – скоты, ты знаешь. Они берут красивые вещи… и делают их безобразными. – Ее голос звучал надломлено. Она начала тихо плакать, ее щека отдыхала на руке девушки. О… я так устала.

Свон дала ей поплакать и все гладила голову женщины. Ее рука дотрагивалась до струпьев и язв.

Через некоторое время Шейла подняла голову. – Могу… могу я спросить у тебя кое–что?

– Да.

Шейла вытерла глаза и шмыгнула носом.

– Ты… позволишь мне причесать твои волосы?

Свон встала и помогла Шейле встать на ноги, затем подошла к туалетному столику и села перед зеркалом.

Шейла осторожно следовала за ней. Она добралась до туалетного столика и подняла щетку, всю в волосах. Затем пальцы Шейлы пригладили длинные волосы Свон, и она начала расчесывать ее, медленно и неспешно, взмах за взмахом.

– Почему ты здесь? – спросила Шейла. – Что они хотят от тебя?

Ее голос был тихим и благоговейным. Сестра слышала такое и раньше, когда другие люди в Мериз Рест разговаривали со Свон. Прежде чем девушка смогла ответить, Сестра сказала:

– Они собираются держать нас здесь. Они собираются заставить Свон работать на них.

Шейла прекратила расчесывать. – Работать на них? Как… как ДР?

– В некоторой степени – да.

Она помолчала несколько секунд, затем снова стала медленно расчесывать волосы Свон. – Такая красивая вещь,– прошептала она, и Сестра увидела, как она горестно хмурится, как бы пытаясь отогнать мысли, которые лучше бы не допускать.

Сестра не знала ничего о женщине, но она заметила, как привычно и нежно Шейла пользуется щеткой, ее пальцы двигались как во сне сквозь волосы Свон, освобождая спутанные пряди. Она видела, как Шейла продолжает любоваться лицом Свон в зеркале, затем нерешительно поднимая свой взгляд на свои собственные ссохшиеся, изношенные черты – и Сестра решила использовать этот шанс. – Это позор,– тихо сказала она,– что они собираются сделать ее безобразной.

Щетка остановилась.

Сестра быстро взглянула на Свон, которая начала понимать, что пытается сделать старшая женщина; затем Сестра подошла и встала за Шейлой. – Не все мужчины – скоты,– сказала она,– но эти мужчины – да. Они собираются использовать Свон и сделать ее безобразной. Они собираются подавить и уничтожить ее.

Шейла посмотрела на Свон в зеркале и затем на себя. Она стояла очень тихо.

– Ты можешь помочь нам,– сказала Сестра. – Ты можешь

остановить их, чтобы они не сделали ее безобразной.

– Нет. – Ее голос был слабым и равнодушным, как голос усталого ребенка. – Нет, я… не могу. Я никто.

– Ты можешь помочь нам выбраться отсюда. Только поговори с охранниками. Отвлеки их внимание и уведи от двери на одну минуту. Вот и все.

– Нет… нет.

Сестра положила свою руку на плечо женщины. – Посмотри на нее сначала, а теперь посмотри на себя. – Глаза Шейлы переместились. – Посмотри, во что они тебя превратили.

– Безобразная,– прошептала Шейла. – Безобразная. Безобразная. Безобразная…

– Пожалуйста, помоги нам бежать.

Шейла не отвечала, наверно, в течение минуты, и Сестра испугалась, что она упустила возможность уговорить ее. Вдруг женщина начала расчесывать волосы Свон снова. – Я не могу,– сказала Шейла. – Они убьют всех нас. Мы для них ничего не значим, потому что они любят пользоваться своими ружьями.

– Они не убьют нас. Полковник не хочет причинить нам вреда.

– Они причинят вред мне. Кроме того, куда вы пойдете? Все затрахано. Нет места, чтобы скрыться.

Сестра внутренне выругалась, но Шейла была права. Даже если бы им удастся ускользнуть из трейлера, это будет только вопрос времени, чтобы найти их опять. Она посмотрела на отражение Свон в зеркале, и Свон слегка качнула головой, чтобы передать сообщение, что бесполезно следовать этой тактике. Внимание Сестры привлекли стеклянные бутылочки парфюмерии на туалетном столике. Сейчас она имела так мало, что могла потерять. – Шейла,– сказала она,– ты любишь красивые вещи, не правда ли?

– Да.

Так, дальше, так хорошо. Надо с этой стороны нанести удар.

– Хотела бы ты увидеть кое–что действительно красивое?

Шейла посмотрела вверх. – Что?

– Это – тайна. Зарытое сокровище. Хотела бы ты увидеть его?

– Я знаю все о зарытых сокровищах. Роланд зарыл порошки. Он также убил Толстяка.

Сестра пренебрегла ее бредом и упорно придерживалась своей цели. – Шейла,– сказала она доверительным тоном,– я знаю, где зарыто сокровище. Это кое–что, что могло бы спасти нас. – Если ты шлю… ДР,– быстро исправилась она,– охранники не будут возражать, чтобы ты вышла. Как ты сказала, ты должна быть на прогулке сейчас. Но я уверена, что тебе никогда не

приходилось видеть ничего более красивого, чем это сокровище, и если ты пойдешь туда, куда я тебе скажу, и принесешь его назад сюда, то ты очень поможешь Свон. Разве не так, Свон?

– Да, это так.

– Это должно быть нашим секретом, хорошо,– продолжала Сестра, внимательно глядя на вялое, лишенное всяких эмоций лицо Шейлы. – Ты не должна позволить никому узнать, куда ты идешь – и ты не должна также позволить никому видеть, как ты выкапываешь его и несешь обратно сюда. Ты должна спрятать его под пальто. Ты сможешь сделать это?

– Я… не знаю. Я только что позаботилась о своих ногтях…

– Зарытое сокровище может остановить их, чтобы они не сделали ее безобразной,– сказала Сестра, и увидела, как появляется осмысленное выражение на лице женщины. – Но это будет наш секрет. Только между нами, товарищами по комнате. Хорошо? – Шейла все еще не отвечала и Сестра сказала: – Пожалуйста, помоги нам.

Шейла посмотрела на свое отражение в зеркале. Она едва узнала чудовище, которое выглядывало оттуда. Полковнику она была не нужна, поняла она. Никогда не нужна, за исключением тех случаев, когда он оскорбительно использовал ее. Мужчины – скоты, подумала она, и вспомнила карту полковника, где было изображение новой Америки с ее растянувшимся серым Тюремным Районом.

Это была не та страна, в которой она хотела жить.

Она положила щетку, чувствовав, как Свон смотрит на нее в зеркало, и Шейла поняла, что она не может, не должна позволять им сделать такую красивую вещь такой же безобразной, как она сама.

– Да,– наконец ответила она. – Я помогу вам.

Глава 87. Магическая сила

– Стоп! – заорал он, и пока “Джип” буксовал во взрыхленной ледяной грязи разоренного кукурузного поля, человек с алым глазом перепрыгнул на другую сторону “Джипа” и побежал через жнивье.

Я получу это сейчас! – подумал он. Оно мое! И что бы это ни было – кольцо света, мистический дар или корона – я разобью это на кусочки прямо перед ее глазами!

Грязь налипла на его ботинки пока он бежал, он шел по кукурузному жнивью и почти падал в припадке ярости, желая поскорее добраться туда.

Серый, сумрачный свет окрашивал облака. В порывах ветра

он улавливал запах огня и крови, шагая по оголенным трупам на своем пути.

О, она думает, что она такая умная! – неистовствовал он. Такая умная! Хорошо, сейчас она поймет, что он не отрекся, не позабыл об этой сучке и ее сокровище; она поймет, что сейчас все еще его вечеринка, после того как весь дым рассеется и тела будут сосчитаны.

С первым проблеском света охранники привели Сестру в трейлер полковника и поместили ее в кресло в центре комнаты. Он сел в кресло перед ней, в то время как Роланд и Маклин наблюдали. И затем он придвинул свое восточного типа лицо близко к ее, и сказал, с присущей речи южанам медлительностью: – Где ты зарыла это?

Она собрала всю свою слюну и плюнула ему в лицо. И это было хорошо! О, да! Это было просто замечательно! Он хотел, чтобы она боролась с ним, чтобы блокировать ее память с этим проклятым голубым светом, крутящимся вокруг, и тогда бы он смог сжимать обеими руками ее щеки до тех пор, пока кровь не забьет струей из ее ноздрей. И затем, через туман ее боли, увидеть кирку в ее голове опять, увидеть ее поднятой вверх и брошенный вниз в грязь. Она пыталась забаррикадировать себя за голубым светом опять и ослепить его этим. Но, он был слишком быстр для нее и проскользнул в ее мозг с легкостью, пока маленькая сучка не была там, отвлекая его.

Итак, вот где это случилось. Вот где это было. Деревянная дощечка с надписью “РАСТИ ВИТЕРС”.

Она зарыла стекло в могиле ковбоя.

Он чуть не убил ее, когда смотрел это в ее сознании, но он хотел, чтобы она осталась жива, чтобы могла увидеть, как он разобьет стекло на кусочки. Сейчас могила находилась прямо впереди, в пространстве между жнивьем и рядами рассады яблонь, которые были выкопаны из земли и погружены в другой грузовик. Он бежал к месту, где, он знал, был похоронен ковбой. Земля под его ботинками была изжевана шинами грузовиков и ногами солдат, и грязь пыталась схватить и удержать его.

Он был уже на поляне и осматривался вокруг, ища импровизированную отметку могилы. Но ее не было здесь. Следы шин переплетались на поляне как нити ткани на пальто человека, которое он частично разорвал. Он посмотрел по сторонам и решил, что это не то место. Он пробежал еще около тридцати ярдов на запад, остановился и стал искать снова.

Голубые трупы засоряли поляну. Он поднимал их и отбрасывал как разбитые куклы, разыскивая какой–нибудь знак могилы.

После примерно десяти минут бешенного поиска, он обнаружил указатель могилы, но он лежал плашмя и был покрыт грязью. Он опустился на колени и начал скрести землю вокруг указателя, разрывая грязь и бросая ее за себя как собака, разрывающая затерянную кость. Но руки находили только грязь.

Он услышал голоса и посмотрел наверх. Четыре солдата пробирались через поле в поисках чего–нибудь, что бригады мусорщиков могли бы пропустить. – Вы! Начинайте копать! – закричал он на них – и они тупо уставились на него, пока он не сообразил, что говорит не на том языке. – Копайте,– скомандовал он, перейдя снова на английский. – Опуститесь на колени и копайте все это чертово поле!

Один из мужчин убежал. Трое других колебались, и один из них спросил: Для чего нам надо копать поле?

– Футляр! Кожаный футляр! Он где–то здесь! Она… – И вдруг он внезапно остановился и посмотрел вокруг на грязную, опустошенную поляну. Бронированные машины и грузовики передвигались по ней всю ночь. Сотни солдат маршировали через поляну и кукурузное поле. Указатель, должно быть, был сбит час, три или шесть часов назад. Он, видимо, был оттащен колесами грузовика или отброшен в сторону ботинками пятидесяти человек. И теперь нет возможности точно определить, где в действительности была могила, и неистовая ярость зашипела в нем. Он поднял свою голову и вскрикнул от злости.

Трое солдат побежали, спотыкаясь друг о друга в панике, желая поскорее убраться оттуда.

Человек с алым глазом поднял голый труп мужчины за шею и за негнущуюся, протянутую руку. Он отбросил его, и затем он пнул голову другого тела как футбольный мяч. Он упал на третий труп и крутил его голову до тех пор, пока позвоночник не затрещал со звуком, подобным порванным струнам гитары. Потом все еще кипя от злобы, он сел на них как животное и начал искал что–нибудь живое, чтобы убить.

Но он был один с мертвыми.

Подожди! – подумал он. Подожди!

Он привстал опять, его одежда была грязной, а его меняющееся лицо покрылось черной грязью, и он усмехался.

Он начал хихикать, затем смеяться, и наконец засмеялся так громко, что несколько оставшихся собак, которые крались по аллеям, услышав его, завыли в ответ.

Если оно потеряно, понял он, никто больше не сможет также обладать им! Земля поглотила его! Это произошло, и никто никогда не найдет его снова!

Он продолжал смеяться, думая о том, каким глупым он был.

Стеклянное кольцо ушло навсегда! И сама Сестра была той, которая выбросила его в грязь!

Он чувствовал себя намного лучше теперь, намного сильнее и с более ясной головой. Все решилось как раз так, как и должно быть. Это была все еще его вечеринка, потому что маленькая сучка принадлежала теперь Маклину, люди сами же разорили Мериз Рест, а Сестра передала свое сокровище черной непрощающей грязи, где оно будет лежать рядом с обугленными костями ковбоя.

Он встал, удовлетворенный тем, что могила была потеряна, и зашагал через поле туда, где ждал его шофер с “Джипом”. Он оглянулся, чтобы посмотреть последний раз на поле, и его зубы сверкнули белым по сравнению с его измазанным грязью лицом. Потребуется сила магии, подумал он, чтобы заставить это проклятое кольцо снова появиться – а он был единственным волшебником, которого он знал.

Теперь мы выступим. Мы возьмем маленькую сучку с собой, возьмем Сестру и этого большого негра с мальчишкой тоже, чтобы держать ее на привязи. Оставшиеся собаки могут жить в этих убогих лачугах, пока они не сгниют что не будет таким уж долгим.

Теперь мы пойдем в Западную Виржинию, на гору Ворвик, чтобы найти Бога. Он улыбнулся, и шофер, который ждал его прямо впереди, увидел ужасную, нечеловеческую гримасу и содрогнулся. Человек с алым глазом очень сильно желал встретиться с “Богом”, он этого действительно очень сильно желал. После того, как маленькая сучка попадет на свою ферму – тюрьму,– и что потом… кто знает?

Ему понравилось быть пятизвездным генералом. Это была та работа, которой он, казалось, особенно хорошо соответствовал, и когда он отвел взгляд от наваленных в кучу трупов, то почувствовал себя как король всего, что он обозревал, прямо совсем как дома.

Глава 88. Способ освободиться

С грохотом обеденного гонга Джош начал истекать слюной, прямо как животное.

Охранник ударил по задней двери грузовика прикладом своей винтовки, давая сигнал трем заключенным двигаться к дальней стороне их камеры на колесах. Джош, Робин и брат Тимоти знали этот звук очень хорошо. Робин держался очень стойко, отказываясь есть овсяную кашу на воде уже четыре дня – до тех пор пока Джош не скрутил его и не накормил насильно, и

впоследствии, когда Робин попытался бороться, Джош сбил его с ног и сказал, что он будет жить, нравится ему это или нет.

– Зачем? – спросил Робин, жаждя борьбы, но слишком больной от заботы черного гиганта. – Они же в любом случае собираются убить нас.

– А я вовсе не спешу попасть на виселицу, не зависимо от того, жив ли ты или нет, ссыкун! – сказал ему Джош, пытаясь разозлить мальчишку, чтобы сохранить его живым. – Если бы ты был мужчиной, ты бы защитил Свон! Но они не собираются убивать нас сегодня. Иначе они не тратили бы продукты. А как насчет Свон! Ты просто собираешься махнуть рукой и бросить ее волкам?

– Слушай, да ты дурак набитый! Она возможно уже мертва, и Сестра тоже!

– Никоим образом. Они держат Свон и Сестру живыми – и нас, тоже. Так что теперь ты будешь есть или, клянусь Богом, я запихну твое лицо в эту чашу и заставлю тебя высосать это своими ноздрями! Понял?

– Здоровяк,– усмехнулся Робин, отползая в свой привычный угол и обертывая грязное изношенное полотенце вокруг себя. Но с этого дня он ел все без колебания.

В металлической задней двери грузовика были пробиты тридцать семь маленьких круглых отверстий – и Джош и Робин считали и пересчитывали их помногу раз. Они придумали умственную игру соединять точки одну с другой, которые впускали тусклый серый свет и воздух. Они также были полезными смотровыми отверстиями, через которые можно было видеть, что происходит в лагере, и местность, по которой они ехали. Но сейчас дверь была не заперта и скользила вверх на своих шарнирах. Охранник с винтовкой, которого Робин почти что нежно называл “сержант Сраные Кальсоны”, рявкнул:

– С ведрами наружу.

Еще два охранника стояли рядом с ружьями нацеленными и наизготове, пока сначала Джош, затем Робин и брат Тимоти выносили свои ведра с отбросами.

– Выходите! – приказал сержант Сраные Кальсоны. – Гуськом! Двигайтесь!

Джош смотрел искоса в туманном свете утра. Лагерь пришел в движение, готовясь к новому походу; палатки были упакованы, транспорт проверен и заправлен бензином из бочек на грузовиках. Джош заметил, что число бочек с бензином быстро уменьшается, и Армия Совершенных Воинов оставляет позади много покинутых грузовиков. Он осмотрел вокруг землю, пока шел около десяти ярдов от грузовика, чтобы вылить содержимое

ведра в овраг. Густая чаща и безлиственные леса росли на дальней стороне оврага и вдалеке, на расстоянии были покрыты снегом, с тяжелыми хребтами горы. Шоссе, по которому они ехали, вело к этим горам, но Джош точно не знал, где они были. Время смешалось и перепуталось; он думал, что прошло две недели с тех пор как они покинули Мериз Рест, но даже в этом он не был уверен. Может быть, было больше, например три недели. Во всяком случае, к этому времени они оставили Миссури далеко позади, рассчитал он. И Глорию и Аарона также. Когда солдаты пришли забирать его и Робина из “курятника”, у Джоша было время только на то, чтобы притянуть Глорию к себе и сказать: – Я вернусь. – Ее глаза смотрели прямо сквозь него. – Слушай меня! – сказал он, тряся ее – и наконец она сосредоточила и сфокусировала свое внимание на красивом черном мужчине, который стоял перед ней. – Я вернусь. Ты только будь сильной, ты слышишь? И позаботься о мальчике так хорошо, как только можешь.

– Ты не вернешься. Нет. Ты не вернешься.

– Я вернусь! Я еще не видел тебя в этом блестящем платье. Это стоит того, чтобы вернуться назад, верно?

Глория нежно дотронулась до его лица, и Джош увидел, что она хочет верить, хотя знает, что это безнадежно. А затем один из солдат толкнул прикладом винтовки его в поврежденные ребра, и Джош почти скрючился от сильной боли – но пересилил себя и остался стоять, и вышел из “курятника” с достоинством.

Когда грузовики, бронированные машины и трейлеры Армии Совершенных Воинов наконец покатили из Мериз Рест, около сорока человек следовали за ними пешком некоторое время, выкрикивая имя Свон, плача и причитая. Солдаты использовали их как тренировочные мишени, пока последние пятнадцать или около того не повернули назад.

– С ведрами обратно! – загремел сержант Сраные Кальсоны после того, как Робин и брат Тимоти опорожнили свои. Трое заключенных поставили ведра обратно в грузовик, и сержант скомандовал: – Чаши готовь!

Они вынесли маленькие деревянные чаши, которые им дали, и примерно в это же время от полевой кухни прибыл железный котелок. Жидкий суп, сделанный из консервированной томатной пасты и подкрепленный крошечными кусочками солений, был перелит в чаши; еда была обычно точно такой же, доставлялась дважды в день, за исключением того, что иногда в супе были куски соленой свинины или в нем плавал жир.

– Чашки наружу!

Заключенные поставили свои оловянные чашки, в то время

как другой солдат разливал воду из фляги. Жидкость была солоноватой и масляной – конечно, это была вода не из источника. Это была вода из растаявшего снега, потому что она оставляла пленку во рту, воспаляющую горло, и вызывала язвы на деснах Джоша. Он знал, что большие деревянные бочонки с родниковой водой находились на грузовиках с припасами, и он также знал, что ни один из них не получит оттуда ни капли.

– Назад! – приказал сержант Сраные Кальсоны, и когда заключенные выполнили приказание, металлическую дверь потянули вниз и закрыли на засов, и время кормления было закончено.

Внутри грузовика каждый нашел себе свое собственное место для еды – Робин в одном углу, брат Тимоти – в другом, а Джош – центре. Когда Джош закончил, он натянул свое изношенное полотенце вокруг плеч, потому что необитые металлические внутренности грузовика, предназначавшиеся для груза, всегда оставались холодными; затем он растянулся, чтобы лечь спать опять. Робин встал, шагая взад и вперед, пытаясь растратить нервную энергию.

– Лучше сохраняй свои силы,– сказал Джош, охрипший от загрязненной воды.

– Зачем? Ах, да, я полагаю, мы собираемся сегодня поднять восстание, а? Конечно! Я действительно лучше буду сохранять силы! – Он чувствовал себя медлительным и слабым, голова так болела, что он едва мог думать. Он знал, что это была реакция на воду после того, как его организм привык к родниковой воде Мериз Рест. Но все, что он мог сделать, чтобы не сойти с ума – это ходить по кругу.

– Забудь о том, чтобы пытаться бежать,– сказал ему Джош, примерно в пятнадцатый раз. – Я должен оставаться рядом со Свон.

– Мы не видели ее с тех пор, как они бросили нас сюда! Человек, мы ничего не слышали о том, что эти ублюдки сделали с ней! Я говорю, мы должны выбраться, а затем мы сможем помочь Свон бежать!

– Это большой лагерь. Если даже мы сможем выбраться, что мы вряд ли сможем сделать, то я не уверен, что найдем ее. Нет, лучшее – это остаться здесь, лежать тихо и посмотреть, что они планируют для нас.

– Лежать тихо? – Робин недоверчиво рассмеялся. – Если мы еще сколько–нибудь полежим тихо, то будем скоро валяться в грязи! Я знаю, что они планируют! Они собираются держать нас здесь пока мы сгнием, или застрелят нас где–нибудь на краю дороги! – Пульс в его висках бился неистово, и ему пришлось

опуститься на колени и сжать виски ладонями, пока боль не прошла. – Мы мертвы,– заскрежетал он наконец. – Только мы еще не знаем это.

Брат Тимоти доел содержимое своей посудины. Он вылизал остатки еды со стенок, и теперь у него остался только пятнистый темный хлеб. Его кожа была такой же белой, как белая полоска, которая отмечала его жирные черные волосы.

– Я видел ее,– сказал он прозаично – первые слова, которые он произнес за эти три дня. И Джош и Робин промолчали от удивления. Брат Тимоти поднял свою голову; одно стекло у него в очках треснуло, и изоляционная лента удерживала стекла вместе на его переносице. – Свон,– сказал он. – Я видел ее.

Джош сел. – Где? Где ты видел ее?

– Не здесь. Они ходили вокруг одного из трейлеров. Эта другая женщина Сестра – тоже была там. Охранники были прямо за ними. Я полагаю, их выводили на прогулку. – Он поднял оловянную чашку и стал пить маленькими глотками воду так, как если бы это была драгоценная жидкость. – Я видел их… позавчера, я думаю. Да. Позавчера. Когда выходил читать карты.

Джош и Робин задвигались вокруг, глядя на него с новым интересом. Позже солдаты пришли за братом Тимоти и взяли его в штабной пункт полковника Маклина, где были прикреплены к стене старые карты Кентукки и Западной Виржинии. Брат Тимоти отвечал на вопросы Капитана Кронингера, Маклина и человека, который называл себя Другом; он показал им на карте лыжный курорт на горе Ворвик, выше, в округе Покахонтас, сразу к западу от Виржинии и темных скал Аллегениса. Но это было не то место, где он нашел Бога, сказал он им; лыжный курорт лежал в предгорьях на восточной стороне горы Ворвик, а Бог жил на вершинах на противоположной стороне, по дороге наверх, где были угольные шахты.

Самое главное, что Джош смог определить из бессвязного, часто непоследовательного рассказа брата Тимоти, было то, что он был в вагоне то ли со своей семьей, то ли с другой группой оставшихся в живых, направляющемся на запад откуда–то из Виржинии. Кто–то был за ними; брат Тимоти сказал, что их преследователи ехали на мотоциклах и гнались за ними пятьдесят миль. Вагон то ли сошел с рельсов, то ли у него сломалась ось, но они проделали пешком путь до закрытого отеля “Гора Ворвик” – и там мотоциклисты поймали их в ловушку, атаковав с мачете, мясницкими ножами и топориками для мяса.

Брат Тимоти задумался, он вспомнил себя лежащим в сугробе на животе. Кровь была у него лице и он услышал тонкое мучительное вскрикивание. Скоро вскрикивание прекратилось, и

начал виться дым из каменной трубы отеля. Он побежал. Потом он продолжал идти через страну, через леса, и нашел пещеру, достаточно большую, чтобы спрятать свое тело во время длинной, ледяной ночи.

А на следующий день он пришел к Богу, который укрывал его до тех пор, пока мотоциклисты перестали искать его и уехали.

– Хорошо, а что ты знаешь о ней? – подсказал раздраженно Робин. – Она в порядке?

– Кто?

– Свон! Она в порядке?

– О, да. Она, как мне показалось, чувствует себя прекрасно. Немного худая, может быть, а в остальном все в порядке. – Он сделал маленький глоток воды и погонял его по рту языком – Это слово, которому Бог научил меня.

– Смотри, ты, сумасшедший дурак! – Робин схватил воротник его грязного пальто.

– В какой части лагеря ты видел ее?

– Я знаю, где они держат ее. В трейлере Шейлы Фонтаны, выше в районе ДР.

– ДР? Что это? – спросил Джош.

– Дармовая развлекалка, я думаю. Где живут шлюхи.

Джош постарался отбросить первую мысль, которая пришла ему в голову: они используют Свон как проститутку. Но нет, нет, они не станут делать этого. Маклин хотел использовать силу Свон чтобы выращивать урожай для своей армии, и он не станет рисковать и причинять ей вред, заразив какой–нибудь венерической болезнью. И Джош пожалел дурака, который попытается изнасиловать Сестру.

– Я не… думаю… – подал голос Робин. Он чувствовал, что задыхается, что у него нет сил, словно его ударили в живот. Но если он заметит хоть какой–нибудь признак того, что Джош полагает, будто это может быть правдой, то, он знал, Робин моментально потеряет рассудок.

– Нет,– сказал ему Джош. – Не для этого она здесь.

Робин поверил этому. Или хотел верить, очень сильно хотел. Он отпустил пальто брата Тимоти и медленно отполз, прижавшись спиной к металлической стене и подтянув колени к груди.

– Кто это – Шейла Фонтана? – спросил Джош. – Проститутка?

Брат Тимоти кивнул и снова начал медленно пить маленькими глотками свою воду. – Она присматривает за ними по приказу полковника Маклина.

Джош осмотрел их временную тюрьму и почувствовал, что стены давят на него. Ему надоел холодный металл, надоел запах,

надоели эти тридцать семь дырок в двери. – Проклятье! Неужели нет какой–нибудь лазейки, чтобы выбраться отсюда?

– Да,– ответил брат Тимоти.

Это междометие привлекло снова внимание Робина и вернуло его в реальность из воспоминаний о пробуждении Свон от поцелуя.

Брат Тимоти поднял свою оловянную чашку. Он протянул палец вдоль маленького и острого края на месте отбитой ручки. – Это путь отсюда,– сказал он мягко. – Вы можете использовать это на своем горле, если захотите. – Он выпил остаток воды и предложил чашку Джошу.

– Нет, спасибо. Но не позволяйте мне останавливать вас.

Брат Тимоти слабо улыбнулся. Он отставил чашку. – Я воспользуюсь этим, если у меня не останется совсем никакой надежды. Но у меня она есть.

– Как насчет того, чтобы поделиться вашей радостью? – сказал Робин.

– Я веду их к Богу.

Робин нахмурился. – Извините, если я не подпрыгнул прямо вверх и не затанцевал.

– Вы бы сделали это, если бы узнали, что на самом деле я делаю.

– Мы слушаем,– подсказал Джош.

Брат Тимоти молчал.

Джош решил уже было, что он не собирается отвечать, и тогда мужчина прислонился спиной к стене и тихо рассказал, что молитва последнего часа призовет Когти Небес на головы злых. В последний час все зло будет уничтожено, и мир снова будет чисто вымыт.

– Бог сказал мне… он будет ждать на горе Ворвик.

– Ждать? Но зачем? – спросил Робин.

– Чтобы посмотреть, кто победит,– объяснил брат Тимоти. – Добро или зло. И когда я приведу Армию Совершенных Воинов полковника Маклина на гору Ворвик, Бог сам увидит, кто победители. Но он не позволит злу победить. О, нет. – Он покачал головой, его глаза стали мечтательными и блаженными. – Он увидит, что это последний час, и он помолится машине, которая вызывает вниз Когти Небес. – Он посмотрел на Джоша. – Вы понимаете?

– Нет. Какая машина.

– Машина, которая говорит и думает час за часом, день за днем. Вы никогда не видели такую машину как эта. Армия Бога построила ее давно. И Бог знает, как пользоваться ею. Подождите, и вы увидите.

– Бог в действительности не живет на вершине горы! – сказал Робин. – Если там есть кто–нибудь наверху, это просто сумасшедший человек, который думает, что он Бог!

Голова брата Тимоти медленно повернулась к Робину. Его лицо было непроницаемым, глаза – затянутыми пеленой. – Вы увидите. В последний час вы увидите. Потому что мир будет смыт начисто снова, и все, что есть,– этого больше не будет. Последнее из Хорошего должно умереть вместе со Злым. Должно умереть, чтобы мир мог возродиться. Ты должен умереть. И ты. – Он посмотрел на Джоша. – И я. И даже Свон.

– Конечно! – иронически сказал Робин, но от искренности человека мурашки побежали у него по телу. – Я не хотел бы быть в вашей шкуре, когда старый полковник Мак обнаружит, что вы водите его за нос.

– Скоро, молодой человек,– сказал ему брат Тимоти. – Очень скоро. Мы на шестидесятом шоссе сейчас, а вчера прошли через Чарльстон. Там не много сохранилось, только сожженные и пустые дома, солоноватая загрязненная река и может быть сотни две людей, живущих в лачугах из дерева и глины. Армия Совершенных Воинов быстро отобрала у них все их ружья, боеприпасы и одежду и скудные запасы продуктов. Армия совершила налеты и разрушила пять поселений после того как оставила Мериз Рест; ни одно из них не оказало даже малейшего сопротивления. Мы будем продолжать двигаться по этому шоссе до пересечения с шоссе номер 219,– продолжил брат Тимоти. – А затем повернем на север. Там будет город–призрак, который называется Слейтифок, в сорока или пятидесяти милях. Я прятался там некоторое время после того как покинул Бога. Я надеялся, что он позовет меня назад, но он не сделал этого. Дорога идет на восток от этого города, вверх по склону горы Ворвик. И там мы найдем Бога, ожидающего нас. – Его глаза блестели. – О, да! Я знаю дорогу очень хорошо, потому что я всегда надеялся вернуться к нему. Мой совет вам обоим – подготовьтесь к последнему часу и молитесь за свои души.

Он отполз в свой угол, и долгое время после этого Джош и Робин слышали, как он бормочет и молится высоким, поющим голосом.

Робин покачал головой и лег на бок, чтобы подумать.

Брат Тимоти поставил свою оловянную чашку позади себя. Джош поднял ее и, сев, задумался на мгновение. Он провел своим пальцем вдоль острого края ручки и получил замечательную кровоточащую линию.

Глава 89. Самая великая сила

– Пожалуйста,– сказала Шейла Фонтана, трогая Сестру за плечо. – Можно я… подержу это опять?

Сестра сидела на матраце на полу и пила отвратительный суп, который принесли охранники несколько минут назад. Она взглянула на Свон, которая сидела рядом с ее собственной чашей водянистого завтрака, и затем она подняла тонкое одеяло, которым был задрапирован нижний край матраца; внизу матраца было прорезано отверстие и удалено немного наполнителя.

Она отодвинула от себя изношенный кожаный футляр, предлагая его Шейле.

Глаза другой женщины загорелись и она села на пол так же, как дети это делают в Рождественское утро.

Сестра смотрела как Шейла торопливо расстегивает молнию на футляре.

Шейла забралась в него и ее рука вылезла обратно, держа стеклянное кольцо.

Темно–голубой огонь прорвался через него, озаряв на мгновение все вокруг, а затем исчез.

Темный голубой свет вызвал учащенное сердцебиение у Шейлы.

– Он сегодня ярче! – сказала Шейла, ее пальцы нежно ласкали стекло.

Осталось только одно острие стекла.

– Вы не думаете, что он сегодня ярче?

– Да,– согласилась Свон. – Я думаю, что да.

– О… это так красиво. Так красиво.

Она протянула его Сестре.

– Заставь его быть ярким!

Сестра взяла его, и как только ее рука приблизилась к его холодной поверхности, драгоценные камни вспыхнули и загорелся огонь вдоль золотистых нитей.

Шейла смотрела на это пораженная, и в этом чудесном свете ее лицо теряло свою суровость, линии и морщины смягчались, груз лет исчезал. Она все же сделала это тогда, когда Сестра рассказала о нем в первую ночь. Она вышла в поле и нашла могильную доску, гласящую: “РАСТИ ВИТЕРС”. Грузовики, бронированные машины катились по полю, и солдаты насмешливо звали ее, но ничто из всего этого не беспокоило ее. Сначала она не могла найти указатель и бродила взад–вперед вдоль поля, ища его, и упорно продолжала искать, пока не нашла, все еще торчавший из земли, но уже неустойчиво наклоненный в

одну сторону и весь растрескавшийся. Следы шин оставили зигзаги везде вокруг него, а возле лежал мертвый человек с простреленным лицом. Она опустилась на колени и начала разрывать маслянистую грязь. И потом, наконец, увидела торчащий край кожаного футляра и вытащила его. Она не стала открывать футляр, а спрятала его под пальто так, чтобы никто не мог отнять его у нее. Затем она сделала еще одну вещь, о которой просила ее Сестра. Она вытащила указатель из земли и отнесла его далеко от того места, где он был первоначально, и там оставила его лежать в грязи.

Держа футляр под полой своего тяжелого пальто и пряча свои грязные руки, она вернулась в трейлер. Один из охранников выкрикнул:

– Эй, Шейла! Мне как, заплатить, или сегодня это бесплатно?

Другой охранник попытался схватить ее за грудь, но Шейла проскользнула внутрь и захлопнула дверь перед его хитрым лицом.

– Так красиво,– прошептала Шейла, когда смотрела, как светится драгоценный камень. – Так красиво.

Сестра знала, что Шейла в восторге от стеклянного кольца, и она очень хорошо хранила их секрет. За это время, что они были вместе, Шейла рассказала Сестре и Свон о своей жизни до семнадцатого июля, и как полковник Маклин и Роланд Кронингер напали на них с Руди на земле грязных бородавочников, на берегу Великого Соленого Озера. Она больше не слышала детского плача и Руди не преследовал ее в кошмарах; когда бы ребенок ни начинал плакать, Свон всегда была рядом и заставляла младенца замолчать.

– Так красиво,– шептала она.

Сестра с минуту смотрела на Шейлу, а потом отломила последний выступ стекла.

– Вот,– сказала она, протягивая кусочек кольца, переливающийся ярким изумрудно–зеленым и сапфирно–голубым, и дала его Шейле.

Все женщины просто смотрели на него.

– Возьми,– предложила Сестра. – Он твой.

– Мой?

– Да. Я не знаю, что у нас впереди. Я не знаю, где мы будем завтра или через неделю. Но я хочу, чтобы это было у тебя. Возьми его.

Шейла медленно подняла руку. Она колебалась. И Сестра сказала:

– Бери!

Тогда Шейла взяла его, и цвета сразу же снова потемнели до

темно–синего. Но глубоко внутри стекла появился маленький рубиново–красный отблеск, как пламя свечи.

– Спасибо… Спасибо тебе,– сказала Шейла, почти покоренная.

Ей не приходило в голову, что это могло стоить многие сотни тысяч долларов в том мире, который был раньше. Она любовно провела пальцем по крошечной красной вспышке.

– Оно станет ярче, не так ли? – спросила она с надеждой.

– Да,– ответила Сестра. – Думаю, станет.

А потом Сестра обратила свое внимание на Свон, и она знала, что время пришло.

Она вспомнила кое–что, что сказал ей старьевщик, когда он захотел увидеть, что у нее внутри футляра: мы не можем вечно держать вещи, мы должны расставаться с ними.

Она вдруг поняла, что знала, чем было стеклянное кольцо. Знала это давно. Теперь, когда отломали последний шип, оно было даже более чистым. Знала это и Бет Фелпс много лет назад в разрушенной церкви, когда кольцо напомнило ей о Статуе Свободы.

– Это, должно быть, корона, не так ли? – спросила Бет.

Человек с алым глазом тоже понимал это, когда спрашивал у нее, где оно:

Кольцо, корона, сказал он.

Корона.

И Сестра знала, кому эта корона принадлежала. Она знала это с тех пор как нашла Свон в Мериз Рест и увидела, как растет новая кукуруза.

Нельзя вечно держаться за вещи, думала она. Но, ох, она очень, очень сильно хотела этого.

Стеклянная корона стала целью всей ее жизни. Она заставила ее поднять и идти вперед, шаг за шагом, по этой кошмарной земле. Она цеплялась за корону с ревнивой страстью леди Нью–Йорка, и она и проливала свою кровь и забирала чужую, чтобы защитить ее.

А теперь время пришло. Да. Сейчас пора. Потому что для нее дорога на ощупь закончена. Когда она смотрела в стекло, она видела красивые драгоценности и нити золота и серебра, но ничего больше. Ее путь наугад пройден.

Это Свон сделает следующий шаг.

Сестра поднялась с матраца и приблизилась к Свон, держа сверкающее стеклянное кольцо перед собой.

Свон обнаружила, что это был тот образ, который она видела в магическом зеркале Расти.

– Встань,– сказала Сестра, и ее голос задрожал.

Свон встала.

– Это принадлежит тебе,– сказала Сестра. – Это всегда принадлежало тебе. Я просто была хранителем. Но я хочу, чтобы ты помнила одну вещь, и крепко помнила: если чудо может превратить обыкновенный песок в нечто, подобное этому… тогда просто подумай – только помечтай – во что оно может превратить людей.

И она водрузила корону на голову Свон.

Она превосходно подошла ей.

Внезапно золотой свет вспыхнул вокруг короны, пошел на убыль и вспыхнул снова. Бриллиантовый блеск заставил обеих, Сестру и Шейлу, прищуриться. А глубоко в золоте переливалось множество цветов, сияющих, как сад в солнечном свете.

Шейла зажала рот рукой; ее глаза были вытаращены, и она начала одновременно и плакать, и смеяться, когда цвета освещали ее лицо.

Сестра чувствовала излучаемый жар, как будто ей в лицо било солнце. Он стал настолько ярким, что она была вынуждена отступить на шаг, ее рука поднялась, чтобы заслонить глаза.

– Что происходит? – спросила Свон, сознающая сияние и покалывающее чувство теплоты на своей голове.

Она была испугана и стала снимать корону, но Сестра сказала:

– Нет! Не трогай ее!

Золотой огненный свет начал струиться по волосам Свон. Свон стояла так неподвижно, как будто удерживала в равновесии книгу на своей голове, перепуганная до смерти, но и восхищенная.

Золотой свет снова вспыхнул, и в следующее мгновение показалось, что волосы Свон в огне. Свет распространялся от завитков по ее лбу и щекам, а потом лицо Свон стало маской света – прекрасный и пугающий образ, который почти поверг Сестру на колени. Сильное свечение распространялось по горлу и шее Свон и начало кружиться, как золотой дым, вокруг ее плеч и рук, стекая по ее кистям и вокруг каждого пальца.

Сестра приблизилась к Свон. Ее рука вошла в свечение и дотронулась до щеки Свон. Она почувствовала, как будто тронула бронированную плиту, хотя все еще могла различить размытые черты лица Свон и глаза девушки. Пальцы Сестры не смогли достичь кожи Свон ни на щеках, ни на подбородке, ни на лбу – нигде.

– О, Господи,– сказала Сестра, потому что она поняла, что корона создает броню из света вокруг тела Свон.

Она покрыла ее почти до пояса. Свон чувствовала себя так,

будто стояла в центре факела, но тепло не было неприятным, и она видела огненное отражение на стенах и лицах Сестры и Шейлы только в виде легких золотых оттенков. Она посмотрела на свои руки, и увидела, что они охвачены пламенем; она пошевелила пальцами, но они прекрасно себя чувствовали – ни боли, ни онемелости, ни какого–либо другого чувства. Свет двигался вместе с ней, прилипнув к ее телу, как вторая кожа. Огонь стал сползать к ее ногам.

Она, вся в коконе света, подошла к зеркалу. Увидев то, во что она превратилась, она не выдержала этого зрелища – это было слишком. Она потянулась, сжала корону и сняла ее с головы.

Золотое сияние спало почти сразу. Оно пульсировало… пульсировало… и броня света испарилась, как относимая ветром дымка.

Потом Свон стала тем, кем была раньше – простой девушкой, держащей кольцо сверкающего стекла. С минуту она не могла говорить. Потом она протянула корону Сестре и сказала:

– Я… я думаю… Ты бы лучше сохранила это для меня.

Сестра медленно подняла руку и приняла его. Она вернула корону в футляр и застегнула его. Потом, двигаясь, как во сне, она подняла одеяло и положила футляр обратно в матрац. Но в ее глазах все еще полыхало золотое пламя, и как долго она бы не жила, она никогда не забудет того, чему только что была свидетельницей.

Ее интересовало, что бы случилось, если бы, для эксперимента, она сжала бы кулак и ударила бы Свон по лицу? Она не хотела пострадать, разбив костяшки пальцев, чтобы обнаружить это. Отразит ли броня лезвие ножа? Пулю? Шрапнель?

Из всей той силы, которой обладало стекло, она знала, что это наибольшая, и эта сила охраняет одну лишь Свон.

Шейла держала свой собственный кусочек короны перед своим лицом. Красный отблеск стал сильнее, она была уверена в этом. Она поднялась и тоже спрятала его в матрац.

Наверное, тридцатью секундами позже, раздался громкий стук в дверь.

– Шейла! – позвал охранник. – Вы готовы ехать!

– Да,– ответила она. – Да. Мы готовы.

– Там все в порядке?

– Да. Отлично.

– Сегодня я буду за рулем. Мы выйдем на дорогу через пятнадцать минут.

Загремела цепь, когда ее обмотали вокруг дверной ручки и через дверь; потом раздалось твердое щелканье висячего замка.

– Теперь вам здесь прекрасно и надежно.

– Спасибо, Дэнни! – сказала Шейла.

И когда охранник ушел, Шейла опустилась на колени на пол рядом со Свон и приложила руку девушки к своей щеке.

Но Свон была целиком погружена в размышления. В ее сознании возникали видения зеленых полей и фруктовых садов. Это были видения того, что будет, или того, что могло бы быть. Она видела фермы–тюрьмы, поля, обрабатываемые рабами и машинами–роботами, или это были места, свободные от колючей проволоки и жестокости?

Она не знала, но понимала, что каждый метр, который они проезжают, приближает ее к ответу, каким бы он ни был.

В штабном пункте Маклина проводилась подготовка к дальнейшему продвижению. Доклады по распределению топлива от Механической Бригады лежали на его столе, и Роланд стоял рядом с Другом перед картой Западной Виржинии, прикрепленной к стене.

Красная линия отмечала направление их продвижения по шоссе номер 60. Роланд стоял так близко к Другу, как только возможно; его мучил жар, и холод, который исходил от того мужчины, был ему приятен. Прошлой ночью боль в голове почти свела его с ума, и он мог поклясться, что чувствовал, будто кости перемещались под бинтами.

– У нас осталось только девять бочек,– сказал Маклин. – Если мы не найдем еще бензина, нам придется начать оставлять технику.

Он оторвался от сообщений.

– Эти проклятые горные дороги приведут к перегрузке двигателей. Нам придется тратить больше горючего. Я еще раз предлагаю отказаться от этого похода и пойти поискать горючее.

Они не ответили.

– Вы меня слышите? Нам нужно больше бензина, прежде чем мы начнем…

– Что это сегодня с полковником Маклином?

Друг повернулся к нему, и Маклин, дрожа от ужаса, увидел, что лицо этого человека опять изменилось; его глаза стали щелками, волосы почернели и спадали на плечи. Его тело стало бледно–желтым, и Маклин увидел маску, которая напомнила ему о Вьетнаме и о той яме, где вьетнамцы вымещали на нем свою ненависть.

– У полковника Маклина есть какие–то другие первоочередные задачи?

Язык Маклина стал тяжелым, как свинец.

Друг подошел к нему, его вьетнамское лицо скалилось.

– Единственная задача полковника Маклина состоит в том, чтобы доставить нас туда, куда мы хотим ехать.

Его акцент с правильного английского снова поменялся на охрипший американский.

– Итак, нам придется избавиться от грузовиков и всякого дерьма. Так что?

– Тогда… мы не сможем перевезти столько солдат и запасов, если оставим грузовики. Я имею в виду… мы каждый день теряем силу.

– Ну, мы сделаем то, что вы говорите, а потом?

Друг пододвинул к себе другой стул, повернул его и уселся, скрестив руки на спинке стула.

– И где мы будем искать бензин?

– Я… я не знаю. Мы поищем…

– Вы не знаете. А вы знаете, как далеко те города, в которые вы вторгались, когда бензин был на нуле? Итак, вы хотите вернуться на проторенные дороги и ездить там до тех пор, пока в каждом грузовике и в каждой машине совсем не останется бензина?

Он повернул голову в другую сторону.

– Что ты скажешь, Роланд?

Сердце Роланда подпрыгивало каждый раз, когда Друг обращался к нему. Лихорадка затуманивала его сознание, а во всем теле чувствовались вялость и тяжесть. Он все еще был Рыцарем Короля, но кое в чем он был не прав: полковник Маклин не был Королем, точнее, он не был *его* Королем.

– О, нет.

Мужчина, который сидел на стуле перед столом Маклина, и был Король. Неоспоримый, единственный и настоящий Король, который не ел и не пил, который никогда не оправлялся и не мочился, как будто у него не было времени на такие земные вещи.

– Я скажу, что мы должны двигаться дальше.

Роланд знал, что много бронированных машин и грузовиков уже остались позади; танк разбился два дня назад у Мериз Рест, и несколько миллионов долларов, которые стоила машина Дядюшки Сэма, оставлены на дороге Миссури.

– Мы идем. Мы должны выяснить, что на той горе.

– Зачем? – спросил Маклин. – Для чего это нам? Я говорю, мы…

– Молчать,– приказал Друг.

Узкие вьетнамские глаза вбуравились в него. – Мы должны снова пройти через это полковник. Роланд чувствует, что брат Тимоти видел подземный комплекс на горе Ворвик,

укомплектованный оперативным электронным оборудованием и главным во всем этом комплексе компьютером. Сейчас необходимо знать его мощь и какую цель преследует этот комплекс. Я согласен с Роландом, что мы должны выяснить это.

– Там, к тому же, может быть бензин,– добавил Роланд.

– Верно. Итак, путь к горе Ворвик, быть может, решит нашу проблемы. Да?

Маклин отвел глаза. В его сознании всплыл образ девушки, болезненно красивой. Он видел ее лицо ночью, когда закрывал глаза, как видение из другого мира. Он не мог удерживать свое собственное соображение, когда бодрствовал.

– Да,– ответил он тихим, спокойным голосом.

– Я знал, что ты не заставишь себя долго упрашивать, братец! – сказал Друг высоким голосом проповедника–южанина.

Раздавшийся шум заставил Друга повернуть голову.

Роланд падал; он уцепился за карту, чтобы удержаться, и, потянув половину карты вместе с собой, упал на пол.

Друг ухмыльнулся:

– Ну вот, устроил погром.

В это мгновение Маклин ринулся вперед и хлопнул ладонью правой руки по черепу чудовища, вонзив ногти глубоко в голову твари, которая отобрала у него его армию и превратила его в гнусавого труса. Но эта мысль даже не успела пронестись еще в его голове и он не успел приступить к действию, как маленькое окошечко открылось сзади в голове Друга, около четырех дюймов выше затылка.

В отверстие смотрел алый глаз с серебряным зрачком.

Маклин замер, обнажив зубы в гримасе.

Алый глаз внезапно съежился и исчез, и голова Друга снова повернулась к нему. Он сердечно улыбался.

– Пожалуйста, не принимай меня за дурака,– сказал Друг.

Что–то ударило по крыше трейлера. Мягкий стук: Бум! Потом еще бум! Бум! В следующие несколько секунд бухающий шум прошел, казалось, по всей длине трейлера, мягко сотрясая его из стороны в сторону.

Маклин поднялся на ватных ногах и, обойдя вокруг стола, направился к двери. Он открыл ее и замер, глядя на град величиной с мячи для гольфа, который сыпался со свинцового неба, ударяясь и грохоча по ветровым щитам, крышам техники, припаркованной вокруг.

Гром эхом отражался в тучах, как звуки турецкого барабана в бочке, и электрическое голубое копье света ударила куда–то в далекие горы. В следующую минуту град прекратился, и потоки черного, холодного дождя начали падать на лагерь.

Высунулся ботинок и ударил его по пояснице.

Он потерял равновесие и покатился к основанию лестницы, где вооруженные охранники взирали на него оглушенные и удивленные.

Маклин поднялся с коленей, в то время как дождь бил ему в лицо и стекал по волосам.

Друг стоял в дверном проеме.

– Ты поедешь в грузовике, рядом с водителем,– объявил он. – Теперь это мой трейлер.

– Стреляйте в него! – орал Маклин. – Стреляйте в ублюдка.

Охранники колебались; один из них поднял свою М–16 и прицелился.

– Ты умрешь через три секунды,– пообещало охраннику чудовище.

Охранник вздрогнул, посмотрел вниз на Маклина, а потом – опять на Друга. Он резко опустил винтовку и шагнул назад, вытирая дождь с глаз.

– Помогите полковнику укрыться от дождя,– командовал Друг. – Потом передайте приказ: мы трогаемся в путь через десять минут. Каждый, кто не будет готов, останется.

Он закрыл дверь.

Маклин отверг помощь, поднимаясь на ноги.

– Это мое! – кричал он. – Ты не можешь отнять это у меня!

Дверь оставалась закрытой.

– Ты не… заберешь это… у меня! – сказал Маклин, но больше никто не слушал его.

Двигатели начали ворчать и рычать, как просыпающиеся звери. В воздухе стоял запах бензина и выхлопов, а дождь пах серой.

– Ты не… – прошептал Маклин, и потом направился к грузовику, который тащил штабной пункт, в то время как дождь словно молотком бил по его плечам.

Глава 90. Замечательное новое лицо Роланда

Армия Совершенных Воинов, оставляя в своем кильватере след из истерзанных бронированных машин, грузовиков и трейлеров, поворачивала на север на шоссе номер 219 и начала взбираться по крутому западному склону гор Аллегени.

Земля была покрыта мертвыми лесами, и случайные города–призраки лежали руинами вдоль ленты дороги. Людей не было видно. Команда разведки на “Джипе” погналась и пристрелила двух оленей возле руин Фрайр Хилл – и там же они наткнулись на кое–что, о чем необходимо было сообщать: черное, как смола,

замерзшее озеро. Посередине озера торчал хвост самолета, поднимающийся из глубины.

Двое разведчиков пошли через озеро, чтобы исследовать его, но лед под ними треснул, и они стали тонуть, взывая о помощи.

Дождь сменялся неожиданными снегопадами, пока Армия Совершенных Воинов поднималась в гору, минуя мертвые Хилсборо, Милл Пойнт, Сиберт, Баски и Марлингтон. В грузовике с запасами бензин кончился в двенадцати футах от ржавого зеленого плаката, который гласил: “Въезд в округ Покахонтас”, и машину стащили в овраг, чтобы освободить проезд остальным.

Колонна, проехав три мили за границу города, была остановлена бурей черного дождя и града, которая сделала движение невозможным. Еще один грузовик отправился в ущелье, и трактор–трейлер заглох на последнем глотке бензина. Когда дождь и град заколотили по крыше большого командного трейлера, Роланд Кронингер проснулся. Его швырнуло в угол комнаты, как куль белья для стирки, и его первым ощущением было то, что он во сне забыл сходить в туалет.

Вторым было то, что он увидел что–то, похожее на куски глины, лежащие вперемешку с рваными, грязными бинтами на полу вокруг его головы.

Он все еще носил свои импровизированные очки. Они казались очень маленькими. Его лицо и голова пульсировали, поглощая кровь, а рот как–то странно дергался.

Мое… лицо, подумал он. Мое лицо… изменилось. Он поднялся. Неподалеку на столе горел фонарь. Трейлер дрожал от шторма.

И внезапно Друг опустился перед ним на колени, и бледная, красивая маска с прилизанными светлыми волосами и черными как смоль глазами с любопытством вгляделась в него.

– Привет,– сказал Друг с мягкой улыбкой. – Хорошо поспал?

– Я… ранен,– ответил Роланд.

Звук его голоса заставил его кожу покрыться мурашками; он был как болезненный грохот.

– О, мне очень жаль. Ты действительно спал некоторое время. Мы всего в нескольких милях от того города, о котором нам рассказывал брат Тимоти. Да, ты действительно хорошо поспал, а?

Роланд стал поднимать левую руку, чтобы дотронуться до своего нового лица, и его сердцебиение оглушило его.

– Позволь мне,– сказал Друг, и поднял одну руку. В ней был осколок зеркала.

Роланд посмотрел, и его голова резко откинулась назад. Другая рука Друга высвободилась, поддерживая шею Роланда

сзади.

– О, не будь робким,– прошептало чудовище. – Посмотри как следует.

Роланд застонал.

Внутреннее давление согнуло кости в отвратительные, торчащие гребни и разрушенные желоба. Тело выглядело болезненным, желтым, потрескавшимся и в ямках, словно это было атомное поле боя. Кратеры с красными краями открылись на его лбу и на правой щеке, открывая меловую кость. Его волосы ушли далеко назад с головы и были грубыми и белыми, его нижняя челюсть выдвинулась вперед, как будто ее жестоко выдернули из ее углубления.

Но самой ужасной вещью, вещью, которая заставила Роланда завопить и невнятно затараторить, было то, что его лицо искривилось так, что было почти на одной стороне головы, как будто его черты потекли и отвратительно криво засохли. Во рту зубы сточились до пеньков.

Он замолотил по руке Друга, выбил зеркало и заспешил в угол. Друг сидел на корточках и смеялся, пока Роланд вцепился в очки обеими руками и пытался снять их. Мясо рвалось вокруг них, и кровь стекала по щекам. Боль была слишком сильной; очки вросли в кожу.

Роланд визжал, и Друг взвизгивал вместе с ним в злобной гармонии.

Наконец Друг фыркнул и встал, но Роланд схватил его ноги и вцепился в него, всхлипывая.

– Я – Рыцарь Короля,– бормотал он. – Рыцарь Короля, сэр Роланд. Рыцарь Короля… Рыцарь Короля…

Друг снова наклонился. Хотя молодой человек был уже использован, но у него все же был талант. Он действительно прекрасно распорядился последними запасами бензина и еды, и это он заставил брата Тимоти запеть кастратом. Друг провел рукой по стариковским волосам Роланда.

– Рыцарь Короля,– прошептал Роланд, пряча свою голову в плечо Друга. В его смятенном сознании возникли сцены в Земляном Доме – ампутация руки Маклина, то, как он полз через тоннель к свободе, через землю грязных бородавочников, убийство Фредди Кемпки, и еще, и еще в порочной панораме.

– Я буду служить тебе,– хныкал он. – Я буду служить Королю. Сэр Роланд имя мое. Да, сэр! Я ему покажу. Я ему покажу, как Рыцарь Короля восстанавливает справедливость, да, сэр, да, сэр!

– Ш–ш–ш,– сказал Друг, почти напевая вполголоса. – Теперь помолчи. Помолчи.

Наконец рыдания Роланда стихли. Он сказал вяло:

– Ты… Ты любишь меня?

– Как зеркало,– ответил Друг.

И молодой человек больше не сказал ничего.

Буря затихла в течение часа. Армия Совершенных Воинов снова стала продвигаться вперед, через усиливающиеся сумерки.

Вскоре “Джип” разведчиков вернулся обратно по горной дороге, и солдаты доложили генералу Другу, что около мили впереди – здания из рубленного леса. На одном из этих зданий сохранилась выгоревшая вывеска “Универмаг Слатифока”.

Глава 91. Царство Божие

Они пришли с первым лучом света. Джош был разбужен стуком приклада винтовки в заднюю дверь грузовика, когда он встал на металлический пол, его кости болели. Он двинулся обратно к Робину и брату Тимоти.

Дверь была открыта и отъехала вверх на своих колесиках. Блондин с черными как смоль глазами стоял, заглядывая внутрь, защищаемый двумя солдатами с винтовками. На нем была униформа Армии Совершенных Воинов с эполетами и тем, что выглядело как нацистские медали и знак отличия на его груди.

– Всем доброе утро,– радостно сказал он, и как только он заговорил, Джош и Робин оба уже знали, кто он такой. – Как спали прошлой ночью?

– Холодно,– кратко ответил Джош.

– На плантации у нас будет для вас печка, Самбо. – Его взгляд переместился. – Брат Тимоти? Выйдите, пожалуйста. – Он приглашающе согнул палец.

Брат Тимоти съежился, и двое солдат вошли, чтобы вывести его. Джош почти прыгнул было на одного из них, но дуло винтовки толкнуло его, и момент был упущен. Он видел, что рядом припарковались два “Джипа”, их двигатели громыхали. В одном из них сидели три человека: водитель, полковник Маклин и солдат с пулеметом; в другом тоже были водитель, еще один вооруженный солдат и ссутулившаяся фигура, одетая в старое пальто и капюшон и Свон и Сестра, обе худые и выглядящие больными.

– Свон! – закричал Робин, шагнув вперед к открытой двери.

Свон тоже увидела его и крикнула:

– Робин,– вставая со своего сиденья.

Солдат схватил ее за руку и заставил снова сесть.

Один из охранников толкнул Робина обратно. Он кинулся на мужчину, его лицо исказилось яростью, и солдат поднял приклад винтовки, чтобы сокрушить череп Робина. Джош внезапно сделал

выпад и подхватил мальчика, когда тот ударил. Солдат плюнул на пол, и когда он шагнул из грузовика, задняя дверь скользнула на место и ее снова заперли.

– Эй, ты, ублюдок! – закричал Джош, выглядывая через одно из тридцати семи отверстий. – Эй, я тебе говорю, пресмыкающееся!

Он понял, что орет своим старым бойцовским голосом.

Друг толкнул брата Тимоти к первому “Джипу” и потом по–царски повернулся.

– Для чего вам Свон и Сестра? Куда вы их дели?

– Все мы собираемся подняться на гору Ворвик, чтобы встретиться с Богом,– ответил он. – Дорога не достаточно хороша для чего–то более тяжелого, чем “Джип”. Это удовлетворило любопытство старого негра?

– Они тебе не нужны! Почему ты не оставишь их здесь?

Друг рассеяно улыбнулся и подошел поближе:

– О, они слишком значительны для этого. Предположим, что какой–нибудь ловкий старый лис решит, что хочет еще немножко больше власти и похитит их, когда мы уйдем? Вот почему. – Он вернулся к “Джипу”.

– Эй! Подожди! – позвал Джош.

Но человек с алым глазом уже забрался в “Джип” и сел рядом с братом Тимоти.

Две машины поехали и скрылись из вида.

– Что теперь? – спросил его Робин, все еще кипятясь. – Мы просто сидим здесь?

Джош не ответил. Он думал о том, что сказал брат Тимоти: “Последнее Добро должно умереть вместе со Злом. Должно умереть, и тогда мир сможет возродиться. Ты должен умереть. И ты. И я. И даже Свон”.

– Свон не вернется назад,– невыразительно сказал Робин. – Ни она, ни Сестра. Ты это знаешь, не так ли?

– Нет, не знаю.

Он будет молиться машине, которая вызовет Когти Небес. Он вспомнил слова брата Тимоти: “Приготовьтесь к заключительному часу”.

– Я люблю ее, Джош,– сказал Робин. Он крепко сжал его руку. – Мы должны выбраться отсюда! Мы должны остановить… что бы там ни произошло!

Джош высвободился. Он прошел в дальний угол камеры и посмотрел вниз.

На полу рядом с ведром брата Тимоти была крошечная чашка с острой металлической ручкой.

Он поднял ее и дотронулся до известняковой кромки. Она

была слишком мала и неудобна, чтобы использовать ее как оружие, и Джош уже отказался от этой возможности. Но он думал об одном старом бойцовском трюке, который делался спрятанной бритвой, когда хозяин хотел больше “сока”. Это было обычной практикой, и делалось для того, чтобы вид насилия казался более реальным.

Теперь это могло бы дать иллюзию чего–то еще с тем же успехом.

Он начал работать.

Глаза Робина расширились.

– Какого черта ты это делаешь?

– Тихо,– предупредил Джош. – Просто будь готов начать вопить, когда я скажу.

Два “Джипа” удалились на четверть мили, медленно взбираясь по ветреной, скользкой от снега и дождя горной дороге. Когда–то дорога была вымощена, но бетон растрескался и расползся, и под ним был слой грязи. Шины “Джипов” скользили и машины юлили, в то время как двигатели ревели от натуги. Во втором “Джипе” Сестра сжала руку Свон. Фигура в капюшоне, сидящая перед ними, внезапно повернулась – и они увидели леденящий сердце вид его мертвенно–желтого, изрытого кратерами лица. Глаза, закрытые темными очками, задержались на Свон. Водители боролись за каждый фут. Справа от дороги проходила низкая железная предохранительная ограда, и как раз под ней лежал обломок скалы, который с семидесяти футов упал в овраг. Дорога по–прежнему шла круто вверх по разбитым бетонным плитам, скользящим под колесами “Джипов”.

Дорога свернула налево и оказалась перегороженной восьмифутовой цепью, соединяющей изгородь и ворота. На воротах была металлическая табличка, и что самое удивительное без коррозии: “Угледобывающая компания Ворвик. Вход воспрещен. Нарушители будут наказаны”. В десяти футах за изгородью находилось кирпичное строение, где, наверное, когда–то стоял охранник. Ворота охраняли крепкого вида цепь и висячий замок, и Друг сказал солдату с автоматом:

– Открой это.

Человек вылез, подошел к воротам и долго рассматривал замок, прежде чем решился проверить, крепко ли держится цепь.

Раздалось шипение, как будто жир зашипел на сковороде. Ноги солдата начали танцевать буги вместе с рукой, коснувшейся цепи, его лицо побелело и исказилось гримасой. Автомат сам застрекотал, выпуская пули в землю. Его одежда и волосы задымились, лицо приобрело синюшный оттенок, а потом судорога свела мускулы и отбросила его назад, и он упал на

землю, все еще дергаясь и корчась.

Запах паленого мяса и электричества разнесся в воздухе. Друг резко обернулся и сжал руку на горле брата Тимоти:

– Почему ты не сказал, что это электрическая ограда? – взревел он.

– Я… Я не знал! Последний раз она была открыта! Должно быть, Бог замкнул ее!

Друг почти придушил его, но он видел, что брат Тимоти говорит правду. Электрическая ограда к тому же сказала ему, что источник силы, где бы он ни был, все еще действует. Он отпустил мужчину, выбрался из “Джипа” и большими шагами подошел к воротам.

Он просунулся пальцы руки через ту ячейку цепи, которая сцепляла две створки ворот, и стал разжимать ее. Его пальцы работали над ним, пытаясь открыть. Сестра и Свон обе видели, что его рукав начал дымиться, тело рук стало мягким, как использованная жвачка. Замок сопротивлялся ему, и он чувствовал, что маленькая сука смотрит и высасывает из него все силы. В ярости он сжал ячейку пальцами обеих рук и вывернул на ворота, как ребенок, пытающийся пробиться в запертую площадку для игр. Затрещали и полетели искры. В мгновение он оказался в электрическом голубом сиянии, его униформа Армии Совершенных Воинов задымилась и обуглилась, эполеты на плечах сгорели в огне. Потом створки ворот расступились, и Друг распахнул их.

– Не думала, что я смогу, верно? – закричал он Свон.

Его лицо стало восковым, большая часть волос и брови были опалены. Выражение лица Свон оставалось безмятежным, и он знал, что хорошо, что она едет в тюремный лагерь, потому что сука должна попасть под кнут, чтобы научилась уважению.

Он сосредоточился сильнее, чем обычно, чтобы заставить свои сочащиеся руки снова затвердеть. Его эполеты все еще горели, и он сорвал их, прежде чем подобрал автомат мертвого солдата и вернулся к первому “Джипу”.

– Поехали,– приказал он.

Два пальца на его правой руке остались опаленными и скрюченными, и они не восстанавливались.

Два “Джипа” проехали в открытые ворота и продолжали подниматься по горной дороге, виляя между пустыми лесонасаждениями безлиственных сосен и иссохших деревьев.

Они подъехали ко второй кирпичной станции охраны, где ржавая вывеска объявляла проведение идентификации. Наверху здания находилось что–то, что похожее на маленькую видеокамеру.

– У них здесь слишком хорошая охрана для угольной шахты,– заметила Сестра.

И Роланд Кронингер прорычал:

– Не разговаривать!

Дорога вышла из леса на расчищенный участок, здесь была мощеная автомобильная стоянка без машин, за ней стоял комплекс одноэтажных кирпичных зданий и большая, с алюминиевой крышей постройка, встроенная прямо в склон горы. Вершина горы Ворвик возвышалась над ней на двести футов, покрытая мертвыми деревьями и валунами, и на его вершине Сестра увидела три ржавые башни. Антенны, поняла она. Их очертания терялись в клубящихся серых тучах.

– Стоп,– сказал Друг.

Водитель подчинился, а секундой позже остановился и другой "Джип". Он сидел в течение секунды, оглядывая комплекс, его глаза сузились, он пытался прочувствовать, что здесь такое. Не было никакого движения, никакой жизни, ничего, чтобы он мог почувствовать и увидеть. Холодный ветер продувал стоянку, и в тучах рокотал гром. Снова пошел черный мелкий дождь. И Друг сказал брату Тимоти: – Выходи!

– Что?

– Выходи! – повторил Друг. – Иди впереди нас и начинай звать его. Давай!

Брат Тимоти выбрался из "Джипа" и пошел через стоянку под черным дождем.

– Бог! – кричал он, и его голос отдавался эхом от стен большого здания с железной крышей. – Это Тимоти! Я вернулся к тебе!

Друг тоже вышел и следовал в нескольких ярдах позади него, автомат оставался на его бедре.

– Бог! Где ты? Я вернулся назад!

– Продолжай идти,– сказал Друг, и мужчина шел вперед, под дождем, бьющим ему в лицо.

Сестра ожидала подходящего момента. Внимание всех было приковано к двум мужчинам. Деревяшки лежали почти в тридцати ярдах, и если бы ей удалось занять оставшихся, у Свон был бы шанс сделать это; они не смогут убить ее, и если она сможет добраться до этих дров, то Свон, возможно, сумеет спастись. Она сжала руку Свон, прошептала:

– Будь готова.

Напряглась, чтобы двинуть кулаком в лицо охранника со своей стороны.

Брат Тимоти радостно крикнул:

– Вот он!

Она подняла голову. Высоко над ними, на склоне алюминиевой крыши стояла какая–то фигура.

Брат Тимоти упал на колени, простер руки, и его лицо выражало одновременно ужас и восторг.

– Бог! – взывал он. – Пришел последний час! Зло победило! Очисть мир, Господи! Вызови Когти Небес…

Пули из автомата прошили его спину. Он упал вперед, его тело оставалось все еще коленопреклоненным, каким было во время молитвы.

Друг направил дымящийся ствол автомата на крышу. – Спускайся! – приказал он.

Фигура стояла неподвижно, и только длинное изорванное пальто волнами вздымалось вокруг его худого тела.

– Я говорю тебе еще раз,– предупредил Друг,– а иначе мы увидим, какого цвета кровь у Бога.

Фигура еще колебалась. Свон подумала, что человек с алым глазом собирается выстрелить – но тогда фигура на крыше подошла к ближайшему краю, подняла крышку люка и начала спускаться по металлической лестнице, прикрепленной к стене здания.

Он добрался до земли и подошел к брату Тимоти, где наклонился, чтобы осмотреть черты мертвеца. Друг слышал, что он что–то пробормотал, и “Бог” покачал с отвращением своей головой с грязной гривой. Потом он снова поднялся, подошел к Другу и остановился в двух футах от него. Над грязным и спутанным колтуном его серой бороды находились глаза, глубоко посаженные в пурпурные кратеры, тело было цвета слоновой кости и покрыто пересекающимися морщинами с трещинами. Шрам с коричневыми краями проходил по его правой щеке, почти не минуя глаз, прорезая толстую бровь и поднимаясь к линии волос, где разделялся на сеть шрамов. Его левая рука, свисающая из складок пальто, была коричневой и высохшей до размеров детской.

– Ты ублюдок,– сказал он и правой рукой шлепнул Друга по лицу.

– Помогите! – кричал Робин Оукс. – Кто–нибудь, на помощь! Он убивает себя!

Сержант Сраные Кальсоны выскочил из ближайшего трейлера, взвел свой автоматический пистолет калибра 11.43 мм и под дождем побежал к грузовику. Другой охранник с винтовкой бежал с другой стороны, и за ним третий.

– Быстрее! – безумно визжал Робин, глядя через одно из отверстий. Кто–нибудь, помогите ему!

Сержант Сраные Кальсоны ткнул стволом пистолета в лицо Робина:

– Что происходит?

– Это Джош! Он пытается убить себя! Откройте дверь!

– Верно! Мать его…!

– Он перерезал себе запястья, ты, засранец! – сказал ему Робин. – Он тут весь пол кровью залил!

– Этот трюк стар, как мир, ты, маленький поганец!

Робин просунул три пальца через одну из дыр, и сержант Сраные Кальсоны увидел на них темно–красные пятна.

– Он перерезал запястья ручкой от чашки! – сказал Робин. – Если вы ему не поможете, он насмерть истечет кровью!

– Тогда пусть негр умрет! – сказал охранник с винтовкой.

– Заткнись!

Сержант Сраные Кальсоны пытался сообразить, что он должен делать. Он знал последовательность действий, если что–нибудь случится с заключенными. Полковник Маклин и капитан Кронингер были людьми недобрыми, но новый командующий просто отрежет ему яйца и использует их как украшения капота.

– Помогите ему! – кричал Робин. – Не стойте здесь просто так!

– Отойди от двери! – приказал другой мужчина. – Давай! Отойди назад, и если ты сделаешь хоть одно движение, которое мне не понравится, клянусь Богом, ты будешь мертвым мясом!

Робин отошел. Дверь отперли и отодвинули примерно на восемь дюймов.

– Выброс это! Кружку! Выброс эту чертову вещь!

Крошечная окровавленная чашка выскользнула из отверстия.

Сержант поднял ее, почувствовал ржавый металлический край и попробовал кровь, чтобы быть уверенным, что она настоящая.

Она была настоящей.

– Черт побери! – выругался он, и окончательно отодвинул дверь.

Робин стоял в конце грузовика, далеко от двери. Скрючившись на полу, рядом с ним, было тело Джоша Хатчинса, лежащее на правой стороне с опущенным лицом. Сержант Сраные Кальсоны взобрался в грузовик, его ружье было нацелено на голову Робина. Охранник с винтовкой тоже залез в грузовик, а третий человек остался на земле, с пистолетом, вынутым из кобуры и в полной боевой готовности.

– Стань спиной и подними обе руки! – предупредил сержант Сраные Кальсоны Робина, приблизившись к телу чернокожего.

На полу мерцала кровь. Сержант увидел кровь на всей одежде

чернокожего, и опустился, чтобы тронуть одно перерезанное запястье; его собственные пальцы покрылись кровью.

– Иисусе! – пробормотал он, поняв, что по самый копчик увяз в проблеме. Он сунул свой 11.43 в кобуру и попытался перевернуть мужчину, но Джош был слишком тяжелым для него.

– Помоги мне сдвинуть его! – сказал он Робину, и мальчик наклонился, чтобы схватить вторую руку Джоша.

Джош издал низкое гортанное рычание.

И сразу же произошли две вещи: Робин схватил ведро с отбросами, лежащее рядом с рукой Джоша, и вывалил его содержимое в лицо охранника с винтовкой, и тело Джоша вернулось к жизни, его правый кулак двинул в челюсть сержанта Сраные Кальсоны и заставил ее изменить свои очертания. Мужчина застонал, так как его зубы вонзились в язык, а затем Джош вытащил пистолет калибра 11.43 мм из его кобуры.

Ослепленный охранник пальнул из винтовки, и пуля пролетела мимо головы Робина, так как мальчик бросился на него и вырвал винтовку, а потом ударил его в пах. Третий солдат выстрелил в Джоша, но пуля ударилась в спину сержанта Сраные Кальсоны и кинула его на Джоша, как щит. Джош вытер с глаз кровь и выстрелил в солдата, но человек уже бежал сквозь дождь, зовя на помощь.

Робин снова ударил охранника, выбросив его из грузовика на землю. Джош знал, что у них будет только минута или около этого, прежде чем место будет полно солдатами, и стал копаться в карманах сержанта Сраные Кальсоны в поисках ключа от зажигания грузовика. Кровь стекала с его лица из трех порезов на лбу, сделанных острой кромкой металла; он помазал кровью свои запястья и одежду, чтобы казалось, как будто он перерезал себе вены. На борцовском ринге маленькая серебряная бритва пряталась в повязке, которая часто шла через его лоб, чтобы создать поверхностную, но отвратительно выглядящую рану, и в этом случае кровь была нужна для подобной театральной цели.

К грузовику бежали двое солдат. Робин прицелился и застрелил одного из них, но другой упал на живот и заполз под трейлер. Джош никак не мог найти ключ.

– Посмотри в зажигании! – крикнул он, и начал стрелять наобум, в это время Робин спрыгнул на землю и обежал грузовик, направляясь к его кабине.

Он открыл дверь и дотянулся до приборной панели, и пошарил пальцами. В зажигании ключа не было.

Солдат под трейлером сделал два выстрела, которые опасно рикошетили вокруг Джоша, распростершегося на полу. Появился другой солдат с автоматической винтовкой, слева. Над головой

Джоша становилось жарко. Он слышал, как пули залетают внутрь грузовика и стучат о его стены как молотки, бьющие по крышке от мусорного ведра.

Робин поискал под сиденьем и не нашел ничего, кроме пустых патронов. Он открыл отделение для перчаток. Здесь! Внутри находился тусклый тупорылый 9–мм револьвер и ключ. Он вставил ключ в зажигание, повернул его и вдавил ногой акселератор. Двигатель закашлял, зарычал, потом заревел в полную мощность, и весь грузовик затрясся. Робин в изумлении посмотрел на рычаг сцепления. Черт! – подумал он, одна вещь, о которой он забыл рассказать Джошу, пока они планировали их побег – это то, что его опыт вождения не велик. И еще он знал, что должен выжать рычаг сцепления, чтобы включить скорость. Что он и сделал, и поставил рычаг в первую позицию над коробкой передач. Потом нажал на акселератор и резко поднял рычаг сцепления.

Грузовик ринулся вперед, как будто обладал мощностью ракеты. Джоша отбросило к краю скамьи грузовика, и он едва удержался, чтобы не вылететь, вцепившись в поднимающуюся металлическую колею, по которой дверь скользила вверх и вниз.

Робин отжал сцепление на вторую отметку. Грузовик взбрыкнул, как дикий жеребец, прорываясь через лагерь, задевая припаркованную машину и раскидав наверное около десятка солдат, прибежавших на шум. Пули раздробили ветровое стекло, осколки стекла посыпались голову и лицо Робина, но он рукой защитил свои глаза и продолжал ехать.

Робин переместился выше, когда грузовик прибавил скорость. Осколки стекла блестели в его спутанных волосах, как алмазы. Он дотянулся до 9–мм револьвера, открыл его барабан и обнаружил, что в нем четыре патрона. Он изменил направление, проезжая мимо других припаркованных машин, почти врезался в трейлер, а потом грузовик выехал на открытую дорогу, уносясь из лагеря.

Прямо впереди был поворот направо, который, как знал Робин, должен привести их в сторону горы Ворвик. Он заметил следы шин “Джипа” в грязи, когда сбавил скорость грузовика достаточно для того, чтобы сделать крутой поворот. В кузове грузовика Джош ослабил свою хватку и был отброшен к противоположной стене с силой, сотрясающей кости, и ему пришло в голову, что он наверняка будет вспоминать этот день.

Но они должны догнать Сестру и Свон, прежде чем наступит последний час где бы и когда бы то ни было. Робин вел машину как черт, поднимаясь по горной дороге. Колеса заносило взад и вперед, грузовик кидало из стороны в сторону. Джош висел,

держась так крепко, как только мог, и видел искры, вылетающие из под колес, когда грузовик задел ограду охранной станции справа. Внезапно бетонная плита заскользила под колесами, и руль вырвался из рук Робина. Грузовик с шумом понесся к краю скалы.

Он всем своим весом бросился на колесо, чтобы повернуть его, его нога боролась с тормозом. Шины на колесах вырывали куски грязи, и бампер прогнул рельс оградительного барьера дороги почти на шесть дюймов, прежде чем грузовик остановился.

Потом он почувствовал, что колеса машины начали скользить назад по разбитому бетону, грязи и снегу. Он надавил на аварийный тормоз, но тяги не было, чтобы запереть колеса. Грузовик скользил обратно, быстро набирая скорость, пока Робин пытался переключить его на первую скорость. Но он знал, что это конец. Открыв дверь, он крикнул:

– Прыгай!

И сам сделал то же самое.

Джош не стал дожидаться, пока ему скажут дважды. Он выпрыгнул из кузова грузовика, упал в грязь и откатился в сторону, в то время как машина промчалась мимо него. Она продолжала двигаться, ее переднюю часть заносило, как будто машина пыталась описать круг – и тут “Джип”, везущий пятерых солдат Армии Совершенных Воинов, внезапно вывернул из–за поворота, направляясь в гору и двигаясь слишком быстро, чтобы остановиться.

Джош увидел выражение ужаса, застывшее на лице водителя; солдат инстинктивно вытянул руки, как бы сдерживая металл своими мускулами и костями. Несущийся грузовик и “Джип” врезались друг в друга, и вес грузовика выпихнул более легкую машину через оградительный барьер и подтащил к кромке обрыва, как наковальню. Джош выглянул через ограду как раз вовремя, чтобы увидеть человеческие тела, выброшенные без опоры в воздух; раздался хор высоких воплей, и потом тела исчезли в обрыве, и “Джип”, а может грузовик взорвался в вспышке пламени и черного дыма.

У Джоша и Робина не было времени, чтобы осознать, насколько близко они были к тому, чтобы совершить такой же полет. Джош все еще сжимал в руках автомат, а Робин держал 9–мм револьвер с четырьмя патронами. Итак, остаток пути им придется пройти пешком, и нужно спешить. Джош шел, его сапоги буксовали в истерзанной поверхности земли; Робин следовал за ним, поднимаясь по направлению к месту проживания Бога.

Глава 92. Машина

Сразу после пощечины Друг вцепился рукой в воротник человека, подтаскивая его ближе. “Бог” носил грязные лохмотья синей клетчатой рубашки и брюки цвета хаки под пальто. На его ногах были кожаные мокасины и изумрудно–зеленые носки. Сестра поняла, что такой неопрятный, с дикими глазами человек мог бы превосходно вписаться в уличную толпу Манхеттена до семнадцатого июля.

– Я мог бы сделать тебе очень плохо,– прошептал Друг. – О, ты даже не знаешь, как плохо я мог бы тебе сделать…

Мужчина собрал слюну и плюнул в восковое лицо Друга.

Друг отшвырнул его на землю и ударил по ребрам.

Мужчина скорчился, пытаясь защитить себя, но Друг продолжил в бешенстве бить его. Он вцепился “Богу” в волосы и двинул кулаком в его лицо, сломав нос и разбив ему нижнюю губу; потом он опять поднял “Бога” вверх и держал так, чтобы остальные могли его видеть.

– Посмотрите на него! – орал Друг. – Вот вам Бог! Он сумасшедший старик, у которого дерьмо вместо мозгов! Я приказываю, смотрите на него!

Он схватил мужчину за бороду и повернул его окровавленное лицо к Свон и Сестре.

– Он – ничто!

И, еще раз ударив его, Друг погрузил свой кулак глубоко ему в живот, но держал его прямо, даже когда колени у того подогнулись. Друг снова начал избивать его – но спокойный, ясный голос сказал:

– Оставь его в покое.

Друг заколебался. Свон стояла во втором “Джипе”, дождь стекал по ее лицу и волосам. Она не могла видеть, как избивают старика, и не могла сидеть молча.

– Дай ему уйти,– сказала она.

И человек с алым глазом скептически улыбнулся.

– Ты меня слышал. Убери свои руки от него.

– Я сделаю так, как пожелаю! – проревел он и положил свои пальцы на щеку мужчины.

Его ногти начали разрывать кожу.

– Я убью его, если захочу!

– Нет! – запротестовал Роланд. – Не убивай его! Я имею в виду… Мы должны найти черный ящик и серебряный ключ! Вот для чего мы сюда приехали! Ты сможешь убить его потом!

– А ты не советуй мне, что делать! – заорал Друг. – Это моя вечеринка!

Он бросил вызывающий взгляд на полковника Маклина, который не делал ничего кроме того, что сидел и невидяще смотрел вперед. Потом взгляд Друга встретил глаза Свон, и их взгляды сплелись.

За секунду он успел в безмолвной схватке увидеть себя ее недрогнувшими глазами: уродливое, ненавистное созданье, маленькое лицо спрятано за огромной маской дня всех святых, как рак под марлей. Она меня знает, подумал он, и осознание этого факта заставило его испугаться, совсем как он тогда испугался стеклянного кольца, когда оно почернело в его руке.

И еще что поразило его, так это воспоминание о предложенном яблоке и его желание принять его. Слишком поздно! Слишком поздно! Он увидел, только за одно мгновение, кем и чем он был, и в этом коротком отрезке времени, когда он познавал себя, также и в том пути, который он проделал задолго до этого. Чувство отвращения к самому себе раскручивалось внутри него, и внезапно он испугался, что собирается увидеть и понять слишком много, и это приведет к тому, что он начнет расползаться, как старый костюм, и его унесет ветер.

– Не смотри на меня! – застонал он.

Его голос пронзительно визжал, и он поднял одну руку, чтобы заслонить свое лицо от нее. Прикрытые рукой, его черты вспенились, как грязная вода, побеспокоенная камнем. Он все еще чувствовал ее, вытягивающую из него силу, как солнечный свет вытягивает влагу из гнилого бревна. Он швырнул “Бога” на землю, отвернулся прочь, чтобы не показывать всем свое лицо…

К нему возвращалась вся правда: не он заставлял ненавидеть – она! Она была врагом и разрушителем всего созданного, потому что она…

Слишком поздно! Слишком поздно! – думал он, отступаясь.

Потому что она хотела продлить страдания и несчастья человечества. Она хотела дать им фальшивую надежду и следила за ними, когда надежда разрушалась. Она была…

Слишком поздно. Слишком поздно!

Она была худшим проявлением зла, потому что она прятала за добротой жестокость и любила ненавидя, и слишком поздно, слишком поздно, слишком поздно, прошептал он, и у него опустились руки.

Он прекратил отступать и тогда понял, что Свон вышла из “Джипа” и стояла над седобородым пожилым человеком. Остальные наблюдали, и он поймал усмешку на скалящемся лице Маклина.

– Вставай,– сказала Свон старику.

Ее спина была прямой, осанка гордой, но внутри нервы были

напряжены до предела.

“Бог” взглянул на нее, вытер под носом кровь и со страхом посмотрел на мужчину, ударившего его.

– Все в порядке,– сказала Свон и подала ему руку.

– Она все еще девчонка! понял вдруг Друг. Она даже не стоит того, чтобы быть изнасилованной. Она бы хотела, чтобы я сделал это, она была бы не против, чтобы я воткнул это и измолотил ее ляжки…

“Бог” неуверенно, покачиваясь, встал, а потом вложил свою руку в руку Свон.

Я изнасилую ее, решил Друг. Я покажу ей, что это в моих силах. Я покажу ей это прямо сейчас.

Он двинулся к ней как некий джагернаут. И каждый шаг делал выпуклость на его промежности все больше. Он смотрел на нее злобно, она знала это выражение лица и знала, что стоит за этим и ждала его, не двигаясь.

Издали донеслось гулкое эхо от взрыва.

– Что это было? – вскрикнул он всем и никому. – Что это?

– Это откуда–то с дороги,– сказал один из солдат.

– Ну, так не рассиживайтесь здесь. Оторвите свои задницы и выясните, что это было! Все, быстро.

Три солдата вылезли из “Джипов” и побежали через территорию парковочной площадки. Они исчезли за поворотом в лесу, держа оружие наготове. Но оружие Друга уже опустилось. Он не мог смотреть на эту сучку, не думая яблоке, и он знал, что она зародила зло, разрушающее его душу.

Но это была все еще его вечеринка, теперь уже ничего не изменится, и он сможет изнасиловать ее и раскроить череп и в восемьдесят лет, когда ее пальцы превратятся в кости. Но не сегодня, не сегодня.

Он направил автомат на Сестру.

– Выходи. Стань там рядом с этой маленькой сучкой.

Свон выдохнула. И хотя его внимание было направлено на другие вещи, но он был все еще опасен как бешеная собака в мясной лавке. Она помогла старику подняться на ноги. Он шатался, все еще не придя в себя от удара по носу и разглядывая уродливые лица Маклина и Роланда.

– Это последний час, да? – спросил он Свон. – Зло победило. Настало время последней молитвы, да?

Она не смогла ответить. Он дотронулся до ее щеки ободранными пальцами.

– Дитя, как тебя зовут?

– Свон.

Он повторил его.

– Слишком молода,– сказал он печально. – Слишком молода, чтобы умирать.

Роланд вышел из “Джипа”, но Маклин остался на месте, он ссутулился, когда Друг стал снова все контролировать.

– Кто вы? – спросил Роланд старика. – Что вы здесь делаете?

– Я Бог. Я спустился на землю с небес. Мы сели на воду. Другой жил недолго, я не смог исцелить его. Затем я нашел дорогу сюда, я знаю эти места.

– Что у вас за источник сил?

“Бог” вытянул палец и указал на землю у своих ног.

– Под землей? – спросил Роланд. – Где? В угольной шахте?

“Бог” не ответил, вместо этого поднял лицо к небу и позволил дождю омывать его.

Роланд вынул пистолет из кобуры на поясе, взвел курок и поднес его к голове мужчины.

– Ты должен отвечать, когда я спрашиваю, старый козел! Откуда эта сила?

Безумные глаза мужчины встретились с глазами Роланда.

– Хорошо,– сказал он, и кивнул. – Ладно, я покажу вам, если вы хотите видеть.

– Хотим.

– Извини, дитя мое,– сказал он Свон. – Зло победило, настало время последней молитвы. Ты понимаешь что я имею в виду, не так ли?

– Зло не победило. Не все такие, как они.

– Это последний час, дитя мое. Я спустился с Небес на огненном вихре. Я знаю, что должно произойти, но я жду. Раньше я не мог заставить себя произнести последнюю молитву. Теперь я могу, потому что мир должен быть очищен.

Он обратился ко всем.

– Следуйте за мной.

И пошел по направлению к большому зданию с металлической крышей.

– Полковник? – напомнил Друг. – Мы ждем вас.

– Я останусь здесь.

– Вы пойдете с нами.

Он взмахнул стволом автомата перед его лицом.

– Роланд, забери пистолет у полковника, пожалуйста.

– Да, сэр,– тут же ответил Роланд, и приблизился к Маклину.

Он протянул руку к оружию. Полковник Маклин не шелохнулся. Дождь усилился, молотя по “Джипам” и стекая на лицо Маклина.

– Роланд,– сказал Маклин странно возвышенным голосом. – Мы вместе создали Армию Совершенных Воинов. Мы оба. Мы оба

разрабатывали планы для Новой Америки, нет… нет ничего важнее этого. – Он показал на Друга правой рукой с торчащими гвоздями. – Он хочет все разрушить. Он не заботится об Армии Совершенных Воинов или о Новой Америке, или о том, чтобы накормить войска. Он не заботится о девушке, все что он хочет сделать – отправить ее в тюрьму, прочь со своей дороги. Его не волнуешь и ты. Роланд… Пожалуйста, не ходите с ним. Не делайте то, что он велит.

Он потянулся дотронуться до Роланда, но тот отступил.

– Роланд… Я боюсь,– прошептал Маклин.

– Дайте мне ваше оружие.

В тот момент он презирал этого раболепствующего пса, сидевшего перед ним. Он видел эту слабость и прежде, когда Маклин был в бреду после ампутации руки, но сейчас Роланд знал, что слабость проникла глубоко в его душу. Маклин никогда не был Королем, только трусливой шкурой под маской воина. Роланд прижал на ствол своего оружия к голове полковника.

– Дайте мне ваше оружие,– повторил он.

– Пожалуйста, подумай, что мы пережили… ты и я, вместе.

– Теперь у меня новый Король,– сказал Роланд решительно.

Он взглянул на Друга.

– Убить его?

– Как захочешь.

Роланд прижался к спусковому крючку.

Маклин почувствовал – смерть была рядом. Его собственная репутация заставляла его действовать. Его спина напряглась, он сел так, словно проглотил аршин.

– Ты думаешь, что ты кто–то? – спросил он страстно. – Ты ничто. Я боролся за свою жизнь во вьетнамском лагере военнопленных, когда ты мочил пеленки. Я полковник Джеймс Б. Маклин, военно–воздушные силы Соединенных Штатов. Я боролся за свою жизнь и за страну, мальчик. А теперь ты держишь свое сраное оружие у моей головы.

Роланд дрогнул.

– Вы слышали, что я сказал, мистер. Если вам нужно мое оружие, попросите его так, как я заслуживаю.

Каждый нерв в его теле напрягся, он ждал, что оружие уберут, но Роланд, не двигался. Друг тихо засмеялся, “Бог” ждал их в десяти ярдах от Свон и Сестры.

Роланд медленно убрал оружие.

– Дайте… мне ваше оружие… сэр,– сказал он.

Маклин вынул его из кобуры и швырнув на землю, встал и вышел из “Джипа” не торопясь, с достоинством.

– Пошли, ребятишки,– сказал Друг.

Он двинулся к Свон и Сестре с автоматом, и они пошли за “Богом” к зданию с металлической крышей. Внутри оказалось, что это было не больше, чем большой сарай, защищавший вход в угольные шахты горы Ворвик. Пол был завален грязью, а несколько голых лампочек, повешенных на потолке, придавали ему желтоватый оттенок. Свернутый кабель и проволока валялись вокруг как старые куски металла. Кучи гниющего леса и другие остатки негодной древесины, что доказывало, что угольный бизнес на горе Ворвик процветал. Стальной лестничный марш выходил к серии темных коридоров; в дальнем конце здания, где оно прилегало к горе Ворвик, чернел квадратный вход в шахту.

“Бог” провел их по лестницам и через чердаки к стволу шахты. Несколько лампочек освещали тускло желтым светом внутренность шахты, которая уходила круто вниз.

Для облегчения спуска внутри шахты была большая клеть из проволоки шести футов в высоту и четырех в ширину, ее колесики напоминали колеса железнодорожного транспорта. Внутри были прикручены скамейки с ремнями безопасности, чтобы удерживать людей на месте во время движения.

“Бог” открыл клеть и подождал всех, чтобы зайти туда.

– Я не войду в эту чертову штуковину,– уперлась Сестра.

– Куда вы тащите нас?

– Туда вниз.

“Бог” показал внутрь шахты, тусклый свет отразился от чего–то металлического на рукаве его рубашки в синюю клетку. Сестра поняла – старик носил запонки. Он взглянул на Друга.

– Вы не хотите туда идти?

– Что там? – спросил Роланд с напускной суровостью.

– Источник силы, который вы ищете. И другие вещи, которые, быть может, вас заинтересуют. Так вы идете или нет?

– Ты пойдешь первым,– велел ему Друг.

– Хорошо.

“Бог” повернулся к покачивающейся стенке, на которой была панель с двумя кнопками: красной и зеленой. Он нажал зеленую кнопку, и звук жужжания двигателя распространился по шахте. Он залез в клеть, сел на скамейку и пристегнулся.

– Все на борт,– бодро сказал он. – Мы начнем двигаться через десять секунд.

Друг зашел последним. Он сел в углу клети, отвернулся от Свон. Машина работала с нарастающим гулом, затем последовало четыре щелчка, когда сцепились тормоза на каждом колесике. Клеть начала спускаться вниз, скорость ограничивалась стальным кабелем, который был туго натянут и раскручивался позади нее.

– Мы опустились больше чем на триста футов,– пояснил

“Бог”. – Лет тридцать назад это была рабочая шахта. Затем ее купило правительство Соединенных Штатов. Конечно же, горная порода укреплена бетоном и сталью.

Он указал рукой на стены и крышу, Сестра увидела как снова блеснули запонки. Только сейчас она убедилась в том, что они выглядели очень знакомо и поняла, что было написано на них.

– Вы будете изумлены, узнав, что могут сотворить инженеры,– продолжал он. – Они поместили внутрь вентиляционные отверстия и воздушные насосы, даже лампочки должны были светить семь или восемь лет. Но они начали сгорать уже сейчас. Некоторые из этих людей, закладывавших шахту, работали в Диснейленде.

Сестра поймала его за манжет и рассмотрела повнимательней запонку. На ней была хорошо знакомая золотисто–бело–голубая эмблема с полированной надписью: “Печать Президента Соединенных Штатов Америки”.

Ее пальцы онемели, она отпустила руку. Он безразлично посмотрел на нее.

– Что там… внизу? – спросила она.

– Когти,– сказал он. – Когти Небес.

Они проехали длинный отрезок, где лампочки не горели, когда они приблизились снова к свету, глаза Президента загорелись странным блеском. Он смотрел сквозь клеть на Друга.

Вы хотите увидеть источник силы? – спросил он шепотом. – Вы увидите. Да, я обещаю – увидите.

В следующую минуту тормоза снова сцепились и весь спуск наполнился их визгом, так как движение клети начало замедляться. Клеть ударилась о толстый резиновый барьерчик и остановилась. Президент отстегнул ремень, открыл дверцу и вышел.

– Сюда,– сказал он, махнув рукой как одержимый экскурсовод.

Роланд подтолкнул Свон вперед перед собой, они вошли в коридор, который вел направо. Лампочки прерывисто мерцали наверху, внезапно коридор закончился у стены с круглым камнем.

– Это перегорожено! – сказал Роланд. – Здесь тупик!

Друг покачал головой. Он уже увидел маленькую черную коробку, заделанную в породу, напоминающую сундук.

Верхняя половина черного ящика напоминала чем–то экран дисплея, в то время как нижняя была клавиатурой.

Президент потянулся к горлу своей здоровой рукой и вытащил из–под пальто плетеную кожаную ленточку, висевшую у него вокруг шеи. На ней было несколько ключей. Президент выбрал один из них – серебряный, маленький.

Он поцеловал его и начал вставлять в замок черного ящика.

– Постойте,– велел Друг. – Что делает эта вещь?

– Она открывает дверь,– ответил мужчина.

Он окончательно вставил ключ в замок и повернул его налево. Мгновенно на экране появилась бледно–зеленая надпись: “Здравствуйте! Введите в течение пяти секунд код”.

Свон и Сестра наблюдали, как Президент набивает на клавиатуре три буквы: “АОК”.

Код принят” – засветилось на экране. – “Приятного дня!”

Защелкали электропереключатели, затем последовали приглушенные звуки открывающихся в быстрой последовательности замков.

Фальшивая стена из камня с треском открылась, словно дверь в огромный склеп, шумя гидравлическими петлями. Президент раскрыл ее пошире, чтобы впустить всех, и над ними засиял белый яркий свет.

Роланд хотел вынуть серебряный ключик, но старик сказал:

– Нет. Оставьте его. Если его вынуть, пока дверь открыта, то пол окажется под напряжением.

Пальцы Роланда остановились в дюйме от ключа.

– Вы пойдете первым.

Друг подтолкнул мужчину в открытую дверь. Потом он подтолкнул Сестру и Свон, за ними последовал Маклин, Роланд и мужчина с алым глазом.

Они все зажмурились на ярком свету в белостенном зале, где стояло шесть больших компьютеров, их информационные ленты медленно крутились за окошками с затемненными стеклами.

Пол был покрыт черной резиной, тихо гудела система очистки воздуха, подающая воздух через маленькие металлические решетки в стенах. В центре комнаты стоял другой маленький ящик с клавиатурой размером примерно с телефон. Ящик стоял на столе с резиновым покрытием и был связан кабелем с компьютером.

Роланд обалдел от вида машин. Это было так давно, когда он последний раз видел компьютеры, он уже забыл как они замечательно выглядят; окружающие его ящики были вершиной компьютерной техники, пульсирующее вещество компьютерного мозга похлюпывало под гладким пластиковым и металлическим покрытием. Он почти что чувствовал его дыхание.

– Добро пожаловать ко мне домой,– сказал Президент и подошел к металлической панели на стене.

На ней была маленькая металлическая пластина, которую можно было поднять, поддев ее пальцем, а под ней красная пластиковая надпись “ОПАСНОСТЬ”. Он ткнул пальцем в паз

пластинки и дернул ее вверх.

Дверь с грохотом захлопнулась, в тот же момент сработали электронные замки.

Свон и Сестра повернулись к нему лицом, Друг держал палец на спусковом крючке автомата. Маклин встал, уставившись на старика.

– Итак, мы здесь,– сказал Президент. – Мы наконец здесь.

Он отошел от панели, удовлетворенно кивнув головой.

– Откройте эту дверь,– потребовал Маклин, его трясло.

Стены перед ним были сомкнуты, но это место было таким же огромным, как Земляной Дом.

– Я не люблю быть запертым. Откройте эту чертову дверь.

– Она заперта,– ответил старик.

– Откройте ее,– завопил Маклин.

– Пожалуйста, откройте,– попросила Свон.

Президент покачал седоволосой головой.

– Сожалею, дитя мое. Однажды вы закрываете эту дверь, и с тех пор она будет закрыта всегда. Я солгал насчет ключа. Я просто не хотел, чтобы его вынули. Понимаете, вы можете отпереть дверь изнутри только если у вас есть серебряный ключик. Но компьютеры заперли ее – назад пути нет.

– Но почему? – спросила Свон, ее глаза расширились. – Зачем вы нас заперли здесь?

– Мы останемся здесь, пока не умрем. Когти Небес разрушат все зло… все зло. Мир станет чистым, светлым и обновленным. Понимаешь?

Полковник Маклин набросился на прочные стальные двери и замолотил по ним руками что было мочи. Изоляционный материал поглотил весь шум словно губка.

Маклин не смог даже оставить вмятину в металле. У двери не было ручек, не было ничего, за что можно было бы взяться.

Он повернулся к старику и замахнулся на него смертельной правой рукой, чтобы убить его. Но прежде чем Маклин дотянулся до него, Друг остановил полковника коротким, точным ударом по горлу. Маклин задохнулся и опустился на колени, глаза его светились злобой.

– Нет,– сказал Друг ему, словно взрослый, наказывающий шалящего ребенка. Потом он пристально посмотрел на старика.

– Что это за место? Зачем здесь эти машины? Откуда приходит энергия?

– Они собирают информацию со спутников.

Президент указал в сторону компьютеров.

– Я знаю, как выглядит космическое пространство. Я смотрел на Землю оттуда. Я верил… Это было хорошее место.

Он прищурился, словно память вернула его в пылающий вихрь, снова возбудив как повторяющийся ночной кошмар.

– Я спустился на землю с Небес. Да. Я спустился. Я прибыл сюда, потому что я знал, что я близок к этим местам. Здесь было еще два человека, их нет теперь. У них была пища и вода, достаточно, чтобы продержаться четыре года. Я думаю… один из них умер. Я не знаю, что случилось с другим. Он наверное… ушел.

Он помолчал минуту, его сознание прояснилось. Он посмотрел на черный ящик, стоящий на покрытом резиной столе и с почтением подошел к нему.

– Это,– сказал он. – Вызовет Когти Небес.

– Когти Небес? Что это такое?

– КОГТИ,– сказал Президент так, будто остальным следовало это знать. – Космическая Орбитальная система Гарантированного Термоядерного Истребления. Смотрите и слушайте.

Он набрал на клавиатуре код: “АОК”. Информационные ленты компьютеров закрутились быстрее. Роланд смотрел как зачарованный.

Женский голос, мягкий и чарующий, как бальзам на раны, проник через репродукторы в стенах:

– Здравствуйте, господин Президент. Жду ваших указаний.

Голос напомнил Сестре о гостиничном служащем в Нью–Йорке, который вежливо объяснял в морозную январскую ночь, что в женском пансионе комнат больше нет.

Президент напечатал: Вот Белладонна, владычица Скал, владычица обстоятельств.

– Вот человек с тремя опорами, вот Колесо,– ответил неживой голос компьютера.

– Ого,– выдохнул Роланд.

А вот одноглазый купец, эта карта

– Пустая – то, что купец несет за спиной.

Президент напечатал: От меня это скрыто.

– Что вы делаете? – закричала Сестра почти в панике.

Свон схватила ее за руку.

Но я не вижу Повешенного,– напечатал Президент на черном ящике.

– Ваша смерть от воды,– ответил женский голос.

Последовала пауза, затем:

– Когти выпущены, сэр. Десять секунд для отмены.

Он нажал на клавиатуре три кнопки: “НЕТ”.

– Начальная фаза процедуры уничтожения завершена. Процедура запуска активизируется.

Голос был прохладным, как память о лимонаде жарким

августовским днем.

– Когти Небес будут через 13 минут 48 секунд.

Голос замолчал.

– Что случилось? – взволнованно спросил Друг. – Что вы делаете?

– Через 13 минут и 48 секунд,– сказал Президент. – Два спутника войдут в атмосферу в районе Северного Полюса и Антарктики. Эти спутники – ядерные платформы, которые несут на себе по тридцать двадцатипятимегатонных боеголовки на каждую ледовую шапку. – Он взглянул на Свон и отвернулся, потому что ее красота томила его. – Эти взрывы сдвинут земную ось и растопят лед. Мир станет очищенным, разве вы не понимаете? Небесное знамение смоет все зло и однажды все начнется сначала, все будет так же хорошо, как прежде.

Его лицо исказилось от боли.

– Мы проиграли войну,– сказал он. – Мы проиграли, и поэтому должны начать все сначала.

– А… Светопреставление,– прошептал Друг и усмехнулся.

Усмешка перешла в смех. А глазах появился ненормальный блеск.

– Машина судного дня,– закричал он. – О, да! Мир должен быть очищен. Все Зло надо уничтожить. Как и ее.

Он показал пальцем на Свон.

– Последнее Добро должно погибнуть со Злом,– ответил Президент. – Должно умереть, чтобы мир смог быть возрожден.

– Нет, нет… – просипел Маклин, хватаясь за кровоподтек на горле.

Друг засмеялся и направил свое внимание на Сестру, будто он действительно говорил со Свон.

– Я тебе обещал! – крикнул он. – Я тебе обещал. С тобой расправилась человеческая же рука.

Металлический женский голос произнес:

– Тринадцать минут до уничтожения.

Глава 93. Погребальная песня Свон

Джош и Робин подошли к тому солдату, что лежал у сломанных ворот. Джош склонился над трупом. Робин услышал шипящие, неясно откуда доносящиеся звуки. Он потянулся, чтобы коснуться этой цепи.

– Нет,– резко сказал Джош, и пальцы Робина замерли в сантиметре от звена цепи. – Посмотри сюда.

Джош открыл правую руку убитого, и Робин смог увидеть выжженную по форме звена цепи отметину на теле трупа.

Они прошли в открытую створку ворот, в то время как утекающее с цепи электричество продолжало шипеть как гнездо гадюк. Дождь пошел сильнее, серые потоки воды проливались сквозь мертвые деревья по ту сторону дороги.

Оба они промокли и устали. Развороченная земля поочередно засасывала в грязь их обувь, которая потом покрылась кусками льда. Они шли как можно скорее, потому что знали, что Свон и Сестра были где–то впереди, по воле человека с алым глазом, и они чувствовали, что время неумолимо двигалось вперед, к концу.

Завернув за угол, Джош остановился. Робин услышал: “Проклятье”.

Три солдата, почти незаметные под дождем, спускались по дороге, направляясь прямо к ним. Двое из них заметили Джоша и Робина и остановились меньше чем в десяти ярдах от них; третий продолжал идти, сделав еще несколько шагов, он тупо уставился на две фигуры перед ним.

Прошло, возможно, секунды четыре, Джош подумал, что и его и остальных пробирает до костей мороз. Он не мог придумать что делать, но внезапно его осенило.

Они начали палить не прицеливаясь оружия, словно две соперничающие банды, устроившие разборку посреди дня. Следующие несколько секунд были изматывающей нервы паникой, вспышками от выстрелов, когда пули устремлялись к своим целям.

– Десять минут до уничтожения,– объявил голос.

И он потряс Сестру как женщину, которая дотронулась до мертвого.

– Остановите это,– сказала Свон человеку со шрамом, который некогда был Президентом США. – Пожалуйста. – Ее лицо было спокойно, в то время как в виске бешено стучал пульс. – Вы не правы. Зло не победит.

Президент сидел на полу, ноги его были скрещены, глаза закрыты. Полковник Маклин поднялся и стал колотить в стальную дверь, в то время как Роланд Кронингер прогуливался среди компьютеров, бормоча о том, что он был Рыцарем Короля, и любовно касался их корпусов.

– Зло не победит, если ему не дать этого,– сказала Свон спокойно. – У людей есть шанс. Они могли бы все вернуть на свои места. Они бы могли научиться жить тем, что имеют. Если же ты позволишь этому случиться – тогда зло победит.

Он молчал, как застывший идол. Затем сказал, не открывая глаз:

– Это был такой прекрасный мир. Я знаю. Я созерцал его с великой темной пустоты, и он был прекрасен. Я знаю каким он был. Я знаю, каким он стал теперь. Зло наконец погибнет, дитя. Весь мир очистится снова под божественными сводами.

– Убийство не делает мир чище. Оно лишь делает тебя частью зла.

Президент сидел молча, не двигаясь. Он собирался что–то сказать, но передумал, как если бы потерял мысль.

– Девять минут до уничтожения,– произнес безжизненный женский голос.

– Пожалуйста, остановите это.

Свон встала на колени. Ее сердце стучало и холодный страх полз по спине. Но она так же чувствовала, что человек с алым глазом наблюдает за ней, и она знала, что не должна показать ему свой страх.

– Там, на поверхности, люди, которые хотят жить. Президент, пожалуйста, она дотронулась до его опущенного плеча,– пожалуйста, дайте им шанс.

Он открыл глаза.

– Разницу между Добром и Злом должны видеть люди,– сказала Свон. – Машины не могут этого. Не позволяйте машинам принимать решения, так как это будет неверное решение. Если вы можете, пожалуйста, остановите машины.

Он молчал, уставившись на нее безжизненным, безнадежным взглядом.

– Вы можете? – спросила она.

Он закрыл глаза, затем открыл, вперившись в нее взглядом. Он кивнул.

– Как?

– Код,– ответил он. – Короткое слово… конец молитвы. Но… Зло должно быть уничтожено… И я не буду говорить его, потому что Когти Небес должны опуститься. Я не скажу. Я не могу.

– Вы можете. Если вы не хотите стать частью Зла, вы должны.

Его лицо исказилось от внутренней борьбы. На мгновение Свон увидела в темной глубине его глаз искры света и подумала, что он собирается встать подойти к этой клавиатуре и напечатать код, но потом огоньки погасли, и он замер снова.

– Я не могу,– сказал он. – Даже для такой красавицы, как вы.

Компьютерный голос сказал:

– Восемь минут до уничтожения.

В другом конце комнаты Друг ждал, когда Свон будет уничтожена.

– Источник силы,– сказал Роланд.

Часть его ума понимала, что должно произойти, а другая

часть ума повторяла снова и снова, что он был Рыцарем Короля, и что он в конце концов дойдет до конца этого трудного путешествия. Но он был с подлинным Королем, и он был счастлив.

– Где источник силы всего этого?

Президент поднялся.

– Я тебе покажу.

Он отодвинулся к другой двери в дальней стороне комнаты. Она была не заперта и он провел Роланда. Когда дверь открылась Свон услышала клокочущий звук воды и пошла посмотреть, что было за дверью.

Проход вел к платформе с высоким металлическим ограждением, которая стояла над подземной речкой примерно в двадцати футах. Вода протекала по тоннелю через водослив, выходя к наклонной набережной и проворачивалась в огромной электрической турбине и стекала в горную породу. К турбине были прикреплены два электрических генератора, вырабатывающих энергию и воздух, насыщенный озоном.

– Семь минут до уничтожения,– послышался голос из другой комнаты.

Роланд перелез через ограждение и проверил, куда ведет турбина. Он мог слышать потрескивание кабелей, по которым протекала энергия, он знал, что подземная река была неисчерпаемым источником энергии, чтобы управлять компьютерами, светом и электрическими ограждениями.

– Горняки давно обнаружили эту речку,– сказал Президент. – Вот почему комплекс построили здесь.

Он прислушался к шуму реки.

– Она звучит так *чисто*, да? Я помню, это было здесь. Я вспомнил, когда спустился с Небес. Ваша смерть от воды.

Свон чуть было не попросила его снова набрать кодовое слово, но увидев пустоту в его глазах, поняла, что это бесполезно.

Боковым зрением она увидела ухмыляющееся чудовище в облике человека, выходившее из двери на платформе.

– Бог? – позвал Друг.

Президент остановился у платформы.

– Значит нет способа, чтобы остановить спутники? Вы единственный, кто может это, если, конечно, захотите. Это так?

– Хорошо.

Друг поднял автомат и выпустил очередь. Отзвук выстрелов разнесся по этому залу. Пули попали прямо в голову Президента и отшвырнули его на ограждение, свистя в воздухе в смертельном танце.

Свон закрыла уши руками и увидела как пули сбили

Президента с ног. Он повалился на ограждение и Роланд Кронингер истерически захохотал. Магазин автомата кончился, Президент свалился в воду, и был смыт в тоннель и скрылся из виду.

– Бах, бах,– радостно кричал Роланд, разглядывая окрашенную кровью ограду. – Бах!

Слезы застилали глаза Свон. Он ушел, это была последняя надежда остановить приближение конца.

Человек с алым глазом кинул бесполезное теперь оружие в воду через ограждение и покинул платформу.

– Шесть минут до уничтожения,– донесло эхо.

– Держи голову ниже! – приказал Джош.

Пули только что отрикошетили от дерева, к которому прижался Робин. Джош выстрелил по двум другим солдатам через дорогу, но не попал. Третий солдат лежал на дороге, корчась от боли, руками обхватив рану на голове.

Джош с трудом видел что–либо под дождем. Пуля чиркнула по рукаву его одежды, он упал на землю и ему показалось, что он намочил свои брюки, но он был не уверен, потому что был уже слишком мокрым. Он не знал, убит третий солдат им или Робином. На несколько секунд перестрелка стихла. Но потом он снова прыгнул к наваленной древесине, и Робин последовал за ним, так как пуля зацепила его левую руку.

Двое солдат еще раз выпустили по очереди, Джош и Робин остались под укрытием. Робин наконец поднял голову. Один из мужчин перебежал налево, на более высокое место. Он смахнул капли дождя с глаз, осторожно достал оружие и сделал последние два выстрела. Человек повалился на бок, завертелся как волчок и скончался.

Джош выстрелил в оставшегося мужчину, который выстрелил еще раз, а затем вскочил на ноги, резко рванув вдоль края дороги к электрозаграждению заграждению.

– Не стреляйте! – закричал он. – Не стреляйте!

Джош прицелился ему в спину. У него была возможность – чистый, точный выстрел, но он не выстрелил. Он никогда не стрелял в спину человеку, даже в воина Армии Совершенных Воинов, он бы проклял себя, если бы выстрелил. Он дал мужчине уйти, в следующий момент встал и пошел к Робину. Они снова двинулись по дороге.

Сестра закрыла глаза, когда голос объявил, что осталось пять минут до уничтожения. У нее закружилась голова, она попробовала прислониться к стене, но Свон взяла ее под руку и поддержала ее.

– Это конец,– сказала она отрывисто. – О, Боже… все погибнут. Это конец.

Колени ее задрожали, она хотела сползти на пол, но Свон не дала ей.

– Вставай, вставай, черт побери! – зло сказала Свон и рывком подняла Сестру.

Та бессильно посмотрела на Свон и теряя сознание почувствовала, что она снова становится Сестрой Ужас и все вокруг нее меркнет.

– О, дайте ей упасть,– сказал мужчина с алым глазом, идя через комнату. Вы все равно умрете, на коленях ли или на ногах. Вам интересно будет узнать, как это случится?

Свон не дала ему радости ответить.

– Я скажу вам,– начал он. – Может быть, весь мир расколется на кусочки, может вы просто задохнетесь. Может быть, атмосфера разорвется, как старая простыня и все – горы, леса, реки – расшвыряет как пыль. Или под действием силы тяжести раздавится в лепешку. – Он скрестил руки и склонился. – Может, все сморщится от жара и только дети останутся живы. Или вообще, никто не выживет.

– А как вы? – спросила она. – Вы будете жить вечно?

Он засмеялся, на этот раз мягко.

– Я – конечно. Я вечен.

– Четыре минуты до уничтожения,– объявил голос.

Маклин скорчился на полу, дыша как загнанное животное. Когда он узнал, что до уничтожения осталось четыре минуты, ужасный, полный скорби вздох вырвался из его истерзанного горла.

– Идет твоя смерть, Свон,– сказал человек с алым глазом. – Ты прощаешь меня?

– Почему вы так боитесь меня? Я не могу навредить вам.

Он молчал некоторое время, а когда ответил, его глаза были странные.

– Надежда вредит мне, это болезнь, а вы – микробы, распространяющие ее. Этой заразы не должно быть на моей вечеринке. О, нет. Я не позволю.

Он замолчал уставившись в пол. Улыбка скривила его рот, когда голос сказал:

– Три минуты до уничтожения.

Когда Джош и Робин подошли к длинному навесу, дождь молотил по алюминиевой крыши. Они прошли мимо “Джипов”, корпусов, брата Тимоти и увидели вход в угольную шахту в тусклом желтом свете. Робин побежал наверх вдоль мостков. Джош шел за ним.

Проникнув в шахту раньше Джоша, он услышал грохот, как будто по крыше молотил град размером со страусиное яйцо, он подумал, что все это чертово место сейчас провалится. Но внезапно все стихло, как будто отключенное каким–то механизмом. Стало настолько тихо, что Джош смог расслышать завывание ветра на улице.

Робин посмотрел вниз на косую шахту и увидел спуск. На дне было что–то вроде спускаемого аппарата. Он оглянулся вокруг и увидел металлическую пластину с красной и зеленой кнопками; он нажал на красную, но ничего не произошло. После того, как он нажал на зеленую, машина загрохотала по стенам. Длинный кабель, протянутый вниз по спуску, начал накручиваться.

– Две минуты до уничтожения.

Полковник Джеймс Б. Маклин завыл. Стены рудника сомкнулись вокруг него, подсознательно он подумал, что слышит смех Солдата–Тени. Нет, нет – он был перед лицом Солдата–Тени, он и Солдат–Тень были одно и то же и если кто–то смеялся, это был либо Роланд Кронингер, либо это чудовище, называвшее себя Другом. Он сжал левую руку в кулак и снова замолотил в запертую дверь и там, на нержавеющей стали, он увидел смотрящий на него череп.

В тот миг он ясно увидел лицо своей души. Он был на грани помешательства. Он начал бить это лицо, пытаясь заставить его исчезнуть, но у него ничего не получалось. Мерзлые поля, где погибшие солдаты лежали сваленные в кучи – все это проносилось в его сознании, как ужасные картины. Дымящиеся камни, сожженные машины и обуглившиеся трупы лежали перед ним как приношение богу подземного царства, и он знал, что он оставил в наследство и к чему это его привело. Он убежал из вьетнамского плена, потерял руку в подземелье Земляного Дома, потерял свою душу, превращенную в грязное дерьмо, а теперь теряет жизнь в этих четырех стенах.

И вместо того, чтобы избавиться от грязи, встать на ноги после 17–го июля, он менял места заключения. Из ямы в яму, пока наконец самая страшная и отвратительная внутри него яма не открылась и не поглотила его.

Он знал, с кем он был заодно. Он знал. Он знал также, что был проклят и своды последней тюрьмы сомкнулись над ним.

Все зря… все напрасно, шептал он, и слезы хлынули из его глаз.

– Боже прости меня, Боже, прости,– зарыдал он.

Мужчина, назвавший себя Другом смеялся и хлопал в ладоши.

Кто–то дотронулся до плеча полковника. Он поднял голову.

Свон изо всех сил старалась не отшатнуться от него, в его глазах было так мало света, как огня в кусочке стекла Шейлы Фонтаны.

С болью в душе, Маклин подумал, что ее лицо светится, подумал, что может сказать всего лишь одно слово. Все потеряно… все потеряно.

– Нет,– прошептал он.

Своды тюрьмы не сомкнулись над ним… еще не сомкнулись.

Он поднялся на ноги, как Король и пошел к компьютерам, которые собирались уничтожить израненный мир. Он подбежал к ближайшему компьютеру, бешено колотя по нему руками, стараясь разбить экран и добраться до крутящейся ленты.

Стекло треснуло, но оно было укреплено крошечной металлической сеткой и у него не получалось просунуть руку. Маклин опустился на колени и начал рвать кабель, лежащий на полу.

– Роланд,– крикнул Друг. – Останови его сейчас же!

Роланд Кронингер встал позади Маклина и сказал только одно:

– Не трогай!

Это осталось незамеченным.

– Убей его! – заорал Друг и рванул вперед как смерч, прежде чем когти на ладонях Маклина разорвали резину и добрались до внутренностей кабеля.

Это говорил настоящий Король. Сэр Роланд был его Рыцарем, и он должен был следовать его указаниям. Он поднял оружие, руки его тряслись, и затем он выпустил две пули в спину полковника Маклина.

Полковник упал лицом на пол. Его тело дернулось и замерло.

– Бах, бах! – ликовал Роланд.

Он попробовал засмеяться, но голос его сорвался.

– Одна минута до уничтожения.

Глава 94. Место для успокоения

Друг улыбался. Все было отлично. Это оказалось веселым праздником, сейчас все закончится фейерверком. Но место, где можно будет увидеть это шоу – не здесь, а в подвале. Он увидел, что Сестра и маленькая сучка стоят на коленях, обнявшись, они знали – это почти конец. Было приятно это видеть, и здесь ему было уже нечего делать.

– Пятьдесят секунд,– продолжался отсчет времени.

Он пристально посмотрел на лицо Свон. Слишком поздно, подумал он и избавился от слабости. За стенами этого здания могли быть еще группы людей, уцелевшие поселения; этот

“фейерверк” мог расколоть планету на маленькие кусочки, а мог заставить все медленно увядать и погибать. Он не вполне понимал, какой ужас – ядерное оружие, но к светопреставлению был готов.

В любом случае она будет здесь, а не на его пути. Терновый венок или корона, или что там еще было, было потеряно. Сестра дала ему возможность действовать, но теперь она стояла на коленях, сломленная.

– Свон,– позвал он. – Ты прощаешь меня?

Она еще не знала, что ответить ему, но когда открыла рот, он положил ей палец на губы и прошептал.

– Слишком поздно.

Его изрядно обуглившаяся одежда задымилась. Лицо начало сморщиваться.

– Сорок секунд,– произнес голос.

Пламя пожиравшее человека с алым глазом, было холодным. Сестра и Свон сжались от ужаса. Роланд трепетал, его зубы стучали, в глазах застыло изумление.

Фальшивое тело испепелилось, а под ним открылось то, что было за маской, но Свон в последнюю секунду отвела глаза, Сестра закричала и закрыло лицо руками.

Роланд видел своими глазами нечеловеческое лицо и мог свидетельствовать об этом.

Это была гноящаяся рана с глазами пресмыкающегося, бурлящая и умирающая масса, пульсирующая с неистовостью вулкана. Это было сводящее с ума зрелище конца света, пылающей, погибающей в хаосе вселенной, зияющие черные дыры и сожженные дотла цивилизации.

Роланд встал на колени у ног настоящего Короля. Он поднял руки к пламени и взмолился.

– Возьми меня с собой!

Какая–то сила заставила открыть рот это кошмарное чудовище, и оно жутким голосом ответило: – Я всегда один.

Всепожирающий огонь перекинулся с формы и зашипел на голове Роланда, как разряды электричества. Он поднялся наверх к вентиляционному люку на стене и исчез в дыре за металлической решеткой, которая в тот же момент вспыхнула а потом покрылась грязным инеем. Пустая форма Армии Совершенных Воинов, до сих пор еще сохранявшая очертания человека, свалилась на пол, хрустя от холода в складках.

– Тридцать секунд,– чарующе пропел голос.

Сестра вдруг поняла, что ей надо делать. Она оправилась от шока и бросилась к Роланду Кронингеру. Ее пальцы обхватили запястье Роланда. Он взглянул на нее совершенно

ненормальными глазами. Она закричала:

– Свон! Останови машину!

Она дернула за ствол его оружия, но приклад ударил ее по лицу. Всем весом она повисла на стволе. Молодой рыцарь Дьявола–Короля ударил ее с безумием маньяка, протянул руки к горлу и начал душить.

Свон бросилась на помощь Сестре, Сестра выиграла драгоценные секунды и должна была сделать то, что могло остановить отсчет времени.

Она опустилась на пол и постаралась разорвать один из кабелей. Роланд отпустил горло Сестры и ударил ее кулаком. Ее зубы прикусили щеку, но она оттолкнула его и приперла локтем. Оружие выстрелило, пули попали в стену напротив. Они дрались за оружие, Сестра ударила локтем ему в грудь и наклонившись вперед, впилась зубами в запястье. Он взвыл от боли, его пальцы разомкнулись и оружие упало на пол. Сестра потянулась к нему, но рука Роланда схватила ее лицо и ногтями он начал давить ей на глаза.

Свон не могла взяться за конец кабеля, так как он был прибит к полу, а ее сил не хватало, чтобы оторвать его. Она бросила взгляд на черную клавиатуру на столе в центре комнаты и вспомнила, что сказал старик о кодовом слове. Даже если оно ушло вместе с ним. Она должна попробовать. Она отпрыгнула от борющихся людей и бросилась к клавиатуре.

– Двадцать секунд.

Роланд царапал лицо Сестры, но она откинула голову назад, ее пальцы схватили приклад оружия. Когда она подняла его, кулак опустился ей на шею, и она потеряла сознание.

Стараясь не терять сознание, Свон стояла над клавиатурой. Она набрала “СТОП”.

Роланд освободился от Сестры, схватил автомат и выпустил очередь в сторону Свон, но она прыгнула на него, как дикая кошка, выкрутила ему руку и ударила по уродливому, кровоточащему лицу.

– Пятнадцать секунд,– продолжался отсчет.

“КОНЕЦ” печатала Свон, полностью сосредоточившись на буквах.

Сестра размахнулась и опустила кулак на лицо Роланда. Одна из линз разбилась, и он взвыл от боли. Но затем он нанес ей удар в висок, оглушивший ее, и отшвырнул в сторону как мешок с соломой.

– Десять секунд.

– О Боже, помоги мне! – думала Свон.

Ее колотило как в лихорадке, зубы отбивали дробь. Она

напечатала “ЗАКОНЧИТЬ”.

– Девять.

У нее был всего лишь один шанс. Она не могла упустить его. Молитва для последнего часа, думала она. Молитва.

– Восемь.

Молитва.

Сестра снова схватила руку Роланда, боровшегося за оружие. Он резко дернулся, и она увидела его отвратительное оскалившееся лицо, когда он нажимал на спусковой крючок. Раз и еще раз.

Пули разбили ей ребра и вдребезги разнесли ключицу, как будто пинком ее отбросило на пол. Изо рта потекла кровь.

– Семь.

Свон слышала выстрелы, но кодовое слово не было разгадано, и она не позволила себе отвлечь внимание от клавиатуры. Чем заканчивается молитва? Чем же она заканчивается?

– Прочь отсюда! – заревел Роланд Кронингер, поднимаясь с пола, вытирая кровь, текущую изо рта и носа.

– Шесть.

Он бросился на Свон, нажимая на спусковой крючок, но чей–то удар снаружи в дверь остановил его, будто некий высший разум был по ту сторону стальной двери. Роланд на мгновение был сбит. Но этого оказалось достаточно.

Внезапно полковник Маклин встал и, собрав всю силу в последний раз, вонзил гвозди своей правой руки в голову Роланда Кронингера. Оружие выстрелило, но пули пронеслись в дюйме над головой Свон.

– Пять.

Гвозди вонзились глубоко в голову. Роланд опустился на колени, алая кровь брызнула на негнущиеся черные пальцы полковника Маклина. Роланд попытался снова поднять оружие, мотая головой из стороны в сторону, но тело полковника придавило его, и он трясясь лежал на полу. Маклин держал его почти в любовных объятиях.

– Четыре.

Свон уставилась на клавиатуру. Чем же заканчивается молитва? Она поняла. Ее пальцы забегали по клавиатуре. “АМИНЬ”

– Три.

Свон закрыла глаза и стала ждать конца. Ждала. И ждала.

Когда шелковистый голос проник через говорящее устройство, Свон чуть ли не выпрыгнула из кожи от изумления.

– Процесс уничтожения остановлен за две секунды до исполнения. Будут ли еще указания?

Ноги Свон ослабли. Она пошла прочь от клавиатуры и чуть не споткнулась о тела полковника Маклина и Роланда Кронингера.

Роланд сел. Кровь клокотала в его легких и стекала изо рта, он выпростал руку и обхватил щиколотку Свон. Она оттолкнула его, и он опять растянулся на полу. Хрипящие звуки прекратились.

Она посмотрела на Сестру.

Та лежала распластавшись на полу, в глазах стояли слезы, тоненькая струйка крови стекала по нижней губе на подбородок. Она положила руку на рану на животе и изобразила уставшую, слабую улыбку.

– Мы кому–то дали пинка под зад? – спросила Сестра.

Борясь с горечью отчаяния, Свон опустилась на колени подле Сестры. В дверь снова стали стучать.

– Лучше узнать, кто это,– сказала Сестра. – Похоже, они не собираются уходить.

Свон подошла к двери и приложила ухо к щели между дверью и камнем. Сначала она ничего не слышала, затем послышался глухой, отдаленный голос.

– Свон! Сестра! Вы здесь?

Это был голос Джоша, он, вероятно, кричал во всю силу своих легких, но она едва слышала его.

– Да,– закричала она. – Мы здесь!

– Ш–ш–ш,– сказал Джош Робину. – Мне кажется, я что–то слышу.

Он продолжал кричать.

– Вы пустите нас туда?

Они оба видели черный ящик с серебряным ключиком в замке. Повернув его влево, Робин увидел требование кодового слова, которое погасло через пять секунд.

Потребовалась минута, чтобы Джош понял, что пыталась сказать ему Свон. Он повернул ключ влево, в ответ на требование набрал на клавиатуре “АОК”.

Дверь распахнулась, Робин вошел первым.

Он увидел Свон, стоявшую перед ним, как чудо.

Он крепко обнял ее и сказал сам себе, что пока он будет жив, ни за что не отпустит ее.

Свон прильнула к нему, они замерли на какое–то мгновение.

Джош протолкнулся к ним. Сначала он увидел Маклина и еще какого–то человека на полу, а потом он увидел Сестру.

– Нет, нет,– подумал он. – Сколько крови.

Он подбежал к ней двумя огромными шагами и нагнулся над ней.

– Не спрашивай меня, где болит,– сказала она. – Я немею.

– Что случилось?

– У мира… появился еще один шанс,– ответила она.

Голос компьютера сказал:

– Ваши указания, пожалуйста.

– Ты можешь встать? – спросил Джош Сестру.

– Я не знаю, я не пробовала. О, я устроила здесь беспорядок?

– Давай помоги мне поднять тебя.

Джош поставил ее на ноги. Она почувствовала легкость и залила руку Джоша кровью.

– Все в порядке? – спросил Робин, подставив ей свое плечо под руку.

– Это самый идиотский вопрос, который я когда–нибудь слышала. – Она отрывисто дышала, боль пронзила ее ребра. Но это было не так плохо. Совсем неплохо для умирающей пожилой леди, думала она. – Я близка к концу. Только дайте мне выбраться из этого чертового места.

Свон остановилась около тела полковника Маклина. Грязная лента почти распуталась с его правого запястья и ладонь с когтями практически отделилась от руки. Она оторвала кусок ленты и заставила себя продолжить дело, она вынула длинные окровавленные ногти из тела Роланда Кронингера. Затем она встала сжимая в окровавленных пальцах жесткую руку.

Они покинули комнату смерти и машин. Голос спросил: – Ваша следующая команда, пожалуйста?

Свон повернула серебряный ключик вправо. Дверь захлопнулась сама, замки щелкнули и заперлись. Она положила ключ в карман джинсов.

Потом они посадили Сестру в машину шахты. Робин нажал на зеленую кнопку на металлической панели, и они начали подъем.

Шум двигателей нарастал, машина начала подниматься наверх.

Сестра перестала чувствовать свои ноги, как только они начали подниматься по ступеням. Позади нее оставались следы крови, ее дыхание становилось прерывистым и затрудненным.

Свон знала, что Сестра умирала. Она чувствовала, что та задыхается, но она сказала:

– Мы приведем тебя в порядок.

– Я не больна, я умираю,– ответила Сестра.

– Еще один шаг,– сказала она, когда Джош и Робин спустили ее по лестнице. – О, Боже… я чувствую, что ухожу.

– Держись,– строго сказал ей Джош. – Ты можешь это.

Но ее ноги подкосились прямо в конце лестницы. Она сомкнула веки, стараясь не потерять сознание.

Они вышли из здания с алюминиевой крышей и пошли через

территорию парка к “Джипам”, когда над ними пронесся холодный ветер. Тучи опустились низко над горами.

Сестра больше не могла держать голову. Ее шея ослабла, она почувствовала, что голова весит сто футов. Еще один шаг, убеждала она себя. Один шаг, а затем еще один, и так ты сможешь дойти туда, куда ты стремишься. Она ощущала во рту вкус крови и знала, куда ведут ее эти шаги. Ее ноги подкосились. Она увидела что–то на побитой мостовой перед собой. Но оно исчезло. Что это было?

– Пойдем,– сказал Джош.

Но Сестра отказывалась идти. Она увидела это снова. Что–то мелькнуло и ушло.

– О Боже,– сказала она.

– Что случилось? Тебе больно?

– Нет, нет! Подождите, подождите!

Они ждали, пока кровь Сестры капала на мостовую. Это случилось в третий раз. В течение долгого времени она ничего не видела. Ее тень. Это промелькнуло снова.

– Вы видели это? Видели? Видели это?

Робин посмотрел на землю, но ничего не увидел.

Это снова случилось в следующий момент. Они все заметили это. Тепло, как от луча солнца за тучами, медленно двигалось по территории парка.

Сестра смотрела на землю и чувствовала, как тепло ласкает ее спину и плечи, словно бальзам. Она увидела очертания своей фигуры на асфальте, увидела тени Джоша, Свон, Робина, окружившие ее собственную.

Невероятным усилием, она подняла голову к небу, слезы потекли по ее щекам.

– Солнце,– прошептала она. – О Боже, солнце вышло.

Они смотрели вверх.

Свинцовые тучи разошлись.

– Там,– закричал Робин, показывая.

Он был первым, кто увидел лазурное пятно перед тем как тучи снова сомкнулись.

– Джош. Я хочу туда… наверх.

Она показала рукой на пик горы Ворвик.

– Пожалуйста, я хочу видеть, как будет выходить солнце.

– Мы должны сначала помочь тебе, прежде…

Она вцепилась в его руку.

– Я хочу подняться наверх,– повторила она. – Я хочу видеть, как выходит солнце. Ты понимаешь меня?

Джош понимал. Он колебался, но всего несколько секунд, он знал, что времени было мало. Он поднял ее на руки и пошел в

сторону горы. Свон и Робин пошли за ним, когда он карабкался через валуны и мертвые согнутые деревья, неся Сестру к бушующему небу.

Свон почувствовала спиной прикосновение солнечных лучей, увидела тени гор и деревьев, обступивших ее. Она посмотрела наверх и поймала ярко–голубой цвет слева, но потом тучи опять сомкнулись над ними. Робин взял ее руку, и они помогали друг другу забираться на гору.

– Скорее,– говорила Сестра Джошу. – Пожалуйста… скорее.

Тени мелькали по горе. Ветер был все еще холодным и дул неистово, но тучи снова разошлись, и Джош подумал, будет ли эта буря последней для семилетней зимы.

– Быстрее,– просила Сестра.

Они вышли из леса недалеко от вершины. Вокруг все было покрыто шарообразными валунами. На этой высоте открывался вид всей местности, пейзаж вокруг был скрыт туманом.

– Здесь,– голос Сестры слабел. – Положите меня здесь… я увижу.

Джош бережно уложил Сестру на постель из листьев, ее спина выпрямилась, голова повернулась на запад. Ветер свистел над ними, обжигая холодом. Сухие ветки падали с деревьев, а черные листья трепетали наверху, как вороны.

У Свон захватило дух, когда лучи света проникли через тучи на западе. Суровый пейзаж потеплел, его жалкие черные и серые цвета превратились в светло–коричневый и красно–золотой. Но так же быстро свет исчез.

– Подождите,– сказала Сестра, наблюдая за движением облаков.

Облака крутились и двигались как течение и приливы после шторма.

Она чувствовала как жизненная сила убывала в ней, дух покидал ее уставшее тело, но она цеплялась за жизнь с упорством, которое помогло ей вынести последнюю милю.

Они ждали. Над горой Ворвик облака медленно расходились, за ними открывались голубые пятна неба, соединенные как кусочки огромной собранной головоломки.

Там, кивнула Свон, кося на свет, расстилавшийся по земле и предгорью, по мертвым листьям, деревьям и камням, ласкавшему ее лицо. Там.

Джош радостно вскрикнул. Огромные дыры разошлись и через них проник золотой луч, красивый как мечта.

Внизу в долине горы Ворвик крики отозвались эхом от холмов, на которых кучками стояли лачуги, которые наконец озарило солнце. Послышался сигнал машины, за которым

последовал еще, и они слились в один мощный звук.

Свон подняла лицо, чтобы легкий ветерок освежил его. Она глубоко вздохнула, почуяв сладковатый, чистый воздух.

Ночь закончилась.

– Свон,– застонала Сестра.

Она взглянула на Сестру. Увидела ее озаренную светом и улыбающуюся. Она протянула к Свон руку, та взяла ее, крепко сжала и встала на колени рядом. Они долго смотрели друг на друга. И Свон положила руку Сестры на свою мокрую щеку.

– Я горжусь тобой,– сказала Сестра. – О, я так тобой горжусь.

– С тобой все будет в порядке.

Ее горло сжималось от рыданий.

– Когда мы доставим тебя…

– Ш–ш–ш.

Сестра перебирала ее длинные, огненные волосы. На солнце они сияли, как костер.

– Я хочу, чтобы ты выслушала меня. Слушай внимательно. Смотри на меня.

Свон смотрела, но лицо Сестры было все в слезах. Свон вытерла ей глаза.

– Лето… пришло, наконец. Было сложно сказать, когда закончится зима. Ты должна работать, пока ты можешь. Работать так упорно и быстро… как сможешь, пока светит солнце. Ты слышишь меня?

Свон кивнула.

Пальцы Сестры сжали пальцы девушки.

– Я хочу пойти с тобой. Хочу. Но… не знаю, как это будет. Ты и я… пойдем теперь разными путями. Но это хорошо.

Глаза Сестры вспыхнули, она посмотрела на Робина.

– Эй,– сказала она. – Ты любишь ее?

– Да.

– А ты? – спросила она Свон. – Ты любишь его?

– Да,– ответила та.

– Тогда… половина битвы выиграна прямо здесь. Вы оба держитесь друг друга, помогайте друг другу… и не давайте никому и ничему разлучить вас. Идите шаг за шагом, и вы сделаете дело, которое нужно сделать, пока лето.

Она повернула голову и посмотрела на черного гиганта.

– Джош,– сказала она. – Ты знаешь… куда тебе надо будет пойти? Ты знаешь, кто ждет тебя?

Джош кивнул.

– Да,– наконец ответил он. – Я знаю.

– Солнце… такое нежное,– сказала Сестра. – Смотрите на него.

Ее взгляд был тусклым. Она не могла больше смотреть.

– Так хорошо. Я прошла длинный путь. Я устала. Вы найдете место, где похоронить меня? Чтобы я легла ближе к солнцу.

Свон сжала ее руку, Джош сказал: – Мы найдем.

– Ты хороший человек. Я даже не знала, какая ты хорошая, Свон.

Сестра потянулась и сжала обеими руками красивое лицо Свон.

– Послушай меня. Делай. Делай хорошо. Ты можешь вернуть все на свои места, даже лучше. Ты прирожденный лидер, Свон… когда ты пойдешь, иди прямо и гордо и помни, как я тебя люблю.

Руки Сестры соскользнули с лица Свон, но та поймала их и спрятала в них лицо. Искра жизни почти погасла. Сестра засмеялась. В глазах Свон она могла заметить слезы. Ее губы задрожали и приоткрылись.

– Один шаг,– прошептала она.

И шагнула.

Они стояли вокруг нее, солнце припекало их спины. Джош начал было закрывать глаза Сестры, но не закрыл, потому что знал, как она любила свет.

Свон поднялась, отошла от них, сунув руку в карман. Она вынула серебряный ключик, взобралась на камни и подошла к краю горы. Она стояла с высоко поднятой головой, уставившись вдаль, но видела больше: сражающиеся армии испуганных людей, оружие, смерть, унижение, которое все еще будет присутствовать в сознании людей, как раковая опухоль. Она забросила ключ как можно дальше, луч солнца осветил его, когда он был в воздухе. Он долетел до верхушки дуба, ударился о камень, пролетел пять–десять футов и упал в маленький зеленый пруд, наполовину спрятанный в подлеске. Когда он упал в воду, со дна пруда поднялись несколько крошечных яиц, которые пролежали там много–много времени.

Лучи солнца ласкали пруд и грели яйца, сердца головастиков начали биться.

Джош, Свон, Робин нашли место, куда положить тело Сестры, оно не было укрыто деревьями или спрятано в тени, а находилось там, куда могли доставать лучи солнца. Когда могила была вырыта, каждый из них сказал, что она все время будет в их мыслях и закончили словом “АМИНЬ”.

Три человека спустились с горы.

Глава 95. Клятва.

Солнечный свет упал на лагерь Армии Совершенных Воинов,

это было так хорошо, что все – и мужчины, и женщины, и дети,– вышли посмотреть на это.

Лица, спрятанные в сумерках, казались страшными. Свет попал на нелепого демона возле ступенек трейлера штабного пункта, в котором была кучка окровавленной одежды, попал на прицеп, где Роланд Кронингер извлекал из людей правду, и на людей, которые учились жизни на пролитии крови, и пронзительные крики неслись из–под этого света, как будто люди были пришпилены взглядом Господа.

Толпа паниковала. Здесь не было лидеров, были лишь следующие за кем–то; некоторые опустились на колени и молили о прощении, пока другие отползали в привычную темноту за трейлер и скрючивались там со своим оружием.

Три фигуры продвигались через воющую, рыдающую массу людей, многие не могли смотреть на лицо девушки с огненными волосами. Другие звали полковника Маклина и человека по имени Друг, но им не отвечали.

– Стоять!

Молодой солдат с грубыми чертами лица поднял винтовку. Два других человека стояли позади него, а четвертый вышел из–за спины и наставил пистолет на Джоша.

Свон осмотрела каждого из них и взяла себя в руки, и когда она сделала шаг вперед, все солдаты шагнули назад, включая говорившего.

– Прочь с дороги,– сказала Свон, как можно спокойнее.

Но она знала, что человек этот не в порядке и готов убить каждого.

– Мать твою,– выругался молодой солдат. – Я сверну твою башку.

Она швырнула что–то к его ногам в грязь. Он посмотрел вниз.

Это была рука полковника Маклина в черной перчатке с запекшейся кровью на ногтях. Он поднял ее и закричал безумно.

– Это мое,– прошептал он. – Это мое!

Он закричал еще громче и еще безумнее.

– Маклин умер!

Он поднял руку полковника.

– Теперь она моя! Я получил вла…

Ему выстрелил в лоб солдат с пистолетом, рука снова упала в грязь, другие люди бросились за ней, дерясь, как звери за знак власти.

Другой человек прыгнул между ними, отшвырнув первого мужчину, а затем и всех остальных, и схватил руку в перчатке мертвой хваткой. Он встал и когда его уродливое лицо повернулось к Свон, она увидела ненависть в его глазах. Это был

темноволосый мужчина с грубыми чертами лица, одетый в форму Армии Совершенных Воинов, на его рубашке была дыра от пули и пятно крови на сердце. Казалось, что лицо покрылось на мгновение рябью, а потом он поднял одну грязную руку и прикрыл ею себя от солнца и от взгляда Свон.

Может, это был он, подумала она. Может быть, он одел новую кожу, переоделся в одежду армии. Она не могла сказать с уверенностью, но если это был он, она должна ответить на вопрос, который он задал ей на дне шахты.

– Машина остановлена. Ракеты не будут стрелять,– сказала она. – Никогда.

Он издал глубокий, протяжный вздох и отступил, все еще пряча лицо.

– Это еще не все,– сказала Свон. – Да, я простила тебя, потому что если бы не ты, у нас не было бы другого шанса.

– Убейте ее,– кричал темноволосый, но его голос был слабым и тонким. Пристрелите ее!

Джош встал перед Свон, чтобы защитить ее. Солдаты колебались.

– Я сказал: убейте ее!

Он поднял руку Маклина, его лицо отвернулось от лица Свон.

– Я ваш повелитель! Не дайте ей уйти отсюда…

Один из солдат выстрелил, прицелившись.

Пуля попала в грудь темноволосого мужчины, удар качнул его. Другая пуля докончила его. Он упал в грязь, и другие солдаты прыгнули туда, снова дерясь за руку с пронзающими ногтями. Туда подошли другие солдаты, привлеченные выстрелами, они увидели руку без тела и бросились в борьбу.

– Убейте ее! – потребовал темноволосый.

Но он был вжат в грязь борющимися телами, и его голос был писком.

– Убейте маленькую суку.

Кто–то взял топор и стал орудовать им. Темноволосый был на дне кучи и проклинал дерущихся. Свон слышала его ругательства.

– Это мое! Это мое!

Она видела его жуткое лицо в грязи.

Потом солдаты закрыли его, она больше не видела его.

Свон пошла. Джош пошел за ней, но Робин медлил. На земле лежал еще один пистолет. Он начал опускаться, чтобы взять его, но остановился и не дотронулся до оружия. Вместо этого он втоптал его в грязь, уходя прочь.

Они прошли через лагерь, где солдаты сдирали с себя отвратительную окровавленную форму и кидали ее в огромный

костер. Грузовики и бронированные машины ревели, проезжая мимо бегущих в никуда мужчин и женщин. Крик “Полковник мертв. Полковник Маклин мертв” несся над лагерем, раздавались выстрелы, как будто разрешались последние споры. И, наконец, они вышли к трейлеру Шейлы Фонтаны. Охрана уже ушла, дверь была не заперта. Свон открыла ее и нашла Шейлу внутри, сидящую на стульчике перед зеркалом, она смотрела на себя и держала кусочек стекла.

– Все,– сказала Свон.

Шейла встала, кусочек стекла переливался на свету.

– Я… я ждала вас,– сказала ей Шейла. – Я знала, что вы вернетесь. Я молилась за вас.

Свон пошла ей навстречу. Она обняла женщину, и Шейла прошептала.

– Пожалуйста… разрешите мне пойти с вами. Хорошо?

– Да,– ответила Свон.

Шейла сжала ее руку и поцеловала.

Свон подошла к матрацу и достала из–под него кожаный футляр. Она чувствовала очертания короны и прижала ее к своей груди. Она должна была защитить ее и носить с собой всю оставшуюся жизнь, потому что знала, что человек с алым глазом мог вернуться. Может, не сегодня и не завтра, и даже не в следующем году и не через год, но когда–нибудь, где–нибудь, он выйдет из тени, нося новое лицо и имя, и в тот день она должна быть уверенной и очень сильной. Она не знала, какие еще возможности были у этой короны, не знала куда поведет ее фантазия, но она была готова к первому шагу. И этот шаг, она знала, поведет ее по дороге. Она никогда не представляла, когда была ребенком, выращивала цветы и насаждения на автостоянке в штате Канзас, этот мир, но то время ушло. Но она больше не была ребенком, а пустыня ждала целительного прикосновения.

Она кивнула Шейле Фонтане и повернулась к Джошу и Робину. Сестра была права: найти того, кого ты любишь, и того, кто любит тебя – это еще половина дела. Теперь она знала, что должна делать, чтобы свершилось то, что она видела в зеркале короны.

– Я думаю… есть и другие, кто захочет пойти с вами,– сказала Шейла. – Женщины, как и я, мужчины, конечно, тоже. Они не все плохие… они только боятся, они не знают, что делать и куда идти.

– Хорошо,– согласилась Свон. – Если они сложат оружие, мы примем их.

Шейла ушла, чтобы собрать остальных, и вернулась с двумя оборванными ДР, одна – крашенный подросток, а другая – черная

рыжеволосая женщина, и тремя нервничающими мужчинами, на одном из которых была форма сержанта. Проявляя доброе отношение, экс–солдаты принесли рюкзаки, полные консервов говядины и супа, и сосуды с водой из родника в Мериз Рест. Черную проститутку, обвешанную яркими украшениями, цепочками и другими предметами, о назначении которых Свон не догадывалась, звали Клео, “от Клеопатры”, как объяснила она драматично.

Девушка–подросток представилась, что ее зовут просто Радость. Темные волосы почти скрывали ее лицо. Она предложила Свон свое богатство: желтый цветок в горшке из красной глины, который ей как–то удалось сохранить.

Когда свет нового дня погас, грузовик с Джошем за рулем и Робином, Свон, Шейлой, двумя ДР и тремя мужчинами выехал из лагеря Армии Совершенных Воинов, где группы сумасшедших устроили пожарище из трейлера полковника Маклина и тратили последние боезапасы.

После того, как Джош выехал из лагеря, с гор спустились волки, которые тихо кружили вокруг остатков лагеря.

Ночь пришла, на небе появились звезды. С одной фарой и почти без бензина, грузовик повернул на запад.

В темноте Свон заплакала, вспомнив Сестру, но Робин обнял ее, она положила голову ему на плечо и успокоилась.

Джош думал о Мериз Рест и о женщине с ребенком, которая его ждет.

Шейла Фонтана спала сном невинного младенца и ей снилось красивое лицо, смотревшее из зеркала.

Среди ночи Клео и один из мужчин покинули грузовика с рюкзаками, полными еды и питья. Джош отпустил их и пожелал им удачи.

Звезды гасли. Красная полоска появилась на горизонте. Джош чуть ли не закричал, когда над облаками взошло солнце.

Грузовик остановился через два часа после восхода солнца, так как закончился бензин. И они пошли пешком по дороге, ведущей на запад.

Днем того же дня, когда свет проникал через деревья, а по голубому небу плыли белые облака, они остановились, чтобы ноги могли отдохнуть. Но Свон осталась у дороги, глядя на долину, где стояли три маленькие лачуги, теснившиеся у коричневых выкосов поля. Мужчина в соломенной шляпе и женщина в комбинезоне работали на том поле лопатой и мотыгой и двое маленьких детей на коленях осторожно высаживали семена и зерна из джутовых мешочков.

Это поле было небольшим. Оно было окружено деревьями –

пеканами или грецким орехом, подумала Свон. Вода протекала по долине. Свон пришло на ум, что возможно это та самая подземная речка, которая дает энергию машинам в горе Ворвик.

Теперь, думала она, та же самая вода будет использована для жизни вместо смерти.

– Думаю, что они сажают бобы,– сказал Джош, становясь позади нее. – Может быть, еще и тыкву или окру. Как ты думаешь?

– Я не знаю.

Он засмеялся.

– Нет, ты знаешь.

Она взглянула на него.

– Что?

– Ты должна знать,– ответил он. – Ты знаешь, что тебе надо где–то начать. Даже на этом маленьком поле, как это.

– Я возвращаюсь назад в Мериз Рест с вами! Там я…

– Нет,– сказал Джош, его глаза были полны нежности и боли. Лоб рассекли три рубца, которые всегда будут напоминать ему о старом борцовском трюке. – У нас больше нет еды и питья, чтобы вернуться назад в Мериз Рест. Это далеко отсюда.

– Не слишком.

– Достаточно далеко,– сказал он идя по долине. – Ты видишь, здесь есть много места для зерна, в этих долинах. И я думаю, на этих горах есть много хижин. Много людей, не имевших свежей окры, бобов или каши в течение долгого времени.

Его рот наполнился слюной при мысли об этом.

– Самой обычной человеческая еды,– сказал он и засмеялся.

Она наблюдала за ним, за женщиной и детьми, которые работали.

– А как же люди из Мериз Рест? Как же мои друзья?

– Они смогли выжить до того, как ты попала туда. И они смогут выжить до тех пор, пока ты не вернешься. Сестра была права. Тебе надо работать, пока идет лето, ибо кто знает, как долго оно продлится? Может быть месяц, а может быть полгода. Но холод вернется. Я лишь молю Бога, чтобы следующая зима не длилась так долго.

– Эй, эй там.

Фермер увидел их, поднял руку и помахал. Женщина и дети остановили работу и смотрели на дорогу.

– Пора заводить новых друзей,– сказал Джош мягко.

Свон не ответила. Она наблюдала за машущим рукой мужчиной и вдруг подняла свою руку и замахала ему в ответ. Фермер сказал что–то женщине и пошел по извилистой тропинке, связывающей его землю с дорогой.

– Начинай здесь,– сказал ей Джош. – Прямо сейчас. Я думаю, что эта девушка – Радость – могла бы даже тебе помочь. Иначе как бы она смогла сохранить тот цветок живым столько времени?

Его сердце стучало, но он должен был сказать.

– Теперь я тебе более не нужен, Свон.

– Но я нуждаюсь в тебе,– ее губы задрожали. – Джош, ты мне всегда будешь нужен.

– Птицы должны летать,– сказал он. – И даже лебедь должен иногда расправлять крылья. Ты знаешь, где я буду и ты знаешь как туда добраться.

Она покачала головой.

– Добраться *как*? – спросила она.

– Поле за полем,– ответил он.

Она подошла к нему, он обнял ее и крепко прижал.

– Я так тебя люблю… – прошептала Свон. – Пожалуйста, не уходи еще. Останься еще на день.

– Мне бы хотелось. Но если я сейчас останусь, то я не смогу уйти. Я должен идти пока все еще знаю, что хочу уйти.

– Но… – сказала она хрипло. – Кто будет тебя защищать?

Он засмеялся, но его смех был смешан со слезами. Он увидел фермера, приближающегося по тропинке, и Робин шел, чтобы встретить его. Другие тоже поднялись.

– Ни один человек никогда не мог быть горд своей дочерью так, как я горжусь тобой,– прошептал ей на ухо Джош. – Ты совершишь прекрасные вещи, Свон. Ты все вернешь на свои места и задолго до того как ты вернешься в Мериз Рест… я услышу твое имя от путешественников, и они скажут что они знают девушку по имени Свон, которая превратилась в красивую женщину. Они скажут, что ее волосы как пламя, и что она имеет внутреннюю жизненную силу. И ты должна вернуть эту силу земле, Свон. Вот что ты должна возвращать земле.

Она посмотрела на черного гиганта, и ее глаза засветились.

– Здравствуйте! – сказал фермер в соломенной шляпе.

Он уже слегка загорел на солнце. Грязь прилипла к его рукам.

– Люди, вы откуда?

С конца света,– ответил Джош.

– Эх. Ну… совсем не похоже, что свет сегодня кончается, правда? Нет, может быть завтра, но точно что не сегодня.

Он снял шляпу, промокнул лоб рукавом и уставился на солнце. – О, Боже. Как замечательно. Думаю, что я никогда не видел ничего прекраснее, кроме быть может, моей жены и детей.

Он протянул руку к Робину.

– Меня зовут Мэт Тейлор.

– Робин Оукс.

Он пожал руку фермеру.

– Вы, люди, выглядите так, как если бы вам надо было выпить глоток воды и немного отдохнуть. Если вы не против, я приглашаю вас вниз, к себе. У нас не много, но мы как раз работаем, как раз стараемся вырастить бобы и окру, пока светит солнце.

Свон посмотрела вдаль.

– Что это там за деревья?

– Что? Те мертвые? Ну, грустно говорить, это были ореховые деревья. Обычно ветви ломались от тяжести к октябрю. А там,– он показал рукой на рощицу,– мы обычно собирали персики весной и летом. Конечно, это было до того, как все случилось.

– О,– сказала Свон.

– Мистер Тейлор, а где ближайший город? – спросил Джош.

– Ну, Амбервиль как раз за холмом, в трех–четырех милях. Небольшой, около пятидесяти–шестидесяти человек и несколько лачуг. Хотя есть и церковь. Уж мне–то это хорошо известно. Я – *его преподобие* Тейлор.

– Понимаю.

Джош всматривался в долину, на фигурки людей на поле, на рощи, которые, он знал, не были мертвы, они лишь ждали оживляющей работы.

– Что в сумке?

Священник кивнул на мешок, который Свон поставила у ног.

– Нечто прекрасное,– ответил Джош. – Ваше преподобие, я хочу попросить вас сделать кое–что для меня. Мне бы хотелось, чтобы вы забрали этих людей к себе, а сами бы сели на стул и послушали, что моя дочь должна вам сказать. Сделаете это?

– Ваша дочь?

Он застыл, удивленно посмотрел на Свон. Затем засмеялся и пожал плечами.

– Ну, этот мир действительно стал безумным. Точно,– сказал он Джошу. – Все приглашаются посидеть и поговорить.

– Это будет короткая беседа, не беспокойтесь,– ответил Джош.

Он пошел через дорогу и подобрал один из мешков с продуктами и сосуд с водой.

– Эй,– крикнул Робин. – Куда вы собираетесь?

Джош подошел к Робину, засмеялся и похлопал молодого человека по плечу.

– Домой,– сказал он и лицо его стало жестче. – Веди себя как следует и позаботься о Свон. Она мне очень дорога. Понял?

– Да, сэр.

– Надеюсь. Не хочу возвращаться, чтобы расправиться с

тобой.

Но он уже видел, как Робин и Свон смотрели друг на друга, как они шли близко друг к другу и тихо беседовали, словно бы делились секретами, и он знал, что ему не придется беспокоиться.

Он положил руку на плечо Робина.

– Все в порядке, мой друг.

И вдруг Робин обхватил Джоша и они обнялись.

– Будь осторожен, Джош,– сказал Робин. – И не беспокойся о Свон. Мне она дорога тоже.

– Мистер,– позвал священник Тейлор. – А вы не хотите остаться с нами?

– Мне надо идти. До темноты мне надо пройти пару миль.

Его преподобие медлил, очевидно, не понимая, но он видел, что черный гигант действительно собирается продолжать свой путь.

– Подождите!

Он полез в карман рясы и вынул оттуда что–то.

– Вот,– сказал он. – Возьмите это с собой в дорогу.

Джош посмотрел на маленькое серебряное распятие на цепочке, которое вручил ему его преподобие Тейлор.

– Возьмите это, странникам нужны друзья.

– Спасибо.

Он одел цепочку.

– Большое спасибо.

– Счастливого пути. Надеюсь, вы найдете то, что ищете.

– Я тоже надеюсь.

Джош начал путь на запад по горной дороге. Он прошел около десяти ярдов, когда обернулся и увидел Робина и Свон, стоящих вместе и смотрящих на него. Робин обнял ее, а она положила голову ему на плечо.

– Поле за полем,– прокричал он.

Он заплакал и пошел с чудным образом Свон, навсегда оставшимся в его сознании.

Она смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду. За исключением Робина, все уже ушли вслед за его преподобием Тейлором к нему домой. Она сжала руку Робина и обернулась посмотреть на пейзаж гор и пустошей, где мертвые деревья ждали, что их разбудят, как беспокойно спящих. Где–то далеко ей послышалась веселое птичье пение – возможно, птичка только что раскрыла свои крылья.

– Поле за полем,– поклялась Свон.

Шли дни.

Высоко наверху, там, где вершина горы Ворвик почти касалась голубого неба, крошечные семена, рассеянные ветром, посеянные девушкой с огненными волосами, начали тянуться к свету и выросли в хрупкие зеленые ростки.

Ростки проложили себе дорогу через грязь к теплу и там превратились в цветы – красные и бледно–лиловые. Они переливались, как драгоценные камни на солнце и окружали то место, где спала Сестра.

Шли недели.

Дорога утомила его. Лицо посерело от пыли, а рюкзак выцвел на согнутой спине. Он продолжал идти, шаг за шагом, по дороге, ведущей на запад.

Иногда солнце светило в полную силу. Иногда снова набегали тучи и лил дождь. Но вода теперь была сладка на вкус, и дождь никогда не затягивался надолго. Потом тучи снова расходились, снова светило солнце. В полдень температура была как летом, поэтому он понял – это должно стать началом календаря нового мира, но ночи были морозными, и ему приходилось греться в придорожных амбарах или домах, если ему удавалось найти такое пристанище. Но он продолжал идти и надеяться. Он мог готовить еду на костре, и когда ночью он оказывался не в укрытии, он разводил костер и бдел всю ночь.

Однажды ночью на западе штата Кентукки он заснул под открытом небом. Сначала он не понял, что разбудило его – но потом прислушался и услышал. Шепот, все время затихающий, как если бы доносящийся с большого расстояния.

Он подумал, что потерял рассудок или лежит в горячке, но услышал снова.

Мы пляшем перед кактусом, кактусом, кактусом, мы пляшем перед кактусом в пять часов утра.

С тех пор он всегда высматривал дом или амбар, чтобы проводить ночи в укрытии.

По дороге он видел признаки пробуждения. Маленькую зеленую птичку на дереве, стаю птиц, участок изумрудной зеленой травы, фиалку рядом с кучей золы.

Все возвращалось на свои места. Очень медленно, но возвращалось.

Не проходило и дня, и нескольких часов, чтобы Джош не думал о Свон. Думал о ее руках, работающих в земле, выращивающих семена и зерна, пальцы, скользящие по неровной шероховатой коре орешника, возвращающие все к жизни.

Он перебрался через Миссисипи на пароме, капитаном на котором был старик с седой бородой и кожей цвета грязной реки, его пожилая жена управляла паромом всю дорогу и смеялась над

изношенными ботинками Джоша. Он провел с ними ночь, хорошо пообедал бобами и соленой кашей, поднявшись утром, он обнаружил свой рюкзак с одной парой мягких тапочек, которые были немного малы ему, но потом он проделал в них дырку для пальцев.

Дойдя до штата Миссури, он ускорил шаг. Через два дня его остановил сильный шторм, он нашел укрытие от потопа в бухте, которая лаконично называлась “Источник всего”, так как здесь был колодец в центре города. В здании школы он играл в покер против двух подростков и престарелого бывшего библиотекаря, и проиграл, потеряв 529000 долларов игрушечных денег.

Солнце вновь вышло, Джош пошел дальше, благодарный за то, что карточные шулеры не сняли с его ног тапочки.

Он увидел горохоуборочные машины, идущие через лесок по обеим сторонам дороги, а затем обнаружил высохшее поле, и вдруг остановился.

Что–то сверкало далеко впереди. Что–то ловило свет и светило. Это выглядело как какой–то сигнал.

Он продолжал путь, стараясь вычислить, что было источником света. Но это было далеко впереди и он не мог сказать. Дорога бежала под его ногами, он уже не обращал внимание на мозоли.

А что–то сверкало… сверкало… сверкало…

Он снова остановился и вздохнул. Вдалеке на дороге он увидел чью–то фигуру. Две фигуры. Высокую и маленькую. Они ждали. На высокой было длинное черное платье с блесками, которые сверкали на солнце.

– Глория,– закричал он.

Потом он услышал, как она кричит его имя, и увидел, как она бежит навстречу ему в платье, которое она носила каждый день в надежде, что настанет тот час, когда он вернется домой.

И он настал.

Он тоже побежал навстречу ей. Пыль покрывала его одежду. Он поднял ее и прижал к себе. Аарон кричал и прыгал рядом с ними, дергая черного гиганта за рукав. Джош подбросил Аарона вверх, обнял их обоих, и все они заплакали. Они пошли домой, и прошли мимо поля возле Мериз Рест, где росли согнувшиеся от плодов яблони, от уничтожения которых Армия Совершенных Воинов воздержалась.

Жители Мериз Рест выходили из своих домов и собирались вокруг Джоша Хатчинса и в церкви, чтобы послушать его. Он рассказал им все, что случилось, и когда кто–то спросил вернется ли когда–нибудь Свон, Джош ответил с уверенностью:

– Да, через какое–то время.

Он прижал к себе Глорию.

– Когда–нибудь.

Шло время.

Селения вырастали из грязи, строились залы для собраний, школы, церкви, хижины, строились сначала из досок, потом из кирпича. Остатки армий натыкались на людей, готовых сражаться за свои дома до последнего, и армии исчезли как снег под весенним солнцем.

Процветали ремесла, и селения стали торговать друг с другом, с радостью принимая путешественников, так как те приносили новости отовсюду. Большинство городов выбрали мэров, шерифов или управляющие Советы, и закон силы оружия стал уступать место суду.

Стали распространяться сказки.

Никто не знал, как и откуда. Но ее имя переносилось по пробуждающейся земле, и оно имело силу, которая заставляла людей сидеть и слушать, и спрашивать путешественников, что они о ней слышали, и правда ли все это. Потому что они очень хотели верить в это.

Они говорили о ней дома и в школах, в городских ратушах и в магазинах. Она несет в себе силу жизни,– говорили они.

В Джорджии она возвратила к жизни персиковые и яблоневые сады. В Айове она возродила многие мили кукурузы и пшеницы. В Северной Каролине она дотронулась до поля, и из грязи появились цветы, а сейчас она направляется в Кентукки. Или в Канзас. Или в Алабаму. Или в Миссури.

Следите за ней! Следуйте за ней, если хотите, как делают сотни других, потому что женщина по имени Свон имеет жизненную силу, и она пробуждает землю!

И в последующие годы они будут говорить о цветущих пустынях, проектах по культивации и о работе, которую надо провести по прокладке каналов для барж. Они будут вспоминать о том дне, когда Свон встретила перегруженные лодки со спасшимися людьми из опустошенных земель, которые назывались Россия, и никто не мог понять их язык, но она разговаривала с ними и слушала их через удивительное драгоценное кольцо, сделанное из стекла, которое она всегда носила в руках. Они будут говорить о заново отстроенных библиотеках, больших музеях и школах, первый и самый главный урок в которых посвящался тому ужасному разрушению, которое произошло 17 июля: Никогда снова.

Они будут говорить о двух детях Свон и Робина – близнецах, мальчике и девочке,– и о праздновании, когда тысячи людей приехали в город Мериз Рест, чтобы посмотреть на этих

малышей, которых назвали Джошуа и Сестра.

И когда–нибудь они будут рассказывать своим детям сказку при свете свечи в тепле своих домов, на улицах, где под звездами зажигаются фонари, под которыми хорошо мечтать, и они всегда будут начинать сказку теми же самыми волшебными словами:

“Когда–то давным–давно…”